

COLLOQUIA RUSSICA

Series I, vol. 5

Rus' and Central Europe from the 11th to the 14th Century

Publication after the 5th
International Conference,
Spišská kapitula,
16th–18th October, 2014

Eds.:
Vitaliy Nagirnyy
and Adam Mesiarkin

Krakow – Bratislava 2015

Editorial board

Viktor Adamovič (Bratislava), Dariusz Dąbrowski (Bydgoszcz),
Vytas Jankauskas (Kaunas), Justyna Gałuszka (Krakow),
Aleksey Martyniuk (Minsk), Adam Mesiarkin (Bratislava) – editor,
Vitaliy Nagirnyy (Krakow) – editor, Myroslav Voloshchuk (Ivano-Frankivsk),
Artur Wójcik (Krakow) – editorial assistant

Advisers

Prof. Ján Lukačka (Bratislava), PhD Norbet Mika (Racibórz)

Revision, translation and stenographic recording

Viktor Adamovič, Anna Madej-Wójcik, Zuzana Orságová,
Halina Poslavska, Andriy Stasiuk, Iryna Tymar

Desktop publishing

Artur Wójcik

Cover design

Artur Wójcik

On cover:

front page:

The sigil of Wettins of Spis from the 13th century
(the archive of the city of Levoca); Spiš Castle

last page:

Rus and Central Europe during Spis Treaty (1214), by Stsiapan Tsemuschau.

Editorial board might not share contributors views and their opinions
are not to be identified with Editorial board's outlook.

Copying and reprinting without written permission
from the Editorial board is forbidden

© Copyright by the Jagiellonian University

Krakow–Bratislava 2015

ISSN 2353–219X

Editorial board

Zakład Historii Europy Wschodniej
Instytut Historii Uniwersytet Jagielloński
ul. Gołębia 13, p. 303, 31–007 Kraków

COLLOQUIA RUSSICA

Seria I, vol. 5

Rus a stredná Európa v 11. až 14. storočí

Publikácia z piatej
medzinárodnej konferencie,
Spišská kapitula, Slovensko
16.–18. Október, 2014

Eds.:
Vitaliy Nagirnyy
a Adam Mesiarkin

Krakov – Bratislava 2015

COLLOQUIA RUSSICA

Серия I, том 5

Русь и Центральная Европа в XI–XIV веках

Материалы V Международной
научной конференции,
Спишская капитула,
16–18 октября 2014 г.

**Ред.
Виталий Нагирный
и Адам Мэсяркин**

Краков – Братислава 2015

ontents

Foreword	13
Predhovor	17
Предисловие	21
 The list of the participants of the conference	 25
 <i>The welcoming speech of the Rector of the Comenius University in Bratislava prof. RNDr. Karol Mičieta, PhD. and the Dean of the Faculty of Philosophy of the Comenius University in Bratislava, prof. PhDr. Jaroslav Šušol, PhD. ....</i>	 29
 <i>The welcoming speech of the vice-Dean of the Faculty of History of the Jagiellonian University in Krakow, prof., dr hab. Stanisław A. Sroka .....</i>	 31
 <i>The welcoming speech of the General Director of the International Visegrad Fund, Karla Wusterová .....</i>	 33

CHAPTER I: STUDIES

 Aneta Gołębiowska-Tobiasz, <i>The Hungarians in the era of formation of south – western borders of the Rurik state. Notes on ethnogenesis of old Hun- garians</i>	 37
 Александр Филипчук, <i>Русь и Византия в последние годы правления Василия II: Хризохир и его войны</i>	 55
 Назарий Христан, <i>Был ли Владимирко Володаревич „вассалом” византийского императора?</i>	 71

Дарья Глебова, „Церковь ледяна, а алтарь огнен”: к вопросу об источниках Сказания Анфилога царя о святой литургии	79
Nebojša Kartalija, <i>Serbian Grand Prince Beloš as a Participant in the Hungarian-Rus' relations in the Mid-12th Century</i>	89
Ирина Тымар, <i>Образ половцев в Ипатьевском летописном своде и польских средневековых хрониках</i>	103
Витас Янкаускас, <i>Русско-литовский договор 1219 года и внутриполитические отношения в Литве в первой четверти XIII века</i>	115
Angelika Herucová, <i>Palatine Then Antichrist. Benedict in the Chronicle of Galicia-Volhynia</i>	123
Михал Михальский, <i>Походы Мстислава Мстиславовича против венгров и поляков: использование помощи половецких войск в вооруженных конфликтах</i>	135
Алексей Мартынюк, „Немци же дивящиеся оружию татарскому”: с кем и когда встречался Даниил Романович в Пожони?	149
Андрей Носенко, <i>Константин „Рязанский” и Евстафий Константинович: к вопросу о княжеском происхождении и родственных связях</i>	161
Павел Сморж, <i>Военные конфликты Ордена меченовцев с русскими войсками в описании Хроники Ливонии Генриха Латвийского</i>	173
Wojciech Sawicki, <i>The Ruthenian Issue in the Context of the Baltic Crusades in Chronicon Livoniae by Hermann von Wartberge and Livländische Reimchronik</i>	183
Владимир Гуцул, <i>Таранный бой в средневековой Руси</i>	199
Tamás Péderi, <i>Western European Influences on Novgorodian Warfare in the 12th–14th Centuries</i>	217
Моника Каминьская, <i>Монголы? Литовцы? Русские? Находки оружия монгольского типа на польских землях и их историко-культурный контекст</i>	225
Антон Ковалев, <i>Первые упоминания о городах Закарпаття в Descriptio Europae Orientalis</i>	249

Андрей Стасюк, <i>Король Юрий Львович и францисканские миссионеры в начале XIV века</i>	257
Dominik Blanár, <i>Uhorsko-poľská intervencia na Rusi proti Tatárom v 1323–1325</i>	265
Viktor Adamovič, <i>Obraz Rusi v ideológii českých kroník v ranoluxemburskom období</i>	283
Марчин Граля, <i>Обстоятельства появления Киприана на Руси и его назначения митрополитом. Постановка проблемы</i>	293
Юрий Афанасенко, <i>Церковно-политические связи русских земель Великого княжества Литовского и Болгарии в конце XIV – начале XV веков</i>	307
Peter Podolan, <i>Východní Slovania v slovenskej historiografii v prvej polovici 19. storočia</i>	319

CHAPTER II: LECTURES

Hieronim Grala (Warsaw), <i>Constantinople and Rhosia Mikra: on Controversial Issues within the Byzantine-Ruthenian Relations in the 13th–14th Century</i>	333
Dana Picková (Prague), <i>Russian Principalities in the Era of the Mongol Expansion and the Papal Curia</i>	349

CHAPTER III: DEBATES

<i>Rutheni in the Kingdom of Hungary and in Southeastern Europe in 11th–14th Century</i>	365
--	-----

CHAPTER IV: LECTURES REVIEW

<i>Czerwień – gród między Wschodem a Zachodem. Katalog wystawy</i> , red. Marcin Wołoszyn, Tomaszów Lubelski–Leipzig–Lublin–Rzeszów: Muzeum Regionalne im. Dr. Janusza Petera, 2012, 448 s. [<i>Czerwień – a Castle Between the East and the West. The Exhibition Catalogue</i> , ed. Marcin Wołoszyn, Tomaszów Lubelski–Leipzig–Lublin–Rzeszów: Muzeum Regionalne im. Dr. Janusza Petera, 2012, 448 p.] – Anna Madej-Wójcik	379
---	-----

Aneta Gołębiowska-Tobiasz, Michał Burzak, *Monumental Polovtsian statues in Eastern Europe – the archaeology, conservation and protection*, London: Versita Ltd., 2014, 195 p., 60 il. [Анета Голембьовска-Тобияш, Михал Бужак, Монументальные половецкие каменные изваяния в Восточной Европе – археология, реставрация и охрана, Лондон: Версита Лтд., 2014, 195 с., 60 ил.] – *Igorь Kyzlasov* 380

Márta Font, *Völker – Kultur – Beziehungen. Zur Entstehung der Regionen in der Mitte des mittelalterlichen Europa*, Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2013, 370 s. (Seria: *Studien zur Geschichtsforschung des Mittelalters*, Band 29) [Марта Фонт, *Народы – культуры – взаимоотношения. К возникновению регионов в центре средневековой Европы*, Гамбург: Издательство Др. Ковач, 2013, 370 с. (Серия: *Исследования по истории Средневековья*, т. 29)]. – *Алексей Мартынюк* 383

Dominik Chudzik, *Chrześcijańska architektura sakralna Rusi halickiej i wołyńskiej (do końca panowania Daniela Romanowicza)*, Rzeszów: MITEL, 2014, 283 s. [Dominik Chudzik, *Christian Sacral Architecture of Galicia-Volhynia (Until the End of Daniel Romanovych's Reign)*, Rzeszów: MITEL 2014, 283 p.] – *Anna Madej-Wójcik* 385

Мирослав Волощук, „Русь” в Угорському королівстві (XI – друга половина XIV ст.): суспільно-політична роль, майнові стосунки, міграції, відп. ред. Л. В. Войтович, Івано-Франківск: Лілея-НВ, 2014, 496 с. [Miroslav Vološćuk, „Rusi” v Uhorskom kráľovstve (XI – druhá polovica XIV stor.): sociálna a politická úloha, majetkové pomery, migrácia, red. L. V. Voytovyč, Ivano-Frankivsk: Lileja-NB, 2014, 496 s.] – *Vitaliy Nagirnyy* 387

Леонтій Войтович, *Лев Данилович, князь галицько-волинський (бл. 1225 – бл. 1301)*, Львів: Національна академія наук України, Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича, 2014, 314 с. [Leontij Vojtovyč, *Lev Danielovič, knieža haličsko-volynské (okolo 1225 – okolo 1301)*, Lvov: Národná akadémia vied Ukrajiny, Inštitút ukrajiništiny I. Kripjakeviča, 2014, 314 s.] – *Viktor Adamovič* 388

Przemysł i ziemia przemyska w strefie wpływów ruskich (X – połowa XIV w.), pod red. Vitalja Nagirnego i Tomasza Pudłockiego, Kraków 2013, 218 s. [Seria: *Colloquia Russica. Series II*, vol. 1] – *Jitka Komendová* 389

Vidurio Rytų Europa mūsų prie Mėlynių Vandenių metu, mokslinė redakcija Vytas Jankauskas ir Vitaliy Nagirnyy, Kaunas–Kraków 2013, 240 p. (*Colloquia Russica. Series II*, vol. 2) [Центрально-Восточная Европа во времена Синеводской битвы, под ред. Витаса Янкаускаса и Виталия

Нагирного, Каунас–Краков 2013, 240 с. (*Colloquia Russica. Series II, vol. 2*)
– Алексей Мартынюк 390

Andrzej Gil, Ihor Skoczylas, *Przed wielkim podziałem: prawosławna metropolia kijowska do 1458 roku*, Lublin–Lwów: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej – Ukraiński Uniwersytet Katolicki, 2013, 59 s., illust. [Андрей Гиль, Игорь Скочиляс, *Перед большим разделом: православная Киевская митрополия до 1458 года*, Люблин–Львов: Институт Центрально-Восточной Европы – Украинский Католический университет, 2013, 59 с., илюст.] – Anna Madej-Wójcik 393

Studia Historica Europae Orientalis: Исследования по истории Восточной Европы. Научный сборник, Вып. 1–6, Минск 2008–2013. – Виталий Нагирный 394

Symboly a mýty národov v stredoveku a včasnom novoveku, zostavili Martin Homza a Adam Mesiarkin, Bratislava 2014, 189 s. [Символы и мифы народов Средневековья и раннего Нового времени, ред. Мартин Гомза, Адам Месиаркин, Братислава 2014, 189 с.] – Мирослав Волощук 395

Княжа доба: історія і культура, [відп. ред. Володимир Александрович]; Національна академія наук України, Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича, Львів 2014, вип. 8, 420 с. [*The Princely Epoch: History and Culture*, [ed. Volodymyr Aleksandrovych]; National Academy of Sciences of Ukraine, Ivan Kryp'iakevych Institute of Ukrainian Studies, Lviv, 2014, vol. 8, 420 p.] – Adam Mesiarkin 397

Medea. Studia mediaevalia et antiqua, t. 14–15 (2010/2011), Bratysława 2012, 158 s. [*Medea. Исследования средневековья и античности*, т. 14–15 (2010/2011), Братислава 2012, 158 с.] – Магдалена Фрончэк 398

Medea. Studia mediaevalia et antiqua, t. 16 (2012), Bratysława 2013, 122 s. [*Medea. Исследования средневековья и античности*, т. 16 (2012), Братислава 2013, 122 с.] – Магдалена Фрончэк 399

Information about authors 401

Foreword

Dear Readers, the publication in Your hands is the fifth volume of *Colloquia Russica Series I*, which includes proceedings of an international academic conference *Rus' and Central Europe in the 11th–14th Century* which took place in Spišská Kapitula, Slovakia on October 16th–18th 2014. The venue's choice was of no coincidence as it had been the very castle of Spiš where Hungarian King Andrew II and Cracowian Duke Leszek the White met 800 years ago to decide the fate of the Galician-Volhynian Rus'. Main organisers of this conference were the International Visegrad Fund, the Slovak History Department of the Comenius University, Bratislava; the Institute of History and the Club of the Students of History of the Jagellonian University, Krakow in cooperation with the Vasyl Stefanyk Precarpathian National University in Ivano-Frankivsk and the Operae liberales organisation.

This year conference's programme included discussion panels, so-called open lectures of Slovak, Czech and Polish professors as well as round table discussions attended by renowned scholars and presentations of the most current academic publications. The conference languages were Slovak, English and Russian. The programme was divided into eight panels, where papers of participants from Slovakia (Bratislava), Poland (Cracow, Warsaw, Bydgoszcz), the Czech Republic (Prague, Brno, Olomouc, Jičín), Ukraine (Ivano-Frankivsk, Chernivtsi, Uzhhorod), Lithuania (Kaunas), Hungary (Pécs), Serbia (Novi Sad), Belarus (Minsk) and Russia (Moscow) were presented¹. Both participants and conference guests had a possibility to hear

---

¹ Abstracts of papers presented by students and PhD students had been published before the

lectures of Professor Martin Homza (Bratislava), Associate Professor Dana Picková (Prague) and Hieronim Grala, PhD (Warsaw) as well as participate in interesting discussions of Professor Márta Font (Pécs) with Associate Professor Đura Hardi (Novi Sad) and Myroslav Voloshchuk, PhD (Ivano-Frankivsk). The conference was symbolically concluded with a presentation of results of the most recent research concerning the medieval Rus' history and And with the sightseeing of the Chapter of Spiš and Spiš castle².

*

The volume consists of following parts: organisers' foreword, selected papers in a form of shorter academic articles, lectures' summaries, transcripts of debates that followed the lectures, academic discussions' transcripts and academic chronicle containing information on new works related to medieval Rus'. The last part introduces individual authors.

*

At last, we would like to express our gratitude to all those who have contributed in the conference organisation as well as in this volume's creation process.

First of all, we would like to thank the main organiser, the International Visegrad Fund, represented in person by General Director Karla Wursterová as well as the Slovak History Department, represented by Professor Martin Homza and Adam Mesiarkin, M.A. and the Institute of History of the Jagellonian University, represented by Vitaliy Nagirnyy, PhD. Our gratitude also goes to Justyna Gałuszka, the chairwoman of the Club of the Students of History at the Jagellonian University and Myroslav Voloshchuk of the Vasyl Stefanyk Precarpathian National University in Ivano-Frankivsk. We would also like to thank our hosts, especially

---

conference in all three conference languages in a periodical „Студентські Історичні Зошити”, 5, 2014, с. 6–63. Translations of abstracts of fellow researchers and lectures were made accessible during the conference.

² For more detailed information on the conference see v: М. М. Волошук, *Міжнародний науковий проект „Colloquia Russica” (2010–2014 pp.)*, „Український Історичний Журнал”, 5, 2014, с. 225–231 (especially с. 230–231); V. Adamovič, *Správa o konferencii Colloquia Russica V. „Rus' and Central Europe 11th–14th century” 16.10.–18.10.2014, Spišské Podhradie – Spišská Kapitula, Slovensko*, „Medea”, 17, 2015 (to be published); M. Olokina, *V Międzynarodowa Konferencja Naukowa Colloquia Russica „Ruś a Europa Środkowa w XI–XIV w.”, 16–18 października 2014 r., Spišské Podhradie, Słowacja*, „Societas Historicorum”, 64, 2015, s. 44–46; I. Тимар, *V Міжнародна наукова конференція Colloquia Russica „Русь і Центральна Європа в XI–XIV ст.”*, „Студентські Історичні Зошити”, 6, 2015 (to be published).

His Excellence Bishop Štefan Sečko, mgr. et mgr. Vladimír Olejník and Ing. Arch. Magdaléna Janovská. Our personal acknowledgment goes to colleagues who have actively participated in the conference organization, namely Viktor Adamovič, Magda Arsenicz, Magdalena Frączek, Matej Gogola, Monika Kamińska, Andriy Stasyuk and Wanda Borysko.

Deep gratitude is to be expressed to those who have contributed in putting the fifth *Colloquia Russica* volume together. These are for instance Viktor Admovič (Bratislava), Oksana Cybulko (Doneck), Justyna Gałuszka (Krakow), Magdalena Frączek (Krakow), Jakub Jezierski (Krakow), Anna Madej-Wójcik (Krakow), Mariana Mosorko (Ivano-Frankivsk), Zuzana Orságová (Bratislava), Halina Poslavska (Ivano-Frankivsk), Andriy Stasyuk (Ivano-Frankivsk), Stsiapan Tsemushau (Minsk), Artur Wójcik (Krakow).

This volume has been reviewed by Professor Ján Lukačka (Bratislava) and Norbert Mika, PhD (Racibórz), thus we would like to thank them for their valuable comments and remarks.

Publishing this volume would not be possible if it were not for the financial support of the International Visegrad Fund and the Committee of Academic Societies and Foundation Bratniak and Foundation Jan Kochanowski of the Jagellonian University. Therefore on the behalf of the editorial board, we would like to express our immense gratitude to these institutions as well.

Vitaliy Nagirnyy
Adam Mesiarkin

Predhovor

Vážení Čitatelia, dostáva sa vám do rúk piaty zborník zo *Série I. Colloquia Russica*, ktorý zahŕňa materiály z piateho ročníka medzinárodnej vedeckej konferencie s názvom *Rus a Stredná Európa v 11.–14. storočí*, ktorá sa konala na Spišskej kapitule, na Slovensku 16. až 18. októbra 2014. Miesto výročného stretnutia nebolo zvolené náhodou – práve tu, na Spišskom hrade, pred 800 rokmi uhorský kráľ Ondrej II. a krakovské knieža Lešek Biely rozhodli o osude Haličsko–volynskej Rusi. Hlavnými organizátormi stretnutia boli Medzinárodný vyšehradský fond, Katedra slovenských dejín Univerzity Komenského v Bratislave, Historický inštitút Jagelonskej univerzity v Krakove a Krúžok študentov histórie Jagelonskej univerzity, v spolupráci s Prikarpatskou univerzitou Vasyla Stefanyka v Ivano-Frankivsku a organizáciou *Operae liberales*.

Tohtoročná konferencia v sebe kombinovala okienka referátov, tzv. otvorené prednášky slovenských, českých a poľských profesorov, debaty za okrúhlym stolom s účasťou renomovaných odborníkov a prezentácie najnovších vedeckých publikácií. Pracovnými jazykmi konferencie boli slovenčina, angličtina a ruština. Konferencia obsahla osem okienok referátov, počas ktorých predniesli príspevky účastníci zo Slovenska (Bratislava), Poľska (Krakov, Varšava, Bydgość), Českej republiky (Praha, Brno, Olomouc, Jičín), Ukrajiny (Ivano-Frankivsk, Chernivtsi, Užhorod), Litvy (Kaunas), Maďarska (Pécs), Srbska (Novi Sad), Bieloruska (Minsk) a Ruskej federácie (Moskva)¹. Účastníci a hostia mali možnosť vypočuť si pred-

---

¹ Abstrakty referátov účastníkov konferencie – študentov a doktorandov – boli vy publikované pred konferenciou vo všetkých troch konferenčných jazykoch v časopise „Студентські Історичні

nášky prof. Martina Homzu (Bratislava), doc. Dany Pickovej (Praha) a dr. Hieronyma Gralu (Varšava) a sledovať zaujímavé diskusie v priebehu vedeckej debaty prof. Marty Font (Pécs) s prof. Ďurom Hardim (Novi Sad) a dr. Myroslavom Voloshchukom (Ivano-Frankivsk). Konferencia bola symbolicky uzatvorená prezentáciou výsledkov najnovšieho výskumu o histórii stredovekej Rusi, a prehliadkou Spišskej kapitoly a Spišského hradu².

*

Zborník sa skladá z týchto častí: úvodné slová prednesené na začiatku konferencie zo strany organizátorov; vybrané príspevky vo forme kratších vedeckých článkov; zhrnutia prednášok v jazykoch konferencie; prepisy diskusií po veľkých prednáškach; prepisy vedeckých debát; vedecká kronika, ktorá obsahuje informácie o nových publikáciách v oblasti stredovekej Rusi. Publikáciu zakončuje informácia o autoroch.

*

Na záver by sme chceli vyjadriť svoju vďaku všetkým, ktorí prispeli k organizácii konferencie a vytvoreniu tohto zväzku.

Predovšetkým ďakujeme hlavnému organizátorovi konferencie, Medzinárodnému vyšehradskému fondu, reprezentovanému osobou generálnej riaditeľky Karly Wursterovej. Ďalej Katedre slovenských dejín Univerzity Komenského, v osobe prof. Martina Homzu a mgr. Adam Mesiarkina, a Historickému inštitútu Jagelonskej univerzity v osobe dr. Vitalija Nagirneho. Teplé slová vďaky za pomoc pri organizačných záležitostiach smerujeme k predsedníčke Študentského kola historikov Jagelonskej univerzity, Justyne Galuszke a dr. Myroslavovi Voloshchukovi z Prikarpatskej univerzity v Ivano-Frankivsku. Chceme vyjadriť veľkú vďaku našim hosťom, predovšetkým jeho Excelencii biskupovi Mons. Thdr. Štefanovi Sečkovi, mgr. et mgr. Vladimírovi Olejníkovi a Ing. arch. Magdalene

Зошити”, 5, 2014, s. 6–63. Preklady abstraktov vedeckých pracovníkov a veľkých prednášok boli sprístupnené počas konferencie.

² O konferencii viac v: M. M. Волощук, *Міжнародний науковий проект „Colloquia Russica” (2010–2014 pp.)*, „Український Історичний Журнал”, 5, 2014, s. 225–231 (špeciálne na s. 230–231); V. Adamovič, *Správa o konferencii Colloquia Russica V. „Rus’ and Central Europe 11th–14th century” 16.10.–18.10.2014, Spišské Podhradie – Spišská Kapitula, Slovensko*, „Medea”, 17, 2015 (v tlači); M. Olokina, *V Międzynarodowa Konferencja Naukowa Colloquia Russica „Ruś a Europa Środkowa w XI–XIV w.”, 16–18 października 2014 r., Spišské Podhradie, Słowacja*, „Societas Historicorum”, 64, 2015, s. 44–46; I. Тимар, *V Міжнародна наукова конференція Colloquia Russica „Русь і Центральна Європа в XI–XIV ст.”*, „Студентські Історичні Зошити”, 6, 2015 (v tlači).

Janovskej. Osobné poďakovanie si zaslúžia kolegovia, ktorí sa aktívne zapojili do organizovania konferencie: Viktor Adamovič, Magda Arsenicz, Magdalena Frączek, Matej Gogola, Monika Kamińska, Andriy Stasyuk a Wanda Borysko.

Úprimná vďaka patrí ľuďom, ktorí pracovali na piatej publikácii *Colloquia Russica*. Patrí medzi ne: Viktor Admovič (Bratislava), Oksana Cybulko (Doneck), Justyna Gałuszka (Krakov), Magdalena Frączek (Krakov), Jakub Jezierski (Krakov), Anna Madej-Wójcik (Krakov), Mariana Mosorko (Ivano-Frankivsk), Zuzana Orságová (Bratislava), Halina Poslavska (Ivano-Frankivsk), Andriy Stasyuk (Ivano-Frankivsk), Stsiapan Tsemushau (Minsk), Artur Wójcik (Krakov).

Tento zborník bol recenzovaný prof. Jánom Lukačkom (Bratislava) a dr. Norbertom Mika (Racibórz), a týmto im ďakujeme za cenné pripomienky.

Publikácia piateho zväzku *Colloquia Russica* by nebola možná bez finančnej pomoci Medzinárodného vyšehradského fondu a Rady vedeckých krúžkov, fondu Bratniak a fondu Jana Kochanovského Jagelonskej univerzity, ktorým v mene redakčnej rady vyjadrujeme svoju nesmiernu vďaku.

Vitaliy Nagirnyy
Adam Mesiarkin

Предисловие

Дорогой Читатель, перед Тобой пятый том *Serii I Colloquia Russica*, который включает в себя материалы V Международной научной конференции *Русь и Центральная Европа в XI–XIV веках*, состоявшейся 16–18 октября 2014 г. в Спишской Капитуле в Словакии. Место юбилейной встречи было выбрано не случайно – именно здесь, в Спишском замке, 800 лет назад венгерский король Андрей II и краковский князь Лешко Белый решили судьбу галицко-волинских земель. Главными организаторами встречи выступили Вышеградской фонд, Университет имени Коменского в Братиславе, Институт истории и Научное сообщество студентов-историков Ягеллонского университета в Кракове в сотрудничестве с Прикарпатским университетом имени Василия Стефанька в Ивано-Франковске и организацией *Operae liberales*.

В этом году конференция объединила доклады и открытые лекции словацких, чешских и польских профессоров, научные дискуссии с участием известных специалистов и презентации последних научных публикаций. Рабочими языками конференции были: словацкий, английский и русский. В течение конференции состоялось восемь заседаний, на которых были заслушаны доклады референтов из Словакии (Братислава), Польши (Краков, Варшава, Быдгощ), Чешской Республики (Прага, Брно, Оломоуц, Ичин), Украины (Ивано-Франковск, Черновцы, Ужгород), Литвы (Каунас), Венгрии (Печ), Сербии (Новы Сад), Беларуси (Минск), России (Москва)¹. Участники

---

¹ Тезисы докладов участников конференции - студентов и аспирантов - были напечатаны

и гости конференции получили возможность послушать лекции проф. Мартина Гомзы (Братислава), д.и.н. Даны Пицковой (Прага) и д-р. Гиеронима Грала (Варшава), а также интересную дискуссию с участием проф. Марты Фонт (Печ), проф. Дюры Гарди (Новы Сад) и к.и.н. Мирослава Волощука (Ивано-Франковск). Конференция закончилась презентацией результатов последних исследований по истории средневековой Руси, а также экскурсией по Спишской Капитуле и Спишскому замку².

*

Это издание состоит из следующих частей: приветственных слов, произнесенных организаторами на открытии конференции; докладов в виде научных статей; аннотаций на языках конференции; тезисов открытых лекций и стенограмм самых интересных моментов дискуссии после лекций; стенограмм научных дискуссий; научной хроники, содержащей информацию о новых публикациях в области средневековой Руси. В конце издание размещены сведения об авторах.

*

В заключение мы хотели бы выразить благодарность всем тем, кто внес свой вклад в организацию конференции и создание этого сборника.

Прежде всего, благодарим главных организаторов конференции – Вышеградский фонд в лице Генерального директора Карлы Вурстеровой, Кафедру истории Словакии Университета имени Коменского в лице проф. Мартина Гомзы и мгр. Адама Мэсаркина, Институт истории Ягеллонского университета в лице др. Виталия Нагирного. Хочется выразить теплые слова благодарности за помощь в организационных вопросах председателю Научного сообщества студентов-историков Ягеллонского университета Юстыне Га-

---

заранее на всех трех языках конференции в журнале „Студентські Історичні Зошити”, 5, 2014, с. 6-63. Переводы тезисов докладов научных сотрудников и аннотаций были распространены среди участников во время конференции.

² О конференции с.м.: М. М. Волощук, *Міжнародний науковий проект „Colloquia Russica” (2010–2014 рр.)*, „Український Історичний Журнал”, 5, 2014, с. 225–231 (особенно, с. 230–231); V. Adamovič, *Správa o konferencii Colloquia Russica V. „Rus’ and Central Europe 11th–14th century” 16.10.–18.10.2014, Spišské Podhradie – Spišská Kapitula, Slovensko*, „Medea”, 17, 2015 (в печати); M. Olokina, *V Międzynarodowa Konferencja Naukowa Colloquia Russica „Ruś a Europa Środkowa w XI–XIV w.”, 16–18 października 2014 r., Spišské Podhradie, Słowacja*, „Societas Historicorum”, 64, 2015, s. 44–46; I. Тимар, *V Міжнародна наукова конференція Colloquia Russica „Русь і Центральна Європа в XI–XIV ст.”*, „Студентські Історичні Зошити”, 6, 2015 (в печати).

лушке, к.и.н. Мирославу Волощуку из Прикарпатского университета. Благодарим также принимающую сторону: Его Эксцеленсию, епископа др. Штефана Сэчкова, мгр. Владимира Олейника и инж. арх. Магдалену Яновскую. Особой благодарности заслуживают коллеги, которые активно занимались организацией конференции: Виктор Адамович, Магда Арсенич, Магдалена Франчек, Матей Гогола, Моника Каминская, Андрей Стасюк и Ванда Бориско.

Выражаем также искреннюю благодарность людям, которые работали над изданием пятого тома *Colloquia Russica*. Среди них: Виктор Адамович (Братислава), Артур Вуйцик (Краков), Юстына Галушка (Краков), Якуб Йезерский (Краков), Анна Мадэй-Вуйцик (Краков), Марьяна Мосорко (Ивано-Франковск), Зузана Орсагова (Братислава), Галина Пославская (Ивано-Франковск), Андрей Стасюк (Ивано-Франковск), Степан Темушев (Минск), Магдалена Франчек (Краков), Оксана Цыбулько (Донецк).

Издание рецензировали проф. Ян Лукачка (Братислава) и д-р. Норберт Мика (Рацибор), которых искренне благодарим за их ценные замечания.

Издание пятого тома *Colloquia Russica* стало возможным благодаря финансовой помощи Вышеградского фонда и Научного сообщества студентов-историков, фонда Братняк и фондации им. Яна Кохановского Ягеллонского университета, которым от имени редакционного совета выражаем огромную благодарность.

Виталий Нагирный
Адам Мэсяркин

ist of the participants of the conference

Adamovič Viktor, Comenius University, Bratislava, Slovakia

Afanasenko Yurij (Афанасенко Юрий), Belarusian State University, Minsk,
Bielarus

Blanár Dominik, Comenius University, Bratislava, Slovakia

Boček Pavel, Masaryk University, Brno, Czech Republic

Brandejs Jan, Charles University, Prague, Czech Republic

Dąbrowski Dariusz, Kazimierz Wielki University, Bydgoszcz, Poland

Đurina Ľubomír, Nation's Memory Institute SR, Bratislava, Slovakia

Font Márta, University of Pécs, Pécs, Hungary

Fylypchuk Oleksandr (Филипчук Александр), Yuriy Fedkovich Chernivtsi
National University, Chernivtsi, Ukraine

Glebova Daria (Глебова Дарья), Higher School of Economics National Re-
search University, Moscow, Russia

Gogoła Matej, Comenius University, Bratislava, Slovakia

Gołębiowska-Tobiasz Aneta, Regional Museum and Gallery in Jičín – Museum
of Play, Jičín, Czech Republic; Western Bohemian University, Plzeň, Czech
Republik

Grala Hieronim, University of Warsaw, Warsaw, Poland

Grala Marcin, The Pontifical University of John Paul II, Krakow, Poland

Hardi Đura, University of Novi Sad, Novi Sad, Serbia

Herucová Angelika, Slovak Academy of Sciences, Bratislava, Slovakia

Homza Martin, Comenius University, Bratislava, Slovakia

- Hucul Volodymyr (Гуцул Владимир), Uzhorod National University, Ukraine
Jankauskas Vytas, Vytautas Magnus University, Kaunas, Lithuania
Janovská Magdaléna, Spiš Museum in Levoča, Levoča, Slovakia
Kamińska Monika, Jagiellonian University, Krakow, Poland
Karla Wursterová, General Director of International Visegrád Fund, Bratislava, Slovakia
Kartalija Nebojsa, University of Novi Sad, Novi Sad, Serbia
Khrystan Nazarii (Христан Назарий), Yuriy Fedkovich Chernivtsi National University, Chernivtsi, Ukraine
Komendová Jitka, Palacký University, Olomouc, Czech Republic
Kovaleu Anton (Ковалев Антон), Belarusian State University, Minsk, Belarus
Kucharská Veronika, Slovak Academy of Sciences, Bratislava, Slovensko
Lukačka Ján, Comenius University, Bratislava, Slovakia
Martyniouk Aleksey (Мартынюк Алексей), Belarusian State University, Minsk, Belarus
Mesiarkin Adam, Comenius University, Bratislava, Slovakia
Michalski Michał, The Pontifical University of John Paul II, Krakow, Poland
Múcska Vincent, Comenius University, Bratislava, Slovakia
Nagirnyy Vitaliy, Jagiellonian University, Krakow, Poland
Nekić Antun, University of Zadar, Zadar, Croatia
Nosenko Andriy (Носенко Андрий), Vasyl Stefanyk Precarpathian National University, Ivano-Frankivsk, Ukraine
Olejník Vladimír, Archive Bishop's Office, Spišská Kapitula, Slovakia
Olokina Marina, Jagiellonian University, Krakow, Poland
Orságová Zuzana, Comenius University, Bratislava, Slovakia
Péderi Tamás, University of Pécs, Pécs, Hungary
Picková Dana, Charles University, Prague, Czech Republic
Podolan Peter, Comenius University, Bratislava, Slovakia
Sawicki Wojciech, Kazimierz Wielki University, Bydgoszcz, Poland
Sečka Štefan, The Diocese of Spiš, Spišská kapitula, Slovensko
Smrž Pavel, Charles University, Prague, Czech Republic
Sroka Stanisław Andrzej, Jagiellonian University, Krakow, Poland
Stasyuk Andriy (Стасюк Андрий), Vasyl Stefanyk Precarpathian National University, Ivano-Frankivsk, Ukraine
Šušol Jaroslav, Comenius University, Bratislava, Slovakia

Тумар Ірина (Тымар Ирина), Vasyl Stefanyk Precarpathian National University, Ivano-Frankivsk, Ukraine

Voloshchuk Ірина (Волощук Ирина), Vasyl Stefanyk Precarpathian National University, Ivano-Frankivsk, Ukraine

Voloshchuk Myroslav (Волощук Мирослав), Vasyl Stefanyk Precarpathian National University, Ivano-Frankivsk, Ukraine

he welcoming speech

by the Rector of the Comenius University in Bratislava
prof. RNDr. Karol Mičieta, PhD. and the Dean of the Faculty of Philosophy
of the Comenius University in Bratislava, prof. PhDr. Jaroslav Šušol, PhD.

Vážené Dámy a Páni,

dovoľte nám menom rektorátu Univerzity Komenského v Bratislave ako aj dekanátu jej Filozofickej fakulty privítať vás už na piatom stretnutí *Colloquia Russica*. Napĺňa nás hrdosťou, že Slovensko bude niekoľko dní hostiť popredných odborníkov na dejiny strednej a východnej Európy v období včasného a vrcholného stredoveku. Sme radi, že naša univerzita sa zaradila k iným pracoviskám, ktoré sa podieľajú na organizácii tohto veľkolepého medzinárodného podujatia.

Rus a stredná Európa je téma, ktorá rezonuje nielen napríklad v oblasti Krakovska, s ktorým mali ruské centrá asi najintenzívnejšie kontakty, ale aj v Karpatskej kotline či dokonca až v oblasti Prahy. Po starých obchodných cestách prichádzali nielen kupci s kožušinami, ale aj diplomatické posolstvá. Len tak si možno vysvetliť, že napríklad v Bratislave sa našla olovená pečať Márie – manželky černigovského a neskôr kyjevského kniežaťa Vševoloda II. Olegoviča. Pôvodne zrejme visela na písomnosti určenej azda uhorskému kráľovi, dočasne sa zdržiavajúcemu na hrade nad Dunajom.

Nie náhodou sa konferencia koná na Spiši, ktorý leží takpovediac na priesečníku významných historických tranzitných ciest. Zároveň patrí medzi dodnes najzachovalejšie historické regióny Slovenskej republiky. Ako bude informovať vo svojom príspevku aj jeden z organizátorov tohto podujatia – prof. Martin Homza, PhD. –

práve Spiš predstavoval v stredoveku oblasť spojenú s vojenskou ale i mierovou expanziou Uhorska do Haliče.

Prajeme menom rektorátu i dekanátu všetkým účastníkom konferencie *Colloquia Russica* užitočný pobyt v tomto krásnom a pohostinnom regióne. Ak má pravdu francúzsky predstaviteľ školy Annales Paul Veyne, ktorý tvrdí, že história je pravdivý román, tak Vám želáme, aby boli Vaše príspevky nielen vedecky pravdivé ale aj románovo pútavé.

S priateľským pozdravom

*Rektor Univerzity Komenského,
prof. RNDr. Karol Mičieta, PhD.*

*Dekan Filozofickej Fakulty Univerzity Komenského,
prof. PhDr. Jaroslav Šušol, PhD.*

he welcoming speech

of the vice-Dean of the Faculty of History

of the Jagiellonian University in Krakow, prof. dr hab. Stanisław A. Sroka

Drogie Panie, Szanowni Panowie,

mam zaszczyt powitać Państwa na Spiszu, w Spiskiej Kapitule, u podnóża zamku spiskiego, w którym 800 lat temu odbyło się ważne polityczne spotkanie króla węgierskiego Andrzeja II oraz księcia krakowskiego Leszka Białego. Dzisiejsza konferencja odbywa się na pamiątkę tego wydarzenia. Jest to już piąta z kolei konferencja z cyklu *Colloquia Russica*. Przypomnę, że projekt tych spotkań powstał w 2010 r. z inicjatywy Koła Naukowego Historyków Studentów Uniwersytetu Jagiellońskiego przy sporym udziale pana dra Vitalija Nagirnego. Konferencje w ramach *Colloquia Russica* mają na celu wzbogacenie wiedzy o średniowiecznych dziejach naszych wschodnich sąsiadów: Ukrainy, Białorusi i Rosji i upowszechnienie jej zwłaszcza wśród studentów i doktorantów. Aktywny udział biorą w nich nie tylko młodzi badacze, ale też uznani naukowcy. W ramach projektu *Colloquia Russica* obecnie współpracuje ze sobą cały szereg polskich i zagranicznych uczelni. Godny podziwu jest również zasięg geograficzny konferencji: pierwsza z nich odbyła się w Krakowie w 2010 r., kolejne zaś w Iwano-Frankiwsku (2011), w Warszawie (2012) oraz w Mogilnie (2013). Teraz gościmy na Słowacji, na Spiszu. Tematem obecnej konferencji jest *Ruś a Europa Środkowa w XI–XIV wieku*. Cieszę się, że tematyka ta spotkała się z tak dużym zainteresowaniem badaczy w wielu krajach, w efekcie czego w ciągu trzech dni wysłuchamy kilkudziesięciu referatów naukowych i kilku debat.

Jako przedstawiciel Uniwersytetu Jagiellońskiego, który obchodzi w tym roku 650 rocznicę założenia, chciałbym życzyć Państwu udanych owocnych obrad, żarliwych naukowych dyskusji oraz podziwiania piękna tego regionu. Bo czyż nie jest to fantastyczne, że możemy obradować w miejscu, z którego rozpościera się tak cudowny widok na największy średniowieczny zamek Europy Środkowej? Chciałbym także podziękować organizatorom za trud włożony w przygotowanie tej konferencji oraz za wspianą gościnę.

*Prodziekan ds. ogólnych Wydziału Historycznego
Uniwersytetu Jagiellońskiego
Prof. dr hab. Stanisław A. Sroka*

he welcoming speech

of the General Director of the International Visegrad Fund,
Karla Wusterová

Krajiny Vyšehradského regiónu sú oddávna kultúrnym mostom medzi Východom a Západom. Ako dôležitá stredoeurópska križovatka, sa naše územie stalo dejiskom mnohých historických udalostí, ktoré dodnes ovplyvňujú život obyvateľov celého regiónu a ktoré majú zásadný vplyv na formovanie našich zahraničnopolitických záujmov a postojov.

Medzinárodná vedecká konferencia *Rus a stredná Európa* ako aj táto publikácia je preto významným príspevkom k poznaniu politických a sociálnych procesov, ktoré sa odohrali na našom území. Prináša nové súvislosti a približuje zložité okolnosti tvorby hraníc, formovania dynastických aliancií a zahraničných vzťahov nášho regiónu. Je tak dôležitým počínom s veľkým významom pre súčasnosť.

Medzinárodný vyšehradský fond (MVF) má záujem na zväčšovaní poznatkov a zvyšovaní povedomia o histórii nášho regiónu. Preto som veľmi rada, že MVF mohol podporiť už piate stretnutie vedcov, študentov a expertov v rámci *Colloquia Russica* a tak umožniť odbornej verejnosti pokračovanie v práci na odhaľovaní a približovaní dedičstva našich spoločných dejín.

Výkonná riaditeľka Medzinárodného
Vyšehradského Fondu
Karla Wursterová

CHAPTER I
STORIES

Aneta Gołębiowska-Tobiasz
(Jičín-Plzeň)

The Hungarians in the era of formation of south – western borders of the Rurik state. Notes on ethnogenesis of old Hungarians

Within the area of the Great Hungarian Plain, since the beginning of the 21st century, more than two thousand nomadic burials have been discovered, dating back to the so-called Hungarian conquest period. At the western edge of the Black Sea steppes so far only twenty-two archaeological sites have been found with single graves or small ancestral cemeteries. A small number of discovered sites may indicate that the Dnieper River was crossed only by a small group of the nomads. Their stay in the areas of the Black Sea Lowland is barely perceptible probably not only due to their size but also their mobility. This could have been also affected by a short residence time of a small population of the Hungarians on a very broad area. The events that took place between the 9th and 11th century recorded in the so-called Kievan Chronicle do not mention much about the Hungarians. A few artefacts indicate that the environment of the emerging Rus' had been penetrated by the Magyars, not affecting however the formation of the material culture of the Rurikid state.

The ethnogenesis of old Hungarians dates back to early Bronze Age. It was when Volga-Ural areas (or more precisely areas between Ob River and middle Volga-

Region), considered by researchers to be a cradle of Finno-Ugric people, who about 3rd and 2nd millennium BC split into fractions, in archaeology are identified with Turbino and Volosovo cultures¹. These communities used to live in areas of foothills and in woodlands, cultivating traditional model of hunter-gatherer economy characteristic for this geographical part of Eurasia technologically remaining however in Neolithic Era.

In the middle Bronze Age there was a change of economic formation of cultures from Volga, Oka and Kama basins under the influence of the Fatyanovo-Balanovo culture developed, among others, based on local Volosovo culture foundations due to overwhelming impacts of East-Baltic area, cultures of southern forest-steppe zone and indirectly due to impulses coming from the steppes. The basis of economics included forest pastoralism, hunting and traces of agriculture activities². The funeral inventories of the middle Bronze Age contained characteristic pottery with rounded bottoms and bulbous bellies decorated with corded ornaments in an upper part of a vessel, artifacts made of stone (hatchets, axes), flint (spearheads) and metal relics (axes, spearheads and decorations) initially made of copper and then of bronze. The deceased were inhumed with slightly angled legs lying on one side below low mounds or at flat cemeteries located at plateaus.

In the early Iron Age groups of Finno-Permic people, occupying the basin of middle Volga, Oka, Kama and Vyatka rivers were under strong influence of nomadic cultures from the Eurasian steppe-zone. These influences became evident in the style and forms of items ascribed to the Ananino culture made of bronze and iron and referring primarily to weaponry, decorations and ornaments of the steppe provenience. Similar changes were also observed in neighbouring Finno-Permic groups: Gorodetskaya and Dyakovo cultures. In these societies imported Scythian artifacts appeared (weaponry, decorations), because despite the vicinity of deposits of raw minerals, the technological level of metallurgy was rather primitive. Communities living in forest-steppe areas at the Ural foothills still led settled life and perform seasonal forest herding, hunting, fishing and, to a limited

---

¹ E. Dąbrowska, *Węgrzy*, [in:] W. Szymański, E. Dąbrowska, *Awarzy. Węgrzy. Kultura Europy Wczesnośredniowiecznej*, z. 5, Ed. W. Hensel, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk 1979, p. 149–150. Chronological frames of Volosovo culture: cca. 3400 – cca. 1600 BC (after: J. Chochorowski, *Rozdział XX, Hiperborejczycy wieku spiżu – epoka brązu poza zasięgiem wysokich cywilizacji w Europie*, [in:] *Encyklopedia Historyczna Świata*, vol. 2: *Prehistoria*, Ed. Z. Otałęga, Kraków 1999, p. 248, il. 2809); И. Зимони, *Венгры в Волжско-Камском бассейне?* [in:] *Finno-Ugrica*, vol. 1 (4), ред. Е. Казаков, Казань 2000, p. 13.

² E. Dąbrowska, *Węgrzy*, p. 151; J. Chochorowski, *Rozdział XX, Hiperborejczycy*, p. 290, 292–293.

extent, agriculture activities. The dead were buried at multi-phased flat cemeteries using mainly inhumation (less frequently cremation). People inhabited strongholds located at riverside terraces³. At the beginning of the 1st millennium AD the cultural picture of Volga-Kama areas had not changed. Still it was dominated by Finno-Permic tribes represented mainly by the people of the Pyanoborskaya and Mazunino cultures⁴.

At about half of the 1st millennium AD areas of the middle-east and south-west Ural were subjected to strong impacts of Ugric⁵ and Turkic nomadic cultures coming from the forest-steppe and Asian steppe areas. As a consequence of unrests caused by pressure exerted by Huns and later the disintegration of the first Turkic Khaganate groups of refugees travelled along southern slopes of Ural to the middle and lower basin of the Bielaya River. This significantly affected cultural changes in the entire Volga-Ural area. Migrating people, constituting federations of multi-ethnic communities with dominant Ugric component contributed to emergence of new cultural qualities forming at local Finno-Permian base already about 5th–6th century AD⁶.

In the end of the 6th and at the beginning of the 7th century new formation included makers of Kushnarienkovo pottery, who were assimilated by culturally similar people of the Karayakupovskaya⁷ culture in about half of the 8th century. These nomads occupied areas of South Ural up to Kama, Bielaya and Vyatka basins. They constituted a western flank of Ugric cultures occupying steppe and forest-steppe areas of western Ural and West Siberia. In the 7th – beginning of the 8th century they were subjected to impacts of successive waves of Turkic speaking

---

³ J. Chochorowski, *Rozdział XXII, Żelazny oręż barbarzyńców – wczesna epoka żelaza poza zasięgiem cywilizacji klasycznych*, [in:] *Encyklopedia Historyczna Świata*, t. 1: *Prehistoria*, red. Z. Otałęga, Kraków 1999, p. 356–357. The Ananyino culture developed based on Prikazanskaya culture foundations (cca. 1750 – cca. 800 BC) since about 9th century BC until the turn of 3rd and 2nd century BC, Gorodetskaya culture – 8th century BC – 5th century AD, Dyakovo culture 8th century BC – 6th century AD (*Ibidem*, p. 248, il. 289, 357).

⁴ В. А. Иванов, *Древние Угры-Мадьяры в Восточной Европе*, ред. В. Горбунов, Уфа 1999, p. 19–20.

⁵ Mainly archaeological component: the Sargatskaya culture, dated since 4/3th century BC until the end of 4th century AD (В. А. Могильников, *К вопросу о саргатской культуре*, [in:] *Проблемы археологии и древней истории угров*, ред. А. П. Смирнов, В. Н. Чернецов, И. Ф. Эрдели, Москва 1972, p. 67).

⁶ В. А. Иванов, *Древние Угры-Мадьяры*, p. 30–31.

⁷ *Ibidem*, p. 46–47. The upper boundary of activity of the Karayakupovskaya culture closes at the second half of 9th century.

people from West Siberia and the Bulgarians⁸. The „Kushnarienkovo” people remained mounded skeletal cemeteries and poorly studied seasonal settlements⁹. The „Karayakupovskaya” people applied inhumations without a mound and extremely rarely buried the dead below mounds. In both cultures inventories included mainly weaponry and decorations as well as the specific, round-bottom pottery decorated on shoulders and necks with corded or listered ornaments. Vessels of the „Karayakupovskaya” people differ from Kushnarienkovo pottery in terms of proportions and slightly different composition of decorative details. Burials of the Karayakupovskaya culture were accompanied by horse skulls with skin¹⁰. Occasionally also cenotaphs were present¹¹. Both archaeological cultures are considered as early-Magyars cultures. Intense contacts between makers of Kushnarienkovo and Karayakupovskaya pottery and settled tribes contributed to the formation of late phases of material culture on both sides. At settlements of the Bakhmutino culture distributed mainly in the middle course of the Kama River a specific Kushnarienkovo¹² pottery appeared. It was adopted also by the „Turbaslinskaya” people migrating from behind the Ural a little earlier than the „Karayakupovskaya” people and occupying areas at the middle Bielaya River basin¹³. „Karayakupovskaya” people in turn, although kept its distinctness and nomadic cultural model, borrowed some components of equipment from neighbours. The funeral inventories included thus horse tack coming from the Saltovo-Mayaki culture, feminine hair adornments from the Mazunino culture and belt-end fittings of the heraldic style coming from the environment of Turkic speaking

---

⁸ Н. А. Мажитов, *Курганы Южного Урала VIII–XII вв.*, ред. А. К. Амброз, Москва 1981, р. 25; В. В. Седов, *Венгры в Восточной Европе*, [in:] *Археология СССР, Финно-угры и балты в эпоху средневековья*, ред. Б. А. Рыбаков, Москва 1987, р. 239.

⁹ В. В. Седов, *Венгры в Восточной Европе*, р. 239; В. А. Иванов, *Древние Угры-Мадьяры*, р. 83.

¹⁰ В. А. Иванов, *Древние Угры-Мадьяры*, р. 47–55, 58–59.

¹¹ Н. А. Мажитов, *Южный Урал в VI–VIII вв.*, [in:] *Археология СССР, Степи Евразии в эпоху средневековья*, ред. С. А. Плетнева, Москва 1981, р. 27–28.

¹² The Bakhmutino culture developed at local, Pyanoborskaya culture foundations under impacts of Turkic newcomers from West Siberia. See: В. В. Седов, *Венгры в Восточной Европе*, р. 238. Presumably this component included people of the Turbaslinskaya culture, see: В. А. Иванов, *Древние Угры-Мадьяры*, р. 36.

¹³ Н. А. Мажитов, *Курганы Южного Урала*, р. 28. Identified with ancestors of Turkic speaking Bashkys. Cf.: В. А. Иванов, *Древние Угры-Мадьяры*, р. 32.

people¹⁴. The funeral rite itself underwent only minor changes¹⁵. The newcomers played an important role in formation of two nations: Bashkyrs and Hungarians¹⁶.

Migration. A confirmation of processes related to formation of the old Hungarians culture was a discovery of and researches at mound and flat cemeteries in the Volga and Kama rivers basin. Location of cemeteries of Karayakupovskaya culture, distribution of burials with funeral space, burial constructions, orientation and position of the dead inside burial pits, set of inventories in male and female graves (including funeral masks), presence of horse remains (skull, limbs and skin) revealed during further analysis close resemblances with Hungarian burials from the Carpathian Basin, dated back to the end of 9th – first half of 10th century¹⁷. Areas occupied by old Hungarian people belonged to multi-ethnic Volga Bulgaria. These lands were crossed by Far Eastern trade routes from Bulgaria through lower Volga region, Caspian Lowland, Priazov area to the Caucasus (a part of the Silk Road). The fact that old Hungarians participated in the exchange of goods was confirmed by coin finds, metal vessels and richly decorated belts produced in workshops of Sassanid and Sogdia craftsmen¹⁸.

At the mid-west and southern Ural, the Turkic nomads appeared at Ugric camps. The process was clearly visible in archaeological material in the entire Volga-Ural region¹⁹. Cemeteries linked with old Hungarian people started to vanish at Kama, Bielaya and Ufa basins between the end of 8th and mid - 9th century²⁰. The pressure exerted by Turkic people migrating from areas occupied by Khakas people was a presumable reason, why some of Hungarians left these lands²¹. *Gesta Hungarorum* informs that „the country (...) filled with abundance of people born there could

---

¹⁴ Т. В. Барынина, В. А. Иванов, *Военно-политическая история Евразийских степей как фактор формирования материальной культуры средневекового населения Южного Урала I тыс. н.э.*, [in:] *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Материалы II Международной археологической конференции 17–20 ноября 1997 г.*, Самара 1998, p. 237–239.

¹⁵ Е. А. Халикова, *Ранненевгенгские памятники нижнего Прикамья и Приуралья*, „Советская Археология”, 1976, 3, p. 154; В. А. Иванов, *Древние Угры-Мадьяры*, p. 80.

¹⁶ Н. А. Мажитов, *Курганы Южного Урала*, p. 28.

¹⁷ Е. А. Халикова, *Больше-Тиганский могильник*, „Советская Археология”, 1976, 2, p. 158–174; Н. А. Мажитов, *Курганы Южного Урала*, p. 127; В. А. Иванов, *Древние Угры-Мадьяры*, p. 87.

¹⁸ Е. А. Халикова, *Ранненевгенгские памятники*, p. 143–146; Т. В. Барынина, В. А. Иванов, *Военно-политическая история*, с. 237–239; Н. А. Мажитов, *Курганы Южного Урала*, p. 124.

¹⁹ Н. А. Мажитов, *Курганы Южного Урала*, p. 144–146, 157–158.

²⁰ E. Dąbrowska, *Węgrzy*, p. 155.

²¹ В. А. Иванов, *Древние Угры-Мадьяры*, p. 91–92.

not have fed them nor maintained”²². It is possible that in addition to political factors the decision to abandon camps by old Hungarians was also affected by circumstances arising from environmental changes that resulted in depletion of pastures. Their groups travelled towards south-west, initially along Volga River and then along the border of forest-steppe and steppe to the area between Don and Seversky Donets rivers. The next step included taking over pastures on the left bank of the Dnieper River²³. This direction was the only safe migration route. Routes towards south-east and north-west had been excluded by new circumstances, because in addition to disturbances caused by the Turkic people, the old Hungarians were also threatened by the military confrontation with Mordvinia tribes and unfavourable to them changes in political relations in the state of Volga Bulgarians²⁴. At newly overtaken areas, being north-western frontier of Khazar Khaganate, they stayed – according to testimony of Constantine Porphyrogenitus – for three years together with their commander – Lebedias (Levedias). Then they entered into an alliance with Khazar Khaganate, confirmed with a political marriage²⁵. In exchange of possibility of peaceful nomadism in areas described as Lebedia (Levedia)²⁶ the Hungarians participated in wars conducted by the Khazars providing the Khaganate with warriors. It was presumably when they adopted social structure patterns from the Khazars, including the dual authority

²² *Anonimowego notariusza króla Beli Gesta Hungarorum*, oprac. R. Grzesik, Kraków 2006, p. 26 note 7, „kraj (...) przepelniony mnogością ludów tam zrodzonych, nie był w stanie ich wyżywić ani utrzymać” (*Anonimowego notariusza króla Beli*, p. 41; translation from Latin into Polish by A. Kulbicka, K. Pawłowski, G. Wodzinowska-Taklińska), translation from Polish into English by L. Adamus, whom I give special thanks for the translating of this paper.

²³ В. А. Иванов, *Древние Угры-Мадьяры*, p. 96, il. 15.

²⁴ *Ibidem*, p. 92–93.

²⁵ Н. А. Мажитов, *Курганы Южного Урала*, p. 159.

²⁶ There are numerous, often contradicting hypothesis concerning location of Lebedia and Etelköz, see: E. Dąbrowska, *Węgrzy*, p. 158; С. А. Плетнева, *Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья IV–XIII века*, Воронеж 2003, p. 104; В. А. Иванов, *Древние Угры-Мадьяры*, p. 97–98. Analysing mapping of sites already recognised as Hungarian in the area of the Black Sea steppe it seems that the most probable location of camps, described by Constantine Porphyrogenitus as Lebedia included the area of middle Dnieper basin. See: A. Türk, *Zu den osteuropäischen und byzantinischen Beziehungen der Funde des 10.–11. Jahrhunderts*, [in:] *RGZM Tagungen*, Bd. 17: *Die Archäologie der frühen Ungarn. Chronologie, Technologie und Methodik. Internationaler Workshop des Archäologischen Instituts der Ungarischen Akademie der Wissenschaften und des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz in Budapest am 4. und 5. Dezember 2009 im Karpatenbecken*, Mainz 2012, p. 17, *abb. 5*; А. В. Комар, *Древние мадьяры Етелькеза: перспективы исследований* [in:] *Археологія і давня історія України*, вип. 7: *Мадьяри в Середньому Подніпров'ї*, Київ 2011, p. 61, il. 9.

model. Saltovo-Mayaki impulses were also visible in the material culture of the old Hungarians, similarly as the emergence of language borrowings²⁷. The testimony of Constantine Porphyrogenitus informs that during disturbances at the eastern borders of the Khaganate the Pechenegs, who were defeated by the Khazars moved to the Azov region and then rapidly moved to the west pushing Hungarians ahead. Under the pressure some of Hungarian Hordes fled to the east, while some of them led by Lebedias went further toward the west²⁸. The migration process towards the east is visible in archaeological material in the continued usage of cemeteries in the Volga-Ural area up to the 11th century²⁹. The older literature explains this continuity as a consequence of the fact that a part of old Hungarian population stayed at their camps. According to the younger concept the continuity of funeral traditions was linked with the return of some people, separated by migrating Pechenegs, from the steppe³⁰. As late as the 30s. of 13th century Hungarian missionaries found a community living in the middle Volga region understanding the Hungarian language³¹.

The next area occupied by the old Hungarians was described by Porphyrogenitus as „Interfluvial zone” (Etelköz). Probable scope of camps included the interfluvial area of lower Dniester and Pruth rivers³². This band consisted areas suitable for nomadic economic model and what is more important had a slightly more peaceful neighbourhood³³. The stabilisation resulted in increased military activity of the Hungarians³⁴. At the beginning of the 40s. of the 9th century the

²⁷ В. А. Иванов, *Древние Угры-Мадьяры*, p. 106; А. Барта, *Истоки венгерской культуры X в.*, [in:] *Проблемы археологии и древней истории угров*, ред. А. П. Смирнов, В. Н. Чернецов, И. Ф. Эрдели, Москва 1972, p. 125–126.

²⁸ E. Dąbrowska, *Węgrzy*, p. 159.

²⁹ Ibidem, p. 156.

³⁰ И. Зимони, *Венгры в Волжско-Камском*, p. 12.

³¹ И. Эрдели, *Волжские Болгары и Венгры*, [in:] *Finno-Ugrica*, т. 1 (2), ред. Е. Казаков, Казань 1998, p. 13; И. Зимони, *Венгры в Волжско-Камском*, p. 18.

³² Similarly as in the case of Lebedia also Etelköz is being located between various rivers of the western part of the Black Sea steppe, see e.g.: E. Dąbrowska, *Węgrzy*, p. 158–159; С. А. Плетнева, *Кочевники южнорусских степей*, p. 104–105. Again, the analysis of location of mapped archaeological sites associated to the Hungarians shows that the Hungarians occupied the forest-steppe area and steppes between Dniester and Pruth. Cf. Türk, *Zu den osteuropäischen*, p. 17, abb. 5; I. Erdélyi, *Scythia Hungarica. A honfoglalás előtti magyarság régészeti emlékei*, Budapest 2008, p. 60.

³³ E. Dąbrowska, *Węgrzy*, p. 159–160.

³⁴ For detailed description of reconstruction of Hungarian migrations and their turbulent history in the 9th century supported with extensive citations of sources see: А. В. Комар, *Древние мадьяры Етелькеза*, p. 21–38.

Hungarians organised raids towards the northern border of Danubian Bulgaria to disturb it until the 90s. In the 60s. they plundered the Crimea. About the mid-9th century the alliance with the Khazars, weakened by the civil war, broke down. After 860 AD the Hungarians were joined by rebellious tribes of the Khazaric Kabars³⁵. The Hungarians were drawn into several-year long internal conflicts in Khazaria.

Meanwhile in the Central and Western Asia, under influences of a new political situation another migration of people towards west started. At the end of 9th century the Arabs subdued camps of Turkic Torks contributing to mass migrations to the west³⁶. New waves of nomads moved to the Black Sea steppe pushing down from previously occupied camps, for example, Pechenegs, who exploited favourable situation. The Pechenegs formed a coalition with the Bulgarians and organised a raid against Hungarian people camping at Budjak steppes. They seized part of their herds and occupied camps³⁷. At that time Hungarian warriors were taking part with subsequent expeditions in Pannonia, consequently contributing to the fall of the Great Moravian state³⁸. The Hungarians, who survived the invasion of Pechenegs and Bulgarians, emigrated to the Carpathian Basin through passes of the northern Transylvania³⁹. Probably they were remnants of seven clans or tribes mentioned by *Gesta Hungarorum*⁴⁰. Furthermore also troops returning from the war expedition survived.

The Dnieper and Dniester Valleys at the end of the Old Rus' period. While in the Hungarian Plain more than 2000 nomadic burials⁴¹ have been discovered until the beginnings of the 21st century, but at the Black Sea steppes the march of old Hungarians did not leave many traces in the archaeological material.

The analysis of archaeological sites identified with the old Hungarians culture during land taking period indicated a concentration of finds along the middle course and the meander of the Dnieper River. These areas were characterised by environmental conditions beneficial for people leading nomadic lifestyle. Since

³⁵ В. А. Иванов, *Древние Угры-Мадьяры*, p. 104.

³⁶ E. Dąbrowska, *Węgrzy*, p. 162.

³⁷ E. Tryjarski, *Protobułgarzy, Pieczyngowie*, [in:] *Hunowie Europejscy, Protobułgarzy, Chazarowie, Pieczyngowie*, red. W. Hensel, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk 1975, p. 510; E. Dąbrowska, *Węgrzy*, p. 161.

³⁸ E. Dąbrowska, *Węgrzy*, p. 170.

³⁹ *Ibidem*, p. 164.

⁴⁰ *Anonimowego notariusza króla Beli*, p. 26 note. 7, p. 27.

⁴¹ С. А. Плетнева, *Кочевники южнорусских степей*, p. 105.

the end of the 19th century until first decade of 21st century 22 sites were discovered including cemeteries or single burials typologically resembling sites at Prikamye⁴². Loose finds, linked with the old Hungarians, were discovered mainly at Slavic strongholds. These funerary and others artifacts are referred to as the Subbottsy horizon or type dated chronologically ascribed to the second half of the 9th – beginnings of the 10th century (see map)⁴³. The name comes from the most representative site of this type discovered in 1983 and studied in 1985–1986⁴⁴.

A small clan cemetery from Subbottsy was characterised with a very rich inventory and classic for Hungarian people funeral rite. It included three graves: of a woman, a warrior and a child. All the dead were positioned on their backs with limbs along the body, inside carefully dug elongated rectangular pits, with their heads oriented to the west. They were provided with silver decorations and metal attire elements. In the warrior grave at his feet a horse head, horse limbs and presumably a skin were deposited together with a ceremonial horse tack. The nostrils were directed toward the deceased. A foal was offered to the child: at child's feet a skull and limbs were discovered, placed in the same order as in the male grave. In the female grave, in a lower section of the pit riding equipment decorated with silver was deposited. Each inventory contained a vessel with fragments of ruminant carcasses⁴⁵. Authors of the discovery dated the cemetery back to the end of the 10th century⁴⁶.

Other sites belonging to the Subbottsy horizon, including mainly clan cemeteries and individual graves contained skeletal burials in a form of inlets in embankments of older mounds or inhumations at flat cemeteries. The dead were usually buried individually. Small clan cemeteries included from two to several burials. The dead were buried in a rectangular burial pit oriented to the west with seasonal

---

⁴² Sites from the steppe and forest-steppe area are located within borders of the following modern states: Ukraine, Moldova, Pridnestrovian Moldavian Republic and Romania. Cf.: A. В. Комар, *Древние мадьяры Етелькеза*, p. 56–59; A. Türk, *Zu den osteuropäischen*, p. 17, abb. 5; V. Spinnei, *The Romanians and the Turkic nomads North of the Danubian Delta from the Tenth to the Mid-Thirteenth Century*, Leiden–Boston 2006, p. 68 [Series: *East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450*, vol. 6].

⁴³ I thank PhD Stsiapan Tsemushau for the map of the archaeological sites of the Subbottsy horizon he prepared.

⁴⁴ Н. М. Бокий, С. А. Плетнева, *Захоронение семьи воина-кочевника X в. в бассейне Ингула*, „Советская Археология”, 1988, 2, p. 99.

⁴⁵ Ibidem, p. 99–116.

⁴⁶ Ibidem, p. 112; С. А. Плетнева, *Кочевники южнорусских степей*, p. 114.

variations⁴⁷. The body was wrapped in a cloth and sometimes placed on a wooden structure (perhaps wagons). Head, horse limbs and skin were deposited at feet usually in male graves. Horse nostrils were directed toward the dead. A vessel with beverage and food usually were placed near head of the dead. Dominant part of male inventories included rich belt sets, sabres, bows, arrows, attire decorations, earrings in a form of open circles, rings and bracelets. Some of male burials contained funeral masks. Female inventories in addition to metal, decorated attire patches were dominated by necklaces and earrings with oval, open ring and long rod-shaped pendant with densely placed marbles as well as other ring-shaped decorations⁴⁸.

Presence of funeral masks and specific arrangement of horse skeletons are features characterising cemeteries at Prikamye and burials discovered in the Carpathian Basin dated back to the 10th century and associated with the Hungarians. A feature linking cemeteries in the Dnieper and Dniester Valleys with the Volga-Ural region and which is absent in the Carpathian Basin are inlet inhumations in embankments of mounds⁴⁹. Categories of artifacts of the Subbottsy type indicate strong relations with Prikamye, there are however little analogies with items of Saltovo-Mayaki culture⁵⁰. Extremely rarely Turkic and Asian influences are observed. Among items of Slavic provenience it is worth mentioning Luka-Raykovetska ceramics that so far has been discovered in two old Hungarian burials⁵¹.

Newly occupied camps in the East-bank Ukraine and meander of the Dnieper River remained in close neighbourhood with lands of forest area inhabited by Slavic tribes. The borderline between forest and forest-steppe, directly exposed to contacts with nomads was inhabited by Severians identified with the Romenska archaeological culture. Their areas – protected by well-fortified defensive settlements located in basins of the Vorskla River and the Psel River became space penetrated by old Hungarian groups. At the same time Slavic settlement in the basin of middle and upper Don River functioned undisturbed throughout the 9th and 10th centuries, which directly proves that groups of old Hungarians did not appear in that area⁵². Political relations between the new wave of nomads

---

⁴⁷ A. В. Комар, *Древние мадьяры Етелькеза*, p. 60–61.

⁴⁸ Ibidem, p. 63.

⁴⁹ Ibidem, p. 63–64.

⁵⁰ A. Türk, *Zu den osteuropäischen*, p. 15, 17.

⁵¹ A. В. Комар, *Древние мадьяры Етелькеза*, p. 65–68.

⁵² А. Н. Москаленко, *Славяно-венгерские отношения в IX в. и древнерусское население среднего и верхнего Дона*, [in:] *Проблемы археологии и древней истории угров*, p. 196.

and Slavs were not friendly. Arabic sources confirmed that the Slav population depended on the nomads. The Hungarians plundered villages, collected tributes from the Slavs, treated them as slaves and sold to Byzantine merchants⁵³. Traces of these contacts are poorly visible in archaeological sources. Inventories of old Hungarians contained Slavic pottery, but the image of the material culture did not change. Similarly, in the environment of Romenska culture we do not observe new qualities in the material culture that could have been initiated by old Hungarian influences. Only individual finds of artifacts, mainly male belt mounts and female decorations discovered at strongholds of Romenska culture certify contacts between Slavs and Hungarians⁵⁴.

In short stay in Etelköz – from the 70s. until mid – 90s. of the 9th century – political relations between the old Hungarians and emerging Rus' state became peaceful. Presumably this was caused by a complicated situation in the steppe area, military activity of the Hungarians concentrated on southern and western directions, distance between their camps and border of emerging Rus' and therefore lack of direct threat from the nomads. Probably about the 80s of the 9th century a short-lasting alliance between the Varangians and the old Hungarians⁵⁵. The longest record referring directly to the presence of Hungarians in the vicinity of forming Rus' borders comes from 898 – *Primary Chronicle* noted that the Hungarians „пришедше къ Днѣпру . сташа вежами . бѣша бо ходяще аѡко и Половци”⁵⁶. This fact is confirmed by a Hungarian chronicle: „When came to the Rus' state, without any obstacles they travelled up to the city of Kiev”⁵⁷. Later, records in Rus' sources briefly mention military activities of the old Hungarians in the first half of the 10th century that is a period directly associated with their military expansion to the west and south of Europe conducted from already occupied areas in the Carpathian Basin and located in a distance from Rus' borders. Sepulchral sites from Kiev and Chernihiv⁵⁸ dated with dirhems back to the first

---

⁵³ Ibidem, p. 195.

⁵⁴ А. В. Комар, *Древние мадьяры Етелькеза*, p. 45–46, 68.

⁵⁵ Between Askold and mentioned in the *Primary Chronicle* prince Olm (Almus). Cf.: *Ипатьевская летопись*, [in:] *Полное Собрание Русских Летописей*, т. 2, Санкт-Петербург 1908, p. 17; В. А. Иванов, *Древние Угры-Мадьяры*, p. 103, 106.

⁵⁶ *Ипатьевская летопись*, p. 18.

⁵⁷ Translation from Latin into Polish by A. Kulbicka, K. Pawłowski, G. Wodzinowska-Taklińska, see: *Anonimowego notariusza króla Beli*, p. 51. Translation from Polish into English by L. Adamus.

⁵⁸ I. Erdélyi, *Scythia Hungarica*, p. 61–62.

half of the 10th century confirming that some group of Hungarians remained as mercenaries at the court of early Rurik dynasty⁵⁹.

Hungarians at north-west borders of the forest-steppe area at the end of the Old Rus' period. The north-west borders of the forest-steppe and forest areas were also subjected to the infiltration by the Hungarians. The archaeological traces of presence of the nomads include remaining sepulchral sites: cemetery in Przemyśl (nowadays Poland), two male burials from Krylos and one female burial from Sudova Vishnia (nowadays Ukraine)⁶⁰. However testimonies confirming contacts between settled people and the Hungarians include only single artifacts present in Rus' graves (Podgorcy – nowadays Ukraine)⁶¹ and the alleged Slavic grave (graves) (Haliczany – nowadays Poland) and single finds described as „old Hungarian” from historical Małopolska (Poland).

Chronological frameworks of datation of artifacts from Podgorcy: bracelets from the female grave and belt fittings in the male grave (mound no. 1) fall between the first quarter of the 10th century and the end of the 10th century or beginning of the 11th century⁶². Both datation and context exclude it from the analysed Subbottsy horizon. A buckle and belt fitting from Haliczany, presumably linked with crematory, on-mound Slavic burials, the authors date back to the end of 9th – mid-10th century⁶³, however they are not certain about the provenience of the fitting⁶⁴. On the other hand analogies to the buckle known from Tisza River region, dated back to the first half of the 10th century⁶⁵ do not belong to relics of the Subbottsy horizon. The so called „old Hungarian” finds from Małopolska are considered as younger finds, since they are dated back to the end of 9th – first half of the 10th century⁶⁶ and in several cases goes beyond the 10th cen-

⁵⁹ Ibidem, p. 240.

⁶⁰ R. Liwoch, *Uwagi o chronologii wczesnośredniowiecznych cmentarzysk na Zachodzie Ukrainy*, [in:] *In silvis, campis et ... urbe. Średniowieczny obrządek pogrzebowy na pograniczu polsko-ruskim*, red. S. Cygan, Rzeszów–Sanok 2010, p. 89, 92 fig. 4.

⁶¹ R. Liwoch, M. Müller-Wille, „Druzhina“ graves dating to the time around AD 1000 in Pidgirici (Western Ukraine), „Archäologisches Korrespondenzblatt”, 42, 2012, 3, p. 423, fig. 3–11, p. 424, 425, p. 428, fig. 10 b–c.

⁶² Ibidem, p. 425, 429.

⁶³ A. Bronicki, M. Michalik, M. Wołoszyn, *Kolejny tzw. zabytek staromadziarski z Małopolski*, [in:] *Polonia Minor Medii Levi. Studia ofiarowane Panu Profesorowi Andrzejowi Żakiemu w osiemdziesiątą rocznicę urodzin*, ed. Z. Woźniak, J. Gancarski, Kraków–Krosno 2003, p. 219.

⁶⁴ Ibidem, p. 222.

⁶⁵ Ibidem, p. 218, 230.

⁶⁶ J. Poleski, *Odkrycie nowych zabytków awarskich i tzw. staromadziarskich na terenie Małopolski*, [in:] *Słowiańszczyzna w Europie średniowiecznej*, red. Z. Kurnatowska, Wrocław 1996, p. 261.

tury⁶⁷. These include weaponry from the male grave from Czechowice⁶⁸, belt fitting from Cracow (suburbium – Okol), belt fitting from Naszacowice (loose find at the stronghold)⁶⁹, belt fitting from Igolomia (find from a settlement), sabre from Radymno (water deposit?)⁷⁰. The influx of a few artifacts of the old Hungarian provenience to Malopolska is being linked with military expeditions of the Hungarians or with political contacts of other type⁷¹, but conducted from newly occupied regions in the Carpathian Basin. It is more probable, however, that these items were brought much later to these lands and not necessarily by the Hungarians warriors. They do not belong to considered here artifacts from the Subbottsy horizon and therefore they cannot be linked with the presence of the old Hungarians in the Black Sea steppe area.

The site from Sudova Vishnia could be included into the sites of the Subbottsy horizon. It is dated back to the first half or even the end of the 10th century – the beginning of the 11th century⁷² and this datation goes beyond upper framework of the chronology of this horizon. The style and form of deposits fit in the Subbottsy horizon, although some of items demonstrate Turkic and Rus' origins⁷³. The site, with a proper caution, can be linked with short-term, peaceful contacts between Rus' people and old Hungarians or with times shortly after conquest of the Carpathian Basin by the Hungarians.

The issue of the clan cemetery in Przemysl raises controversies. Authors of earlier studies link it with the old Hungarian garrison stationing in a „guardhouse”, whose aim was to guard the Carpathian passes and protect kinsmen migrating from Etelköz to the Carpathian Basin from Pechenegs. They were also supposed

⁶⁷ A. Bronicki, M. Michalik, M. Wołoszyn, *Kolejny tzw. zabytek staromadziarski*, p. 220, note 11.

⁶⁸ J. Poleski, *Odkrycie nowych zabytków*, p. 261.

⁶⁹ Ibidem, p. 259.

⁷⁰ Ibidem, p. 261; A. Bronicki, M. Michalik, M. Wołoszyn, *Kolejny tzw. zabytek staromadziarski*, p. 220, note 11. In the last work the old Hungarian provenience of the relic as well as the upper limit of the chronological frameworks, determined as the first half of the 10th century, is contested by the authors.

⁷¹ J. Poleski, *Kolejne zabytki awarskie i wielkomorawskie z grodziska w Naszacowicach*, [in:] *Słowianie i ich sąsiedzi we wczesnym średniowieczu*, red. M. Dulnicz, Lublin–Warszawa 2003, p. 219; A. Bronicki, M. Michalik, M. Wołoszyn, *Kolejny tzw. zabytek staromadziarski*, p. 230.

⁷² R. Liwoch, *Uwagi o chronologii*, p. 89, note 2.

⁷³ Ibidem, p. 92, fig. 4. Cf.: Г. Ф. Корзухина, *Русские клады IX–XIII вв.*, Москва–Ленинград 1954, табл. XXIII.1–2 (892 – second quarter of the 10th century), XXVII.18 (892 – first quarter of the 10th century) – therefore the lower limit of chronological frameworks of the finds may indicates that mixed inventory from Sudova Vishnia could be included into the Subbottsy horizon. Cf. also: I. Erdélyi, *Scythia Hungarica*, p. 61.

to control subordinated Slavs⁷⁴. According to this proposal, finds from Przemyśl were dated back to the end of the 9th century up to the middle of third quarter of the 10th century⁷⁵. According, however, to more recent studies, based on a careful analysis of written sources and typological and chronological reconsideration of selected forms of burials, funeral inventories and the context of the site, the chronological frameworks of the cemetery from Przemyśl was changed by 100 years that is to the end of the 10th or the beginning of the 11th century⁷⁶. The author of those studies related appearance of a group of the Hungarians (presumably a clan) with historical events that took place in the period 981–1031⁷⁷. Przemyśl was included into the Subbottsy horizon⁷⁸, but according to the most recent, well documented proposal of dating the cemetery in Przemyśl and the fact that it has never been analysed as a whole it should be excluded from the sphere of older sites until the entire material is analysed.

Another sepulchral site, Krylos, fits into the Subbottsy horizon both in chronological and inventory terms, although there are some controversies concerning cultural provenience of the warriors⁷⁹. Soil embankment, shape of burial pit, deposition and orientation of the body as well as distribution of inventories and form of ceramics indicate Volga-Ural associations of the burial. The only exception to the old Hungarian funeral rite is the way, how the horse head is placed – to the left of the head of deceased, not in his legs. Horse nostrils are oriented in the same direction as the body of deceased. It is possible that this is a feature indicating impacts of foreign, Turkic funeral rites⁸⁰.

The finds described above, located on the north-west peripheries relative to the camp of the old Hungarians located in the Dniester area poorly fit to other finds

⁷⁴ A. Koperski, M. Parczewski, *Wczesnośredniowieczny grób Węgra-koczownika z Przemyśla*, „Acta Archeologica Carpathica”, 18, 1978, p. 191–193.

⁷⁵ Ibidem, p. 181; A. Koperski, *Groby wojowników z koniem na cmentarzysku „staromadziarskim” w Przemyślu*, [in:] *Słowianie i ich sąsiedzi*, p. 373.

⁷⁶ A. Florek, „Obcy” we wczesnośredniowiecznym Przemyślu. Kim byli Węgrzy pochowani na tzw. cmentarzysku „staromadziarskim” przy ul. Rycerskiej? [in:] *Funeralia Lednickie Spotkanie 14. Obcy*, red. W. Dzieduszycki, J. Wrzesiński, Poznań 2012, p. 296–303, 307.

⁷⁷ Ibidem, p. 304–307.

⁷⁸ A. Türk, *Zu den osteuropäischen*, p. 17, abb. 5.

⁷⁹ R. Liwoch, *Uwagi o chronologii*, p. 89, przyp. 2; A. Florek, „Obcy” we wczesnośredniowiecznym Przemyślu, p. 307; I. Erdélyi, *Scythia Hungarica*, p. 61.

⁸⁰ С. А. Плетнева, *Печенеги, Торки и Половцы в южнорусских степях*, [in:] *Труды Волго-Донской Экспедиции*, в.к.: *Материалы и исследования по археологии СССР*, в.к., Москва–Ленинград 1958, p. 155, il. 2.

of the Subbottsy type. Controversies include chronological discrepancies, archaeological context, cultural affiliation of the deceased or lack of analogies of some artifacts that do not resolve unambiguously, who were the dead, from what sphere the items came from and when were deposited. With a due caution it can be assumed that sites in Krylos and Sudova Vishnia belong to the Subbottsy horizon. Perhaps they confirm activities of some group of old Hungarians retaining their cultural identity at borderlines of Etelköz, presumably remaining vassals of the Pechenegs and having peaceful relations with local Slavic people. Other mentioned „old Hungarian” sites and relics chronologically belong to the conquest of the Carpathian Basin or beginnings of the Arpad period, when boundaries of territorial influences of Poland, Rus’ and Hungary formed.

*

The number of archaeological sites in the Black Sea Lowland and on the border of the forest-steppe area associated with the migration of the old Hungarians to the west is relatively small in relations to the estimated number of nomads. While it is possible that a larger group of people migrated through the Volga River region and the Don River region, then it seems likely that the Don River was crossed by only one horde comprising 7 tribes (*Hetumoger*). Its stay in the area of the Black Sea Lowland could have been poorly perceptible not only due to its size, but also the mobility determined by the cultural model. Additional cause of this state of affairs could be a complicated political situation in the 9th century, which consequences were sensed by all inhabitants of the steppe and forest-steppe area of Eurasia and thus a short-term presence of the small Hungarian population over a very vast area⁸¹. It is estimated that the Lebedias’ horde did not stay longer in the Black Sea steppes than 25–30 years⁸². Burials with younger chronology indicate that some group of Hungarians remained longer in the western part of the Black Sea steppe maintaining cultural traditions from their Volga-Ural homeland.

---

⁸¹ The size of the horde was estimated as 100 to 500 thousand of people. Cf.: И. Эрдели, *Об археологической культуре древних венгров конца IX – первой половины X в. н.э.*, [in:] *Проблемы археологии и древней истории угров*, p. 142. This number does not seem unreliable, although in the case of Hungarian hordes this may more likely be rather 100 thousand people than half million. It should be noted, however, that this includes women, children, servants, slaves and captives. In this about 1/5 were prime warriors. Cf. e.g.: С. А. Плетнева, *Половцы*, ред. Б. А. Рыбаков, Москва 1990, p. 114–115.

⁸² С. А. Плетнева, *Кочевники южнорусских степей*, p. 114.

The old Hungarian nomads, despite the penetration of the forest area, inhabited by Slavic tribes, exerted no significant impact on the material culture of the Slavs. A little later, during the short-term peaceful relations with the Rus' people they did not leave any traces in emerging material culture of the Kievan Rus'. A manifestation of contacts between the Slavs and the Rus' people in the archaeological material includes only a few categories of relics discovered in burials of the old Hungarians. Hungarian artifacts of the Subbottsy horizon were discovered mainly in Slavic strongholds, while items dated back to the end of the conquest of the Carpathian Basin were deposited in graves of the Rus' družhina members.

*

Aneta Gołębiowska-Tobiasz, *Starí Maďari v dobe formovania juho-západných hraníc Rurikovského štátu. Poznámky k etnogenéze Starých Maďarov*

Na území Veľkej uhorskej nížiny bolo od začiatku 21. storočia nájdených viac ako dvetisíc nomádske pohrebiská datovaných do obdobia tzv. „Maďarského zaujatia vlasti“. Na západných okrajoch pričiernomorských stepí však bolo nájdených len 22 archeologických lokalít s jednotlivými hrobami alebo malými rodovými pohrebiskami. Neveľký počet objavených lokalít môže naznačovať, že rieka Dneper bola prekročená len malou skupinou kočovníkov. Ich pobyt na území Čiernomorskej nížiny je sotva zreteľný, avšak zrejme nie len kvôli ich malej početnosti, ale aj kvôli ich mobilite. Tiež to však mohlo byť ovplyvnené aj krátkym časom zotrvania malého množstva Maďarov na veľmi rozsiahlom území. Udalosti popísané v tzv. *Ipatskom letopise*, ktoré sa odohrali medzi 9. a 11. storočím o Maďarov veľmi nehovorí. Niekoľko artefaktov naznačuje, že tí síce prenikli do okolia vznikajúcej Rusi, avšak formovanie materiálnej kultúry Rurikovského štátu neovplyvnili.

Анэта Големб'овская-Тобиаш, *Венгры в период формирования юго-западных границ государства Рюриковичей. К вопросу о этногенезисе ранних венгров*

На территории венгерской равнины до начала XXI столетия открыто свыше двух тысяч погребений кочевников, датированных периодом так называемого „обретения Родины“. На западных рубежах северочерноморских степей до настоящего времени обнаружено только 22 археологических

памятника с единичными гробами или небольшими родовыми кладбищами. Малое число археологических находок может свидетельствовать о том, что через Днепр переправилась только небольшая группа кочевников. Её пребывание на территории черноморской низменности плохо отображено не только по причине малой чисельности номадов, но и их мобильности. Еще одной причиной может быть краткий период пребывания небольшого количества венгров на очень большой территории. Венгры также редко упоминаются в описанных в *Ипатьевской летописи* событиях IX–XI столетий. Немногочисленные артефакты свидетельствуют о том, что венгры проникли на Русь в период образования государства Рюриковичей, но не влияли на формирование его материальной культуры.

1. Map. Archaeological sites of the Subbottsy horizon and finds of the Subbottsy horizon circle at the north-west borders of the old Hungarians influences (cf. maps: A. Türk, *Zu den osteuropäischen*, p. 17, abb. 5; A. B. Комар, *Древние мадьяры Етелькеза*, p. 61, il. 9; A. Bronicki, M. Michalik, M. Wołoszyn, *Kolejny tzw. zabytek staromadziarski*, p. 220, il. 5; R. Liwoch, M. Müller-Wille, „*Druzhdina*“ graves, p. 431, il. 11; cf.: В. А. Иванов, *Древние Угры-Мадьяры*, p. 101; V. Spinei, *The Romanians and the Turkic Nomads*, p. 68).

Александр Филипчук
(Черновцы)

Русь и Византия в последние годы правления Василия II: Хризохир и его воины

Иоанн Скилица, составивший свой труд в конце XI века, описал поход большой группы русов на Константинополь во главе с Хризохиром, „родственником” князя Владимира Святославича. В статье анализируются последние фрагменты книги правления Василия II в Synopsis Historion, где содержится несколько важных тем (поход русов, подготовка к экспедиции в Сицилию и, соответственно, смерть императора). Следующая методологическая проблема связана с характером источников Synopsis Historion. Скилица использовал для написания своего труда о последних годах правления Василия II утерянную хронику Феодора Севастийца и другие фрагменты, где история о Хризохире и его воинах, подготовка к походу на Сицилию были собраны вместе в материалах для Synopsis Historion. Автор приходит к выводу, что группы наемников русов были наняты Василием II для участия в последующей сицилийской кампании в 1024/1025 г.

Неожиданные приключения Хризохира, „родственника” русского князя Владимира Святославича, в Византии в конце первой четверти XI века после многих попыток их толкования остаются для нас такими же далекими и неизвестными, как для автора единственного сообщения о них – византийского

историка Иоанна Скилицы¹. Казалось, ничего в этой истории не предвещало такой ее финал. Приток воинов из Руси в Византию около 1000 г. только возрастал: поступление на наемную службу не вызывало каких-либо проблем. История или, скорее, казус Хризохира показывает, что двадцать лет спустя все изменилось. Совершенно непонятными остаются только причины этих важных изменений. Очевидно, такая ситуация для историка, когда в его распоряжении сообщение единственного источника, дает мало шансов полностью выяснить ход событий, стремительность их развития и результаты. В таком случае уникальность сообщения требует специального внимания к особенностям его написания (от непосредственно времени написания до использования византийским историком источников для создания своего текста). Их главная задача – снова перечитать текст о приключениях Хризохира и попытаться ответить на несколько важных вопросов, связанных с родственником русского князя: каким временем следует датировать поход Хризохира; почему Хризохиму было отказано стать наемником или как отличался его прием от других приемов наемников в Византии; какую цель преследовал Хризохир после отказа императора взять его на службу и как его поход обнаружил слабости морской обороны империи?

---

¹ Впервые на значение сообщения Иоанна Скилицы о Хризохире для древнерусской истории обратил внимание А. Куник, см.: E. Kunik, *Die berufung der schwedischen rodsen durch die Finnen und Slawen*, Sankt-Peterburg 1844, s. 170. Отдельные наблюдения о походе Хризохира, см.: В. Васильевский, *Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе*, [in:] В. Васильевский, *Труды*, т. 1, Санкт-Петербург 1908, с. 207–208 (первое издание в: „Журнал Министерства народного просвещения”, 1874, 11 (ноябрь), с. 130–131); М. Грушевский, *Історія України-Руси: В 11 т., 12 кн.*, т. 2: *XI–XIII вік*, Київ 1992, с. 35; В. Пашуто впервые связал появление отряда Хризохира с междусобицами после смерти князя Владимира Святославича, см.: В. Т. Пашуто, *Внешняя политика Древней Руси*, Москва 1968, с. 317. Другую перспективу для появления Хризохира в Византии предлагал С. Бльондаль. По его словам, Хризохир принадлежал к англо-саксонской знати, которая бежала от преследований, см.: S. Blöndal, B. Benedikz, *The Varangians of Byzantium*, Cambridge 1978, p. 49–50. Наиболее подробно в литературе поход Хризохира был исследован Г. Литавриным, где и обзор историографии до 1997 г.: Г. Литаврин, *Византия, Болгария, Древняя Русь*, Санкт-Петербург 2000, с. 223–227. Также см. замечания К. Холмс: С. Holmes, *Basil II and the Governance of Empire (976–1025)*, Oxford 2005, p. 512; К. Цукерман, *Наблюдения над сложением древнейших источников летописи*, [in:] *Борисо-Глебский сборник. Collectanea Borisoglebica*, t. 2, ред. К. Цукерман, Paris 2009, p. 222; J. Shepard, *From the Bosphorus to the British Isles: the way from the Greeks to the Varangians*, [in:] *Древнейшие государства Восточной Европы*, 2009, ред. Е. Мельникова, Москва 2010, с. 28–29; М. Böhm, *Flota i polityka morska Aleksego I Komnena*, Kraków 2012, s. 62–65.

Иоанн Скилица о походе Хризохира. Последние годы правления Василия II оказались непростыми для императора. Иоанн Скилица останавливается на подробностях бунта Никифора Ксифиаса и Никифора Фоки и его подавления императором. После этого, византийский историк повествует о приходе отряда русов, который имел целью вступить на византийскую службу: „Καὶ Ἰωννῆς δὲ τῆς τοῦ βασιλέως ἀδελφῆς ἐν Ῥωσία ἀποθανούσης, καὶ πρὸ αὐτῆς τοῦ ἀνδρὸς αὐτῆς Βλαδίμηρου, Χρυσόχειρ τις συγγενῆς ὦν τοῦ τελευτήσαντος, ἄνδρας ὀκτακοσίους προσεταιρισάμενος καὶ πλοίοις ἐμβιβάσας, ἦλθεν εἰς Κωνσταντινούπολιν ὧς τάχα μισθοφορήσων, τοῦ δὲ βασιλέως καταθεῖναι τὰ ὄπλα κελεύσαντος, καὶ οὕτω ποιήσασθαι τὴν ἐντυχίαν, μὴ θελήσας διῆλθε τὴν Προποντίδα. ἐν Ἀβύδῳ δὲ γενόμενος καὶ τῷ στρατηγούντι ταύτης συρράξας ὑπερμαχοῦντι τῶν παραλίων, καὶ τοῦτον ῥαδίως τρεψάμενος, κατῆλθεν εἰς Λήμνον. ἐκεῖσε δὲ παρὰ τοῦ στόλου τῶν Κιβυρραιωτῶν, καὶ Δαβίδ τοῦ ἀπὸ Ἀχριδῶν στρατηγούντος Σάμου, καὶ Νικηφόρου τοῦ Καβάσιλα, δοῦκὸς ὄντος Θεσσαλονίκης, παρασπονδηθέντες ἅπαντες ἀλεσφάγησαν”².

Скилица поместил этот фрагмент фактически в конце своего описания правления Василия II. Последний датированный пассаж, собственно, и есть смерть императора, 15 декабря 1025 г.³ Внимательный к хронологическим изложениям, Скилица, к сожалению, в этом случае отступил от своей привычной манеры предоставлять полную или частичную датировку события. Нет его и в более поздних списках труда Иоанна Скилицы, где иногда встречаются существенные интерполяции и хронологические уточнения или дополнения⁴.

Посмотрим на общую хронологию последних лет правления Василия II в описании Скилицы. Так, упомянутое восстание Никифора Ксифиаса и Никифора Фоки против императора началось в конце 1021 г. и продолжа-

² „Когда умерла на Руси сестра императора, а раньше, ее муж Владимир, тогда Хризохир, его родственник, захватив с собой 800 человек и посадив их на корабли, пришел в Константинополь, будто желая поступить на наемную службу. Император приказал, чтобы он сложил оружие и только в таком виде появился [к нему] на встречу, тогда он не захотел этого и пошел через Пропонтиду. Когда он приплыл к Абидосу, он имел сражение со стратигом, который наблюдал за морским берегом, он легко его поборо. Он пришел к Лемносу, где был обманут обещанием мира, все они были перебиты флотом Кивиритов [фемы], стратигом Самоса, Давидом с Охрид и дукой Фессалоник Никифором Кавасилой”. *Ioannis Scylitzae. Synopsis Historiarum*, ed. I. Thurn, Berlin–New York 1973 [Серия: *Corpus Fontium Historiae Byzantinae*, 5], p. 367.72–368.81.

³ *Ioannis Scylitzae, Synopsis Historiarum*, p. 368.84–86.

⁴ B. Prokić, *Die Zusätze des Johannes Skylitzes*, München 1906.

лось до лета 1022 г.⁵ Согласно труду хорошо информированного в византийских делах Яхьи Антиохийского, смерть Никифора Фоки произошла 15 августа 1022 г.⁶ Далее Скилица разместил информацию о восстании Ксифиаса и Фоки, а также сообщение о походе императора против правителя авасгов Георгия. Завершая свой рассказ об этом походе, он отметил, что накануне разгрома Василий II получил письмо с известием о подавлении восстания, смерти Никифора Фоки и аресте Никифора Ксифиаса⁷. Скилица датировал следующий разгром авасгов осенью 1021 г. Его хронология здесь, как это совершенно очевидно, не является точной. Конец кампании Василия II против Георгия, правителя авасгов, пришелся на осень 1022 г., что произошло уже после подавления восстания⁸.

Таким образом, хронология Скилицы относительно последних лет правления Василия II содержит существенные неточности. Только с помощью других текстов (в данном случае труда Яхьи Антиохийского) имеем вполне согласованную хронологию событий.

Возвращаясь к походу русов, отметим, что для него, если следовать предыдущим пассажам Скилицы, остается место от августа 1022 г. до времени подготовки императора к сицилийской кампании. Несмотря на немалые приготовления, последняя так и не состоялась, по причине смерти императора. В таком случае, открытым для датировки похода русов остается время от лета 1022 до осени 1025 г.⁹

Прежде чем поддержать ту или иную дату похода и привести аргументы в пользу одной из них, стоит взглянуть на начало сообщения о приходе войска русов. Скилица вводит здесь внутреннюю хронологию. В частности, поход Хризохира состоялся только после смерти порфиородной Анны,

---

⁵ О восстании, см.: J.-Cl. Cheynet, *Pouvoir et contestations à Byzance (963–1210)*, Paris 1996, p. 36–37.

⁶ В. Розен, *Император Василий Болгаробойца: Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского*, „Записки Императорской Академии Наук”, 44, 1883, с. 64.

⁷ Ioannis Scylitzae, *Synopsis Historiarum*, p. 366–367.

⁸ Jeans Scylitzès, *Empereurs de Constantinople*, texte traduit par B. Flusin, J.-C. Cheynet, Paris 2003 [Серия: *Réalités Byzantines*, vol. 8], p. 305, n. 260.

⁹ В той или иной мере, каждая из возможных дат уже предлагалась в литературе. Так, Д. Шепард датировал поход Хризохира „около 1025 г.” (J. Shepard, *From the Bosphorus to the British Isles*, p. 29), а Елен Арвелер – 1023 г. (H. Ahrweiler, *Byzance et le mer*, Paris 1966, p. 126). С ней согласился М. Бьом (M. Böhm, *Flota i polityka morska*, s. 62). Г. Литаврин рассматривал возможность датировки похода русов июнем–июлем 1023 г. или же 1024 г. (Г. Литаврин, *Византия, Болгария, Древняя Русь*, с. 224).

жены князя Владимира Святого. Он пишет, что Анна умерла позже своего мужа. Скилица здесь снова ошибается¹⁰. Похоже, его попытка показать, что Хризохир приходился родственником князю Владимиру, могла спровоцировать такую ошибку. Последнее не единственное, что связывает Хризохира с Владимиром и Анной, иначе такая связь между ними в тексте Скилицы не имела бы смысла. Все это привело к тому, что смерти Анны и Владимира отделяло от возможной даты похода Хризохира чуть ли не десять лет.

Как это стало возможным? Пожалуй, такой сбой в хронологии Скилицы мог возникнуть, если сообщение о походе Хризохира находилось бы не на своем месте в описании правления императора Василия, а, соответственно, его следовало перенести к событиям 1016–1019 гг. Зато видим другое: поход Хризохира размещен в самом конце правления Василия II, хотя и остался без датировки в труде византийского историка. Не свидетельствует ли это, что рассказ о походе русов был сконструирован Иоанном Скилицей на основании различных источников? Иными словами, слова о смерти Анны и ее мужа происходят из другого источника, чем рассказ о Хризохире. Рассмотрим несколько возможностей такого использования источников византийским историком.

Смерть порфирородной Анны. Информация Скилицы о смерти Анны очень хорошо показывает насколько плохо он был знаком с „русскими делами”. По словам Петера Шрайнера, „ошибки в этом сообщении показывают, насколько неточная информация приходила с Руси к византийцам”¹¹. Не вызывает сомнения то, что сообщение о смерти Анны было зафиксировано современником, а Скилица, в свою очередь, лишь перенёс его в собственный текст. Остается только предугадывать, были ли переставлены местами смерти Анны и Владимира в этом гипотетическом источнике или последнее является результатом работы самого Скилицы. В каком виде

---

¹⁰ В *Повести Временных Лет* смерть Анны датирована 1011 г. Запись о ее кончине, как и сообщения о смерти остальных представителей князей семьи, напоминает краткие анналы или же обычную для Византии „малую хронику”. О происхождении этих сообщений ПВЛ, см.: О. Tolochko, *Christian Chronology, Universal History and the Origins of Chronicle Writings in Rus'*, [in:] *Historical Narratives and Christian Identity on a European Periphery: Early History Writing in Northern, East-Central, and Eastern Europe (c. 1070–1200)*, ed. by I. Garipzanov, Turnhout 2011, p. 216–218; Т. Гимон, *Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: сравнительное исследование*, Москва 2011, с. 114–115.

¹¹ П. Шрайнер, *Miscellanea Byzantino-Russica*, „Византийский временник”, 52, 1991, с. 151–161.

запись о смерти Анны была доступна для Скилицы? П. Шрайнер предположил, что непосредственным источником информации о Руси (в частности, для войны 941 г.) для Скилицы была так называемая „малая” хроника „русских событий”, от которой остались только два сообщения. К сожалению, ничего не указывает, что этот предположительный текст мог существовать на самом деле, а упоминание о смерти Анны являлось одной из записей в этой „малой” хронике. Возможности для нахождения этого текста, на удивление, ограничены: брак Владимира и Анны оказался настолько скандальным, что его предпочитали не вспоминать¹². Впрочем, как и обстоятельства его заключения и жизнь Анны на Руси. Скилица, который писал свой текст во время правления Алексея I Комнина, похоже, мог воспользоваться источником несколько иного жанра, чем предлагалось выше. Так, П. Шрайнер впервые обратил внимание на сообщение об Анне еще полностью не опубликованного одного из списков византийских императоров, который сохранился в составе *cod. Trinitati College. 0.2.36* конца XVI в.¹³ Рукопись дошла к нам в хорошем состоянии, вероятно, находилась в коллекции Льва Аляция¹⁴. Однако она происходит, как установил П. Шрайнер (его атрибуция в литературе не вызвала возражений), из скриптория монастыря Паммакарistos в Константинополе, обители патриарха с 1455 до 1588 г.¹⁵ Каталог представляет собой настоящую коллекцию текстов, которые усилиями кописта Иоанна получили упорядоченный вид в рукописи. Их непосредственные источники трудно установить¹⁶. В текст е упоминается дочь Романа II Анна („’Αννα ἡ τοῦ Ῥομάνου τοῦ πορφυρογεννήτου θυγάτηρ”)¹⁷. К сожалению, этим упоминанием о ней сообщение *cod. Trinitati College. 0.2.36* и ограничивается. Откуда составитель каталога императорской семьи скопировал сведения об Анне?

Текст выказывает свое более позднее происхождение и вышеуказанный фрагмент не мог быть создан в середине XI века. Наличие здесь практически

¹² A. Poppe, *The Political Background to the Baptism of Rus’: Byzantine-Russian Relations between 986–989*, „Dumbarton Oaks Papers”, 30, 1976, p. 195–244.

¹³ M. James, *The Western Mss in the Library of Trinity College, Cambridge. A Descriptive Catalogue*, Cambridge 1902, p. 135–139.

¹⁴ О нем см.: К. Hartnup, *On the beliefs of the Greeks’: Leo Allatios and popular Orthodoxy*, Leiden, Boston 2004 [Серия: *The Medieval Mediterranean*, vol. 54], p. 53–85.

¹⁵ P. Schreiner, *Eine unbekannte Beschreibung der Pammakaristoskirche (Fethiye Camii) und weitere Texte zur Topographie Konstantinopels*, „Dumbarton Oaks Papers”, 25, 1971, s. 218–248.

¹⁶ П. Шрайнер, *Miscellanea Byzantino-Russica*, с. 158.

¹⁷ Ibidem, с. 158. „Анна, дочь порфирородного Романа”.

полного списка семьи Комнин дает основания утверждать, что автор мог использовать более ранние списки императоров – подобные тем, которые содержатся в *De cerimoniis* и *Брюссельской хронике*¹⁸.

В таком случае имя порфирородной Анны, жены русского князя Владимира Святого, могло появиться в подобном списке. Пожалуй, это произошло уже после ее смерти, известие о которой, хоть и с опозданием, но все же дошло до Византии. Этот список императоров, похоже, и был тем источником, из которого Скилица узнал о смерти Анны. Важно то, что сообщение об уходе из жизни Анны и Владимира – не единственное упоминание о смерти правителей русов в тексте Скилицы. Как и в предыдущем случае, Скилица снова ошибается, когда пишет о смерти трёх архонтов русов, в том числе Ярослава (Ἰεροσθλάβος), сына Владимира Святославича в 1036 г.¹⁹ Происхождение сведений о смерти этих архонтов у Скилицы требует отдельного исследования. Однако примечательно то, что неточное датирование ухода из жизни правителей Руси не касается исключительно порфирородной Анны, но имеет продолжение в труде византийского историка. Таким образом, если предположить возможное использование Скилицей сведений об Анне из списка императорской семьи, то нужно задать другой вопрос: откуда Скилица взял информацию о походе Хризохира?

Источники Скилицы о последних годах правления Василия II. Во введении к своему произведению Скилица упомянул работы других византийских историков, для которых он не пожалел критики. Так, крайне негативно он оценил труд Михаила Пселла. Последнее дает основания утверждать, что Скилица писал, похоже, о *Краткой истории*, а не о *Хронографии*, для которой такие резкие слова мало подходят²⁰. Среди историков, которым

---

¹⁸ *Anecdota Bruxellensia, I. Chroniques byzantines du manuscrit 11376*, ed. par F. Cumont, Gand 1894, p. 34.16–23.

¹⁹ „ἐτελεύτησάν δέ καί οἱ τῶν Ῥῶς ἄρχοντες, Νεσισθλάβος καί Ἱεροσθλάβος, καί ἄρχειν προεκρίθη τῶν Ῥῶς συγγενῆς τῶν τελευτησάντων Ζινίσθλαβος”. Ioannis Scylitzae, *Synopsis Historiarum*, p. 399.13–15. Русский перевод: „После того как умерли архонты Руси Несислав и Иерослав, был избран править их родственник Зинислав”. (В одном из списков [U, по классификации И. Турна – *Vindobonensis Hist. Gr.74.*: „Νεσιτλάβος, Ἱεροσλάβος, Ζινίσλαβος”). Об их идентификации, см.: Jeans Scylitzès, *Empereurs de Constantinople*, p. 331, n. 33, а также сопоставление информации Скилицы с *ПВЛ*, см.: С. Михеев, *Святополкъ седе в Кieve по отци. Усобица 1015–1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках*, Москва 2009, с. 74–79.

²⁰ Michaeli Pselli, *Historia Syntomos*, ed. and trans. W. J. Aerts, Berlin, 1990 [Серия: *CFHB*, vol. 30].

Скилица уделил внимание во вступлении, был Феодор, архиепископ Севастии, труд которого о Василии II не дошел к нам²¹. Вопрос сводится к тому, использовал ли Скилица в тексте работу Феодора Севастийского или только вспомнил о ней²². В тексте он лишь один раз пишет об информации от „Севастийца” (в котором следует видеть Феодора Севастийского), но этот фрагмент содержится только в двух рукописях труда Скилицы (согласно схеме И. Турна, А, Е)²³. Это указывает на то, что читатель или копист указанных рукописей имел доступ к работе Феодора Севастийского. Соответственно, сам Скилица мог его и не иметь, поскольку ни разу, кроме этого фрагмента, он не говорит о произведении Феодора. В трактате *Περὶ μεταθέσεων* (*О перемещениях*) сохранились три фрагмента из истории Феодора²⁴. При сопоставлении с текстом Скилицы видим, что у них нет общих мест. К сожалению, другие фрагменты труда Феодора имеют исключительно гипотетический характер²⁵.

Не так давно Никос Панайотакес попытался выделить 21 фрагмент труда Феодора из *Чудес св. Евгения Трапезундского*, написанных Иоанном Лазаропулосом в XIV века.²⁶ Сопоставив тексты *Чудес* с работами Иоанна Скилицы и Иоанна Зонары, он пришел к выводу, что каждый из этих авторов использовал произведение Феодора Севастийского. Однако, как видно из проведен-

²¹ „Ἰπλάτος τῶν φιλοσόφων καὶ ὑπέρτιμος ὁ Ψελλός < > ὁ γὰρ Δαφνοπάτης Θεόδωρος, Νικήτας ὁ Παφλαγῶν, Ἰωσήφ Γενέσιος, καὶ Μανουὴλ οἱ Βυζάντιοι, Νικηφόρος διάκονος ὁ Φρύξ, ὁ Ἀσιανὸς Λέων, Θεόδωρος ὁ τῆς Σίδης γενόμενος πρόεδρος καὶ τούτου ἀνεψιὸς καὶ ὁμώνυμος ὁ τῆς ἐν Σεβαστείᾳ καθηγησάμενος ἐκκλησίας καὶ ἐπὶ τούτῳ Δημήτριος ὁ τῆς Κυζίκου, καὶ ὁ μοναχὸς Ἰωάννης ὁ Λυδὸς”. Ioannis Scylitzae, *Synopsis Historiarum*, p. 3.19–4.31. Русский перевод: „ипата философов, ипертима Пселла, < > ... Феодора Дафнопата, Никиты Пафлагона, Иосифа Генесия и Мануила [то есть] Византийца, и Никифора, диакона из Фригии, Льва Асийского и Феодора Сида, который стал проэдром (архиепископом) и его племянника тоже [Феодора], архиепископа в Севастии и также Димитрия Кидзика и монаха Иоанна Лида”.

²² А. Каждан, *Из истории византийской хронографии. 2. Источники Льва Диакона и Скилицы для истории третьей четверти X столетия*, „Византийский временник”, 20, 1961, с. 109–110.

²³ Ioannis Scylitzae, *Synopsis Historiarum*, p. 313.45–47 (A – *Vindobonensis Hist. gr.* 35, первая половина XII в., *Scyl.* XX; E – *Scorialensis T III 9* (166), XIV ст., *Scyl.* XXI).

²⁴ J. Darrouzès, *Le traité des transferts: édition critique et commentaire*, „Revue des études byzantines”, 42, 1984, p. 147–214, 181, 204–206.

²⁵ C. de Boor, *Zu Johannes Skylitzes*, „Byzantinische Zeitschrift”, 13, 1904, p. 356–369.

²⁶ N. Panagiotakes, *Fragments of a Lost Eleventh-Century Byzantine Historical Work*, [in:] *Philhellen. Studies in Honour of Robert Browning*, ed. E. Jeffreys, London 1996, p. 321–357 (сопоставления, p. 341–357).

ного Панайотакесом сопоставления, ближайшие избранные фрагменты *Чудес* близки именно к работе Зонары. Представляется, что результат сопоставления мог бы быть менее весомым: автор *Чудес* использовал работу Иоанна Зонары²⁷. В крайнем случае, кроме текста Иоанна Зонары, ему был доступен труд Скилицы. Поэтому вряд ли следует считать параллельные места этих текстов фрагментами произведения Феодора Севастийского²⁸.

Таким образом, в тексте Скилицы не находим очевидных заимствований из работы Феодора Севастийского. Последнее делает поиск источников о правлении императора Василия II проблемным. Остается только вспомнить слова Михаила Пселла о многих историках времени Василия II. Сочинением одного из них и воспользовался Скилица при написании своего текста о правлении Василия II. Кажется, из него Скилица и узнал о походе Хризохира и разместил его в конце правления императора Василия II. Его решение могло быть продиктовано тем, что разные истории из правления Василия II (взятые из других источников) сначала были собраны тематически, а уже затем размещены в хронологическом порядке. Это очевидно, также в случае с Хризохиром и его войском. Размещение этого фрагмента Скилицей ближе к концу правления императора дает основания считать, что такая структура сохранялась и в его гипотетическом источнике. Поэтому для датировки похода нет альтернативы, кроме уже указанного времени (лето 1022 – осень 1025 г.).

Почему Хризохир прибыл в Византию? Скилица отмечает, что целью прибытия Хризохира и его войска было вступление на наемную службу (*μισθοφορίσων*). Он употребляет здесь глагол *μισθοομαι*, „нести наемную службу”. Скилица едва ли не единственный из византийских историков XI века, который последовательно использует указанную лексику для обозначения наемной службы²⁹. По словам Скилицы, это намерение лидера войска русов являлось обманом (*τάχα*, „якобы”). Впрочем, действительно ли Хризохир прибыл в Византию не ради службы, а для грабежа? Представляется следующее: дальнейший конфликт с русами определил и отношение византийского историка к приходу группы наемников, и конструкции их обманных намерений. Ничего не говорит о том, что к времени неожиданного

²⁷ *The Hagiographic dossier of St. Eugenios of Trebizond in Codex Athos Dionysiou 154*, ed. J. O. Rosenqist, Uppsala 1996 [Серия: *Studia Byzantina Upsaliensia*, vol. 5], p. 47–50.

²⁸ Ср. замечания относительно гипотезы Н. Панайотакеса: С. Holmes, *Basil II and the Governance of Empire*, p. 96–100.

²⁹ Ioannis Scylitzae, *Synopsis Historiarum*, p. 318, 319, 333.

конфликта Хризохира с императором русы изменили свое намерение поступить на службу или отказались от этого уже в Константинополе. В последние годы правления Василия II в византийской армии, как и раньше, находилось значительное количество наемников русов³⁰. Нам мало известно о том, как проходил наем воинов из Руси на византийскую службу во времена Василия II. Наряду с группами, отправленными киевским князем, существовали и другие, вероятно, менее значительные по своему количеству, которые самостоятельно переходили на службу к императору. Таким и оказался достаточно многочисленный отряд Хризохира. Частые походы Василия II вызвали увеличение найма воинов, в том числе и из Руси. Особенно это происходило во время подготовки к большим кампаниям. В связи с этим, приход значительного отряда Хризохира вызывает ряд вопросов. Не был ли он призван императором для участия в определенном походе?

После разгрома правителя авасгов Георгия, Василий II вернулся в Константинополь летом 1023 г.³¹ Согласно Скилице, он сразу же занялся подготовкой к походу на Сицилию. Авангард византийского флота возглавил Орестес, а его действия вместе с новым катепаном Василием Боянесом были успешными в 1025 г.³² Однако смерть императора не позволила продолжить кампанию нужным образом. Как отмечалось выше, рассказ о Хризохире предшествует в тексте Скилицы подготовке к походу на Сицилию. Однако при перечитывании текста Скилицы о последних годах правления Василия очевидно то, что указанные фрагменты читались без разделения³³. Учитывая это, связь между ними не является случайной. Так, подготовка к походу на Сицилию, как это следует из текста Скилицы, состоялась раньше. На это отведено лето 1023 г. – лето 1024 г. Для собрания нужного количества воинов Василий II, как и раньше, мог призвать группы наемников. Одной из таких групп и был отряд Хризохира, который прибыл для возмож-

³⁰ Ibidem, p. 348; Ademar de Chabannes, *Chronique*, ed. J. Chavanon, Paris 1897, p. 140.

³¹ В. Розен, *Император Василий Болгаробойца*, с. 64.

³² V. von Falkenhausen, *Between two empires: Byzantine Italy in the Reign of Basil II*, [in:] *Byzantium in the Year 1000*, ed. P. Magdalino, Leiden 2002, p. 146–147; C. Holmes, *Basil II and the Governance of Empire*, p. 422, n. 62, 506; G. A. Loud, *Southern Italy and the Eastern and Western empires, c. 900–1050*, „Journal of Medieval History”, 38, 2012, 1, p. 18.

³³ После описания истории Хризохира, Скилица сразу же сообщает о замыслах императора: „Βουλόμενος δὲ ὁ βασιλεὺς ἐκστρατεῦσαι κατὰ τῆς Σικελίας Ὀρέστην προέπεμψε μετὰ δυνάμεως ἀδράς, ἕνα ὄντα τῶν πιστοτάτων εὐνούχων”. Ioannis Scylitzae, *Synopsis Historiarum*, p. 368.82–84. Русский перевод: „Император хотел предпринять поход против Сицилии, и отправил вперед с большими силами Орестеса, одного из его верных евнухов”.

ного участия в походе на Сицилию. Такое предположение хорошо объясняет время его прибытия в Константинополь и большое количество воинов, прибывших вместе с ним. Еще одним аргументом в пользу этого предположения является то, что русов часто использовали именно в кампаниях византийского флота, в том числе и на Западе³⁴. Согласно *Annales Barenses*, к армии Орестеса принадлежали также и русы, которых не следует связывать с отрядом Хризохира³⁵. Похоже, последние являлись довольно значительной группой наемников, нанятых еще до сицилийской кампании.

Итак, приход Хризохира в Византию не имел целью грабеж и разбой, а, скорее всего, он и его воины были согласны поступить на наемную службу, если бы не конфликт их лидера с императором.

Василий II и Хризохир. Причиной этого конфликта, как выглядит со слов Скилицы, было нежелание Хризохира сложить оружие перед встречей с императором. Его отказ от этих действий, конечно, был продиктован соображениями собственной безопасности. По мнению Геннадия Литаврина, Хризохир испугался встречи с императором, потому что не располагал князей грамотой, подтверждавшей их приход для поступления на наемную службу, а не для других целей, то есть грабежа и пр.³⁶ Впрочем, предполагать наличие таких „грамот” в первой четверти XI века, вслед за Г. Литавриным, не приходится. Русско-византийские договоры в этот период превратились уже с реально действующими соглашениями в историко-антикварные документы. Более того, трудно представить, что киевский князь мог взять на себя ответственность за действия групп наемников, которые пытались вступить на византийскую службу. Вряд ли оправданно считать, как это предполагает Г. Литаврин, что на намерения императора повлияли известия от Ярослава, сына Владимира Святославича. Последний якобы предостерегал императора от войска Хризохира, а сам лидер русского отряда принадлежал к окружению Святополка³⁷. Такие рассуждения не подкреплены ни хронологией, ни развитием дальнейших событий.

Чтобы понять насколько принятие Хризохира императором отличалось от других встреч со знатными наемниками, посмотрим на два случая, о которых читаем в труде Кекавмена. Они хорошо показывают модель поведения

³⁴ *Chronica Monasterii Casinensis (Die Chronik von Montecassino)*, ed. H. Hoffmann, [in:] *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores* [далее: MGH. SS], t. 34, Hanover 1980, p. 236–243.

³⁵ *Annales Barenses*, ed. G. H. Pertz, [in:] MGH. SS, t. 5, Hanover 1844, p. 53.34–38.

³⁶ Г. Литаврин, *Византия, Болгария, Древняя Русь*, с. 225.

³⁷ *Ibidem*, с. 226.

знатных наемников, различия в их приеме и действиях императора по отношению к ним. Важно то, что один из них относится ко времени императора Василия II и отдален от времени похода Хризохира более чем на тридцать лет. Другой посвящен эпизоду, который состоялся на десять лет позже. Так, в первом из них, Кекавмен писал о переходе на службу к императору анеспия (племянника) немецкого императора (?) Петра в 978 г.: „И вот прибыл один, по имени Петр, племянник василевска Франки к блаженному василевсу Василию на четвертом году его царствования. И василевс удостоил его титула спафария, поставив его domestikом экскувитов Эллады. А деду моему василевс написал: «Да будет тебе известно, вест, что прибыл на службу к моей царственности Петр, родной племянник короля германцев и, как он говорит, решил жить и умереть рабом моей царственности. Поверив в его искренность, моя царственность определила его спафарием ри Хрисотриклинии. Но поскольку он иноплеменник, моя царственность не изволила выдвинуть его в стратеги, чтобы не унижить ромеев, а поставила его domestikом подчиненных тебе экскувитов»³⁸. Другой пример связан с приходом на службу к императору Харальда Сурового: „Аральт же, будучи юношей, пожелал отправиться преклонить колена пред блаженным василевсом Михаилом Пафлагонянином и увидеть ромейские порядки. Привел он с собой и войско, пятьсот отважных воинов. Итак, он прибыл, и василевс его принял как положено, затем отправил Аральта с его войском в Сицилию (ибо там находились ромейские военные силы, ведя войну против острова. Придя туда, он совершил великие подвиги»³⁹.

Принятие наемников, как видно из сопоставления, не было стереотипным. Так, Петру император даровал титул сразу же, а Харальд получил свои титулы только после длительной службы. О встрече Петра с императором ничего не указано. Зато Кекавмен отмечает, что Харальда было принято „как положено“. В чем заключалась эта традиция принятия или встречи с лидером наемной группы – трудно ответить. Вполне возможно, что Хризохир, как и позже Гаральду, было строго приказано сдать оружие перед встречей с императором. Эмоции Хризохира, похоже, дорого ему стоили. Отказ сложить оружие усилил недоверие императора и свёл на нет возможность дальнейшей службы и участия в походе на Сицилию.

---

³⁸ Кекавмен, *Советы и рассказы: Поучение византийского полководца XI века*, пер. Г. Г. Литаврина, Санкт-Петербург 2003, с. 297.

³⁹ Ibidem, с. 299.

Морская оборона империи в свете нападения Хризохира. Поход Хризохира хорошо показывает уязвимость морской обороны империи в первой четверти XI века. Для отражения угрозы со стороны русов, императору потребовалось собрать все возможные силы, которые были в его распоряжении в то время. Однако отряд Хризохира, как представляется, очень легко сделал рейд через Пропонтиду, а затем к Авидосу. Более того, в первой битве он разбил войска стратига Авидоса, ключевого центра морской обороны на подступах к Константинополю. В конце концов, в чем бы ни видеть причину поражения стратига Авидоса, очевидно, что войско Хризохира было достаточно сильным, как на силы неназванного по имени стратига. Скилица приводит общее количество русов – 800 человек, „друзей” (εταῖρος) Хризохира, которых он „захватил” (τελευτήσαντος) для участия в походе. Вряд ли здесь имеем основания не доверять информации Скилицы о количестве людей Хризохира.

Таким образом, если весь отряд насчитывал 800 воинов, то не трудно, собственно, определить примерное количество кораблей русов. Учитывая размещение и численность воинов на привычных для русов кораблях, количество последних не могло превышать 25–30. Это хорошо объясняет успех русов в первой битве со стратигом Авидоса. Скилица пишет, что стратиг „наблюдал за морским берегом”. Слова византийского историка позволяют считать, что нападение Хризохира для него не было неожиданным. После того, как ему вместе со своим войском удалось выскользнуть из рук византийцев в Константинополе, весть об этом должна была быть направлена стратигу Авидоса. Однако „легкость”, с которой Хризохир победил силы этого стратига, показывает слабость сил стратига Авидоса и фемы Эгейского моря. После поражения стратига Авидоса, об обстоятельствах которого Скилица ничего не указывает, Хризохир приплыл к Лемносу. Для его сдерживания были собраны значительные силы, флот фемы Кивириотов, Самоса и Фессалоник⁴⁰. Незамедлительность этого решения показывает, что ситуация выглядела очень опасной для морской обороны империи. Как видим, стратиг Самоса Давид с Охрид и дука Фессалоник Никифор Кавасила справились с этой сложной ситуацией, остановив флот Хризо-

---

⁴⁰ О морских силах этих трех фем имеем информацию только за середину X в. (J. Haldon, *Theory and Practice in Tenth-Century military administration. Chapters II, 44 and 45 of the Book of Ceremonies*, „Travaux et Mémoires”, 13, 2000, p. 258–259; M. Böhm, *Flota i polityka morska*, s. 15).

хира у Лемноса⁴¹. Сосредоточение флота трех фем – Кивиритов, Самоса и Фессалоник против сил русов показывает хорошую скоординированность морской обороны Византии. Возможно, подготовка к походу на Сицилию в какой-то степени помогла силам трех фем быстро отреагировать на конфликт с русами.

Почему Хризохир не пошел дальше Лемноса? Какую цель преследовал он в рейде к Эгейскому морю? Скилица пишет, что Хризохир поверил обещаниям мира. Правда, он не указывает, кто именно предложил мирные переговоры с Хризохиром. Обещания для Хризохира, конечно, являлись попыткой выиграть время, необходимое для прихода морских сил трех фем. Когда они подошли к Лемносу, силы Хризохира были разбиты. Похоже, для Хризохира было важным заключить мир и восстановить хорошие отношения с императором, иначе трудно объяснить почему он принял мирные переговоры. Победа над стратигом Авидосу открыла ему путь грабежей, но он не пытался идти дальше Лемноса, видимо, надеясь на попытку как-то уладить конфликт. Обещания для Хризохира, очевидно, сосредоточивались на этом важном моменте. Выглядит маловероятным предположение Г. Литаврина, что Хризохир планировал объединиться с русскими отрядами на византийской службе, которые в тот момент, по мнению учёного, были размещены в феме Фракисиев⁴². Однако наемники русы в это время не находились в феме Фракисиев, а были сосредоточены в составе войск Василия Боянеса. Их расквартирование в феме Фракисиев состоялось десять лет спустя⁴³. Поэтому нет оснований считать, что в 1024–1025 гг. ситуация могла сложиться так же. Хризохиру не было с кем объединяться. Обещания, которым он поверил, могли включать прощение всех его предыдущих проступков (на что он с радостью мог согласиться) и, скорее всего, согласование участия его отряда в сицилийском походе. Все это, по словам Скилицы, являлось лишь обманом, который привел Хризохира и его людей к гибели.

---

⁴¹ О стратиге Давиде с Охриды, см.: A. Savvides, *On the Prosopography of the Byzantine Maritime Theme of Samos*, „Byzantina”, 18, 1995/1996, p. 270.

⁴² Г. Литаврин, *Византия, Болгария, Древняя Русь*, с. 227.

⁴³ Ioannis Scylitzae, *Synopsis Historiarum*, p. 394.70–77.

*

Oleksandr Fylypchuk, *Rus' and Byzantium in the Last Years of the Reign of Basil II: Chrysocheir and His Warriors*

The later 11th century historian John Scylitzes describes a raid of large groups of the Rus' warriors on Constantinople, led by a man named Chrysocheir, „a kinsman” of Prince Volodimir the Saint. The presented article analyzes final fragments of the book of Basil II of the Synopsis Historion which describes several dramatic topics (the attacks of the Rus', the preparation for the expedition to Sicily and the death of the emperor respectively). A further methodological problem is posed by the nature of the sources of the Synopsis Historion. Scylitzes used as a basis for his accounts on the last years of the reign of Basil II the lost chronicle by Theodore of Sebasteia and other additional materials where the story about Chrysocheir and his warriors and the preparation for the expedition to Sicily were had been gathered together. It is possible to conclude that the groups of mercenaries from the Rus' were hired by Basil II for the future campaign to Sicily in 1024/1025.

Oleksandr Fylypchuk, *Rus a Byzancia v posledných rokoch vlády Bazilea II: Chrysocheir a jeho bojovníci*

Ján Scylitzes, historik z konca 11. storočia popisuje niekoľko nájzdov veľkých skupín z Rusi na Konštantínopol na čele s mužom nazvaným ako Chrysocheir, „príbuzným” kniežaťa Vladimíra Svätého. Tento článok analyzuje posledné útržky z knihy Bazilea II. Synopsis Historion, ktorá opisuje niekoľko dramatických udalostí (útokov Rusov, prípravu na výpravu na Sicíliu či smrť cisára). Následný metodologický problém je ovplyvnený povahou zdrojov Synopsis Historion. Scylitzes použil pre opis posledných rokov vlády Bazilea II. stratenú kroniku Teodora zo Sebasteia a ostatných dodatkov, kde príbeh o Chrysocheirovi a jeho bojovníkoch a príprave na výpravu na Sicíliu boli spojené dokopy v materiáli pre Synopsis Historion. Je možné usudzovať, že skupiny bojovníkov z Rusi boli najaté Bazileom II. pre jeho chystanú inváziu na Sicíliu v rokoch 1024/1025.

Назарий Христан
(Черновцы)

Был ли Владимирко Володаревич „вассалом” византийского императора?

В данной статье автор касается вопроса становления отношений галицких Ростиславичей с Константинополем, о которых не часто сообщается в источниках, особенно византийских. Византийский историк Иоанн Киннам, писавший во времена императора Мануила I Комнина, называет суздальского князя Юрия Владимировича „союзником”, а галицкого князя Владимирка Володаревича – „вассалом”. Сопоставление текстов всех доступных источников свидетельствует о существенном политическом влиянии византийских императоров на галицких князей. В статье предпринято исследование нескольких вопросов, а именно: в чем состояло это влияние, какие были возможные границы „союзничества” Владимирка и его предположительного родства с императором Мануилом.

Становление отношений галицких Ростиславичей с Константинополем слабо отображено в источниках. В связи с этим мы наблюдаем совсем скудную историографическую традицию, которая не дает возможности в полной мере изучить характер этих отношений. Тщательный анализ всех доступных сведений по данной проблеме даст новую перспективу в исследовании русско-византийских отношений XII века. В данной работе мы рассмотрим

один из наиболее дискуссионных вопросов, а именно – был ли Владимирко Володаревич вассалом Византии?

Исторический труд Иоанна Киннама – наш главный источник, в котором сообщается об отношениях Галича и Константинополя. Писавший во времена императоров Иоанна II и его сына Мануила I Комнинов, Киннам в своей *Epitome* неоднократно упоминает князей Руси и определяет их отношение к Константинополю. Так, суздальского князя Георгия (Юрия) Владимировича он называл „союзником” (σύμμαχος)¹, а галицкого князя Владимирка Володаревича – „вассалом” (ὀπίσπονδος)². Следует заметить, что именование ὀπίσπονδος Киннам в своей работе использует только один раз – в качестве характеристики галицкого князя. Чем вызвано такое отличие в титулатуре древнерусских правителей, которые, к тому же, с 1149 г. были союзниками?

Статус Юрия Владимировича в свое время объяснил Михаил Бибииков³, опираясь на более ранние исследования Фердинанда Шаландона⁴. Юрию Долгорукому удалось принять нового греческого митрополита Константина и, таким образом, вернуть русскую церковь под византийское управление. Важен был также сам статус Юрия как киевского князя и формального правителя всей Руси. Такая интерпретация выглядит весьма привлекательно. Здесь также следует учесть сообщение Киннама о Киеве как „главном русском городе”. Таким образом, провизантийская политика сделала Юрия Владимировича „важным союзником греков” в представлении Киннама⁵. Однако здесь важно понять и саму интерпретацию термина „союзник” для Византии периода правления дома Комнинов. В свое время Василий Васильевский подчеркнул, что расположение сил в Восточной Европе выглядело как шахматная доска – каждый видел в соседе противника своего возмо-

¹ *Ioannis Cinnami Epitome rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum*, ed. A. Meineke (Серия: *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae*), Bonn 1836, p. 235; Иоанн Киннам, *Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов (1118–1180)*, пер. В. Н. Карпова, Санкт-Петербург 1859, с. 91.

² *Ioannis Cinnami Epitome rerum*, p. 115; Иоанн Киннам, *Краткое обозрение*, с. 45.

³ М. В. Бибииков, *BYZANTINOROSSICA: Свод византийских свидетельств о Руси*, т. 1, Москва 2009, с. 481.

⁴ F. Chalandon, *Les comnènes. Etudes sur l'Empire Byzantin au XI et au XII siècles*, Paris 1912, p. 414–415.

⁵ М. В. Бибииков, *Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы*, Москва 1997, с. 139.

жного друга и союзника⁶. Особенно характерной эта политика была для Константинополя. Мы видим Византию во вражде с Венгрией и в союзе с Юрием Долгоруким, который выступал против Изяслава Мстиславовича, союзника Гезы II. Соответственно Галич в союзе с Юрием Владимировичем выступал таким же союзником для Византии, как и суздальский князь. Но Мануил I, согласно Киннаму, смотрел на Владимирка Володаревича как на „вассала“. Это приводит к выводу, что связь между галицким князем и византийским императором была значительно более тесной, чем казалось раньше.

Для того, чтобы понять контекст проблемы, обратимся к тексту византийского автора. Остановившись на возможных причинах похода Мануила I против Венгрии в 1151 г., Иоанн Киннам указывает на особые отношения между Мануилом I и Владимирком Володаревичем. По его словам, император решил отомстить венгерскому королю Гезе II за то, что он напал на Владимирка – „вассала“ Мануила: „Huius quippe rei potissimum causa imperator bellum istud aggressus erat, quod se invito Bladimerum id nomen erat Galitzae principi“⁷.

Слова византийского историка можно объяснить как поиск формального предлога для конфронтации Византии и Венгрии, в которой определенная роль отводилась Владимирку Володаревичу. Такое объяснение сообщения Киннама предлагал Митрофан Левченко⁸. Все же, здесь следует поддержать мнение Константина Грота, что поход Мануила Комнина на Гезу II в 1151 г. был, прежде всего, обусловлен поддержкой венгерским правителем восставших сербов⁹. Таким образом, можно предположить, что использование Иоанном Киннамом определенного термина по отношению к Владимирку Володаревичу, содержит в себе ссылку на существование некоего договора. Договора, связывавшего обе стороны, и, видимо, этим, собственно, и руководился историк при написании своей работы.

⁶ В. Г. Васильевский, *Из истории Византии в XII веке: Союз двух империй*, [in:] *Idem, Труды*, т. 4, Ленинград 1930, с. 46.

⁷ *Ioannis Cinnami Epitome rerum*, р. 115. Русский перевод: „Царь за то особенно и мстил ему (Гезе), что он напал на Владимира (это было имя правителя Галиции), вассального союзника, вопреки его желанию“, см.: Иоанн Киннам, *Краткое обозрение*, с. 45.

⁸ М. В. Левченко, *Очерки по истории русско-византийских отношений*, Москва 1956, с. 478.

⁹ К. Я. Грот, *Из истории Угрии и славянства в XII веке (1141–1173)*, Варшава 1889, с. 180.

Проблема именованя галицкого князя Владимирка достаточно противоречиво отображена в историографии¹⁰. Однако ясно одно – должна была существовать „особая связь”, даже возможно союзный договор Галича и византийского императора, который, по всей видимости, должен был быть истолкован в Константинополе как принятие галицким князем сюзеренитета византийского императора.

Здесь возникает вопрос: каков был „статус” Владимирка Володаревича в византийской иерархии власти? Возможно ли считать отношения между Владимирком и Мануилом союзническими?

В поисках решения этой проблемы, по нашему мнению, следует сопоставить слова византийского историка с другим важным источником – перепиской германского императора Конрада III и византийских императоров Иоанна II и Мануила I, которая сохранилась в труде епископа Оттона Фрейзингского *Деяния Фридриха (Барбароссы)*¹¹. Кроме основной темы переговоров (союз против норманнов Роджера II в Сицилии), в этой переписке говорится о мерах, которые следует предпринять византийской стороне, в связи с ограблением и убийством людей германского правителя на Руси. В послании Конрада читаем: „Praeterea De Ruthenis, qui ad contemptum imperii nostri, occisis hominibus nostris, pecuniam nostrum sibi usurpaverunt convenit in causa amici et propinqui tui et sicut nobis scripsisti, ita facias”¹². В ответ на это император Иоанн заверял Конрада: „De causa quae facta sunt in Rossia, sicut imperio meo scripsisti, sicut convenit imperio meo facere in causa amici et propinqui sui, sic et faci”¹³. К этой теме, видимо, не получив ожидаемого результата,

¹⁰ См. например: А. В. Назаренко, *Первые контакты Штауфенов с Русью (К истории русско-немецких отношений в 30-е гг. XII в.)*, [in:] *Восточная Европа в исторической ретроспективе: к 80-летию В. Т. Пашуто*, ред. Т. Н. Джаксон, Е. А. Мельникова, Москва 1999, с. 177; В. Г. Васильевский, *Из истории Византии в XII веке*, с. 45.

¹¹ Bischof Otto von Freising und Rahewin, *Die Taten Friedrichs oder richtiger Cronica*, ed. A. Schmidt, F. J. Schmale, Darmstadt 1965, s. 172, 174, 176. См. также: *Die Urkunden Königs Konrads III*, [in:] *Monumenta Germaniae Historica: Diplomatum regum et imperatorum Germaniae*, t. 9, ed. F. Hausmann, Wien–Koln–Graz 1969, s. 63–64.

¹² Bischof Otto von Freising und Rahewin, *Die Taten Friedrichs*, s. 172. Русский перевод: „Что касается русских, которые оскорбив нашу державу, убили наших людей и присвоили наши деньги, то поступи так, как ты писал нам, в деле твоего друга и родственника”. См.: А. В. Назаренко, *Первые контакты Штауфенов с Русью*, с. 175.

¹³ Bischof Otto von Freising und Rahewin, *Die Taten Friedrichs*, s. 174. Русский перевод: „Относительно происшествя на Руси, как ты писал о том моей державности, я поступил так, как подобает, в деле своего друга и родственника”. См.: А. В. Назаренко, *Первые контакты Штауфенов с Русью*, с. 176.

Конрад возвращается в письмах к приемнику Иоанна Мануилу I: „De Ruthenis vero, pro quibus patri tuo divinae recordationis Iohanni imperatori”¹⁴. Историческая достоверность записей епископа Оттона не вызывает каких-либо сомнений. О важности упомянутой переписки для политической истории Руси XII века уже неоднократно указывалось в историографии¹⁵. Так, Александр Назаренко, соглашаясь с мнениями К. Грота и М. Бибикова, пришел к выводу, что в переписке Конрада III с императорами Иоанном и Мануилом речь идет о посольстве германского короля к волынскому князю Изяславу Мстиславичу, которое в 1139 г. было перехвачено и ограблено галицким князем Владимирком Володаревичем¹⁶. Интересным является сам факт обращения Конрада к византийскому императору по такому деликатному вопросу. Это приводит нас к мысли, что Иоанн имел особые возможности дипломатического давления или же влияния на Галич, которых не было у германского короля.

В историографии мы не находим четкого ответа на то, каким именно было влияние византийских императоров на Владимирка. Владимир Ламанский¹⁷ и В. Васильевский¹⁸ видели в этом существование супрематии Византии над христианской Русью. Такой же мысли придерживался К. Грот, утверждая, что Конрад признавал верховную власть Иоанна на Руси (как части восточно-христианского мира) требуя решения „русского дела”. Византийский император, в свою очередь, нашел уместным дать обещание эту просьбу удовлетворить¹⁹. По нашему мнению, рассуждения о взаимном разделении власти между двумя правителями здесь не совсем уместны и, главное, не разрешают эту проблему. Как очень четко подметил А. Назаренко²⁰, речь идет не об идиллических спорах влияния на мир, а о конкрет-

---

¹⁴ *Die Urkunden König Konrads III*, s. 64. Русский перевод: „Что же касается русских, о которых мы писали твоему блаженной памяти отцу”. См.: А. В. Назаренко, *Первые контакты Штауфенов с Русью*, с. 177.

¹⁵ В. Г. Васильевский, *Древняя торговля Киева с Регенсбургом*, „Журнал министерства народного просвещения”, 78, 1888, с. 139; К. Я. Грот, *Из истории Угрии и славянства*, с. 66; А. В. Назаренко, *Первые контакты Штауфенов с Русью*, с. 175; М. В. Бибилов, *Византийский историк Иоанн Киннам*, с. 139.

¹⁶ А. В. Назаренко, *Первые контакты Штауфенов с Русью*, с. 175.

¹⁷ В. И. Ламанский, *Видные деятели западно-славянской образованности в XV, XVI и XVII веках*, [in:] *Славянский сборник*, Санкт-Петербург 1875, с. 467.

¹⁸ В. Г. Васильевский, *Древняя торговля Киева с Регенсбургом*, с. 140.

¹⁹ К. Я. Грот, *Из истории Угрии и славянства*, с. 66.

²⁰ А. В. Назаренко, *Первые контакты Штауфенов с Русью*, с. 171.

ном юридическом и политическом вопросе, который требовал практического, реального решения. Это решение оттягивалось византийской стороной, постоянно намекавший на деликатность вопроса и как следствие – извинения за медлительность дела.

Часть разгадки состоит в упоминании правителей „друга и родственника”. Учитывая, что инцидент произошел на Руси, это приводит нас к проблеме матримониальных связей галицких Ростиславичей и дома Комнинов. Александр Каждан в своем исследовании русско-византийских матримониальных связей сомневался в реальности брака дочери Володаря Ростиславича с одним из сыновей Алексея Комнина (Андроник или Исаак)²¹. Но стоит ли здесь не доверять сообщению *Повести временных лет*²², к тому же составленному современником событий? Следует заметить, что союз был взаимовыгодным обеим сторонам. Исходя из этого, можно сделать предположение, что статус Володаря, по отношению к византийскому императору, остался приемлемый и к Владимиру, свату Иоанна II. Такое предположение кажется привлекательным, поскольку объясняет потребляемое Конрадом словосочетание „друг и родственник” целиком и полностью. Влияние императоров Иоанна и Манула Комнинов, в представлении германского короля, можно объяснить, как со стороны кровного родства, так и со стороны союза, который ему сопутствовал.

Изложенные нами рассуждения требуют учесть еще один важный момент – поддержка дружественных отношений с Конрадом была важной частью внешней политики двух византийских императоров²³. Последствием этого стала женитьба Мануила I на своячке Конрада – Берте Зульцбаг (Ирине), сестре королевы Гертруды²⁴. О большой значимости союза с германским королем для Константинополя неоднократно писал К. Грот, говоря о том, что во внешних делах Мануил, прежде чем принять решение, исходил из возможности поддержки его со стороны Конрада, важного союзника, в дружбе

²¹ A. P. Kazhdan, *Rus'-Byzantine Princely Marriages in the Eleventh and Twelfth Centuries*, „Harvard Ukrainian Studies”, 12/13, 1988/1989, p. 425.

²² „Ведена дщи Володарева за цревичь за Олексиничь, Цесарюгороду, мѣсяца июлия въ 20”. См.: *Лаврентьевская летопись*, [in:] *Полное Собрание Русских Летописей*, т. 1, Ленинград 1926, стб. 280.

²³ Переписка дает нам отчетливо понять, что между правителями обсуждались разные вопросы, начиная от политики, экономики и заканчивая религиозными. См.: Bischof Otto von Freising und Rahewin, *Die Taten Friedrichs*, s. 172, 176.

²⁴ К. Я. Грот, *Из истории Угрии и славянства*, с. 83.

которого он не мог усомниться²⁵. Исходя из этого, как объяснить такую медлительность византийских императоров в казалось бы столь незначительном вопросе, как наказание за ограбление и убийство послов, тем более, при прямом прощении германского короля (ценимого друга)? К тому же, весьма вероятно, что этот вопрос так и остался неразрешенным.

Возвращаясь к записям Иоанна Киннама, можно сомневаться в характеристике галицкого князя как вассала императора. Непоследовательность передачи терминов у Киннама уже отмечал М. Бибииков²⁶. Именование Владимирка в переводах подано как лат. *foederatis*²⁷, то есть „союзник” или же „связанный договором”²⁸. Ведь как тогда Владимирко, будучи в прямой зависимости от Константинополя, мог решиться на такой глупый и необдуманный шаг, как убийство королевских послов, что могло привести к значительному ухудшению отношений Конрада с Византией? При этом оставаясь безнаказанным и, кроме того, получая военную помощь Мануила в соперничестве с Гезой II 1151 г. и другими русскими князьями. К этому следует добавить, что Киннам, давая оценку Владимирку, ничего не упоминает о его возможном родстве с императором, о котором, возможно, он не знал. Отсутствие других источников, которые могли бы дополнить наши знания о связи между Владимирком и византийскими императорами, позволяет нам усомниться в вассальной зависимости галицкого князя.

*

Nazarii Khrystan, Was Vladimirko Volodarevich „a Vassal” of the Byzantine Emperor?

In this article, the author focuses on relations between the Galician Rostislavichi and Constantinople that are only rarely recorded by sources, especially those of the Byzantine origin. Byzantine historian Ioannes Kinnamos who was writing during the time of the Emperor Manuel I Comnenus. Manuel and who called the Suzdal Prince Yury Vladimirovich „an ally” and the Galician Prince Vladimirko Volodarevich – „a vassal”. A comparison of the texts shows that the Byzantine emperors had a significant political influence on the Galician princes. This articles

²⁵ Ibidem, с. 181.

²⁶ М. В. Бибииков, *Византийский историк Иоанн Киннам*, с. 117.

²⁷ *Ioannis Cinnami Epitome rerum*, p. 115.

²⁸ Д. Д. Оболенский, *Связи между Византией и Русью в XI–XV вв.*, Москва 1970, с. 58.

attempts to approach several important issues: what the real influence resulting from such a statement was; what the possible boundaries of this „vassal alliance” of Vladimirko could have been and how his possible relationship with the Emperor Manuel could be defined.

Nazarii Khrystan, *Bol Vladimirko Volodarovič „vazalom” byzantského cisára?*

V tomto článku sa autor zameriava na vzťahy haličských Rostislavovičovcov s Konštantínopolom, čo je hlavne v byzantských prameňoch popísané slabo. Byzantský historik Jan Kinnamos, ktorý písal počas vlády cisára Manuela I. Komnena nazval súzdalské knieža Jurija Vladimíroviča „spojencom” a haličské knieža Vladimirka Volodaroviča „vazalom”. Porovnanie textov ukazuje, že byzantský cisár mal značný politický vplyv na haličské kniežatá. Táto práca sa pokúša o výskum niekoľkých dôležitých otázok: aký bol charakter a aké boli možné hranice vplyvu tohto „vazalského spojenectva” Vladimirka s jeho možným príbuzným, cisárom Manuelom?

Дарья Глебова
(Москва)

„Церковь ледяна, а алтарь огнен”: к вопросу об источниках Сказания Анфилога царя о святой литургии

Данное исследование является попыткой комментария и интерпретации загадки надписи „церковь ледяна, а алтарь огнен; алтарь погаснет, церковь растает”, найденной среди граффити XI–XII вв. в соборе Св. Софии в Киеве. Анализируются структура образного ряда загадки, история его сложения, а также возможные источники образов, объединенных в тексте. В качестве одного из источников автор выдвигает Сказание о Макарии Римском. В свою очередь, известное в списках XVI–XVIII вв. Сказание Анфилога царя о святой литургии, которое, предположительно, могло быть источником, автор предлагает считать вторичным памятником, инкорпорирующим в себя уже сложившийся текст загадки.

Среди граффити на стенах Софийского собора в Киеве можно прочесть надпись, датируемую исследователями XI–XII веками „олтарь пламны а цркы ледана и олтарь погаснетъ и церкы стаць”¹. Рядом с надписью

---

¹ „Алтарь пламенный, а церковь – ледяна; алтарь погаснет – церковь растает”. № 73, Табл. № LXVII, [in:] С. А. Высоцкий, *Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв.*, Киев 1966, с. 109, 212–213.

находится рисунок – на невысокой голгофе стоит престол с водруженным на него крестом. Предположительно, на рисунке изображена „Иордань”, которую сооружают на реке во время крещенских праздников², надпись же, возможно, поясняет изображение. По мнению Алексея Гиппиуса и Саввы Михеева, она может представлять собой загадку³. С. Михеев отметил также параллель к киевскому граффито в тексте совсем другого рода – переводном рассказе, известном как *Сказание Анфилога царя о святой литургии*. Сказание, дошедшее до нас в русских списках XVI–XVIII веков, повествует о сарацинском царевиче, пожелавшем увидеть христианское богослужение. Интересующая нас фраза читается в начале описания литургии: „По скончанїи же того [проскомидии – Д. Г.], егда рече поп: „Бл(с)ви влѣдкѣ”, въ той час стѣа цркъвь [ста] ледана, а влтарь огнен”⁴. Возникает вопрос о происхождении антитезы „алтарь огнен, а церковь ледяна”: является ли надпись в Софийском соборе цитатой из рассказа о сарацине или наоборот? Или их связывает что-то другое? И вообще, что значит эта фраза „церковь ледяная, а алтарь огненный”? Для начала попробуем найти к ней ключи в истории текста *Сказания*.

Центральный сюжет *Сказания Анфилога царя о святой литургии* – евхаристическое чудо, предстающее перед глазами сарацина: присутствуя на литургии, он видит не хлеб и вино, но буквально тело и кровь Христа. Сюжет о евхаристическом чуде очень древний. Так, в византийской литературе он встречается уже в IV в. н. э.: в одном из рассказов сборника *Apophthegmata patrum* (IV–VI вв.) чудо используется в качестве способа для уверения сомневающегося в своей вере монаха. С тех пор традиция текстов такого рода не увядала – помимо византийской, этот сюжет встречается в арабской житийной литературе⁵, активно развивается в западной традиции: например, Александр Веселовский в одной из своих работ прослеживает прямую связь

---

² Ibidem, с. 109.

³ А. А. Гиппиус, С. М. Михеев, *Две древнерусских загадки XII–XIII вв. из Новгорода и Новгородка*, [in:] *Храм і люди. Збірка статей до 90-річчя з дня народження Сергія Олександровича Висоцького*, Київ 2013, с. 90.

⁴ *Рукопись о. Теодора з Дубівця. 154–160*, [in:] И. Франко, *Апокрифи і легенди з українських рукописів*, Репринт видання 1906 року, т. 4, Львів 2006, с. 92–95.

⁵ С. А. Моисеева, *Первые памятники арабо-христианской житийной литературы и их связь с византийской агиографической традицией („Мученичество Антония-Равха” (IX–X вв.))*, „Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия III: Филология”, 4 (26), 2011, с. 77–86.

между сюжетом о евхаристическом чуде и легендой о святом Граале⁶. Рассказ о евхаристическом чуде появляется и в византийских агиографических текстах: так, например, этот сюжет встречается в *Житии* Василия Великого⁷, используется в агиографии святого Георгия. Авторство одного из таких рассказов о святом Георгии приписывается Григорию Декаполиту – византийскому подвижнику и аскету, жившему в VIII–IX веках. В исследовательской литературе этот текст известен как *Sermo Historicus* Григория Декаполита⁸. По мнению исследователей, перевод именно этого труда Декаполита является основой *Сказания Амфилога царя о святой литургии*: Эмиль Калужняцкий, славист, введший рассказ в научный оборот⁹, первым заметил, что фабула в текстах повторяется практически полностью¹⁰. Сопоставление *Сказания* с вариантом рассказа Декаполита, опубликованным в *Patrologia Graeca*, показывает, что фрагмента с „ледяной церковью” у Декаполита нет. На данный момент можно предположить, что он появился в ткани рассказа уже в переводах. Поэтому вкратце рассмотрим историю *Сказания Амфилога царя* на славянской почве.

Важно отметить, что ученым известно о существовании на Руси двух традиций перевода *Sermo Historicus* Декаполита. Первая – это сжатый пересказ в составе *Пролога* (под 26 ноября), появляющийся уже в списках XIII века¹¹. В том же виде пересказ в XVI веке из *Пролога* попадает в *Великие Четьи-Минеи* митрополита Макария¹². Обратим внимание на особенность проложной традиции перевода *Sermo Historicus* – фабула рассказа здесь

⁶ А. Н. Веселовский, *Амфилох – Evalach. Эпизод Grand St.-Grald в славянском апокрифе*, „Журнал министерства народного просвещения” [далее: ЖМНП], апрель, 1889, с. 370–382; Н. Туницкий, *Древние сказания о чудесных явлениях Младенца-Христа в евхаристии*, „Богословский вестник”, май, 1907, с. 201–229.

⁷ Н. К. Голейзовский, *Два эпизода из деятельности новгородского епископа Геннадия*, „Византийский временник”, 41 (66), 1980, с. 127.

⁸ Издание греческого и латинского текстов, см.: J. P. Migne, *Sermo Historicus*, „Patrologia Graeca”, 100, 1865, col. 1201–1212. Русский перевод Ю. В. Максимова: Григорий Декаполит, *Византийские сочинения об исламе (тексты переводов и комментарии)*, под ред. Ю. В. Максимова, Москва 2012, с. 78–85.

⁹ Е. И. Калужняцкий, *Обзор славяно-русских памятников языка и письма, находящихся в библиотеках и архивах львовских*, Киев 1877, с. 25–28.

¹⁰ Idem, *Die Legende von der Vision Amphilog's und der Λόγος ἱστορικός des Gregorios Dekapolites*, „Archiv für slavische Philologie”, 25, 1903, s. 101–108. Ученый отметил также рамочную функцию фабулы рассказа Декаполита в *Сказании Амфилога царя о святой литургии*.

¹¹ Ю. В. Максимов, *Византийские сочинения об исламе*, с. 76.

¹² А. Н. Веселовский, *Амфилох – Evalach*, с. 378.

предстает предельно сжатой, что выводит агиографическую составляющую текста Декаполита на первый план¹³. Вероятно, в тексте с такой прагматикой для распространенной вставки с толкованием на литургию просто нет места – и фрагмент с „ледяной церковью” все также не обнаруживается.

Вторая традиция перевода *Sermo Historicus* Декаполита является непосредственно тем текстом, который известен как *Сказание Амфилога царя о святой литургии*. В настоящее время в научном обороте находятся пять западнорусских и один болгарский список *Сказания*. Сравнение списков первой и второй традиций показывает, что тексты, принадлежащие второй традиции, намного более распространены в деталях и отступлениях. Кроме того, их все отличает значительное расхождение в композиции: в текстах второй традиции появляется вставка с подробным описанием литургии, символически толкующая содержание обряда, где и находим фрагмент „церковь ледяна, а алтарь огнен”. Так же в этой традиции перевода мы впервые узнаем имя сарацина – Амфилог (или Амфилог).

Вопрос об истории перевода *Сказания Амфилога царя о святой литургии* и появления в нем толковой вставки, на наш взгляд, не является решенным. Болгарский исследователь Георги Минчев предположил, что перевод был сделан в Болгарии в XIV веке, затем попал в молдавскую и валахскую литературу, а также на территорию юго-западной Руси – самый ранний западнорусский список, находящийся в научном обороте, датируется XVI веком. Также ученый отмечает, что восточнославянские списки сильно отличаются от южнославянских¹⁴, но не рассматривает этих отличий подробно, из-за чего история состава толковой вставки остается непроясненной. Таким образом, вопрос о месте и времени появления фрагмента о ледяной церкви и огненном алтаре в тексте толковой вставки *Сказания Амфилога царя* до сих пор открыт. Но если согласиться с предположением Г. Минчева о том, что *Сказание* было переведено в XIV веке, то хотя бы одна загадка будет решена – *Сказание Амфилога царя о святой литургии* не могло быть источником надписи в Софии Киевской.

Теперь сделаем попытку прояснить значение фрагмента „церковь ледяная, а алтарь огненный”, для чего рассмотрим некоторые источники толко-

---

¹³ Упор на агиографию также поддерживается тем, что пересказ появляется в *Прологе* под 26 ноября (день памяти святого) и тем, что в нем остается упоминание церкви Св. Георгия.

¹⁴ Г. Минчев, „Видение царя Амфилохи” – между историей и литургическим повествованием, „Труды Отдела древнерусской литературы” [далее: ТОДРЛ], 57, 2006, с. 344–349.

вой вставки. Очевидно, что их нужно искать в толкованиях на литургию, вошедших в византийскую литературу в VII веке¹⁵ и появляющихся на Руси в переводах. Одним из основных источников *Сказания* в научной литературе считается *Слово св. Григория о литургии*, известное в славянских переводах начиная с XIV века¹⁶: присутствуют сюжетные (появление огненных ангелов на литургии, закалывание младенца иереем) и текстуальные пересечения. *Слово св. Григория о литургии* входило в состав *Толковой службы* – объемного толкования, собранного в XV веке¹⁷. Основные тексты, входящие в *Толковую службу*, были опубликованы Николаем Красносельцевым¹⁸ и Татьяной Афанасьевой¹⁹. Знакомство с толкованиями на литургию показывает, что полной оппозиции „церковь ледяна, а алтарь огнен” там нет. Но при этом огонь в этих толкованиях практически постоянно так или иначе связывается с алтарем. Так, например, огненным может быть сам алтарь („въ тои чл(с) покровъ црѣквнныи ѿврѣзаетса и пламененъ весь ѿлтарь будетъ”²⁰) или окружающие его ангелы („и ѿгнѣни аггли сташа окрѣ(с)тъ ѿлтарѧ”²¹). Поскольку тексты этого круга, предположительно, не позднее XII века уже были известны на Руси²², „пламенный алтарь” из надписи на стене киевской Софии вполне может восходить к ним. К ним же явно восходит и „огненный алтарь” из *Сказания Анфилога царя*. Но как быть со второй частью оппозиции – „ледяной церковью”? Откуда она могла появиться как в граффитти, так и в *Сказании Анфилога царя о святой литургии*?

¹⁵ Т. И. Афанасьева, *Древнеславянские толкования на литургию в рукописной традиции XII–XVI вв.: исследование и тексты*, Москва 2012, с. 8.

¹⁶ Н. Туницкий, *Древние сказания*, с. 201–229; Т. И. Афанасьева, *Древнеславянские толкования*, с. 64.

¹⁷ Т. И. Афанасьева, *Древнеславянские толкования*, с. 140–141.

¹⁸ Н. Ф. Красносельцев, „Толковая служба” и другие сочинения, относящиеся к объяснению богослужения в Древней Руси до XVIII века, [in:] *Православный собеседник*, ч. 2, Казань 1878, с. 3–43.

¹⁹ Т. И. Афанасьева, *Древнеславянские толкования*, с. 224–393.

²⁰ „Толковая служба” по Чудовской кормчей, ГИМ, Чуд. 167 2-я пол. XV в., л. 237, [in:] Т. И. Афанасьева, *Древнеславянские толкования*, с. 387.

²¹ „Слово св. Григория о святой литургии”, РНБ, Соф. 1490 сборник XVI в., л. 437, [in:] Т. И. Афанасьева, *Древнеславянские толкования*, с. 328.

²² По мнению Т. И. Афанасьевой, верхней границей датировки толкований на литургию типа *Слова Св. Григория о святой литургии* можно считать XIV в. (время создания компиляции *Толковая служба*), определить же нижнюю границу сложно. Исследовательница предположила, что *Слово* переводится не раньше *Сказания церковного*, которое датируется XII в. См.: Т. И. Афанасьева, *Древнеславянские толкования*, с. 61.

Поиск по историческим словарям русского языка²³ обнаруживает этот образ в *Слове о трех мнисех*, так же известном как *Сказание о Макарии Римском* – апокрифе, повествующем о странствиях трех монахов в поисках „земного рая”. Предположительно, его древнейший славянский перевод был сделан в Болгарии, исследователям же известны южнославянские и русские списки начиная с XIV века²⁴. В русском списке мы находим искомую „ледяную церковь”: „И въставше, **и видѣхомъ церковь, и бяше я ледяна и велика** [выделено нами – Д. Г.], посреде же церкви тоя олтарь знамянованъ. Посреде же олтаря того источник знамянанъ водный бѣль, яко млеко. И видѣхом ту мужи страшны зѣло, окрестъ воды стояща. И пояхуть аггельския песни”²⁵.

Олег Творогов в комментарии к *Сказанию о Макарии Римском* отметил, что „судя по сербским спискам апокрифа, речь идет о том, что храм был белизны необычайной, словно сооруженный из льда или хрусталя”²⁶. Однако оговорим, что в одном из самых полных сербских списков (*Хлудовский список*, XIV в.), льда нет: „и въставше и видѣхомъ цркъвъ великоу зѣло и посрѣ(д) цркъве олтарь съз(д)анъ и посрѣ(д) олтаря того источни(к) бѣлы воды”²⁷. С другой стороны, в одном из списков *Сказания о Макарии римском* XVII века, который, по данным Николая Петрова, является переводом с латинского, обнаруживается именно хрусталь: „по малѣ же возбудившееся видѣхомъ предѣ собою церковь неизреченною добротою и драгостию украшенну, и **вся аки чистъ хрусталь свѣташеса** [выделено нами – Д. Г.]; внутри же ея олтарь благолѣпен и отъ него источникъ исходаше в подобіе чиста млека, ако намъ вода та поистиннѣ мнашеса млеко”²⁸. Картина усложняется – ответить на вопрос, в какой именно мо-

²³ См. напр.: *Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.*, т. 4, Москва, 1991; *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 8, Москва, 1981.

²⁴ М. А. Салмина, „Апокриф о Макарии Римском”, [in:] *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, вып. 1, Ленинград 1987, с. 41–43.

²⁵ М. А. Салмина, О. В. Творогов, *Сказание о Макарии римском*, [in:] *Библиотека литературы Древней Руси*, т. 3, Санкт-Петербург 1999. (<http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4931#> [27.11.2014])

²⁶ Ibidem.

²⁷ А. И. Никифоров, *Минейные и проложные тексты апокрифа о Макарии Римском в славянорусской письменности*, „Известия общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете”, 32, 1923, 2, с. 132.

²⁸ Рукоп. Киев. Акад. № 86, стр. 33–47, см.: Н. Петров, *О влиянии западноевропейской литературы на древнерусскую*, „Труды Киевской Духовной Академии”, 4, 1872, с. 47–49.

мент образ церкви с источником приобрел эпитет „ледяной” или сравнение с хрусталем, пока не представляется возможным. Появляется ли он только в русских переводах или все же существует упущенный или утерянный южнославянский вариант? Есть ли у этого фрагмента греческий источник? Исследование требует продолжения.

Пока же попробуем предположить, к чему восходят „лед” и „хрусталь” в приведенных цитатах. Слово „хрусталь” – перевод-калька с греческого „κρύσταλλος”, которое может значить и „лед”; также есть производное от него: „κρυσταλλίζω” – „быть прозрачным, как кристалл”²⁹. В Библии находим образ „кристалла”/„хрусталя” в таком контексте: „И показал мне чистую реку воды жизни, светлую, как кристалл [выделено нами – Д. Г.], исходящую от престола Бога и Агнца”³⁰.

Схожий образ просматривается в цитате из *Сказания о Макарии Римском*: в поисках земного рая монахи видят церковь с алтарем, из которого бьет источник „бел, яко млеко”. В свою очередь, в приведенном отрывке из *Откровения* Иоанна Богослова описывается Новый Иерусалим – „Град Божий”, место, если не равное Раю, то схожее с ним. А из алтаря течет „река воды жизни”.

Однако, „кристалл” в *Откровении* относится к воде, а не к церкви („чистую реку воды жизни, светлую, как кристалл”). На наш взгляд, появление „ледяной” или „светящейся, как хрусталь” церкви в *Сказании о Макарии Римском* можно объяснить своеобразным переносом свойств чудесного источника, который она в себя вмещает, на всю конструкцию в целом. Т. е. церковь – ледяная, хрустальная потому, что внутри находится нечто (алтарь с источником), чей свет сравним со льдом/хрусталем. Таким образом, у эпитетов „ледяной” или „хрустальный” применительно к церкви появляется и символическое значение – вместилище „источника жизни”, а значит – нечто, имеющее божественную природу.

Применение такого значения слова „ледяной” к фрагменту из *Сказания Анфилога царя о святой литургии* („по скончани же того, егда рече поп: „Бл(с)ви влѣдкв”, въ тои час стѣа црѣквь [ста] ледана, а влтарь огнен”) дает возможность шире взглянуть на традиционную оппозицию „ледяной” – „пламенный”. С одной стороны, антитеза сохраняется и тем самым спо-

²⁹ И. Х. Дворецкий, *Древнегреческо-русский словарь*, т. 1, Москва 1958, с. 987.

³⁰ Синаодальный перевод. Оригинальный текст: „Και μοι ἔδειξε καθαρὸν ποταμὸν ὕδατος τῆς ζωῆς λαμπρὸν ὡς κρύσταλλον, ἐξέρχόμενον ἐκ τοῦ θρόνου τοῦ Θεοῦ καὶ τοῦ Ἀρνίου”. *Откр.* 22:1.

собствует усилению загадочности текста, что не кажется чуждым самой идее сакральности литургического обряда, неслучайно называемого „таинством”. При более глубоком же рассмотрении оказывается, что „лед и пламя” могут не только противопоставляться, но и сосуществовать на равных как два свойства Божественного, проявляющихся во время литургии. Два свойства, не противоречащих друг другу.

В качестве еще одного примера символического сосуществования „льда” и „пламени” приведем другой фрагмент из *Сказания о Макарии Римском*, где лед появляется в описании херувимов: „Сут же та хиравами от ногу до пупа – человекѣци, а перси лвовы, а глава иноу тварью, а ружѣ, яко ледяни [выделено нами – Д. Г.] и оружье пламянно в руках ихъ внѣ стѣнъ градныхъ”³¹.

Парный образ обнаруживается в берестяной грамоте под номером 930 (конец XIV в. – начало XV в.), содержащей так называемую *Сисиниеву легенду*³², где, возможно, *Сказание о Макарии Римском* тоже послужило источником: „И види анѣла летаща с нбѣсѣ стѣго сисиниа и сиха(ила) [н]аруци имуще леданы. а в руку д[ѣ](ржа)ща Оружья пламена”³³.

„Пламенное оружие” в грамоте восходит к *Книге Бытия* (3:24): „И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни”³⁴. „Ледяные” же „наручи” – элементы доспеха, защищающие руку от кисти до локтя – возможно, имеют то же значение, что и „ледяная” церковь в *Сказании Анфилога царя*: подчеркивают близость их владельца к Божественному. С другой стороны, „ледяной” здесь может быть также обозначением света (вспомним, что река жизни в *Откровении* Иоанна Богослова – „светлая, как кристалл”). В любом случае, пламя меча и лед доспеха сосуществуют друг с другом.

Подведем итоги. На первый взгляд, формула „олтарь пламаны а цркы ледана и олтарь погаснетъ и цркы стаеть” может восприниматься только

³¹ М. А. Салмина, О. В. Творогов, *Сказание о Макарии римском*, [in:] *Библиотека литературы Древней Руси...* (www.lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4931# [27.11.2014])

³² Т. А. Агапкина, А. Л. Топорков, *Сисиниева молитва от трясовиц и древнерусские индексы ложных книг*, [in:] *Запретное / допускаемое / предписанное в фольклоре*, ред. Е. Н. Дувакин, Ю. Н. Наумова, Москва 2013, с. 197–227. Согласно авторам, версия *Сисиниевой легенды*, засвидетельствованная берестяной грамотой, хотя и атрибутируется индексами отреченных книг как болгарское сочинение, в действительности возникла уже на восточнославянской почве.

³³ А. А. Зализняк, *Древненовгородский диалект*, Москва 2004, с. 694.

³⁴ Синодальный перевод.

как загадка, построенная на антитезе „лед” – „пламя”. В действительности же, на наш взгляд, она обладает сложной структурой, являясь результатом синтеза нескольких компонентов разного происхождения. Так, „пламенный алтарь” восходит к толкованиям на литургию. „Ледяная церковь” – вероятно, к *Сказанию о Макарии Римском*, где этот образ возникает под влиянием Апокалипсиса. Оттуда же берется и соединение „льда и пламени”, появляющееся в образе херувима, в чьем описании сосуществуют „божественный” лед и „пламенное оружие” из *Книги Бытия*. А толковая вставка в *Сказании Амфилога царя о святой литургии*, в свою очередь, скорее всего отталкивается от образа „пламенного алтаря” *Толковой службы* и затем встраивает в свой нарратив уже сложившуюся к тому моменту загадку, одно из употреблений которой мы находим среди граффити Софийского собора в Киеве.

*

Daria Glebova, „Црѣковь ледяна, а олтарь огнен”: on the sources of the King Amphilog’s vision of the Divine Liturgy

This study is an attempt to interpret a riddle „The altar is full of fire and the church is made of ice; the altar will go out and the church will melt”, which was found among the 11th–12th centuries graffiti in St. Sophia in Kiev. In the focus of the analysis is the structure of the riddle, the history of its genesis as well as possible sources of images united in the text. As one of the sources the author suggests the Legend of Macarius of Rome. In turn, an apocrypha King Amphilog’s vision of the Divine Liturgy, which presumably could be the source, the author proposes to consider as a secondary story, which incorporates the text of the riddle already existing by that time.

Daria Glebova, „Црѣковь ледяна, а олтарь огнен”: K prameňom Vízie Božskej liturgie kráľa Amphiloga

Referát je snahou o interpretáciu hádanky „Oltár je plný ohňa a kostol je z ľadu; oltár vyjde von a kostol sa roztopí”. Text bol identifikovaný v graffiti z 11–12. storočia v Chráme Sv. Sofie v Kyjeve. V centre analýzy je štruktúra hádanky a jej genéza, rovnako ako možné zdroje obrazov zjednotených v texte. Ako jeden zo zdrojov autorka navrhuje Legendu o Makariovi z Ríma. Víziu Božskej liturgie kráľa Amphiloga, ktorá pravdepodobne mohla byť zdrojom, autorka navrhuje vnímať ako sekundárny príbeh. Ten aj zahŕňa text hádanky, v podobe v akej existoval v tej dobe.

Nebojša Kartalija
(Nový Sad)

Serbian Grand Prince Beloš as a Participant in the Hungarian-Rus' relations in the Mid-12th Century

Beloš (1110/1115–1198) was one of the most important figures in the Balkan region in the twelfth century. He was son of Serbian Grand Prince Uroš I and brother of Hungarian queen Helena. During his life he was a Hungarian ban and palatine (1144–1157; 1163) and Serbian Grand Prince (1163). As an uncle of King Géza II, Beloš actively participated in as far as forming of the Hungarian foreign policy was concerned. The Kingdom of Hungary interfered in conflicts among princes after the death of Vladimir II Monomakh (1125) onwards. The objective of this work is to show Grand Prince Beloš from a point of view of the Hungarian-Rus' relations. The analysis of the sources and literature aims to show how one person (namely Beloš in this case) could affect the situation in the principalities and their relations with the Kingdom of Hungary.

The aim of this paper is to represent a figure of Serbian Grand Prince and Hungarian ban and palatine Beloš as an active participant in the Hungarian-Rus' relations in the mid-12th century. This nobleman was of Serbian origin, but the peak of his political career has occurred in Hungary, where he had come as a brother of new Hungarian queen Jelena. There he has been appointed to the highest ranks. Nevertheless, Beloš has also been at one moment Serbian grand prince. There-

fore, since we tend to write this paper from the point of view of Serbian historiography, we have decided to title him mainly as grand prince, since it is what the most eminent Serbian (and ex-Yugoslav) medieval historians always tended to do.

In the 12th century, the Balkan Peninsula experienced a great transformation. Byzantium under the dynasty of Comnenus tried to achieve imperial were trying to enforce their imperial policy also out of the empire policy. At the same time, the northern neighbors, Rascia (Serbia) and the Kingdom of Hungary were trying to lead an independent policy, which was aiming to liberate them from the ever growing Byzantine influence. Since both countries were vulnerable to the aggressive foreign policy of the Comneni, it was natural to establish an alliance between them. This alliance would later lead to a series of dynastic marriages that would affect not only the politics of the Balkans, but also wider European developments.

At the beginning of the twelfth century, there was a son of King Géza I, Coloman (1096–1116) sitting on the Hungarian throne. Coloman's rule was marked by a tendency of a much more significant Hungarian involvement as far as the internal developments of the Rus' principalities were concerned. The Hungarian and Slavic population of the principalities of Rus' were getting along after the Hungarians had settled South Russian steppes (Etelköz). These relations persisted even after the migration of the Hungarians in the Pannonian Plain. Often Members of the Árpáadian dynasty often sought refuge on the courts of the Rus' princes¹. This worked both ways. Princes saw in the Kingdom of Hungary a powerful ally who could influence an outcome of the dynastic struggles that so often shook their principalities. Coloman was invited by the Prince of Kiev Svyatopolk II Iziaslavich and in year 1100 he launched a campaign against his opponents, Vladimir of Volhynia, and besieged fortress of Przemysl. This campaign ended in defeat. Coloman's army was dissolved in the Carpathians, and on that occasion, they managed to lose the royal treasure². Coloman's policy towards Rus' resulted in his marriage to a daughter of Vladimir Monomakh, Prince of Suzdal-Pereyaslav, Euphemia.

¹ As future Hungarian King Andrew I (1046–1090) sought refuge at the court of Yaroslav the Wise, his stay resulted in a marriage to Yaroslav's daughter, Anastasia. Z. Orságová, *The Marriages between the Árpadian Kings and the Princesses from the Rus'*, [in:] *Principalities in lands of Galicia and Volhynia in international relations in 11th–14th c. Publication after 2nd International Conference, Ivano-Frankivsk, 20–22th October, 2011*, ed. V. Nagirnyy, Krakow 2012, p. 49–50 [Series: *Colloquia Russica. Series. 1*, vol. 2]; C. Raffensperger, *Reimagining Europe, Kievan Rus' in the Medieval World, 988–1146*, Cambridge–London 2012, 100–101.

² *Chronici Hungarici compositio saeculi XIV*, [in:] *Scriptores rerum Hungaricarum*, vol. 1, ed. E. Szentpetery, Budapest 1937, p. 423–426; F. Makk, *The Arpads and the Comneni Political Relations between Hungary and Byzantium in the 12th Century*, Budapest 1989, p. 13.

This was Coloman's second marriage as he had been married to a daughter of Norman Duke Roger I of Sicily before. However, the marriage with Euphemia ended in 1112 in an unfortunate manner. Coloman accused her of adultery and chased her away³. In Rus', she gave birth to Boris who was subsequently repeatedly trying to win the Hungarian throne. (He was known also as Boris Kalamanos)⁴. Regarding domestic politics, the largest problems of Coloman's reign were the attempts of his brother Álmos to get hold of power. The first major conflict with Álmos occurred in 1098. Since their supporters refused to fight, the brothers reconciled in Várkony, on the river Tisza⁵. Álmos did not give up his intention to seize power. He was counting on the support of Svyatopolk II Iziaslavich whose daughter Predslava he married in 1104⁶. Álmos also relied on the support of the German Emperor Henry IV (1056–1106). While Coloman was busy making war in Dalmatia, Henry IV attacked the city of Passau, but rebellion of his son, future Henry V forced him to abandon the enterprise. This made Álmos reconcile with his brother again. However, Álmos soon approached the Polish duke Boleslaw Wrymouth, whose hospitality he enjoyed, with a new attempt to seize the power⁷. With the help of Polish troops, Álmos won Abaújvár⁸. When Álmos besieged the fortress, Coloman made peace with him again. German Emperor Henry V (1106–1125) acted as a mediator in the resolution of the fourth conflict that emerged between Álmos and Coloman in 1105. Coloman was forced to settle disputes with his brother for the fourthtime.

In order to prevent his brother's further attempts to usurp the throne, Coloman ordered blinding of both Álmos and his son Béla. Álmos's son was to be castrated, but the perpetrators actually did not carry out this order. This decision had a significant impact on further dynastic politics of the medieval Kingdom of Hungary⁹. During Coloman's reign, dynastic marriages with the Byzantine court were

³ *Chronici Hungarici compositio saeculi XIV*, p. 429; C. Raffensperger, *The Arpads and the Commeni*, p. 89–91.

⁴ More about Boris Kalamanos: A. Hodinka, *Kálmánfi (Kolománovics) Boris. [1113–1155]*, „Magyar történelmi tár”, 1889, p. 421–433; F. Makk, *Borisz, egy XII. századi trónkövetelő*, „Acta Universitatis Szegediensis. Acta Antiqua Archaeologica”, 6, 1987, 61–65.

⁵ *Chronici Hungarici compositio saeculi XIV*, p. 423.

⁶ F. Makk, *The Arpads*, p. 14.

⁷ *Gesta principum Polonorum: The Deeds of the Princes of the Poles*, transl. and annot. by P. W. Knoll and F. Schaer, New York–Budapest 2003, p. 173. *Chronici Hungarici compositio saeculi XIV*, p. 426–247.

⁸ *Ibidem*, p. 426–247.

⁹ *Ibidem*, p. 429–430.

concluded. The daughter of Ladislaus I, Piroska (Irene) married a Byzantine crown prince John II. This marriage was supposed to improve foreign policy position of both countries¹⁰.

The reign of Coloman's heir Stephen II (1116–1131) brought a turnaround in relations with the Byzantine Empire. An armed conflict emerged due to several reasons. The Byzantines were irritated by the fact that Stephen II received the Pechenegs in his service. For the Hungarian king, a danger was represented by his uncle who had found refuge in the Byzantine Empire¹¹. The attack on the Hungarian traders made citizens of the Byzantine city Braničevo a *casus belli*. Hungarian forces invaded the Byzantine territory in 1127 and seized Belgrade. From tumbled stones, Stephen II fortified Zemun¹². The next year, John II crossed the Danube, won Sirmium and Zemun and found his way back to the Byzantine territory passing the fortress Haram, which he conquered as well. After having fortified Braničevo, John II returned to his territory. Stephen II managed to seize Braničevo again; subsequently John II ordered a public punishment for its commander¹³.

Stephen II had also complicated relations with his Western neighbors. Already as early as during the reign of Coloman, Bohemian Duke Svatopluk raided the Kingdom of Hungary in 1108, being aided by German Emperor Henry IV. Attempts to reach an agreement with the Bohemian Prince Vladislav I. at the river Olšava in 1116 led only to new conflicts¹⁴. Bohemian Prince Bořivoj allied with the Austrian Margrave Leopold III of Babenberg in 1119 and ravaged the Western Kingdom of Hungary. The relations with Bohemia improved in 1123 when both countries started supporting an exiled Vladimir-Suzdal Prince Yaroslav¹⁵. A childless Stephen II decided to choose Béla II, a blinded Álmos's son, as his successor.

¹⁰ This marriage enabled King Coloman to come out of a political isolation, while for the Byzantine this meant preventing Coloman from eventual siding with the Norman anti-Byzantine coalition. F. Makk, *The Arpads*, p. 14.

¹¹ Ioannes Kinnamos, *Deeds of John and Manuel Comnenus (Epitome)*, transl. by Ch. Brand, New York 1976, p. 11; П. Рокаи, З. Ђере, П. Тибор, А. Касаш, *Историја Мађара*, Београд 2002, p. 48.

¹² Ioannes Kinnamos, *Deeds of John and Manuel Comnenus*, p. 18; *O City of Byzantium: Annals of Niketas Choniates*, transl. by H. J. Magoulias, Detroit 1984, p. 18; Ј. Калић-Мијушковић, *Београд у средњем веку*, Београд 1967, p. 46; Ј. Калић, *Земун у XII веку*, „Зборник радова Византолошког института” [further: ЗРВИ], 13, 1971, p. 33.

¹³ Ioannes Kinnamos, *Deeds of John and Manuel Comnenus*, p. 18–19.

¹⁴ *Chronici Hungarici compositio saeculi XIV*, p. 435–437; F. Makk, *The Arpads*, p. 19.

¹⁵ *Ипатьевская летопись*, [in:] *Полное Собрание Русских Летописей*, т. 2, Санкт-Петербург 1908, p. 287; П. Рокаи, З. Ђере, П. Тибор, А. Касаш, *Историја Мађара*, p. 49.

This decision would greatly influence events in the Balkans as well as in the principalities of Rus.³

The succession of Béla II (1131–1141) did not solve all the dynastic problems. Boris Kalamanos was still active. He first sought the help in Constantinople, where he married a Byzantine princess, Anna-Arete Ducaena, niece of Manuel I Comnenus¹⁶. After the death of Stephen II, Byzantine side lost interest in helping Boris who then turned to Polish Prince Boleslaus Wrymouth. At the invitation of discontented nobles, supported by Bohemian and Polish troops, Boris entered the Kingdom of Hungary in 1132. The pretender suffered defeat at the river Sajó¹⁷. Since he was under pressure from both western neighbors and the Byzantine Empire, Hungarian King Béla II decided to turn to his allies in the immediate neighborhood. This ally was Serbia.

The Kingdom of Hungary and Serbia were affected by the expansionist policy of the Comneni. The most significant feature of this alliance was a dynastic marriage between the blind Prince Béla and Helen, a daughter of Rascia Grand Prince Uroš I¹⁸. Serbian ruler was a son of Grand Prince Mark of Rascia. He was appointed by the King of Dioclea, Bodin. Mark ruled the western parts of Rascia. Apparently, his wife was a Hungarian, which could have been the reason for naming their son Uroš¹⁹. The marriage of his daughter Helen and Béla II provided Uroš I with a lasting political support in the Kingdom of Hungary²⁰. The Kingdom of Hungary received Rama region through this marriage, which would be reflected within the intitulate of the Hungarian kings until 1918²¹.

When Helen came to the Kingdom of Hungary, she was followed by her brother Beloš. He has been playing a particularly large role in the upbringing and education of Helen's son, Géza II (1141–1161)²². Beloš is mentioned as a dux, (Hungarian term for dux is ban), for the first time in the charter of Géza II from 1144²³. Such a high title was held only by members of the royal family. Since 1145,

¹⁶ F. Makk, *The Arpads*, p. 31, 135, 145.

¹⁷ *Chronici Hungarici compositio saeculi XIV*, p. 447–452; П. Рокаи, З. Ђере, П. Тибор, А. Касаш, *Историја Мађара*, p. 50.

¹⁸ *Chronici Hungarici compositio saeculi XIV*, p. 443.

¹⁹ Etymologically, the name comes from the Hungarian *Ur*, honor meaning *princeps*, *dominus* and Slavic suffix – oš. Т. Живковић, *Портрети српских владара (X–XII века)*, Београд 2006, p. 127.

²⁰ *Ibidem*, p. 131.

²¹ Т. Живковић, *Рамa у титули угарских краљева*, „ЗРВИ”, 41, 2004, p. 153–164.

²² К. Грот, *Изъ историји Угрии и Славянства въ XII веке (1141–1173)*, Варшава 1889, p. 38.

²³ *Codex Diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis*, vol. 2, ed. G. Fejer, Budae 1829, p. 117–118.

Beloš became the most prominent dignitary after the king himself, having been appointed a palatine²⁴. The title of dux, (i.e. ban) of Slavonia and Croatia Beloš has held for thirteen years (1144–1157), whilst the title of palatine for just one year less (1145–1157)²⁵. Assigning such a high office confirms not only the close family ties between Beloš and Géza II, but an obvious importance of king's uncle in the Kingdom of Hungary as well.

Like his father, Géza II was troubled a lot by actions of Boris. Because of a termination of the engagement of Géza's sisters Sophia and Heinrich Hohenstaufen, there was deterioration within the Hungarian-German relations. This allowed Boris to try to seize the power again. Supported by forces of Margrave of Austria and Duke of Bavaria, Henry of Babenberg (Jasomirgott), Boris took Bratislava. This was followed by a battle at the river Leitha (1146) in which Géza's uncle Beloš stood out²⁶. Boris appeared in the Kingdom of Hungary next year while passing through with the Crusader armies of French King Louis VII to the Holy Land. Géza II requested the extradition of Boris. Pursuant to the medieval right of asylum, Louis VII was not obliged to do so but agreed to take Boris with him from the Hungary, on his road to the Holy Land. Boris once again found refuge in the Byzantine Empire and made use of this later in his battles with the Kingdom of Hungary in the later period²⁷.

Beloš's influence on the foreign policy of the Kingdom of Hungary was of a particular importance. He was one of the king's guardians and one of the officials of the kingdom that played a crucial role in the foreign policy. Firstly, Beloš interfered in the internal struggle of princes in 1144. Then the Hungarian forces fought on the side of Volodimerko Volodarevich against the Grand Prince of Kiev Vsevolod²⁸. The Hungarians sided with Volodimerko, who had helped Béla II in fights with Boris, Coloman's son²⁹. However, changes in the dynastic policy turned former allies into adversaries. At that time, the future brother-in-law of Géza II, Iziaslav Mstislavich fought on the opposite side. Beloš was one of the

²⁴ Ibidem, p. 140, 143.

²⁵ J. Калић, *Жупан Белош*, „ЗРВИ”, 36, 1997, p. 66–67.

²⁶ *Otonis Gesta Friderici I. imperatoris*, ed. G. Waitz, [in:] *Scriptores rerum germanicarum in usum scholarum*, Hanoverae et Lipsiae 1912, p. 52; F. Makk, *The Arpads*, p. 39.

²⁷ П. Рокаћ П., З. Ђере, П. Тибор, А. Касаш, *Историја Мађара*, p. 51.

²⁸ *Ипатъевская летопись*, p. 315–316; К. Грот, *Изъ историји Угрии и Славянства*, p. 74–75.

²⁹ *Ипатъевская летопись*, стб. 450; Ђ. Харди, *Наследници Кијева између краљевске круне и татарског јарма: студија о државно-правном положају галичке и галичко-волинске кнежевине до 1264. године*, Нови Сад 2002, p. 29.

key people affected by the marriage of Géza II and Euphrosyne, a daughter of Mstislav Vladimirovich and a sister of Iziaslav Mstislavich³⁰. The marriage was concluded in 1146 and resulted in a shift in the Hungarian policy towards the Russian principalities³¹. During the reign of her son Stephen III, Euphrosyne took an active role in foreign policy. She advocated for establishing an alliance with the Bohemia and Austria, against the Holy Roman Empire and Byzantium³². The second marriage of Beloš's daughter (1150/51) and Vladimir Mstislavich can be viewed as a reinforcement of the anti-Byzantine alliance of the Kingdom of Hungary, Serbs and Volhynians³³. However, this marriage did not last for long time. Beloš's daughter died probably in 1155/56³⁴.

After the death of Vladimir II Monomach (1113–1125) and Vsevolod Olegovich (1136–1149), the battle for supremacy started in the principalities of Rus'. The reason of discord was the rule over Kiev which Suzdal Prince Yuri Dolgorukiy and Iziaslav Mstislavich, Prince Volhynia were fighting for³⁵. The third significant figure in the struggles was Volodimerko (Vladimirko) Volodarevich, the ruler of Galicia. He began spreading his influence over Kiev and Volhynia. The battle for Kiev escalated in 1146, when Iziaslav Mstislavich banished Igor Oglovich. Then Iziaslav Mstislavich had become the Grand Prince of Kiev (1146–1150; 1151–1154) when Yuri Dolgorukiy and Volodimerko Volodarevich were put aside³⁶. Iziaslav decided that the church policy shall operate independently from the influence of the Byzantine Empire. He expelled the Metropolitan appointed by the Patriarch of Constantinople and proclaimed a learned monk Clement of Smolensk in his stead³⁷. Consequently, Yuri Dolgorukiy and Volodimerko Volodare-

³⁰ J. Калић, *Жупан Белош*, p. 68; M. Font, *Emperor Comnenos and the Hungarian Kingdom*, [in:] *Byzantium, New Peoples, New Powers: The Byzantino-Slav Contact Zone, from the Ninth to the Fifteenth Century*, Cracow 2007, p. 227 [Series: *Byzantina et Slavica Cracoviensia*, vol. 5].

³¹ D. Dąbrowski believes that this marriage could be dated to the year 1144. D. Dąbrowski, *Genealogia Mścislawowiczów. Pierwsze pokolenia (do początku XIV wieku)*, Krakow 2008, p. 174.

³² Z. Orságová, *The Marriages between the Árpadian Kings*, p. 52; F. Makk, *The Arpads and the Comneni*, p. 47.

³³ M. Font, *Emperor Comnenos and the Hungarian Kingdom*, p. 229; D. Dąbrowski, *Genealogia Mścislawowiczów*, p. 178.

³⁴ After the death of Beloš's daughter, Vladimir Mstislavich married a daughter of Rostislav Yaroslavich, Prince of Ryazan. His unnamed daughter became a wife of Vladimir in the period 1155/56 to 1163. She died in 1167. D. Dąbrowski, *Genealogia Mścislawowiczów*, p. 182–183.

³⁵ *Ипатъевская летопись*, p. 384.

³⁶ F. Makk, *The Arpads*, p. 46; Ђ. Харди, *Наследници Кијева*, p. 29.

³⁷ It had happened before that the Patriarch of Constantinople agreed with an earlier choice of the Russian clergy, but the method of election of Clement of Smolensk as Metropolitan of Kiev was

vich chose an alliance with Constantinople. On the other hand, Iziaslav Mstislavich relied on his brother-in-law, Hungarian King Géza II. In addition, Géza II supported his relative since the Byzantines sheltered Boris, Coloman's son³⁸. In the period from 1148 to 1152, Géza II fought six times in favor of his brother-in-law Iziaslav. Hungarian forces took part in Iziaslav's campaign against Cherinigov in 1148³⁹. After the defeat he had suffered from Yuri Dolgorukiy, Iziaslav had to withdraw from Kiev in August 1149. After this defeat, he requested assistance from Bohemia, Poland and Kingdom of Hungary⁴⁰. Despite this foreign aid, Iziaslav failed to win Kiev back. His allies were dispersed after negotiations in January 1150. The reigning princes of Suzdal and Galicia forced Iziaslav to renounce his claims over Kiev⁴¹. However, this peace did not last for long. Soon, Iziaslav conquered Kiev with a support of nomadic tribes⁴². There was still no permanent reign of Kiev. Dolgorukiy aided by Volodimerko expelled Iziaslav in the summer of 1150⁴³. He turned to the Kingdom of Hungary again. The Hungarian king helped Iziaslav in the battle of river Sana in 1151⁴⁴. In the new joint campaign in 1152, Géza's and Iziaslav's forces captured Volodimerko. He evaded the captivity by pledging an oath to Iziaslav and managed to keep his Galician possessions⁴⁵. Shortly afterwards Volodimerko died and his son Yaroslav Osmomisl recognized Iziaslav's sovereignty⁴⁶. Iziaslav was the Grand Prince of Kiev until his death in 1154 and was succeeded by his long-time opponent Yuri Dolgorukiy⁴⁷.

---

an act of rebellion against the rights of Constantinople. People of Kiev had not accepted a metropolitan appointed by Constantinople until the death of Iziaslav in 1154, although there was a subsequent tendency towards an autonomous selection of a metropolitan, Д. Оболенски, *Византијски комонвелт*, Београд 1991, p. 272–273.

³⁸ F. Makk, *The Arpads*, p. 46–47.

³⁹ *Ипатьевская летопись*, p. 360–361.

⁴⁰ *Ibidem*, p. 382–389.

⁴¹ F. Makk, *The Arpads*, p. 47; К. Грот, *Изъ истории Угрии и Славянства*, p. 151.

⁴² F. Makk, *The Arpads*, p. 47; К. Грот, *Изъ истории Угрии и Славянства*, p. 151–152.

⁴³ F. Makk, *The Arpads*, p. 47.

⁴⁴ *Ипатьевская летопись*, p. 447.

⁴⁵ *Ibidem*, p. 453–454; F. Makk, *The Arpads*, p. 47–48.

⁴⁶ *Ипатьевская летопись*, p. 464–465; The decision not to confiscate Volodimerko's possessions after the campaign in 1152 had probably been influenced by the Byzantine threat in the form of Boris who had appeared in Hungary in 1150. If the possessions had been confiscated, it would have changed the status quo among the Russian principalities and sparked an aggressive response of the Byzantine Empire. F. Makk, *The Arpads*, p. 55; Ђ. Харди, *Наследници Кијева*, p. 32.

⁴⁷ Ђ. Харди, *Наследници Кијева*, p. 28–29.

By the end of 1152, the offensive foreign policy of King Géza in Rus' had been over. Reasons for termination of campaigns in the east are twofold. King Géza II was on poor terms with the Hohenstaufen as well as the Byzantine Empire. He was expected to strike Frederick Barbarossa and was simultaneously preparing for a counterattack against the Byzantine Empire on the Danube⁴⁸. Supporting Iziaslav against Yuri Dolgorukiy who was pro-byzantine oriented, the Kingdom of Hungary had protected its eastern border. One of the reasons was also the dynastic connection between the Grand Duke of Kiev and the Hungarian king.

The conflict with the Byzantine Empire began during the campaign in Rus'. In 1149, Manuel I decided to deal with the Serbs. According to historian Kinnamos, the reason behind Byzantine attack on Serbia was their alliance with the Holy Roman Empire and Kingdom of Hungary against the Byzantine Empire⁴⁹. This campaign had a character of punitive expeditions. Manuel invaded Dalmatia (Serbia) and destroyed the fortress of Ras. During the rest of the campaign, he took over the forts in the region of Nikava. Eventually, he conquered the fortress of Galicia, where he captured a number of barbarians (Kinnamos was referring to Serbs)⁵⁰. This conflict continued and Beloš interfered next year⁵¹. The war ended in 1150 with the battle at Tara where the Serbian forces were defeated⁵². This battle had a direct impact on the events in Serbia. The Rascia Grand Prince Uroš II was deprived of power. The Serbs had in fact, without the consent of the emperor, surrendered to Uroš's brother Desa. Emperor Manuel I appeared as an arbitrator in this case and restored Uroš II to power⁵³.

When Kinnamos describes the Hungarian-Byzantine conflicts of 1151, he reveals its background which was based on Hungarian policy concerning Rus' principalities. The fighting started with the conquest of the Byzantine fortress of Zemun⁵⁴. At that time, the Hungarian king had just ended the war in *tauroscythian land* (Galicia). This is precisely one of the main reasons behind the war with

⁴⁸ F. Makk, *The Arpads*, p. 49.

⁴⁹ Ioannes Kinnamos, *Deeds of John and Manuel Comnenus*, p. 82.

⁵⁰ Ibidem, p. 83; F. Makk, *The Arpads*, p. 50–52.

⁵¹ Kinnamos made a mistake here by confusing characters of Bela II and Count Beloš, although having stated precisely that this person had a major influence on King Geza. Ioannes Kinnamos, *Deeds of John and Manuel Comnenus*, p. 83.

⁵² Ibidem, p. 84–90.

⁵³ Ioannes Kinnamos, *Deeds of John and Manuel Comnenus*, p. 90; J. Калић, *Рашки велики жупан Урош II*, „ЗРВИ”, 12, 1970, p. 23–24.

⁵⁴ Ioannes Kinnamos, *Deeds of John and Manuel Comnenus*, p. 90–91; Kinnamos' testimony reveals that Zemun was destroyed after the conquest, J. Калић, *Земун у XII веку*, p. 34–38.

Géza II. Kinnamos states that Manuel's very reason for vengeance was the war against the Galician prince Volodimerko who had been allied with the „Romans” (Byzantines)⁵⁵. That is how the Géza II's policy in Rus' got to involve also the Balkans. Army that went to meet Emperor Manuel was led by Beloš, whose office Hungarians called ban. On the other hand, Manuel was accompanied by Boris. He defeated three Hungarian army detachments. After looting the Hungarian territory, Boris returned to the Byzantine territory⁵⁶.

During the reign of Géza II, the last phase of the Hungarian-Byzantine conflicts was ongoing in 1152–1154. During this period, Beloš left the political scene. Manuel expected Géza II to strike the Danube cities, (probable target of Hungarian attack would have been Belgrade and Braničevo). Therefore, he decided to attack first. The Hungarian side sent the messengers in 1152, who temporarily removed the possibility of a renewed conflict⁵⁷. Byzantine pressure made the Hungarian side sue for peace in the year of 1153⁵⁸. The last conflict where Géza intervened in Byzantine affairs was the usurpation of Andronikos Comnenus⁵⁹. This cousin of Manuel Comnenus had been a lifelong rival of the emperor. After his service in the East, Manuel appointed Andronikos' a governor of Niš and Braničevo. Shortly afterwards, Andronikos sent a letter to the Hungarian king with the suggestion that in an exchange for Géza's help, Andronikos would hand over Niš and Braničevo to the Hungarians. Andronikos decided to protect himself in case of his conspiracy had been noticed. Therefore, he reported to Manuel how he was planning to make a trap for the „peonian nobles who began to show him affection and subdue them to his [Manuel's] power”⁶⁰. Kinnamos states that

⁵⁵ Ioannes Kinnamos, *Deeds of John and Manuel Comnenus*, p. 91–92; Choniates states that the Hungarian king could not help the Serbs because he was away at war against neighboring Rus', *O City of Byzantium*, p. 54; M. Font, *Emperor Comnenos and the Hungarian Kingdom*, p. 226; Ђ. Харди, *Наследници Кујева*, p. 30–31.

⁵⁶ Ioannes Kinnamos, *Deeds of John and Manuel Comnenus*, p. 91–92; Choniates states that the Hungarian king could not help the Serbs because he was away at war against neighboring Rus'. Otto of Freising states that Boris, Coloman's son, after entering Hungary died in a conflict with the Cumans. F. Makk, *The Arpads*, p. 56.

⁵⁷ Ioannes Kinnamos, *Deeds of John and Manuel Comnenus*, p. 95; A reason that made Géza II conclude peace was probably a growing pressure of the Holy Roman Emperor Frederick Barbarossa who was intending to attack the Kingdom of Hungary in 1152. F. Makk, *The Arpads*, p. 55.

⁵⁸ Ioannes Kinnamos, *Deeds of John and Manuel Comnenus*, p. 96.

⁵⁹ Ibidem.

⁶⁰ Ibidem, p. 99–100; Taking into account the highest positions within the Hungarian court, Beloš is probably the one referred to in Kinnamos' remark on the Hungarian nobility. J. Калић, *Жупан Белош*, p. 74; as far as *Penonians* are concerned, it is notable to know that some Byzantine

Andronikos tried to gain the support of the king of the Alamans, ie. The Holy Roman Emperor. Oblivious of the arrest of Andronikos, Géza II headed to Braničevo with his army⁶¹. Near Belgrade, the imperial general Basil Cinciluk was defeated and killed in the city and there was a revolt against the Byzantine rule⁶². The situation was getting worse for the Byzantine Empire. Emperor Manuel had to get personally involved to prevent further advance of the Hungarians. How can one explain such a successful offensive? The answer is provided in a testimony of Islamic traveler Abu Hamid. In 1153, he was sent by King Géza II to a diplomatic mission to the Grand Prince Iziaslav of Kiev. The aim of this mission was to recruit Muslim and Rus' mercenaries⁶³. The recruitment of mercenaries and the following year's Hungarian offensive are directly related. It was only after the personal involvement of Manuel that the Hungarian withdrawal was achieved.

Last mention of Beloš in the Kingdom of Hungary comes from a charter of Count Valfer, concerning the Benedictine monastery of St. Martin in from 1157. It is unknown why Beloš might have left the Kingdom of Hungary. There are various assumptions: a disagreement with Géza II, changes in Hungarian politics or the situation in Serbia⁶⁴. Beloš has returned to Serbia most probably in 1157. He had become Serbian Grand Prince in the year (or somewhere before) 1163. On the position of Serbian Grand Prince Beloš stayed for a very short time. Actually, the only mention of Beloš as Serbian Grand Prince gives us Kinnamos⁶⁵. He has

---

authors have used term Peonians when they had written about Hungarians. This term has been used since the twelfth century up to the fall of Byzantine Empire, not only by Kinnamos, but Theodore Prodromos, as well as Chalcocondyles. About term Peonians see more: M. Gyóni, *Magyarország és a magyarság a bizánci források, tükrében*, Budapest 1938, p. 99–100; I. Baán, *A XIV–XVI. századi magyar történelem bizánci és kora újkori görög nyelvű forrásai*, Budapest 2013, p. 27, 41–45, 52, 117–129, 205–288, 373–413, 448, 512–513. As far as *peonian nobleman* mentioned by the Byzantine writer are concerned, one of the most prominent medieval historians J. Kalic stated that these noblemen should be searched amongst the highest associates of Hungarian king, maybe even Beloš himself, who has most probably known on the Andronicus' intentions of making some kind of agreement with Géza II. Cf.: J. Калић, *Жупан Белош*, p. 74–75.

⁶¹ Ioannes Kinnamos, *Deeds of John and Manuel Comnenus*, p. 103; *O City of Byzantium*, p. 58.

⁶² Ioannes Kinnamos, *Deeds of John and Manuel Comnenus*, p. 104; *O City of Byzantium*, p. 58.

⁶³ Abu Hamid was accompanied by another emissary Ismail ibn Hasan, who returned to the Kingdom of Hungary after having completed the task. J. Калић, *Подаци Абу Хамида о приликама у јужној Угарској средином XII века*, „Зборник Матице српске за историју”, 4, 1971, p. 35.

⁶⁴ J. Калић, *Жупан Белош*, p. 67.

⁶⁵ *Византијски извори за историју народа Југославије IV*, уред. Г. Острогорски и Ф. Баршић, Београд 1986, p. 56–58; Ioannes Kinnamos, *Deeds of John and Manuel Comnenus*, p. 155.

returned to Hungary in the same year (1163). After returning to Hungary Beloš took position of ban once again. After 1163 there are no more mentions of him in diplomatic sources, neither in connection to our topic. Among deceased Beloš is mentioned 1198, but he is probably died before that year⁶⁶.

When we talk about the Hungarian-Rus' relations in the mid-12th century, the name of a Serbian Grand Prince Beloš is unavoidable. During his stay in the Kingdom of Hungary (1129–1157), he was able to form a unified front against the Byzantine Empire. Probably thanks to his origin, Beloš was likely to find allies for the Kingdom of Hungary among the princes of Rus'. Cooperation with the Grand Prince of Kiev Iziaslav Mstislavich became a foundation stone for the Hungarian policy in Rus' lands. This alliance was strengthened with two dynastic marriages. A reason for supporting relations with the principalities was the instability of the western and southern borders of the Byzantine Empire. Western neighbors led variable policy towards the Kingdom of Hungary, while the Byzantine Empire aimed to directly subordinate them. In addition to the traditionally good relations with the Rus' principalities, the Kingdom of Hungary has sought to gain a useful ally on whom they would be able to rely in the particularly turbulent 12th century. Their policy in the principalities of Rus' was only one part of a broader context of the anti-Byzantine policy.

Thanks to his political ability and military capabilities, Ban Beloš managed to withstand all the external pressures the Kingdom of Hungary was facing at that time.

*

Nebojša Kartalija, *Srbský velký župan Beloš ako účastník uhorsko-ruských vzťahov polovice 12. storočia*

Beloš (1110/1115–1198) bol jednou z najvýznamnejších osobností juhovýchodnej Európy dvanásteho storočia. Bol synom veľkého župana Uroša I. a bratom uhorskej kráľovnej Helena. Počas svojho života bol chorvátskym a dalmátskym bánom a uhorským palatínom (v rokoch 1144–1157, 1163) a srbským veľkým županom (1163). Ako strýko kráľa Gejzu II., Beloš sa tak aktívne zúčastňoval zahraničnej politiky Uhorska pokiaľ sa len dalo. Uhorské kráľovstvo zasahovalo do konfliktov medzi ruskými kniežatami od smrti Vladimíra II. Monomacha (1125). Cieľom tohto príspevku je ukázať veľkého župana Beloša v kontexte

⁶⁶ J. Калић, *Жупан Белош*, p. 77–79; F. Makk, *The Arpads*, p. 68–69.

uhorsko-ruských vzťahov. Analýza prameňov a literatúry si kladie za cieľ ukázať, ako jedna osoba (tu Beloš) mohla ovplyvňovať situáciu v ruských kniežatstvách a ich vzťahy s Uhorským kráľovstvom.

Небойша Карталиа, Роль великого жупана Сербии Белоша в русско-венгерских отношениях в середине XII века

Белош (1110/1115–1198) был одним из самых влиятельных политических деятелей Юго-Восточной Европы в XII веке. Он был сыном великого жупана Сербии Уроша I и братом венгерской королевы Елены. За свою жизнь Белош был хорватским и далмацким баном, венгерским палатином (в 1144–1157 и 1163 гг.) и великим жупаном Сербии (1163). Будучи дядей венгерского короля Гезы II, Белош принимал активное участие в определении внешней политики Венгерского королевства. Именно в то время Арпады вмешались в конфликт между русскими князьями. Целью данной работы является показать роль великого жупана Сербии Белоша в русско-венгерских отношениях. На основании анализа источников и литературы автор стремится показать, как один человек (в этом случае Белош) мог повлиять на ситуацию в русских княжествах и на их связи с Венгерским королевством.

Ирина Тымар
(Ивано-Франковск)

Образ половцев в *Ипатьевском летописном своде* и польских средневековых хрониках

В данной статье сделана попытка проанализировать и сравнить информацию о половцах в Ипатьевском летописном своде и польских хрониках. Целью автора было выяснить, как видели и воспринимали этих кочевников русские и польские средневековые авторы, а также найти общие черты и особенности в их описаниях. Отдельное внимание посвящается спорному вопросу использования одного источника автором Ипатьевского летописного свода и Яном Длугошем.

Вопрос о том, кто такие половцы-куманы и как их воспринимать в исторической ретроспективе, зачастую зависит от тех характеристик и коннотаций, которыми их наградили средневековые авторы. На сегодняшнее время в исторической науке утвердился образ половца, обоснованный, в первую очередь, на древнерусском летописании. Мы попытаемся проанализировать и сравнить свидетельства о половцах в *Ипатьевском летописном своде* и польских хрониках.

Ипатьевский летописный свод, созданный в Южной Руси в начале XIV века, состоит из второй редакции *Повести временных лет*, Киевской и Галицко-Волынской летописей. Киевская и Галицко-Волынская летописи больше чем

какие-либо другие летописи повествуют о русско-половецких отношениях, что, исходя из особой активности контактов киевских и галицких князей с кочевниками, является абсолютно естественным. Кроме того, *Ипатьевский летописный свод* отличается особой полнотой и обширностью информации, по сравнению с другими летописными памятниками¹.

Из польских источников древнейшей считается *Хроника* Галла Анонима, написанная в конце XI – начале XII веков. и доведенная до 1113 г. В ее первой части несколько раз упоминаются интересующие нас половцы². Некоторые сведения относительно кочевников находим в *Хронике* магистра Винцентия Кадлубка, созданной в начале XIII века и состоящей из четырех книг³. Важное значение имеет также *Великопольская хроника*, конца XIV – начала XV веков. неизвестного автора. Хроника доведена до 1273 г., а до 1202 г. в основном опирается на известия Кадлубка, но со своими дополнениями⁴. Исключительная роль принадлежит *Анналам* Яна Длугоша, датированным второй половиной XV века и состоящим из 12 книг⁵.

В источниках половцев называли по-разному. Как утверждала советский историк и филолог Елена Скржинская, название „половцы” – не племенное имя и не этническое определение. Это прозвище, данное народом, жившим с ними в соприкосновении и, конечно, отразившим в таком прозвище некую характерную, со своей точки зрения, черту⁶. Е. Скржинская обратила внимание на фразу автора *Лаврентьевской летописи* „торкмени, и печенези, и торци, и кумани, рекше половци”⁷. Наречие „рекше” (т. е. „что значит”, „что обозначает”) свидетельствует о том, что летописец считал названием племени этноним „куманы”, поставленный им в один ряд с другими пле-

¹ См. наприм.: В. С. Иконников, *Опыт русской историографии*, т. 2, кн. 1, Киев 1908, с. 438, прим. 1; А. Шахматов, *Разыскания о русских летописях*, Москва 2001, с. 9. Иное мнение представлено в: Т. Викул, *О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII в. (предварительные заметки)*, „Palaeoslavica”, 13, 2005, 1, с. 21–80.

² *Galli Chronicon*, [in:] *Monumenta Poloniae Historica* [далее: МРН], т. 1, wyd. A. Bielowski, Lwów 1864, s. 441, 442.

³ *Chronica Polonorum Magistri Vincentii dicti Kadlubek*, ed. M. Plezia, Kraków 1994, p. 22, 106, 157.

⁴ *Chronica Poloniae Maioris*, rec. et annot. B. Kürbis, Warszawa, 1970, p. 3, 10, 19.

⁵ Ioannis Dlugossii, *Annales seu chronicae incliti regni Poloniae*, vol. 1–2, Varsaviae 1964, p. 62; vol. 3–4, Varsaviae 1970, p. 213; vol. 5–6, Varsaviae 1973, p. 216.

⁶ Е. Ч. Скржинская, *Половцы. Опыт исторического истолкования этникона, (из архива ученого)*, „Византийский временник”, 46, 1986, с. 256.

⁷ *Лаврентьевская и Троицкая летописи*, [in:] *Полное Собрание Русских Летописей* [далее: ПСРЛ], т. 1, Санкт-Петербург 1846, стб. 234.

менными наименованиями, известными из более раннего периода – „печенеги” и „торци”, однако тут же уточнил: „кумани, рекше половци” – куманы, т. е. половцы, или: куманы, по-нашему половцы, как мы их называем, половцы⁸.

Так же в древнерусской летописной традиции, кроме понятия „половцы” относительно этих кочевников, бытовали синонимические названия: „иноплеменьники”⁹, „поганы”¹⁰, „окаянные”¹¹. Эти прозвища находим не только в *Ипатьевском летописном своде*, но и в других сводах, в частности в хронологически близкой *Лаврентьевской летописи*¹².

Чтобы понять, какими видели половцев-куманов в христианском мире, обратимся также к польским средневековым хроникам XII–XV веков. Поскольку контакты половцев с польскими княжествами были эпизодическими, то, соответственно, польские хроники помогут посмотреть на этих степняков в какой-то степени с нейтральной стороны. Подобно русским, польские авторы, в основном, использовали этноним „половцы”. Например, в *Хронике* Галла Анонима, при описании борьбы польского князя Болеслава III Кривоустого, сына князя Владислава Германа, со степняками около 1101 г. последние названы половцами („Bolezlawo itague milire noviter constituto, in Plaucis Deus revelavit, quanta per eum operari debeat in futuro¹³”) и погаными („paganorum¹⁴”). В то же время, от латинского „paganus” („сельский, языческий”) происходит и древнерусское „погань” („язычник, нечистый”)¹⁵. Предполагаем, что „paganus” польских латиноязычных хроник и „погань” русских летописей передают одно и то же значение.

⁸ Е. Ч. Скржинская, *Половцы*, с. 256.

⁹ *Ипатьевская летопись*, [in:] *ПСРЛ*, т. 2, Санкт-Петербург 1908, стб. 157, 210, 717.

¹⁰ *Ibidem*, стб. 152, 157, 191, 219, 220, 264, 286, 549, 603, 716.

¹¹ *Ibidem*, стб. 612, 628, 634.

¹² *Лаврентьевская и Троицкая летописи*, стб. 163–164, 167, 219, 222, 383–384, 390. Заметим, что ни в *Лаврентьевской*, ни в *Новгородской* летописях не находим этноним „окаянные”, однако стоит обратить внимание на то, что „иканьный” в *Ипатьевском летописном своде* используется, когда говорится о хане Кончаке и его половцах, который, в свою очередь, в *Лаврентьевской летописи* не фигурирует, а в *Новгородской* упоминается только один раз и без подобной подробной характеристики. *Ипатьевская летопись*, стб. 634; *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*, отв. ред. М. Тихомиров, Москва–Ленинград 1950, с. 240.

¹³ *Galli Chronicon*, p. 441.

¹⁴ *Ibidem*, p. 442.

¹⁵ М. Фасмер, *Погань*, [in:] *Этимологический словарь русского языка*, т. 4, Москва 1987, с. 294.

Но кроме названия „половцы” встречаются и другие варианты. Например польский хронист конца XII – начала XIII века Винцентий Кадлубек несколько раз в своей *Хронике* говорил о народе партов, в котором исследователи видят именно половцев¹⁶. В частности, Мариан Плезя указывает, что партами магистр именуется восточный народ, проживавший по ту сторону Борисфена (Днепра) („regiones transparthane”)¹⁷. И хотя мы не можем быть уверенными в этом наверняка (например, Кадлубек говорит о партах времен Юлия Цезаря), тем не менее Бригида Курбис в этом сюжете о партах видит народ, обитавший на юге от Каспийского моря¹⁸. Возможно также, что партами автор назвал представителей всех известных ему кочевых народов. Однако непосредственно о половцах хронист, конечно же, знал. Например, описывая осаду польскими войсками древнерусской крепости Берестья в 1182 г., Кадлубек указывает, что на помощь городу пришел князь Белза Всеволод со всеми князьями владимирскими, а также с галицкими воинами, и с отборными наемными войсками – тысячами партов („cum parthorum milibus urbis subsidio”)¹⁹.

Еще раз Кадлубек упоминает о „земле партов” при передаче диалога галицко-волынского князя Романа Мстиславича с краковским князем Лешком Белым, в котором находим такие слова: „Ut eius obsequio cunctis Rutenorum principibus ac Parthorum per ipsum partibus imperet, dummodo ipsum non principem Galiciae sed procuratorem ibi suum constitua”²⁰. Этот эпизод в целом скептически воспринимается историками, поскольку в нем русский правитель будто бы просил Лешка принять его в подданство. Польский историк Бронислав Влодарский подчеркнул, что нельзя верить Кадлубку в том, якобы Роман готов был признать зависимость от краковского князя, разве что князь чувствовал долг перед Лешком за помощь при получении галицкого трона²¹. По мнению Натальи Щавелевой, последняя книга Кадлубка написана во времена правления в Кракове Лешка Белого,

¹⁶ *Kronika Wielkopolska*, opr. B. Kürbis, Warszawa 1965, s. 167, przyp. 211; *Chronica Polonorum Magistri Vincentii*, p. 22, przyp. 17,1.

¹⁷ „Populum Turcicum suo tempore ad Pontum Euxinum habitantem; inde „regiones transparthane” sunt terrae in extremo oriente (trans Borysthenem) sitae”. *Chronica Polonorum Magistri Vincentii*, p. 157.

¹⁸ Mistrz Wincenty Kadłubek, *Kronika polska*, red. S. Sierpowski, przekł. i przyp. B. Kürbis, Wrocław 1996, p. 10, przyp. 19.

¹⁹ *Chronica Polonorum Magistri Vincentii*, p. 157.

²⁰ *Ibidem*, s. 183.

²¹ B. Włodarski, *Polska i Ruś*, Warszawa 1966, s. 21.

поэтому заданием хрониста было показать завоевание краковским князем русских земель, даже вопреки исторической правде²². Однако в данном случае нас в первую очередь интересует упоминание о союзе русских с „Parthorum”. Наиболее вероятным представляется, что под последними хронист понимал наемные вспомогательные войска, рекрутировавшиеся русскими правителями из числа соседних языческих народов – степных кочевников или пруссов²³.

Другой этноним, используемый Кадлубком относительно половцев, – „Plauci”. Хронист, в частности, упоминает о половецких ядовитых стрелах („toxicatis Plauorum sagittis”), выпускавшихся авангардом войска Болеслава III Кривоустого в битве с немцами на Собачьем поле в 1109 г.²⁴ В более ранних сообщениях Галла Анонима не находим данного сюжета, а критики Кадлубка допускают, что в битве не участвовали половцы, а всего лишь использовался метод ведения войны степняков²⁵.

Великопольская хроника упоминает о бесчестиях „Tartaros”²⁶ в Польше после смерти князя Мешка II. Под ними польский историк Бригида Курбис понимает половцев²⁷, хотя, как известно, последних в то время в Европе еще не было. Путаницу в понимание сюжета вносит также упоминание хронистом „партов” времен Цезаря, вероятно дублируя этим произведение Кадлубка²⁸. Понятно, что Кадлубек во многом являлся образцом для будущих поколений польских хронистов, поэтому очевидно, что автор *Великопольской хроники* заимствует у Кадлубка информацию о половцах без каких-либо существенных дополнений, подтверждая компилятивность некоторых фрагментов соответствующим прологом в начале своей работы²⁹.

В целом, несмотря на довольно таки активное взаимодействие русских и польских князей в XI–XIII веках, достаточно странным является факт ограниченного количества информации о половцах в польских хрониках.

---

²² Н. Щавелева, *Польские латиноязычные средневековые источники*, Москва 1990, с. 134, прим. 8.

²³ Ibidem, с. 23.

²⁴ *Chronica Polonorum Magistri Vincentii*, p. 106.

²⁵ Mistrz Wincenty Kadłubek, *Kronika polska*, p. 138, przyp. 97.

²⁶ *Chronica Poloniae Maioris*, p. 19.

²⁷ *Kronika Wielkopolska*, p. 77, przyp. 69.

²⁸ *Chronica Polonorum Magistri Vincentii*, p. 22; *Chronica Poloniae Maioris*, p. 10.

²⁹ „Precipue reverendus pater dominus Vincencius olim episcopus Cracouiensis ac ceteri descriperunt ac perhenni memorie suis posteris scripture testimonio reliquerunt”. *Chronica Poloniae Maioris*, p. 3.

В географию половецких контактов входили также Венгрия и Византия, с которыми у польских княжеств были связи, поэтому естественно возникает вопрос о том, почему польские авторы так мало упоминают о степняках. Образцом такого парадокса может быть *Венгерско-польская хроника* XIII века. Последние исследования словацкого историка Мартина Гомзы подтверждают, что текст хроники, скорее всего, был составлен при дворе галицкого короля Коломана или галицкого князя Андрея – сыновей короля Венгрии Андрея II, имевшего непосредственные связи с кочевниками. Однако анонимный автор вообще не упомянул о половцах-куманах, хотя пользовался венгерскими и греческими источниками³⁰, изобилующими информацией о степняках.

Среди польских средневековых хроник наибольшее количество информации о половцах находим в III–VIII книгах *Анналов Яна Длугоша*. В них немало говорится о Руси и связях русских князей с половцами. Интерес к истории их взаимоотношений у Длугоша возник, возможно, на фоне интереса к монгольским завоеваниям в Европе. Кроме того, говоря о произведении Длугоша, нужно учитывать, что среди его источников были, не до конца известные русские летописи, на что указывал сам автор. С этой целью он даже специально изучил древнерусский язык³¹. Как справедливо отмечал Алексей Шахматов, несмотря на сходство разных мест в тексте Длугоша с целым рядом сообщений русских летописей, автор физически мог использовать не больше трех–четырёх летописей³². В свою очередь, Евгений Перфецкий сделал вывод, что польский хронист использовал какой-то отдельный летописный список³³. По словам Н. Щавелевой, специально занимавшейся исследованием работы Яна Длугоша, до середины XIII века основным источником для него служила южнорусская летопись, сходная с *Ипатьевским летописным сводом*³⁴. Поэтому, анализируя данные о половцах в упомянутом летописном своде и *Анналах Яна Длугоша*, нужно учитывать, что некоторые моменты, возможно, взяты ими из общего источника. Об этом косвенно может свидетельствовать описание польским автором борьбы русских князей с половцами в 1103 г., в котором на-

³⁰ M. Homza, *Uhorsko-poľská kronika. Nedocenený pramen k dejinám strednej Európy*, Bratislava 2009, s. 29.

³¹ Ioannis Dlugossii, *Annales*, vol. 1–2, p. 62.

³² А. Шахматов, *Разыскания о русских летописях*, Москва 2001, с. 246.

³³ E. Perfeckij, *Historia Polonica Jana Dlugosze a ruske letopisectvi*, Praga 1932, s. 24.

³⁴ Н. Щавелева, *Древняя Русь в „Польской Истории“ Яна Длугоша*, Москва 2004, с. 47.

ходим такую же гиперболизацию („Immisit Divinitas pavorem etterrorem in illos, et occupati trepidacione et pavore, antequam in congressum cum Ruthenis venirent, non ipsi modo, sed et equi eorum cespitare memoremque quendam pre se ferre ceperunt. Ruthenis econtra ordinate et cum magna alacritate, equis etiam eorum in leticiam effuses ad prelium prodeuntibus Polowczy solo eorum conspectu perculsi et debellati, pugna ommissa, terga vertunt”³⁵), как и в *Ипатьевском летописном своде* („И великии Бѣ вложив жалость велику оу Половцѣ и страхъ нападе на нѣ и трепеть ѿ лица Русьскыхъ вои и дрѣмаху самѣ и конемъ ихъ не блше спѣха оу ногахъ . Русь же с весельемъ на конихъ и пѣши потекоша к нимъ. Половци же видивше оустремленье Руское на сѣ не доступивше погѣгоша передъ Руськими князи наши же погнаша сѣкуще æ”)³⁶.

Интересно, что, описывая взаимоотношения половцев с русскими и польскими правителями, Длугош использует этноним „половцы”³⁷, а при описании венгерско-половецких контактов по отношению к кочевникам употребляет термин „куманы”³⁸. Возможно, автор *Анналов* не понимал толком, кто такие половцы. К такому выводу подталкивает ряд фактов. Так, под 997 г. хронист пишет о половцах³⁹, когда, как известно, их еще не было на Руси. Длугош также ошибочно называет половцами печенегов, воевавших с киевским князем Владимиром Святославичем в 997 г.⁴⁰ В *Ипатьевском летописном своде* сохранилась информация об этой войне, но автор упоминает только печенегов⁴¹. Об участии половцев, наряду с русскими, печенегами и варягами, в походе Ярослава Владимировича против польского князя Болеслава I Храброго Длугош упоминает под 1009 г.⁴² Еще одним важным аргументом в пользу тезиса о слабом понимании польским хронистом половецких реалий служит тот факт, что под 1101 г. Длугош пишет о войне польского князя Болеслава III Кривоустого с „Novus et antehac insolitus hostis exserit”⁴³, хотя еще Галл Аноним четко указывал, что это были половцы⁴⁴.

³⁵ Ioannis Dlugossii, *Annales*, vol. 3–4, p. 213.

³⁶ *Ипатьевская летопись*, стб. 254.

³⁷ Ioannis Dlugossii, *Annales*, vol. 3–4, p. 213; vol. 5–6, p. 216.

³⁸ *Ibidem*, vol. 3–4, p. 222.

³⁹ *Ibidem*, vol. 1–2, p. 220.

⁴⁰ *Ibidem*, vol. 1–2, p. 220.

⁴¹ *Ипатьевская летопись*, стб. 112–114.

⁴² Ioannis Dlugossii, *Annales*, vol. 1–2, p. 264.

⁴³ *Ibidem*, vol. 3–4, p. 206.

⁴⁴ *Galli Chronicon*, p. 441.

Сравнивая данные *Ипатьевского летописного свода* и *Анналов* Длугоша, можем отметить также использование древнерусским книжником и польским хронистом почти идентичных эпитетов для описания половецких нашествий на Русь. В русских летописях нападения кочевников, как правило, трактовались апокалиптически – как Божье наказание за грехи. В частности *Ипатьевский летописный свод* переполнен такими пассажами. Например, под 1068 г. автор пишет, что за грехи русских Бог в гневе наслал на них „поганых”: „Грѣхъ ради наших попусти Бѣ на ны поганыѣ и побѣгоша Половци наводить Бѣ по гнѣву своему иноплемьники на землю и тако скрушенымъ имъ въспомануться к Бу”⁴⁵. Описание половецкой „казни Божей” встречаем и под 1096 г.⁴⁶ Так же и Длугош (возможно, автоматически перенося это описание из русских летописей) пишет о варварских половцах как об одной из двух напастей Русской земли, наравне с саранчей: „Regioque Ruthenica hinc vastacione et clade barbaric, illic locustarum demolicione sub uno tempore vehementer afficta est”⁴⁷.

И в *Ипатьевском летописном своде*, и в *Анналах* Длугоша относительно степняков используются одни и те же описания, в которых замечен страх и негодование. Летописец не скупился на характеристики, называя номадов „безбожными”, „окаянными”, „погаными”. В качестве примера можно привести описание прихода степняков на Русь в 1178 г., в котором книжник с ненавистью и страхом повествует: „Придоша иноплемьници на Роускоую землю безбожнии Измалтънѣ вканынии Агаране нечѣстии ищадыѣ дѣломъ и нравомъ сотонинымъ именемъ Кончакъ злоу начальникъ правовѣрнымъ крѣстнымъ паче же всимъ црѣвмъ идеже има Бжїе славиться сими же погаными хоулиться то не рекоу единемъ крѣтъаномъ но и самому Боу врази”⁴⁸. Так же и в *Слове о полку Игореве* будущий тесть новгород-северского князя Игоря Святославовича половецкий хан Кончак, за причиненные русским страдания, наречен „вканынгии и безбожнгии и треклатгии”⁴⁹.

Польский автор более сдержан, но по характеру повествования передает те же переживания, называя половцев „Hostes infestissimi congesto ad vastan-

⁴⁵ *Ипатьевская летопись*, стб. 157.

⁴⁶ *Ibidem*, стб. 223.

⁴⁷ Ioannis Dlugossii, *Annales*, vol. 3–4, p. 158.

⁴⁸ *Ипатьевская летопись*, стб. 612.

⁴⁹ *Ibidem*, стб. 634.

dum terras Russie”⁵⁰ и „Barbarorum autem Polowczonum multitudo et feritas”⁵¹. Вероятно, прилагательное „дикие” автор взял из русских источников – *Ипатьевский летописный свод* переполнен понятием „дикие половцы”⁵². При этом интересно, что „диких половцев” не находим ни в *Лаврентьевской*, ни в *Новгородской первой* летописях, что в очередной раз подтверждает заимствование Длугошем этого прилагательного из того же источника, которым пользовался автор *Ипатьевского летописного свода*.

Именуя номадов „дикими” и „поганами”, семантически говорится не только о варварстве половцев, но и таким образом подчеркивается их некрещенность, а отсюда восприятие половцев как „иных”, „не таких, как мы”. Аргументом может быть то, что крестившийся хан Баста (1224 г.) уже именуется в летописи не „поганым”, а „великим” („Великѣи кнѣзь Половецкѣи крѣтиса Басты”)⁵³. Отметим, что в целом поведением русские князья не отличались от половцев – они так же грабили, убивали, брали в плен. Об этом неоднократно пишет и Длугош⁵⁴, поэтому позволим себе предположить, что некрещенность степняков использовалась (в подходящих для авторов случаях), чтобы подчеркнуть враждебность и злость кочевников. Любопытно, что разделение на „своих” и „чужих” зависело от характера отношений конкретного половецкого хана с конкретными князьями. Например, половецкий хан Котян – тесть новгородского, а с 1217 г. – галицкого князя Мстислава Мстиславича или принимавшие участие в битве против монголов на р. Калка половцы уже не именуются в *Ипатьевском летописном своде* „дикими” или „погаными”⁵⁵. Заметим, что информация о событиях на р. Калка и в *Ипатьевском летописном своде*, и в *Анналах* имеет сходные черты (например, практически идентичная фраза о том, что такой беды на Руси еще не было)⁵⁶. Однако Длугош, как ни странно, при описании сюжета вложил в половцев больше негатива, чем русский летописец. Так, хронист считает не рассудительным со стороны русских помогать

⁵⁰ Ioannis Dlugossii, *Annales*, vol. 3–4, p. 153.

⁵¹ *Ibidem*, vol. 5–6, p. 184.

⁵² *Ипатьевская летопись*, стб. 335, 386, 500, 548, 694.

⁵³ *Ibidem*, стб. 741

⁵⁴ Ioannis Dlugossii, *Annales*, vol. 3–4, p. 214.

⁵⁵ *Ипатьевская летопись*, стб. 740–745.

⁵⁶ „Не бѣ на немь порока быс побѣда на вси князи Роускѣа тако же не бѣвало никогда же” (*Ипатьевская летопись*, стб. 745); „Quale nusquam fuit in terris Russye visum aut auditum” (Ioannis Dlugossii, *Annales*, vol. 5–6, p. 216).

своим давним врагам⁵⁷ и, говоря о потерях, указывает, что еще больше (чем от монголов) бед было от союзников-половцев, которые во время нашествий убивали русских: всадников – ради лошадей, а пеших – ради одежды: „Sed et in fugientes aliud eque horrendum discrimen a Polowczis sociis, per quorum terras fugam maturabant, editum; nulli enim etati aut condicioni parcendo Polowczonum agrestes Ruthenos, si equites, propter equos, si pedites, propter vestes trucidabant”⁵⁸.

Чтобы передать всю серьезность половецкой угрозы, авторы летописей зачастую демонизировали номадов – в *Ипатьевском летописном своде* встречаем описание воя хана Боняка по-волчьи: „И вѣставъ Бонакъ ѿѡхъ ѡ рати и почъ выти волчьски и ѡвыса ему волкъ и начаша мнози волци выти Бонакъ же приѡхъ повѣда Давыдови ѡко побѣда”⁵⁹. То же самое находим и в Яна Длугоша: „Et ululatu edito lupis concurrentibus et vicissitudinarium ululatum reddentibus Bonyak ad suos in castra reverses, armati illos et certam sperare ex signo, quod ex luporum ululate acceperat, iubet victoriam”⁶⁰. Более того, это странное явление сверхъестественных возможностей Боняка описано и в древнерусском фольклоре⁶¹. В свое время Светлана Плетнева отмечала, что хан мог таким образом исполнять роль жреца⁶². Однако летописец, говоря о вое Боняка, едва ли интересовался русской рецепцией той или иной характеристики половцев, их какими-либо необыкновенными свойствами. Его скорее занимала своеобразность половецкого поведения, абсолютно чуждого христианскому миру и мировоззрению. И хотя, по словам Е. Скржинской, спустя уже полвека после своего прихода в южнорусские степи (впервые упоминаются в летописях под 1055 г.⁶³) половцы уже были вполне знакомы летописцам, различия в культуре кочевников и русских вызывали удивление авторов летописей, включивших в свои произведения наиболее странные или удивительные сюжеты⁶⁴. Их повторение в произведении Длугоша еще раз подтверждает использование русскими и польским авторами общего источника.

⁵⁷ Ioannis Dlugossii, *Annales*, vol. 5–6, p. 215.

⁵⁸ Ibidem, p. 216.

⁵⁹ *Ипатьевская летопись*, стб. 270.

⁶⁰ Ioannis Dlugossii, *Annales*, vol. 3–4, p. 184.

⁶¹ И. Жданов, *Русский былевой эпос*, Санкт-Петербург 1895, с. 444–451.

⁶² С. Плетнева, *Половцы*, Москва 1990, с. 101.

⁶³ *Лаврентіевская и Троицкая летописи*, стб. 162; *Ипатьевская летопись*, стб. 151.

⁶⁴ Е. Ч. Скржинская, *Половцы*, с. 260.

Описывая поведение половцев во время сражений, русские и польский авторы пытались показать такие негативные черты, как самоуверенность и трусость кочевников. Так, в *Ипатьевском летописном своде* говорится о том, как Кончак хвастался, что возьмет русские города и спалит их огнем: „Похоупса æко плѣнити хота градъ Роускыѣ и пожещѣ вгнѣмь”⁶⁵. Со своей стороны Длугош указывает: „Profitentibus se et Ruthenos, qui advenerant, debellaturos et tam terras quam municiones eorum occupaturos; nec superesse quemque ea potencia peditum, qui Ruthenos ab eorum invasione sit salvaturus”⁶⁶. Под 1171 г. он в очередной раз пишет, что русские разбили „Euntibus congressi Polowczos”⁶⁷. Ярким примером трусости степняков является эпизод о страхе даже половецких лошадей перед русскими князьями, датированный 1103 г.⁶⁸ И в летописи, и у Длугоша упоминаются также факты погони за убегающими половцами⁶⁹. Последний пример, однако, не показателен. Исследователи военной тактики кочевников давно знают, что для степняков характерным приемом ведения боя было притворное отступление⁷⁰, и возможно, средневековые авторы просто не понимали специфики ведения военных действий кочевниками.

В конечном итоге, говоря о сравнительном образе половец-кумана в *Ипатьевском летописном своде* и в польских хрониках, заметим, что кочевники порождали у христианских народов с одной стороны страх, а с другой – презрение к дикости и примитивности их уровня жизни. Половцы, как правило, представлены жестокими варварами, которыми Бог наказывает христианский народ за их грехи. Ненависть и страх перед ними вызывали также демонизацию степняков и приписывание им далеко не воинственных характеристик (трусость, наглость и хвастовство). Говоря об образе половцев в польских хрониках, отметим, что информация в них достаточно скудная и недостаточная для формирования четкого антропологического образа. Нам известно всего несколько фрагментов в хрониках Галла Анонима, Винцентия Кадлубка и в *Великопольской хронике*. Более полное представление о степняках содержат только *Анналы Яна Длугоша*,

⁶⁵ *Ипатьевская летопись*, стб. 634.

⁶⁶ Ioannis Dlugossii, *Annales*, vol. 3–4, p. 213.

⁶⁷ *Ibidem*, vol. 5–6, p. 159.

⁶⁸ *Ипатьевская летопись*, стб. 254; Ioannis Dlugossii, *Annales*, vol. 3–4, p. 213.

⁶⁹ *Ипатьевская летопись*, стб. 222, 508, 623; Ioannis Dlugossii, *Annales*, vol. 3–4, p. 261.

⁷⁰ Я. Пилипчук, *Военное искусство кипчаков*, [in:] *Тюркские кочевники Евразии (кимаки, кипчаки, половцы)*, вып. 2, отв. ред. И. Загидуллин, Казань 2013, с. 186.

которые формируют образ „поганого” кочевника, близкого к образу половцев, представленному в русских летописях. В то же время следует принять во внимание, что большая часть информации о кочевниках заимствована Длугошем из русских летописей, возможно – из тех, которыми пользовался и автор *Ипатьевского летописного свода*.

*

Iryna Tymar, The Image of the Cumans According to the Interpretation of the Hypathian Codex and Polish Medieval Chronicles

This study aims to present a comparative analysis of the information about the Polovtsi in *the Hypathian Codex* and Polish chronicles. The main purpose of this research is to find out how these nomads had been perceived by their Polish and Ruthenian contemporaries. The author also attempts to define their common and specific features. Significant attention is paid to the problem whether Jan Długosz and the author of *the Hypathian Codex* actually used the same source when writing their chronicles.

Iryna Tymar, Obraz Kumánov v interpretácii Ipatjevského letopisu a poľských stredovekých kroník

Autorka článku porovavajúco analyzuje informácie o Polovcoch (Kumánoch) v *Ipatjevskom letopise* a poľských kronikách. Hlavným cieľom jej výskumu je popísať, ako sú títo kočovníci vnímaní poľskými a ruskými súčasníkmi. Taktiež sa snaží určiť aj ich jednotlivé spoločné črty. Veľkú pozornosť venuje otázke, či Jan Długosz a autor *Ipatjevského letopisu* používali rovnaký zdroj informácií pre spísanie svojich diel.

Витас Янкаускас
(Каунас)

Русско-литовский договор 1219 года и внутривитовские отношения в Литве в первой четверти XIII века¹

В статье анализируется русско-литовский договор 1219 г. и его значение для изучения генезиса Литовского государства и внутривитовских отношениях в Литве в первой четверти XIII века. Автор стремится ответить на вопрос кем были упомянутые в договоре литовские князья и почему их перечислено так много. На основании анализа источника и историографии делается вывод о том, что в первой четверти XIII века литовские земли управлялись по принципу патримонии, а территория зарождающегося Литовского государства была большей чем принято считать в исторической науке.

Договор 1219 г. между волынскими Романовичами и литовскими князьями традиционно рассматривается в исторической науке в геополитическом контексте – исследователи считают, что он привел не только к заключению мира между Владимирским княжеством и Литвой, но и к появлению антипольского союза, в результате которого литовские отряды организовали

---

¹ Статья написана при поддержке Литовского научного совета, в рамках гранта: VAT-2012/55.

набеги на мазовецкие земли. Информация об этих событиях зафиксирована не только в *Галицко-Волынской летописи*, но и в польских, а также в чешских хрониках, в которых литовцы именуется пруссами, а события датируются 1220 г.² Таким образом, в первой трети XIII века литовцы постепенно становятся региональным фактором, влияющим на развитие отношений между русскими и польскими правителями³. В целом, упомянутый выше договор может рассматриваться как в контексте русско-литовских отношений в целом⁴, так и отдельно, с точки зрения его влияния на внутреннюю ситуацию на Волыни и внутривосточные отношения в Литве⁵. Именно рассмотрению последней проблемы посвящена настоящая статья.

В *Галицко-Волынской летописи* читаем: „Бжїимъ повелениемъ . прислаша князи Литовьскїи . к великой княгини Романовѣ . и Данилови и Василкови . миръ да(р)юще бахоу же имена Литовьскихъ князеи се старѣшеи . Живинъбоудъ . Давъатъ . Довъспрункъ . братъ его Мидогъ . братъ . Довъаеловъ . Виликаиль . а Жемотьскїи князѣ Ерьдивиль . Выкынтъ . а Роушьковичевъ . Кинтибоутъ . Вонибоутъ . Боутовить . Вижѣикъ . и снѣ его Вишлии . Китении . Пликосова . а се Боулевичи . Вишимоутъ егоже оуби Миндого тѣ . и женоу его поалъ . и братью его побиль . Едивила . Спрудѣика . а се князи . из Даволтѣвы . Юдьки . Поукѣикъ . Бикши . Ликиикъ си же вси миръ даша . кнѣзю Данилови . и Василкоу . и бѣ земля покоина . Лахом же не престающимъ . пакостащимъ . и приведе на на Литвоу И воеваща Лахы . и много оубиства створиша в нихъ”⁶. Историки, анализируя данный фрагмент, отмечают, что он имеет особое значение как для изучения проблемы генезиса Литовского государства, так и для поиска ответа на вопрос о внутривосточных отношениях в Литве в первой четверти XIII века.

Истоки изучения этих проблем берут свое начало еще с первой половины XX века, когда в научных спорах скрестили копья два польских историка –

² *Rocznik Krasińskich do r. 1351*, wyd. A. Bielowski, [in:] *Monumenta Poloniae Historica*, t. 3, Lwów 1878, s. 132; *Letopisy české od roku 1196 do roku 1278*, [in:] *Fontes rerum bohemicarum*, t. 2, ed. J. Emler, Praha 1874, s. 283.

³ G. Błaszczuk, *Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów najdawniejszych do współczesności*, t. 1: *Trudne początki*, Poznań 1998, s. 18–20.

⁴ W. Nagirnyj, *Polityka zagraniczna księstw ziem Halickiej i Wołyńskiej w latach 1198(1199)–1264*, Kraków 2011, s. 180–182.

⁵ D. Dąbrowski, *Daniel Romanowicz, król Rusi (ok. 1201–1264). Biografia polityczna*, Kraków 2012, s. 102–104.

⁶ *Ипатьевская летопись*, [in:] *Полное Собрание Русских Летописей*, т. 2, изд. А. Шахматова, Санкт-Петербург 1908, стб. 735–736.

Генрих Ловмянский и Генрих Пашкевич. Первый из них рассматривал русско-литовский договор в более широком контексте и предположил, что упомянутая в летописном тексте группа литовских князей является подтверждением того, что в Литве существовал союз племен, у которых внутренние процессы интеграции пребывали на довольно поверхностном уровне. На этом основании ученый предположил, что старшие князья не были ни „монархами”, ни „правителями земель”, а только военными вождями, которые от имени своих племен заключили мир с Романовичами⁷. Выказанный Г. Ловмянским тезис поддержали главным образом представители познаньской школы, среди них Ежи Охманьский⁸ и Кшиштоф Петкевич⁹. Другой точки зрения придерживался Генрих Пашкевич. По его мнению, договор 1219 г. надо рассматривать не в контексте общественных отношений Литвы, но в контексте роста военной активности литовцев в первой половине XIII века. Проведя сложный текстологический анализ информации летописи и паралели с более поздней ситуацией, он сформулировал тезис, согласно которому Литовское государство в 1219 г. уже существовало, а его правителем был первый из старших князей, упомянутых в договоре – Живинбуд. Остальных из перечисленных князей Г. Пашкевич предлагал считать подчиненными Живинбуда¹⁰.

Дискуссия Г. Ловмянского и Г. Пашкевича положила начало длительным научным спорам о том, что собою являла Литва в конце второго десятилетия XIII века. Наблюдались также попытки выработать компромиссный вариант. Так, Владимир Пашуто высказал мнение, что во время составления договора 1219 г. Литва представляла собою конфедерацию земель, то есть наметившийся процесс объединения литовских земель еще не был закончен. Согласно тезису советского историка окончательное становление Литовского государства произошло только во времена Миндовга¹¹. Таким образом, точка зрения В. Пашуто была более близкой к концепции Г. Ловмянского, но не отрицала полностью тезиса Г. Пашкевича¹².

⁷ H. Łowmiański, *Studja nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego*, t. 2, Wilno 1932.

⁸ J. Ochmański, *Historia Litwy*, Wrocław 1982, s. 45–47.

⁹ K. Pietkiewicz, *Początki państwowości litewskiej*, [in:] *Poznań – Wilno. Studia historyków w roku tysiąclecia Państwa Litewskiego*, red. Z. Wojtkowiak, Poznań 2010, s. 149–150.

¹⁰ H. Paszkiewicz, *Jagiellonowie a Moskwa*, t. 1: *Litwa a Moskwa w XIII i XIV wieku*, Warszawa 1933, s. 41–55.

¹¹ V. Pašuta, *Lietuvos valstybės susidarymas*, Vilnius 1971, p. 215–216.

¹² H. Łowmiański, *Prusy–Litwa–Krzyżacy*, oprac. M. Kosman, Warszawa 1989, s. 253–254.

В современной литовской историографии данный вопрос также вызывает споры. В настоящее время существуют два основных подхода к его решению. Автором первого из них является Эдвардас Гудавичус, который провел детальный филологический и сравнительный (с реалиями XIV в.) анализ летописного текста и пришел к выводу о том, что летописец хорошо понимал тонкости титулатуры. Э. Гудавичус обратил внимание на то, что автор летописного текста именовал вдову Романа великой княгиней, но в то же время ни один из упомянутых литовских князей не удостоился такого титула. В итоге исследователь предложил расширенную гипотезу В. Пашуто о конфедерации литовских племен, утверждая, что полное объединение Литвы следует датировать примерно 1240 г.¹³

Предложенная Э. Гудавичусом концепция была раскритикована Томасом Баранаускасом, который утверждал, что в начале XIII века соседи имели мало информации о литовцах, поэтому вполне объяснимо, что в летописи встречаем только общие данные и не находим реальной титулатуры литовских правителей. В качестве аргумента Т. Баранаускас привел договор 1358 г. между Литвой и Мазовией, в котором князья разного ранга титулованы идентичными титулами¹⁴. Подкрепляя свою концепцию предположением Э. Гудавичуса о том, что в 1219 г. Литвой уже управляла одна семья, представители которой в летописи названы старшими князьями, Т. Баранаускас пришел к выводу, что во время заключения русско-литовского договора Литва уже сформировалась как государство¹⁵.

Отсутствие единого мнения по поводу отмеченных выше вопросов подталкивает нас еще раз обратиться к этой проблематике. В первую очередь обратимся к источнику. При детальном рассмотрении летописного фрагмента его можно условно разделить на несколько частей: 1) известие о прибытии литовских посланников к Романовичам; 2) список литовских князей; 3) информация о заключении мирного договора; 4) известие о походе литовцев в Польшу.

Из первой части летописного известия четко следует, что инициаторами переговоров были литовцы. Это интересный момент, который требует более детального рассмотрения. Надо обратить внимание на то, что в то время

¹³ E. Gudavičius, *Mindaugas*, Vilnius 1998, p. 115–122.

¹⁴ Текст договора, см.: *Nowy kodeks dyplomatyczny Mazowsza*, t. 3: *Dokumenty z lat 1356–1381*, wyd. I. Sułkowska–Kuras, S. Kuras, Warszawa 2000, s. 30–32; *Liv.– Esth.– und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten*, hrsg. von F. G. Bunge, Bd. 3, Reval 1857, s. 361–362.

¹⁵ T. Baranauskas, *Lietuvos valstybės ištakos*, Vilnius 2000, p. 185–188.

Романовичи занимали далеко не самую сильную позицию в галицко-волинском регионе, значительно уступая влиянием галицкому князю Мстиславу Мстиславовичу¹⁶ и владея только частью Волыни с центром во Владимире¹⁷. То есть, литовцы в данном случае стремились заключить договор только с одним из волинских княжеств, которое в тот момент еще не имело значительного перевеса над другими государственными образованиями Волыни. Таким образом возникает вопрос – почему и зачем литовцы стремились заключить договор именно с Романовичами? Наиболее логическим кажется следующее объяснение: заключение договора было результатом не совсем удачного военного похода литовцев против Владимирского княжества. Такое предположение подтверждают слова летописца о том, что владимирские земли часто становились объектом нападений литовцев. Осмелимся предположить, что такое нападение было организовано и в 1219 г. Очевидно, что приблизившись к хорошо укрепленному Владимиру, литовцы оказались в ситуации, когда дальнейшие военные действия стали бесперспективными: взять город они не могли, а отступление без предварительного заключения перемирия было чревато преследованием со стороны русских и даже поражением литовских отрядов. В такой ситуации стремление литовцев к заключению договора выглядит вполне обоснованно.

Внимательного рассмотрения и ответов требуют также следующие вопросы: кем были упомянутые в летописи князья; почему их перечислено так много; был ли сам текст договора или он был заключен в устной форме; какие еще пункты были включены в него?

С точки зрения исследуемой проблемы наибольшее значение имеют первые два вопроса. Но на них можно получить только частичные ответы. Кажется логическим, что в договоре перечисленные князья, принимавшие участие в походе на Волынь и которые позже совершили нападение на польские земли (не исключено, что они получили за это отдельную плату от Романовичей¹⁸). Что касается их количества, то перечисление такого значительного числа литовских князей можно попытаться объяснить стремлением последних зафиксировать в договоре всех, кто рассчитывал на денежное или любое другое вознаграждение. Возможно, именно поэтому

¹⁶ D. Dąbrowski, *Daniel Romanowicz*, s. 93–102.

¹⁷ Л. Войтович, *Княжа доба на Русі: портрети еліти*, Біла Церква 2006, с. 492.

¹⁸ W. Nagirnyj, *Polityka zagraniczna*, s. 181.

среди Рушковичей появилась вдова Пликосова, которая при иных обстоятельствах вряд ли была бы включена в список.

Интересные замечания по поводу структуры летописного списка литовских князей высказали в свое время Михаил Грушевский и Эдвардас Гудавичус. Украинский историк считал, что список князей был уложен без придерживания какого-нибудь общего принципа и отмечал, что часть князей была указана по родовому принципу (Рушковичи, Булевичи), а часть по территориальной принадлежности (Жемайтия, Дельтува)¹⁹. М. Грушевский также подчеркнул, что многие из перечисленных князей были родственниками. Безусловно, исследователь был прав – даже поверхностный анализ договора подтверждает родственные связи Викинта и Довспрунка²⁰, Булевичей и Миндовга²¹, Миндовга и князей Дельтувы²² и, конечно же, представителей рода Рушковичей. В свою очередь, Э. Гудавичус высказал интересное предположение о том, что власть конкретного литовского рода могла не соответствовать территории отдельных племен и наоборот²³. К этим замечаниям необходимо добавить, что список старших князей, хотя и не носит четкого деления ни по территориальному, ни по родственному принципу, тем не менее имеет определенные признаки и того, и другого. Упомянутые две пары братьев (Давята – Виликайло и Довспрунк – Миндовг) позволяют считать, что летописцу было известно о родственных связях отдельных князей. Возможно также, что родственные связи существовали и между Живинбудом и другими младшими князьями²⁴. Это предположение в определенной степени подтверждает и *Хроника Ливонии* Генриха Латвийского²⁵. Таким образом, можно считать, что Э. Гудавичус был прав, утверждая, что в данном случае сталкиваемся с принципом

---

¹⁹ М. Грушевський. *Історія України – Русь*, т. 4: XIV–XVI віки – відносини політичні, Київ 1993, с. 7–8.

²⁰ *Ипатьевская летопись*, стб. 815.

²¹ *Ibidem*, стб. 735.

²² *Liv.- Esth.- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten*, hrsg. von F. G. Bunge, Bd. 1, Raeval 1853, s. 451.

²³ E. Gudavičius, *Bandydas lokalizuoti XIII a. lietuvių kunigaikščių valdas*, „Lietuvos TSR Mokslų Akademijos darbai. Serija A: Visuomenės mokslai“, 3, 1984, p. 69–79.

²⁴ М. Грушевський. *Історія України – Русь*, т. 4, с. 7–8.

²⁵ *Heinrici Chronicon Livoniae*, [in:] *Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarumex Monumentis Germaniae Historicis separatim editi*, vol. 31, ed. L. Arbusow, A. Bauer, Hannoverae 1955, p. 28, 113–115.

патримонии в литовских землях²⁶. В то же время, данные русско-литовского договора о территориальной структуре Литвы не позволяют согласиться с Э. Гудавичусом в определении границ Литовского государства в первой четверти XIII века²⁷. Появление в договоре информации о Нальшани дает возможность предполагать, что по состоянию на 1219 г. территория, контролируемая литовскими князьями, была большей.

Подводя итоги, можно констатировать, что в первой четверти XIII века во главе формируемого Литовского государства стояла элита, происходящая из военно-племенной аристократии и связанная между собой родственными узами.

*

Vytas Jankauskas, *Lithuanian-Rus' Agreement of 1219 and Internal Political Relations in Lithuania in the First Quarter of the 13th century*

This paper analyzes the Lithuanian-Russian Agreement of 1219 and its significance for the study of the genesis of the Lithuanian state and the internal political relations in Lithuania in the first quarter of the 13th century. The author tries to answer the question of who were the Lithuanian princes, mentioned in the agreement and why are they mentioned in such big number. Based on the analysis of the source and literature it concludes that in the first quarter of the 13th century, the Lithuanian lands were organized on a patrimonial principle and the territories of the emerging Lithuanian state were much larger as it is usually pointed out in historiography.

Vytas Jankauskas, *Rusko-litovská dohoda z roku 1219 a vnútropolitické vzťahy na Litve v prvej štvrtine 13. storočia*

Táto práca analyzuje rusko-litovskú dohodu z roku 1219 a jej význam pre štúdium genézy Litovského štátu a vnútropolitické vzťahy na Litve v prvej štvrtine 13. storočia. Autor sa snaží zodpovedať otázku, kto to boli litovské kniežatá, spomínané v tejto dohode a prečo je ich vymenovaných tak veľa. Na základe rozboru prameňa a odbornej literatúry dochádza k záveru, že v prvej štvrtine 13. storočia sa litovské krajiny spravovali na patrimoniálnom princípe a územia vznikajúceho Litovského štátu boli väčšie, ako sa zvykne udávať v historiografii.

²⁶ E. Gudavičius, *Mindaugas*, p. 122.

²⁷ *Ibidem*, p. 138–143.

Angelika Herucová
(Bratislava)

Palatine Then Antichrist. Benedict in *the Chronicle of Galicia-Volhynia*¹

The paper aims to answer the question (1) whether Benedict mentioned in the Chronicle of Galicia-Volhynia under the year 6713 was a Hungarian Palatine and (2) to what refers the formulation Antichrist, who „will be called by three names” in the text. There is no mention of Benedict being a palatine in the Chronicle, but contemporary editors claim so. Others believe he was a duke of Transylvania. There were several Benedicts in 12th and 13th century. Hungarian Kingdom, making it impossible to decide with certainty, which one he was. Antichrist was used in medieval texts often – in the Russian tradition to label one with power who uses it against the Church. The formulation might be a reference to 2 Thess, 2:3-8, where is the word Antichrist replaced by Man of Sin, Son of Perdition and Wicked.

Once upon a time, around the year 1200, a nobleman named Benedict lived in the Kingdom of Hungary. His king sent him to occupy the Principality of Galicia-Volhynia and he did just that as it was recorded in *the Chronicle of Galicia-Volhynia*². The chronicler called him Antichrist (allegorically), the contemporary

---

¹ This research was supported by a VEGA grant No. 2/0109/14: „Komunikácia a spôsoby šírenia informácií v stredoveku”.

² It is the third section of *The Hypatian Codex*. See *The Hypatian Codex II: The Galician-Volynian Chronicle, An Annotated Translation*, ed. G. A. Perfecky, München 1973; *Галицко-Волынская летопись*, изд. Н. Ф. Котляр, Санкт-Петербург 2005; *Haličsko-volyňský letopis*, ed. J. Komen-

editors concluded he was a Hungarian Count Palatine. This is a paper about two issues. First is to answer the question whether Benedict actually was the Hungarian palatine. The second is cogitation about labelling Benedict an Antichrist and the way it was done.

The beginning is as one of a fairytale, because the source and the story it offers resemble one. That, together with a lack of other comparable sources, limits possibilities as far as scientific conclusions are concerned. Accordingly, the conclusion here will be a proposal of interpretation supported, not verified by evidence. However, it is neither falsified by it, nor completely falsifiable. The same goes for other theories either already formulated or yet to be presented on the matter.

In research focused on the palatines under Árpáadian kings, the narrative sources have been put under scrutiny. In *the Chronicle of Galicia-Volhynia*, there are at least two Hungarian Palatines³; the third possible is the discussed Benedict.

According to the *Chronicle*, at the beginning of the 13th century somewhere between the years 1205–1212 (under the year 6713 in the record) „Андрѣй же и король увѣдивъ безаконье галичкое и мятежь, и посла Бенедикта со воими, и я Романа в бани мьюющаяся и посла и во Угры”⁴. Then, for about a year, Benedict successfully held the Principality until he was expelled by the Igorevich brothers reunited with Roman, who escaped from the Kingdom of Hungary⁵.

The chronicler’s description of Benedict was harsh: „В Галиче был Тимофей, премудрый книжник, родом из города Киева, он сказал об этом насильнике Бенедикте иносказательно: «В последние времена наречется антихрист тремя именами». Скрывался от него Тимофей, потому что Бенедикт притеснял бояр и горожан, и творили блуд, бесчестили женщин, даже монахинь и поповских жен. Вправду был он антихрист по гнусным делам его”⁶.

---

dová, Praha 2010; *Галицко-Волынская летопись*, изд. О. П. Лихачевой, Москва 2011, [lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4961 (10.01.2015)].

³ Palatine Moch/Mog (1192–1193, 1198–1199, 1206) is referred to as „Мокея великог Слепоокоро”, Palatine Poth (1209–1212) as „великого дворского Пота”, both Russian equivalents of the title Count Palatine, G. A. Perfecky, *Hungary and The Hungarians in the Galician-Volynian Chronicle*, „Hungarian Studies”, 3, 1987, 1–2, p. 21. Also see *Haličsko-volyňský letopis*, p. 40, 149, 176.

⁴ „Upon learning of the disorder and revolt in Galicia [the Hungarian] King Andrew sent Benedict with an army [there]. Benedict captured [Prince] Roman [Igorevič] as he was bathing in a bath-house and sent him to Hungary”. *The Hypatian Codex II*, p. 20; *Галицко-Волынская летопись*, изд. Н. Ф. Котляр, p. 80.

⁵ *Ibidem*.

⁶ „In Galicia there was a very wise bibliophile named Timofej, a Kievan by origin. He expressed himself allegorically about this tormentor Benedict: „In our time the Antichrist will be known by

Why consider the possibility of Benedict being a palatine when there is no mention of it in the text? It is improbable that the man appointed by the king to lead an army and to occupy a territory on his behalf had not an office in the Kingdom before or after the campaign. That the office was the Count Palatine is the assumption of majority of the *Chronicle's* editors. Thus it is referred to in the comments, registry or added into the text along with a family name Bor⁷ in G. Perfecky's edition of 1973, O. Lichačeva's of 1981 (online 2006), M. Kotljar's of 2005 and J. Komendova's edition of 2010⁸.

The office of a palatine in Hungarian Kingdom was usually short-term⁹. There were exceptions – Palatine Roland (1248–1260) held it for twelve years¹⁰ – but it was not granted for life. There was a fluctuation on all the secular positions in the Kingdom. In addition, there is a chronically known problem with dating in the *Chronicle of Galicia-Volhynia*¹¹. However, it can be reliably concluded that these events happened under the rule of King Andrew II (1205–1235)¹².

Under the rule of Andrew II, there were eleven palatines¹³:

---

three names⁴ and then fled from him, for [the latter] tortured boyars and citizens alike and was addicted to lechery. [He and his soldiers] defiled married women, nuns, and the wives of priests. And indeed he was the Antichrist for his horrendous deeds bore witness thereof". *The Hypatian Codex II*, p. 20; *Галицко-Волынская летопись*, изд. Н. Ф. Котляр, p. 80–81.

⁷ This is based on an old erroneous identification of Ban Bank de genere Bor as the same person as Benedict, the son of Korlat (later in the text referred to as Benedict /2/). G. Bor, D. Bor, *A Halmaji, Gibárti és Szikszói Bor családok története*, Budapest 2001, p. 18 [www.mek.oszk.hu/02100/02132/pdf/borhist1.pdf (20.01.2015)].

⁸ *The Hypatian Codex II*, p. 20, 149. G. Perfecky uses the term „voyvoda”, not palatine, but probably not as a title, just as an occupation, since he uses the same term several times in the register in this sense. *Галицко-Волынская летопись*, изд. Н. Ф. Котляр, p. 371; *Haličsko-volyňský letopis*, p. 149, 171.

⁹ A. Zsoldos, *Magyarország világi archontológiája 1000–1301*, Budapest 2011, p. 382. See F. Uličný, *Dejiny Slovenska v 11.–13. storočí*, Bratislava 2013, p. 417–418.

¹⁰ A. Zsoldos, *Magyarország*, p. 20.

¹¹ G. A. Perfecky, *Hungary and The Hungarians*, p. 26.

¹² Based on the fact that Andrew's campaigns to Galicia took place after his coronation. See also M. Font, *Ungarn, Polen und Galizien-Wolhynien im ersten Drittel des 13. Jh.*, „Studia Slavica Hungarorum”, 38, 1993, 1–2, p. 27–39.

¹³ A. Zsoldos, *Magyarország*, p. 17–19.

1205	Nicholaus
1206	Moch/Mog
1206–1209	Chepan filius Stephani
1209–1212	Poth
1212–1213	Bank
1213–1214	Nicholaus
1215–1217	Jula Kan
1219–1222	Nicholaus filius Borz
1222	Todor filius Veite
1222–1226	Jula Kan (2 nd time)
1226	Nicholaus filius Borz (2 nd time)
1227–1226	Dionysius filius Ampod
1228–1231	Moys
1231–1234	Dionysius filius Ampod (2 nd time)

None of them was Benedict. Benedict the Occupant of Galicia was not the active palatine at the time of the campaign or afterwards. Nevertheless, he could have been the palatine before his Galician adventure, under the rule of the previous King Emericus (1196–1204). There were only four palatines under his rule¹⁴:

1197–1198	Esau
1198–1199	Moch/Mog
1199–1201	Miche
1202–1204	Benedictus

Benedict (1), who held the office of count palatine between the years 1202–1204, was one of the last palatines without any known preserved charters issued by him¹⁵. The lack of sources concerning him would have made it excitingly great,

¹⁴ Ibidem, p. 16–17.

¹⁵ *Magyar Országos Levéltár, Diplomatikai Levéltár/Diplomatikai Fényképgyűjtemény* [later: MNL OL DL/DF] database; *Regesta Palatinorum et Vices Gerentium Tempore Regum Stirpis Arpadianae Critico-Diplomatica* [later: RP], ed. T. Szűcs, Budapest 2012, p. 324.

had it been him described in the *Chronicle*. An argument can be raised that a turbulent relationship between the royal brothers Emericus and Andrew could have prevented continuous career of a nobleman loyal to Emericus later on, under Andrew, and his trustee should be found elsewhere. Some suggest the opposite – that Andrew had problems getting rid of previously powerful noblemen¹⁶. For instance Moch/Mog, who was a palatine first during the rule of King Béla III in the years 1192–1193¹⁷, under Emericus in the years 1198–1199¹⁸, and then under Andrew II in the year 1206¹⁹ as well, led an army to Galicia before Benedict²⁰. However, it varied from case to case²¹ and nothing can be concluded in general.

In historiography, it is usually accepted that Andrew II sent to Galicia Benedict (2) the *Woiawoda*²² of Transylvania (1202–1206, 1208–1209) son of Korlat²³. His first assumption of the office also preceded Andrew's rule²⁴, so the same argument about the continuance of a career should apply. Benedict (2) son of Korlat was even married to Tota, a lady-in-waiting of the wife of Emericus Queen Constance of Aragon.

A charter from the year 1221 describes King Andrew's relationship with Benedict (2). After his brother had died and he had succeeded to the throne, Benedict „exhibuerit obsequia”, but as things happen and a heart of a nobleman changes, he exiled Benedict (2) and confiscated all his possessions²⁵. Andrew partly reconsidered this later, benefiting the wife Tota²⁶. The charter can be seen as a source in favour of the theory that Benedict (2) led the army to Galicia, because

¹⁶ M. Kláty, *Vojvoda Benedikt v kontexte uhorsko-haličských vzťahov prvej tretiny XIII. storočia*, „Medea – Studia Mediaevalia et Antiqua”, 2, 1998, p. 76–90.

¹⁷ A. Zsoldos, *Magyarország*, p. 16.

¹⁸ *Ibidem*.

¹⁹ *Ibidem*, p. 17.

²⁰ *The Hypatian Codex II*, p. 18; *Галицко-Волынская Летопись*, изд. Н. Ф. Котляр, p. 78; *Haličsko-volyňský letopis*, p. 40.

²¹ See: A. Zsoldos, *Magyarország*, p. 37.

²² *MMNL OL DL*, no 39249.

²³ Gy. Pauler, *A magyar nemzet története az Árpád-házi királyok alatt II*, Budapest 1899, p. 50; B. Włodarski, *Polska i Rus 1194–1340*, Warszawa 1966, p. 325; Gy. Kristó, *Az Árpád-kor háborúi*, Budapest 1986, p. 101; M. Font, *II András orosz politikája és hadjáratai*, „Századok”, 125, 1991, 1–2, p. 107–144; M. Kláty, *Vojvoda Benedikt*, p. 82–84; A. Zsoldos, *Magyarország*, p. 288.

²⁴ A. Zsoldos, *Magyarország*, p. 37.

²⁵ *MMNL OL DL*, no. 39250; *Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis* [later: *CDH*], vol. 3, pars 1, ed. G. Fejér, Buda 1829, p. 317.

²⁶ *Ibidem*.

of the mentioned services for Andrew²⁷, but those services could have been anything. It could have even been the campaign to Galicia, but not with him in charge. The source can be also seen as the opposite – Benedict (2) was not in king's favour, so he would not have been put in command of an army. However, the timeframe is too wide and he could have been dismissed after the campaign²⁸. In conclusion, this source helps determine nothing.

According to the A. Zsoldos's *Magyarország világi archontológiája 1000–1301* there was a boom of the use of the name Benedict at the turn of 12th and 13th century that results in an increased problem of identification²⁹. Except for Benedict (1) the Palatine and Benedict (2) the *Woiawoda*, also considerable is Benedict (3) who was the Count of Bodrog (1205), of Sopron (1206–1208), of *Nouo Castro* (1209) and of Ung (1214), to say nothing about Benedict (4) son of Samud, Count of Szolnok (1217), Nitra (1219) and *Nouo Castro* (1220), who surfaced in the sources a little too late to be taken into account³⁰. The *Chronicle of Galicia-Volhynia* mentions some Benedict with a nickname Bald a few years after Iгореvich brothers defeated Benedict the Occupant³¹. It complicates things even further – it might be the second mention of the same Benedict or first mention of another one³².

Some proposed that maybe Benedict (2) was actually the Count of Sopron in years 1206–1208³³. I would go even further and propose that Benedict (2) might have held any or all of the offices attributed to Benedict (3). Even more, I do not consider it possible, with exceptions, to determine which offices were held by which Benedict or how many Benedicts there actually were³⁴.

²⁷ Also, M. Kláty arguments that Andrew titles Benedict (2) „dux” in the chrater not as the Duke of Transilvania – because there was the term *Woiawoda* and its variants for that – but because he led the troops to Galicia. M. Kláty, *Vojvoda Benedikt*, p. 84. I do not think the benevolent use of terms in Hungarian Kingdom allows this kind of argument and „Dux Transilvanus” can be found in charters, e. g. *CDH*, vol. 4, pars 2, Buda 1829, p. 434.

²⁸ E. g. in 1213 when Queen Gertrud was murdered. Some say Benedict set in motion an attempt to replace Andrew II in 1209. M. Kláty, *Vojvoda Benedikt*, p. 83; E. Fügedi, *Ispánok, bárók, kiskirályok*, Budapest 1986, p. 82, 128.

²⁹ A. Zsoldos, *Magyarország*, p. 288.

³⁰ *Ibidem*, p. 288–289.

³¹ *The Hypatian Codex II*, p. 24; *Галицко-Волынская летопись*, изд. Н. Ф. Котляр, p. 85; *Haličsko-volyňský letopis*, p. 46.

³² *Ibidem*.

³³ A. Zsoldos, *Magyarország*, p. 288.

³⁴ The connection between a name and an office is usually known only from a list of dignitaries added to the end of charters sometimes with an additional information concerning a father's name.

Offices of considered Benedicts according to Zsoldos' s
Magyarország világi archontológiája 1000–1301:

	Benedict (1)	Benedict (2)	Benedict (3)
1198	NITRA		
1199	BÁN	ZALA	
1200			
1201	BÁCS		
1202	PALATINE	BIHAR	WOIAWODA
1203			
1204			
1205			
1206			SOPRON
1207			
1208			NOUO CASTRO
1209			
GAP in tenure			
1214			UNGI

With the vague timeline and many opened questions, any conclusion would be just a list of possibilities. However, in the A. Zsoldos' version of the office distribution, either Benedict (2) or (3) was very likely the Occupant of Galicia because of the gaps in their tenure 1209 until 1214 and their apparent political activity as opposed to the silence in the case of Benedict (1). In this scenario, Benedict (1) vanished from „state politics” with the death of the king and Benedict (3) emerged with the succession of the new one. However, I have not found an argument or document that would refute a version in which Benedict (1) holds any or all of the offices attributed to Benedict (3) yet. Then, Benedict (1) would have been an exam-

ple of a nobleman able to adapt politically and also could have been the one that led an army to Galicia.

There is a preserved charter of King Emericus from the year 1202³⁵, a donation for Benedict (2) the *Woiawoda* and his wife. At the end of the charter, there is a list of dignitaries and the first secular one is *ex usu* Palatine Benedict (1). This excludes an option of Benedict (1) and (2) being the same person. He could not have been a witness to his own donation and even if, there would have been a pronoun suggesting that he is the same as mentioned above. Had there been no charter, the collision of offices – the one Benedict would have been Count Palatine, Duke of Transylvania and maybe even Count of Bihar at the same time – is too big to consider plausible. To answer the main question, this proves that at the beginning of the 13th century, there was Benedict who was a palatine and Benedict who was not. Neither can be excluded nor confirmed as Benedict the Occupant of Galicia and therefore the same goes for the possibility of him being a palatine.

However, he figuratively did become an „Antichrist”. The label was often used in medieval texts, to symbolically point out someone – usually the pope – as cruel, sinful, and evil³⁶. The chronicler concluded his description of Benedict with „вправду был он антихрист по гнусным делам его”³⁷ referring to his quote of Timofej: „В последние времена наречется антихрист тремя именами”³⁸. In the Russian tradition, Antichrist is more often than not a designator of someone with political power who uses it against „God and the faithful”³⁹.

In *the Bible*⁴⁰, the actual word Antichrist occurs only five times in the John's Epistles. John uses it dually. Antichrist is the „one” who will come at the End of the world⁴¹ (anti- = in place of)⁴² and at the same time, there are antichrists as evil people in general as well as those who are literally anti-Christ and against the

³⁵ MNL OL DL, no. 39249.

³⁶ The earliest occurrence was in the year 991. B. McGinn, *Antichrist: Two Thousand Years of the Human Fascination with Evil*, New York 2000, p. 100.

³⁷ „And indeed he was the Antichrist for his horrendous deeds bore witness thereof”. *The Hypatian Codex II*, p. 20; *Галицко-Волынская летопись*, изд. Н. Ф. Котляр, p. 80.

³⁸ „In our time the Antichrist will be known by three names”. *Ibidem*.

³⁹ M. Tenace, *Antikrist, vyprávění o falešném dobru*, [in:] *Legenda o Antikristu*, ed. V. Solovjov, Velehrad 1996, p. 51.

⁴⁰ I used the Knox English Translation with the text in Greek and Latin alongside [www.new-advent.org/bible/gen001.htm (20.01.2015)].

⁴¹ 1 John 2:18; 1 John 4:3.

⁴² P. L. Sullivan, *Antichrist: A Brief Bible Study and Guide*, Wartburg 1977, p. 3.

teachings of the Church⁴³ (anti- = opposed to)⁴⁴. In the early Christian Theology and Apocalyptic Eschatology, a „construction of Antichrist” emerged, since he „does not spring fully formed from the pages of Scripture..., [but he] took shape over... reflection on variety of hints and clues scattered throughout the Scriptures and traditions of Christian faith”⁴⁵. So-called „real parallelisms”⁴⁶ are biblical references – „hints and clues” – to Antichrist, that do not use the name/word. Medieval commentators found them in *the Book of Revelation*, *the Pauline Epistles*, *the Book of Daniel*, and as references to false prophets in the Evangelists⁴⁷.

The existent interpretation of Timofej’s reference was formulated by A. Hens’ors’kyj in 1958⁴⁸ and accepted by G. Perfecky. It states that „Timofej based his conclusion that Benedict was indeed the Antichrist on the numerical value of the latter’s name in its Greek pronunciation [Benediktos]. The number 666 which is the sum total of all the numbers each of the sounds in his name represented (b=2; e=5; e=5; d=4; i=10; k=20; t=300; o=70; s=200; sum=666) stood for the ‘sign of the beast’ i.e., the Antichrist, according to the Apocalypse”⁴⁹. This is a legitimate statement based on Greek isopsephy and the custom of using it (or Hebrew gematria) to calculate, sometimes creatively, the numerical value of a name to match it with the number of the Beast⁵⁰. However, it is rather complicated and it does not explain why the Antichrist will be called „третя именими”⁵¹.

I propose a simpler interpretation. In the second chapter of *Paul’s Second Epistle to the Thessalonians*, which is considered an important part of the apocalyptic literature⁵², Paul warns them that before the final Judgement the Antichrist will appear to lead them astray. As said, he did not use the word Antichrist. Instead, he uses three designators „ὁ ἄνθρωπος τῆς ἀνομίας”, „ὁ υἱὸς τῆς ἀπωλείας” and

⁴³ 1 John 2:18, 22; 2 John 1:7.

⁴⁴ P. L. Sullivan, *Antichrist*, p. 3.

⁴⁵ K. L. Hughes, *Constructing Antichrist*, Washington D. C. 2005, p. 1–12.

⁴⁶ A. Maas, *Antichrist*, [in:] *The Catholic Encyclopedia*, New York 1907 [www.newadvent.org/cathen/01559a.htm] (20.01.2015)].

⁴⁷ Rev 13:11–18, 16:13–14, 19:19–20, 20:10; 2 Thessalonians 2:3–4, 7–10; Daniel 7:8, 11, 20, 21 8:8 sqq., 23, sqq., 11:21–45; Matthew 24:24; Mark 13:6, 22; Luke 21:8, John 5:43.

⁴⁸ A. I. Геньсoрський, *Галицько-Волинський літопис (процес складання, редакції і редактури)*, Київ 1958, p. 14.

⁴⁹ *The Hypatian Codex II*, p. 131.

⁵⁰ See: G. K. Beale, *Revelation: A Commentary on the Greek text*, Grand Rapids 1999, p. 1245 or C. A. Cory, *The Book of Revelation*, Collegeville 2006, p. 60–61.

⁵¹ „by three names”. *The Hypatian Codex II*, p. 20; *Галицько-Волинская летопись*, изд. Н. Ф. Котляр, p. 80.

⁵² K. L. Hughes, *Constructing Antichrist*, p. 278.

„ὁ ἄνομος“⁵³. In the King James's version of *the Bible*, those are the *Man of Sin*, *Son of Perdition* and the *Wicked*⁵⁴ or in more precise translation directly from Greek (according to the linguistic analysis by Lietaert Peerbolte) *Man of Ungodliness*, *Son of Perdition* and the *Ungodly One*⁵⁵. Twenty-five designators/titles/names for Antichrist can be found throughout *the Bible*. They are usually scattered in several texts⁵⁶; the three in *Pauls Second Epistle* to Thessalonians are just several verses apart and most trio-like. In addition, the notion of the passage – description of someone who „puts himself above all that men hold in reverence“ accompanied with „no lack of power, of counterfeit signs and wonders“⁵⁷ – is in harmony with the chronicler's description of Benedict's deeds. Therefore, these three designators can be considered the three names of Antichrist meant by Timofej⁵⁸.

*

Angelika Herucová, *Palatín, potom Antikrist. Benedikt v Haličsko-volynskom letopise*

Príspevok je venovaný dvom otázkam – (1) či bol Benedikt, ktorý je zmieneny v *Haličsko-volynskom letopise* v zázname pod rokom 6713 uhorským palatínom a (2) na čo v texte odkazuje formulácia Antikrist, ktorý „bude nazvaný troma menami“. V *letopise* nie je zmienka o tom, že bol Benedikt palatínom, ale súčasní editori *letopisu* ho za palatína označujú. Iní bádatelia sa prikláňajú k tomu, že ide o sedmohradského vojvodu. Na prelome 12. a 13. storočia bolo v Uhorsku činných viacero Benediktov, čo veľmi sťažuje, až znemožňuje s určitosťou rozhodnúť, ktorý z nich je zmieneny v *letopise*. Termín Antikrist sa v stredovekých textoch pomerne často vyskytuje – v ruskej tradícii je to označenie niekoho, kto zneužíva moc proti cirkvi. Formulácia v *letopise* môže byť odkazom na pasáž

⁵³ 2 Thessalonians 2:3, 8.

⁵⁴ Ibidem [www.kingjamesbibleonline.org/2-Thessalonians-Chapter-2/ (20.01.2015)]. In the older translation, the designators are more namelike than in the Knox Version or in the New International Version.

⁵⁵ L. J. Lietaert Peerbolte, *The Antecedents of Antichrist: A Traditio-Historical Study of the Earliest Christian Views on Eschatological Opponents*, Leiden 1996, p. 75–80.

⁵⁶ H. Epps, *Concise Study of Basic Theology Vol XIII: The Anti-Christ*, s. l. 2012, p. 59–80.

⁵⁷ 2 Thessalonians 2:4, 9

⁵⁸ Apropos, there is also an account of the three names in some fragments of Qumran – when an „evil watcher“ is asked his names, he answers „My three names are...“ and the rest of the text did not preserve. L. J. Lietaert Peerbolte, *The Antecedents*, p. 271.

2Sol, 2:3-8, kde je slovo Antikrist nahradené za člověk neprávosti, syn zatratenia a „zločinec”.

Ангелика Геруцова, Палатин, позже Антихрист Бенедикт в Галицко-Волынской летописи

Автор статьи ставит своей целью ответить на вопросы: (1) был ли Бенедикт, упомянутый в *Галицко-Волынской летописи* под 6713 г. венгерским палатином (2) кого летописец называет Антихристом, который „трѣмъ имени наречетсѧ”. В летописи Бенедикт не назван палатином, но современные издатели источника считают его именно палатином. Другие исследователи считают его трансильванским воеводой. На рубеже XII и XIII вв. в Венгерском королевстве встречаем нескольких Бенедиктов, что не позволяет окончательно определить о котором из них идет речь в летописи. Термин Антихрист часто встречается в средневековых текстах – в древнерусской традиции так называли того, кто выступал против Церкви. Такая летописная формулировка могла появиться под влиянием 2-го послания к Фессалоникийцам, 2:3-8, в котором слово Антихрист заменено выражением Человек Греха, Сын Погибели и Злодей.

Михал Михальский
(Краков)

Походы Мстислава Мстиславовича против венгров и поляков: использование помощи половецких войск в вооруженных конфликтах

Известно, что Мстислав был женат на дочери половецкого хана Котяна, а его союз с этим ханом был одним из наиболее важных. Тесные контакты с родственниками Котяна в значительной степени сказались на возможности использования номадов в военных мероприятиях князя. Половецкие войска впервые были задействованы Мстиславом в тот момент, когда на сторону врага перешел белзский князь Александр. Мстислав пришел вместе с половецкими отрядами и оказал поддержку Даниилу и Васильку, хотя ему так и не удалось захватить Галич. Через два года князь в очередной раз воспользовался помощью половцев. На этот раз кочевники были использованы как разведывательный отряд (так называемые застрельщики), задачей которого была защита основных сил Мстислава, а также разведывание ситуации на поле битвы. Номады прибыли на день раньше войск князя, их целью было „присмотреться” к войскам противника. Как написано в Галицко-Волынской летописи, половцы блестяще выполнили свою задачу. Их помощь в походе способствовала успеху Мстислава и позволила ему получить контроль над Галичем.

В первой половине XIII века Галицкое княжество стало местом интенсивных политических действий. Может показаться, что в то время Галич находился в сфере венгерского влияния. Однако реальная ситуация была более сложной. Можно выделить несколько сил, которые в военном или политическом смысле сталкивались в этом регионе. Первой из них был венгерский король Андрей II, другой – краковский князь Лешек Белый. За влияние в Галицком княжестве боролись также русские князья, происходящие из разных ветвей Рюриковичей, среди прочих интересующий нас здесь Мстислав Мстиславович.

Коротко рассмотрим ситуацию, сложившуюся в княжестве в то время, когда в борьбу за него вступил Мстислав. *Галицко-Волынская летопись* сообщает о походе венгерского короля Андрея II на Галич в 1213 г.; из-за заговора поход не имел успеха¹. Венгерский правитель после получения известия об убийстве его жены отказался от своих планов и повернул обратно. В то же время на Галич продолжили движение войска во главе с Владиславом Кормильчицем. Правивший в то время в Галиче Мстислав Ярославович, думая, что на него идет венгерский король, бежал. Владислав, воспользовавшись сложившейся ситуацией, вошел в город и сел на галицком престоле².

В этой ситуации Мстислав Ярославович попросил помощи у польского князя Лешка Белого. После сбора подвластных князей его войска пошли на Галич, который, однако, не удалось захватить. Все закончилось разграбле-

---

¹ *Галицко-Волынская летопись* была написана без дат. Даты были добавлены только позднее и приблизительно, поэтому требуют корректив в каждом отдельном случае. Ср.: М. F. Kotljar, *Z historii polityki zagranicznej ksiąztw halickich i wołyńskich w XIII wieku*, „Mazowieckie Studia Humanistyczne”, 1–2, 2000, s. 29.

² *Ипатьевская летопись*, [in:] *Полное Собрание Русских Летописей* [далее: ПСРЛ], т. 2, Москва 2001, стб. 729. Владислав следовал на Галич, поддержанный своими сторонниками, но, возможно, также венгерскими и польскими отрядами, ср.: D. Dąbrowski, *Daniel Romanowicz krol Rusi: (ok. 1201–1264): biografia polityczna*, Kraków 2012, s. 79. После захвата Галича Кормильчиц был, скорее всего, кем-то вроде наместника венгерского короля, хотя нужно отметить, что он обладал значительной самостоятельностью, ср.: М. Волошук, „Вокняжение” галицьке Володислава Кормильчица (1210–1214 pp., з перервами): міфи і реальність, [in:] *Historické štúdie k životnému jubileu Zuzany Ševčíkovej*, red. M. Daniš, Bratislava 2009, с. 104–110. О происхождении Владислава Кормильчица см.: A. Jusupović, *Bojar czy ksiądz? „Uzurpacje” Wołodysława Kormiliczicza w narracji Kroniki halicko-wołyńskiej*, „Княжа доба. Історія і культура”, 7, 2013, с. 137–146. Информация, касающаяся смерти Владислава, см.: А. В. Майоров, *Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община*, Санкт-Петербург 2001, с. 417–418.

нием княжества³. В отместку венгерский король двинулся на краковского князя, но по дороге, в Спише, было достигнуто соглашение, предполагающее заключение брака дочери Лешка с сыном Андрея II – Коломаном и посажение последнего на галицком престоле. Кроме того, в соответствии со Спишским договором краковский князь получал Перемышль⁴. Этот союз мог повлечь за собой далеко идущие последствия, если бы оказался прочным⁵.

Однако уже вскоре произошло обострение ситуации, когда Лешек решил отобрать у Александра Всеволодовича Владимир и посадил там Даниила и Василько Романовичей⁶. В результате венгерский король отнял у польского князя Перемышль, тем самым, нарушив положения Спишского мирного соглашения. Лешек Белый, в связи с потерей влияния в регионе, отправил посольство к Мстиславу Мстиславовичу с предложением захвата с его помощью власти в Галиче, чем тот последний и воспользовался⁷.

Предложение Лешка открыло новые возможности в стремлении Мстислава захватить власть в Галиче⁸. В итоге он двинулся на юг и сел на галицком престоле⁹. Но немногим позже из-за недовольства сложившимся положением его зять – Даниил Романович, затеял следующий вооруженный конфликт¹⁰. В итоге объединенные польско-венгерские силы в очередной раз вторглись в Галицкое княжество. Был осажден Галич, в котором, однако, не было Мстислава, а находился только его зять Даниил. На этот раз осада оказалась неудачной, но захватчикам удалось сдержать идущие на выручку отряды Мстислава, что окончательно вынудило Даниила покинуть Галич¹¹.

³ *Ипатьевская летопись*, стб. 729–730.

⁴ *Ibidem*, стб. 730–731; В. Т. Пашуто, *Внешняя политика Древней Руси*, Москва 1968, с. 246; Ё. Харди, *Наследники Кијева између краљевске круне и татарског јарма; студија о државно-правном положају Галичке и Галичко-Волинске кнежевине до 1264. године*, Нови Сад 2002, с. 134; М. Ф. Котляр, *Данило Галицький. Біографічний нарис*, Київ 2002, с. 118; *Idem*, *Дипломатия Южной Руси*, Санкт-Петербург 2003, с. 131.

⁵ М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. 3: *до року 1340*, Київ 1993, с. 32.

⁶ *Ипатьевская летопись*, стб. 731.

⁷ *Ibidem*, стб. 731–732; М. Грушевський, *Хронологія подій Галицько-волинської літописи*, „Записки Наукового товариства імені Шевченка”, 41, 1901, с. 14; М. Ф. Котляр, *Z historii*, s. 30.

⁸ D. Dąbrowski, *Przystąpienie Mściława Mściławowicza do walk o Halicz*, „Княжа доба: історія і культура”, 6, 2012, с. 137.

⁹ *Ипатьевская летопись*, стб. 731–732.

¹⁰ См.: D. Dąbrowski, *Daniel*, s. 95–101; M. Bartnicki, *Polityka zagraniczna księcia Daniela Halickiego w latach 1217–1264*, Lublin 2005, s. 34–42.

¹¹ *Ипатьевская летопись*, стб. 732–734.

И тут мы дошли до места, когда Мстислав первый раз обратился за помощью к половцам. *Галицко-Волынская летопись* сообщает: „Оттудоу же приѣха Даниль ко Мъстиславоу. Мъстиславъ же великою похвалоу створи Данилови и дары емоу дасть великыи и конь свои борзыи сивыи, и рече емоу: „Поиде, княже, в Володимеръ, а язъ поидоу в Половци, мъстивѣ сорома своего”¹². Так князь отправился в степь, чтобы найти у кочевников поддержку своих планов. На это указывает формулировка „мъстивѣ сорома своего” после потери Галича. Продолжение борьбы за столицу княжества потребовало укрепления военных сил половецкими отрядами. Не удивляет, что князю, вынужденному бороться с объединенными венгерско-польскими войсками, был нужен сильный союзник. Из приведенной информации не известно, куда именно он поехал, т. е. к какой орде – поддержку какого хана хотел найти. В то же время из косвенной информации мы знаем, что в это время уже существовал союз между этим князем и одним из правителей в степи. Это позволяет прийти к выводу, что Мстислав прямо направился к своему союзнику.

Мы знаем, что Мстислав имел жену, происходящую из половецкой аристократии: она была дочерью одного из наиболее значительных в то время ханов – Котяна¹³. Информацию о родственных связях князя с кочевниками дают нам два письменных источника. Первый из них – это *Новгородская летопись*: „Котянь с сынѣми князи, а Даниль Кобяковиць и Гюрги убьена бысть, с нимъ множество Половьчъ; съ же Котянь бѣ тьсть Мъстиславу Галицьскому. И приде съ поклономъ съ князи Половьцькыми къ зяти въ Галичь къ Мъстиславу и къ всемъ княземъ Русьскимъ, и дары принеме многы: кони и вельблуды и буволы и дѣвки, а одариша князь Русьскихъ, а рекуче тако: „нашу землю днешт отъяли, а ваша заутро възята бадеть” и възмолися Котянь зяти своему”¹⁴. Второе сообщение происходит из *Галицко-Волынской*

¹² Ibidem, стб. 735.

¹³ N. de Baumgarten, *Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du Xe au XIIIe siècle*, „Orientalia Christiana”, 35, 1927, 9, p. 39; Л. Войтович, *Князівські династії Східної Європи (кінець IX – початок XVI ст.)*. Склад, суспільна і політична роль. Історико-генеалогічне дослідження, Львів 2000, с. 239; О. Осіп'ян, *Поширення християнства серед половців в XI–XIV ст.*, „Київська сторовина”, 2, 2005, с. 9; В. В. Богуславский, *Славянская энциклопедия. Киевская Русь-Московия*, т. 1, Москва 2005, с. 768; Д. В. Донской, *Рюриковичи: Исторический словарь*, Москва 2008, с. 492; П. П. Толочко, *Династические браки на Руси XII–XIII вв.*, Санкт-Петербург 2013, с. 164.

¹⁴ *Новгородская летопись по Синодальному Харатейному списку*, [in:] ПСРЛ, т. 3, Санкт-Петербург 1888, с. 216. Затем русские князья решили помочь половцам, организовали поход

летописи: „Льстивомоу Жирославоу рекшу къ бояромъ Галичкимъ, яко: „идеть Мъстиславъ в поле и хоцеть вы предати тестеви своемуу Котяню на избитье”¹⁵. Информацию о других женах источники не дают, что позволяет допустить, что князь имел только одну жену. К сожалению, мы не знаем когда точно был заключен брак¹⁶. В то же время известно, что от этой связи Мстислав имел шестерых детей¹⁷, среди которых следует назвать Анну. *Галицко-Волынская летопись* сообщает, что она вышла замуж за Даниила Романовича¹⁸. Информация о замужестве Анны – внучки Котяня, содержится в источнике более раннем, чем упоминание об отъезде Мстислава в степь после визита Даниила. А если так, то значит, что женитьба князя на Котяновне должна была в то время уже состояться, а союз с ее отцом был делом прошлого. С большой долей вероятности можно предположить, что Мстислав отправился за помощью к своему тестю Котяню.

Довольно близкие, как это представляется, связи Мстислава с половецким родом дали ему возможность рассчитывать на его помощь в позднейших конфликтах на Руси. Князь использовал их помощь в борьбе с венграми и поляками за Галич. В *Галицко-Волынской летописи* читаем: „Олександроу же отстоупившу от Данила и от Василка ко Лестькови, не бѣ бо има помощи ни от когоже, разеѣ от Бога, дондеже приде Мъстиславъ с Половци”¹⁹. Это известие восходит к фрагменту, касающемуся осады занятого венграми и поляками Галича. Дополнительную информацию об этом событии дает *Московская летопись*: „Тои же зимы иде на Галич Мъстиславъ Романович ис Киева и Мъстиславъ Мъстиславич ис Торцьского и инии князи с ними, и с Половцы [...] бишяся у града половину дне, и разъидошяся по земли воевати, и многа зла створиша, города и села пожгоша, и многъ полонъ взявше отъидоша”²⁰. Такую же версию этого события передает *Воскресен-*

на монголов, который закончился страшной бедой. Как считал Г. Перфецкий, никогда раньше Русь не знала такого сокрушительного поражения, см.: *The Hypatian Codex, Part Two: The Galician–Volynian Chronicle*, ed. G. A. Perfecky, Munich 1973, p. 28–30.

¹⁵ *Ипатьевская летопись*, стб. 747.

¹⁶ Д. Домбровский считает, что свадьба состоялась раньше, в середине 90-х гг. XII в., см.: D. Dąbrowski, *Genealogia Mściślawowiczów. Pierwsze pokolenia (do początku XIV wieku)*, Kraków 2008, s. 512. Точной даты свадьбы источники не дают.

¹⁷ N. de Baumgarten, *Généalogies*, p. 39.

¹⁸ *Ипатьевская летопись*, стб. 732.

¹⁹ *Ibidem*, стб. 736.

²⁰ *Московский летописный свод конца XV века*, [in:] *ПСРЛ*, т. 25, Москва 1949, с. 118.

ская летопись²¹. В обоих сообщениях отсутствует точное указание на то, были ли войска Мстислава поддержаны половцами Котяна, однако это очень вероятно, поскольку мы знаем, что как военный союз князя с ханом, так и его женитьба с Котяновной к этому времени уже были заключены. Из-за недостатка необходимых данных трудно определить, произошла ли женитьба Мстислава в результате и для утверждения уже существующего соглашения или наоборот. Однако вполне определенно она была элементом, сближающим два рода друг с другом и укрепляющим союз²².

Важно отметить, что кочевники, помогая Мстиславу в этой акции, не приходили на Русь бескорыстно. На это указывают *Московская* и *Воскресенская летописи*. Они участвовали в грабеже, который осуществляли в Галицком княжестве войска коалиции, атакующей занятый врагами стольный город. В то же время сообщения источников не указывают, каким образом отряды половцев поддержали войска Мстислава, какова была их численность и были ли они реальной силой, которая могла склонить чашу весов к победе. Если судить по информации источников, то войска было, вероятно, немного, поскольку ему не удалось захватить Галич, и даже не была сделана попытка в действительности его добыть. *Московская летопись*, напротив, указывает, что войска стояли под Галичем только полдня, а затем стали грабить окрестности. Из этого видно, что они быстро сориентировались, что осада не принесет предполагаемого эффекта.

Мстислав использовал половцев для своих политических целей также и в последующие годы²³. *Галицко-Волынская летопись* сообщает: „Половцемъ же приехавшимъ видити рати, Оугромъ же и Ляхомъ гонящимъ я. Оувернуоуся Половчинъ, застрѣли Оуза во око, и спадшю емоу с фаря, взяша тѣло его, и плакашася по немъ. Наоутрѣя же на каноунъ Святои Богородици²⁴ приде Мъстиславъ рано на гордаго Филю, и на Оутры с Ляхы, и бысть брань тяжка межи ими, и одолѣ Мъстиславъ²⁵. События разворачивались вблизи

²¹ *Летопись по Воскресенскому списку*, [in:] *ПСРЛ*, т. 7, Санкт-Петербург 1856, с. 128.

²² В. Пашуто отмечал, что между властителями был заключен прочный союз, см.: В. Т. Пашуто, *Очерки по истории Галицко-Волынской Руси*, Москва 1950, с. 191.

²³ M. Dimnik, *The Dynasty of Chernigov, 1146–1246*, Cambridge 2003, p. 298.

²⁴ 24 марта, см.: D. Dąbrowski, *Daniel*, s. 106.

²⁵ *Ипатьевская летопись*, стб. 737. О победе сообщает также *Лаврентьевская летопись*, однако не называя половцев среди участников боев. Но информация источника лаконична, ограничивается только формулировкой, что Мстислав одержал победу над венграми, см.: *Лаврентьевская летопись*, [in:] *ПСРЛ*, т. 1, Москва 2001, с. 445. Аналогично сообщает об этом *Московская летопись*, а также *Симеоновская. Московский летописный свод конца XV века*,

Галича, и в этот раз князь уже располагал адекватной военной силой, чтобы иметь возможность захватить столицу княжества. В данном случае половцы составляли подразделения так называемых „застрельщиков”, выделенных из следовавших на Галич войск. Они были отрядом, идущим перед главными силами и имеющим задачей обеспечить их с головы во время марша, а также разведывание территории сражения²⁶. Половцы, так же как и другие кочевники (например, печенеги), составляли, хотя бы с учетом использования лошадей во время битвы, очень мобильные отряды, которые могли в равной степени как обеспечить основные силы, так и перехватить противника и сковать часть его сил в перестрелке вдали от фактического места битвы²⁷. Кроме того, их конница представляла собой превосходных отдельных стрелков. Информация, предоставляемая *Галицко-Волынской летописью*, указывает, что номады имели именно такие разведывательно-охранные функции. Кочевники прибыли на день раньше основных войск Мстислава, чтобы „присмотреться” к силам врага. Первое из нескольких железных правил порядка марша византийских войск заключалось в выпуске вперед загонов „застрельщиков”, которые опережали основные войска на один день пути²⁸. Половцы под Галичем появились как раз на день раньше остальных войск Мстислава, следовательно, сообщение *Галицко-Волынской летописи* показывает сходство стратегии русского князя с византийским образцом. Кочевники должны были быть именно такой специально выделенной из соединений тактической единицей. Они играли очень важную роль, поскольку от правильного определения ситуации зависел исход битвы. „Застрельщики” также отвечали за очистку поля битвы от готовящих засады отрядов противника, делая возможным спокойное вступление и размещение основных войск на месте запланированного сражения²⁹. Возможно, что бегство половцев от венгров и поляков произошло после неудачной попытки ликвидации скрытой засады или было наступательным действием,

с. 118; *Симеоновская летопись*, [in:] *ПСРЛ*, т. 18, Санкт-Петербург 1913, с. 51.

²⁶ О функциях „застрельщиков” в византийской армии см.: M. Wojnowski, *Konnica w armii Cesarstwa Bizantyńskiego od VIII do XIII w. Rola militarna i znaczenie społeczne*, Oświęcim 2014, s. 164.

²⁷ E. Tryjarski, *Pieczynowie*, [in:] K. Dąbrowski, T. Nagrodzka-Majchrzyk, E. Tryjarski, *Hunowie Europejscy, Protobułgarzy, Chazarowie, Pieczynowie*, Wrocław 1975, s. 557; C. A. Macartney, *The Pechenegs*, „The Slavonic Review”, 8, 1929, p. 354.

²⁸ J. Haldon, *Warfare, State and Society in the Byzantine World, 565–1204*, London 1999, p. 155, 160–161.

²⁹ *Ibidem*, p. 186, 202.

осуществленным с целью выяснения численности и тактики противника. Не имея информации, чтобы в момент прибытия отрядов Мстислава под Галич они были атакованы во время занятия позиций. Следовательно, номады превосходно выполнили свои функции.

Какое место занимали отряды половцев во время основной битвы, можно предположить, между прочим, на основе аналогии устройства отрядов черных клобуков в русских войсках. Если они имели задачу спровоцировать противника к битве, их конница выдвигалась вперед, использовались также их лучники для обстрела позиций противника. Если позволяла ситуация, черные клобуки занимали позиции на флангах, что при соответствующем контроле поля сражения давало возможность взять противника в окружение³⁰. Необходимо отметить, что кочевники выполняли такие же функции во время сражений в византийской армии, в которой занимали то же самое место в боевом порядке³¹.

О функциях половецких отрядов во время битвы под Галичем писал Ян Длугош: „*Duas eciam acies Rutheni constituerant: uni Msczyslaus Msczislawicz, alteri Wlodimirus dux preerant, Polowczonum vero turme in loco remotiori consistentes id sibi consilii et propositi sumpserant, ut pugna fervente quasi ex insidiis prodirent. [...] Sub quo tempore Polonicum agmen exercitum Wlodimiri fortissime invadit et plurimis Ruthenorum cadentibus exercitus Wlodimiri contritus est et in fugam cum Wlodimiro et aliis duobus ducibus Rosczislao Dawidowicz et Rosczislao Msczislawicz, qui et ipsi in illo constiterant, versus. Fugientes autem in plura milia non Polonicus tantummodo, sed et Hungaricus exercitus persecutus est, plurimos trucidans aut captivans, iam existimans debellatum. [...] In terga enim Hungarorum et Halicziensium, qui solutis ordinibus incedebant, Msczislau cum Polowczis irruens ipsos facili negotio fundit et prosternit. [...] Pallatino enim capto Hungari et Haliczienses animos remiserant passimque a Polowczis trucidabantur, quoniam neque dimicandi neque fugiendi illis poterat esse facultas, Ruthenis et Polowczis undique circumfusus. Redeunt interim Poloni a cede et persecucione Wladimiri, et ducentes secum spolia et maximum captivorum numerum carmen patrium, ignari cladis, que Hungaris acciderat et Halicziensibus, canebant existimantes se plenam victoriam retulisse. Verum a Rosczislao Daudowicz et Polowczis ab omni parte circumsepti, dum*

³⁰ T. Nagrodzka-Majchrzyk, *Czarni Klobucy*, Warszawa 1985, s. 102–103.

³¹ N. Tobias, *The Tactics and Strategy of Alexius Comnenus at Calavrytae*, 1078, „Byzantine Studies/Etudes byzantines”, 6, 1979, p. 201–203; M. Wojnowski, *Konnica*, s. 194.

neque pugnandi neque evadendi locus esset, occiduntur”³². Из приведенного сообщения видим, что русины были разделены на две части: первая под началом Мстислава Мстиславовича, вторая – Владимира Рюриковича³³. Похоже на то, что после столкновения поляков с отрядами князя Владимира план русинов состоял в выполнении маневра мнимого бегства их войск так, чтобы оттянуть часть противника от основного поля битвы, тем самым облегчая Мстиславу и половцам окружение остальных отрядов противника. О создании видимости бегства свидетельствует, по крайней мере, незамедительный поворот Ростислава Давидовича и Ростислава Мстиславовича на поле битвы как только те заметили, что преследующие их вражеские отряды прекратили дальнейшую погоню. План полностью провалился, поскольку в погоню за войсками Владимира кинулись не только поляки, но и часть венгров вместе с палатином. Первый удар нанесли поляки, так как информация о движении в погоню также венгров указывает, что это их отделение от основных венгерско-галицких сил привело к расширению всего боевого порядка. Мстислав и половцы воспользовались этим, окружая оставшиеся на поле сражения части войск противника. Источник указывает, что номады принимали участие в маневре окружения сил противника дважды, второй раз вместе с войсками Ростислава Давидовича взяли в кольцо поляков во время их возвращения с погони за отрядами Владимира Рюриковича. Так кочевники выполнили ключевые задачи во время битвы.

Как читаем в источнике, половцы находились перед битвой в месте, несколько отдалённом от русинов. Судя по описанию в полной мере реализованного русинами тактического намерения, кочевники должны были быть размещены на флангах русских отрядов (что способствовало бы окружению противника) или, что более вероятно, действовали из укрытия – из засады, получив задачу неожиданного нападения на войска противника с тыла с целью сделать возможным закрытие кольца окружения. Такое предположение точно нам известно из византийской тактики, в которой отряды номадов размещались на флангах либо оставлялись в укрытии с целью организации засады, позволявшей окружить врага. Этот способ битвы

---

³² *Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae Incliti Regni Poloniae*, lib. 5–6, ed. S. Budkowa, I. Garbacik, A. Kamiński, Varsaviae 1973, p. 207.

³³ Мстислав в этой битве был главнокомандующим, Владимир Рюрикович поддерживал его своими войсками, см.: В. Т. Пашуто, *Внешняя политика*, с. 247; D. Dąbrowski, *Daniel*, s. 106.

в то же время был воспринят византийцами непосредственно от кочевых народов³⁴. Кстати, выше упомянутый маневр заманного бегства, имеющего целью разделение войск противника, также был перенят от номадов. Пример такого тактического приема турок-сельджуков в битве при Манцикерте в 1071 г. привел Никифор Вриенний³⁵.

Из описания в *Галицко-Волынской летописи* способа убийства одного из венгров (участника погони), узнаем, среди прочего, о типичном для кочевников – и используемом также половцами – способе битвы с применением луков во время езды на коне³⁶.

Информация, содержащаяся в *Галицко-Волынской летописи*, а также у Яна Длугоша, указывает, что половцы превосходно выполнили свои функции. Осуществленное ими изучение территории битвы, а также безупречное выполнение ключевых задач, которые возникали во время сражения, привели к победе над венгерско-польскими силами и позволили Мстиславу захватить Галич³⁷. Союз этого князя с ханом Котьяном был одним из наиболее важных (если не самым важным) в его системе союзов³⁸.

Мстислав пользовался помощью половцев также и в более позднее время, о чем знаем из *Галицко-Волынской летописи*: „И бысть по сихъ, привед Мъстиславъ котяня и Половци многы, и Володимера Киевского, творяся на Ляхы ида, свѣтомъ Александровымъ. Свѣтъ же Александровъ всегда не престаяше о братѣ своемъ, рекыи, яко: „Зять твои оубити тя хочеть”. [...] Познавшимъ же всѣмъ княземъ Александрову клевету [...] Мъстиславъ же прия зятя своего любовью и почестивъ его великими дарми”³⁹. Из этого явно видно, что Котян и далее поддерживал своего зятя. Поэтому Мстислав мог пользоваться поддержкой отрядов кочевников из орды хана в случае угрозы своему положению на Руси. Даниил был амбициозным князем, а мобилизация значительных сил, которую провел Мстислав, является доказательством того, что он не был уверен в его лояльности. Уловка Александра,

³⁴ N. Tobias, *The Tactics*, p. 201–203; M. Wojnowski, *Konnica*, s. 144, 150–151, 188–189.

³⁵ *Nicephori Bryenni Historiarum Libri Quatuor*, [in:] *Corpus Fontium Historiae Byzantinae*, vol. 9, ed. P. Gautier, Bruxelles 1975, p. 117.

³⁶ J. Maroń, *Koczownicy i rycerze. Najazd Mongołów na Polskę w 1241 roku na tle sztuki wojennej Europy XII i XIII w.*, Wrocław 2001, s. 71.

³⁷ М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. 2: XI–XIII вік, Київ 1992, с. 239.

³⁸ D. Dąbrowski, *Daniel*, s. 114.

³⁹ *Ипатьевская летопись*, стб. 746.

предполагающая разрыв союза Мстислава Мстиславовича с Даниилом Романовичем, оказалась, однако, обнаруженной.

В то же время интересной представляется информация источника о создании Мстиславом видимости похода на поляков. Конечно, объяснение этой ситуации может быть очень простым и предполагать проявление бдительности Даниелом с тем, чтобы выиграть время при мобилизации войск. Однако возможно, что ситуация была совершенно иной, а имитация похода против поляков должна была обмануть не только княжеского зятя, но и кого-то другого. Даниил принадлежал к семье Мстислава, его женой была Анна – дочь этого князя. Однако при этом он в равной степени был соединен с домом Котяна, поскольку Анна являлась внучкой половецкого хана⁴⁰. Так, возможно, имитация Мстиславом похода на поляков имела целью введение в заблуждение Котяна, который мог бы возражать оказанию помощи экспедиции, направленной против мужа своей внучки. В конечном итоге, даже если обвинения Александра не были лишены оснований, обе стороны пришли к соглашению⁴¹.

Процитированный выше фрагмент указывает: „привед Мьстиславъ Котяна и Половци многы”⁴². Немного далее обнаруживаем в то же время пункт: „Льстивоу Жирославоу рекшу къ бояромъ Галичкимъ, яко: „идеть Мьстиславъ в поле и хочеть вы предати тестеву своемуу Котяню на избить”. Мьстиславоу же правоу соуццю о немъ, и не свѣдоуццю ничто же о нихъ. Они же емше вѣры, отъидоша в землю Перемышлескоюу”⁴³. Таким образом, Мстислав отправился к половцам в степь, где вполне определенно собирался, прежде всего, поощрить и убедить своего тестя к очередной интервенции на Русь. Однако трудно сказать, происходило ли так каждый раз, когда князю требовалась помощь его тестя. В то же время это не было единичным случаем, поскольку помним ссылку *Галицко-Волынской летописи*: „Поиди, княже, в Володимерь, а язъ поидоу в Половци, мьстивѣ со-рома своего”⁴⁴. Также и в том фрагменте Мстислав перед получением помощи от половцев должен был сначала прибыть лично в их кочевья.

⁴⁰ Ibidem, стб. 732. D. Dąbrowski, *Genealogia*, s. 512.

⁴¹ Подробнее об этом см.: W. Nagirnyj, *Polityka zagraniczna księstw ziem halickiej i wołyńskiej w latach 1198(1199)–1264*, Kraków 2011, s. 186–187.

⁴² *Ипатьевская летопись*, стб. 746.

⁴³ Ibidem, стб. 747.

⁴⁴ Ibidem, стб. 735.

Но вернемся к соответствующему фрагменту. Мы узнаем, что „привед Мстиславъ Котяня и Половци многы”⁴⁵. Слово „привед” указывает, что когда номады находились уже на территории Руси, то Мстислав был главнокомандующим, а половцы в какой-то степени ему подчинялись. Они не действовали по своему усмотрению только в согласии с князем. В любом случае на это указывает уже приведенная здесь информация о половцах, которые прибыли под Галич, чтобы „присмотреться” к полю сражения. Похоже на то, что их бегство перед венграми и поляками не было вызвано только численным превосходством этих первых. Номады скорее действовали согласно с ранее разработанным планом, на что указывает их подчинение Мстиславу.

Поддержка половцев сыграла весьма существенную роль в политике Мстислава Мстиславовича. Значение этого князя на Руси вытекало, главным образом, из военной силы, которой он располагал. Ее особенно важным элементом была помощь, полученная от Котяня. Как оказалось, половцы, сражавшиеся при Мстиславе, выполняли очень важные, просто ключевые задачи во время военных действий. Во-первых, в походном порядке из них формировались загоны „застрельщиков”, выполнявших разведывательные и охранные функции. Кроме того, они подготавливали почву под гладкий выход основных отрядов князя и их развертывание на поле битвы. Кочевники участвовали также в ключевых маневрах, которые позволяли осуществить разгром противника и выиграть битву. Их мобильность и стиль боя позволяли применять разного рода хитрости, которые способствовали внезапности удара по врагу и успеху вооруженной борьбы.

Перевод на русский язык: Степан Темушев

*

Michał Michalski, *Mstislav Mstislavich's expeditions against the Hungarians and Poles: supporting role of the Polovtsian troops in military conflicts*

We know that Mstislav was married with the daughter of the Polovtsian Khan Kotyan. His alliance with this Khan was one of the most important. Close contacts with Kotyan's family had great influence on the opportunity to use the nomads

⁴⁵ Ibidem, стб. 746.

in military expeditions. The Polovtsian troops were used for the first time when Alexander the Prince of Belz moved to the enemy side (Leszek the White). Mstislav arrived in the company of the Polovtsian troops and supported Daniel and Vasilko. However, at this time he did not capture Halych. Two years later Mstislav once again reached to the Polovtsian troops for help. In this case, nomads were used as reconnaissance troops (advance scouts) with the purpose to protect the main force and to recognize the situation at the place of the battle. The nomads arrived a day before the troops of Mstislav, their target was to „look” at the enemy troops. As we read in the *Galician-Volhynian Chronicle*, the Polovtsi completed their task superbly. Their help in the expedition contributed to the victory and enabled Mstislav to take control over the Halych.

Michał Michalski, *Expedícia Mstislava Mstislaviča proti Uhrom a Poliakom: podporná úloha poloveckých vojakov vo vojenských konfliktoch*

Vieme, že Mstislav bol ženatý s dcérou poloveckého chána Kotiana. Jeho aliancia s chánom Kotianom mala veľmi veľký význam. Úzke kontakty s Kotianovou rodinou malý veľký význam pri možnosti využívať nomádov na vojenské expedície. Poloveckí vojaci boli prvý krát použítí keď belzké knieža Alexander prešiel na nepriateľskú stranu (Leška Bieleho). Mstislav prišiel na pomoc Danielovi a Vasilkovi s Polovcami. O dva roky neskôr požiadal Mstislav Polovcov o pomoc znovu. V tomto prípade boli nomádi využití ako prieskumníci s účelom získať informácie o mieste bitky a chrániť tak hlavnú časť vojska. Nomádi dorazili jeden deň skôr než vojaci Mstislava a ich úloha bola pozorovať nepriateľské vojsko. Ako sa môžeme dočítať v *Haličsko-volynskom letopise*, Polovci splnili svoju úlohu výborne. Ich pomoc v expedícii prispela k víťazstvu Mstislava, po ktorom mohol kontrolovať Halič.

Алексей Мартынюк
(Минск)

„Немци же дивящеся оружию татарскому”: с кем и когда встречался Даниил Романович в Пожони?

В статье анализируются обстоятельства встречи князя Даниила Романовича с венгерским королем Белой IV и немецкими послами в Пожони, описанной в Галицко-Волынской летописи. Среди имен участников встречи опознается имя зальцбургского архиепископа Филиппа фон Шпанхайма, которое может стать ключом для решения вопроса о дате и историческом контексте этого события. На основании привлечения разнообразных нарративных и документальных источников делается вывод, что переговоры в Пожони состоялись в начале лета 1252 г. Уточнение датировки позволяет реконструировать исторический контекст встречи, связанный с событиями борьбы за „наследство Бабенбергов” в Австрии и Штирии, а также сделать общие выводы о характере „австрийского вектора” политики Даниила Романовича.

Одним из наиболее ярких эпизодов Галицко-Волынской летописи является описание встречи галицко-волынского князя Даниила Романовича с венгерским королем Белой IV и немецкими послами в Пожони¹: „Присла

---

¹ В разные исторические периоды город имел разные названия: венг. Пожонь, нем. Пресбург, слов. Братислава. Здесь и далее мы, в основном, будем использовать летописное

король Оугорьскы к Данилоу . проса его на помощь . бѣ бо имѣ рать на бои с Нѣмци . иде емоу на помощь . и приде къ Пожгоу . пришли бо бахоу послы Нѣмѣцкыи к нему . бѣ бо цѣрь вѣдержает Ведень землю . Ракоушьскоу . и Штирьскоу герцюкѣ бо оуже оубьенъ бысѣ . бѣ бо имена посламѣ . воевода . цѣрвь . и пискоупъ . Жалощъ . Поурьскыи . рекомыи Сольскыи . и Гарихъ Пороуньскыи . и Ътагаре теньникъ . Пѣтовьскыи возѣха же король с ними . противоу же Данилоу князю . Данила же приде к нему . исполчи вса люди своѣ . Нѣмци же дивашесѣ в оружью Татарьскомоу бѣша бо кони в личинахъ . и в коарѣхъ кожанныхъ . и людье во арыцѣхъ . и бѣ полковъ его свѣтлость велика . ѿ оружья блистающасѣ . самъ же ѣха подлѣ корола . по вбычаю Роускоу бѣ бо конь под нимъ дивлению подобенъ . и сѣдло ѿ злата . жьжена . и стрѣлы и сабля златомъ оукрашена . иными хитростыи . ажеже дивитисѣ . кожую же вловира Грѣцького . и кроуживъ златыи плоскими вшитъ . и сапозы зеленого хѣза шити золотомъ Немцем же зрачимъ много диващисѣ речѣ емоу король не взалъ быхъ тысѣще серебра за то же еси пришель . вбычаемъ Роускимъ вѣдѣ своихъ . и просисѣ оу него въ станъ . зане зной бѣ великъ . днѣ того внѣ же а и за роукоу . и веде его в полатоу свою . и самъ соволочашеть еѣ . и вблачашеть и . и во порты своѣ . и такоу чѣсть творашеть емоу . и прииде в домъ свой”².

Данная встреча чрезвычайно важна, т. к. положила начало прямому вмешательству князя Даниила в политическую борьбу в Австрии, кульминацией которой стала попытка его сына Романа овладеть Веной в 1252–1253 гг. и Опавский поход самого Даниила Романовича летом 1253 г. Цитированный выше фрагмент неоднократно становился предметом рассмотрения историков, отмечавших наличие в нем несомненного „эффекта присутствия”. Скорее всего, летописец находился в свите Даниила, иначе как он мог дать столь конкретное описание одежды князя и оружия его воинов, передать действия и слова венгерского короля и т. д.? В историографии сложился устойчивый консенсус, что Бела IV нуждался в помощи Даниила в борьбе за австрийское герцогство, „вдовствовавшее” после гибели в 1246 г. в битве на реке Лейте герцога Фридриха Воинственного и пресечения династии Бабенбергов³. Упоминание летописца о „великом зное” позволяет

название города.

² *Ипатьевская летопись*, [in:] *Полное Собрание Русских Летописей*, т. 2, Санкт-Петербург 1908, стб. 813–815.

³ Данному событию посвящена отдельная статья автора данных строк: А. В. Мартынюк, *Князь Ростислав в битве на реке Лейте: „русский эпизод” австрийской истории*, „Древняя

отнести встречу к лету – но какого года? Сложность хронологии *Галицко-Волынской летописи* заставляла исследователей колебаться в решении этого вопроса, предложенные датировки расположились в диапазоне от 1247 г. до 1252 г.⁴

Наиболее продуктивным путем для установления даты встречи в Пожони представляется анализ приведенных в летописи имен ее участников. Среди искаженных имен немецких послов хорошо опознается одно имя (а точнее – титул), которое может стать ключевым для датировки события и определения его места в контексте политических событий в Австрии в середине XIII века. „Пискоупъ Жалошь Поурьскыи рекомыи Сольскыи” – это, без сомнения, архиепископ Зальцбургский. Летописец продемонстрировал хорошие лингвистические навыки: он только произвел транскрипцию титула (передал его звучание), но и выполнил перевод на русский язык („Сольскыи”: от нем. Salzburg, дословно „Соляной замок”). Попытаемся оттолкнуться от этого достоверно зафиксированного имени участника встречи в Пожони при поиске ответа на вопрос о дате и историческом контексте этого события.

В рассматриваемый период (с 1247 г. по 1257 г.) архиепископом Зальцбурга был Филипп фон Шпанхайм (Philipp von Spanheim), сын герцога Каринтии и двоюродный брат герцога Пржемысла Оттокара, главного соперника короля Белы IV в борьбе за корону Австрийского герцогства. Филипп фон Шпанхайм был не только духовным лицом, но и князем церкви, развернувшим в 1250–1252 гг. активную борьбу за расширение владений Зальцбургской диоцезии в Штирии, Каринтии и Тироле⁵. Более того, Филипп отказывался принимать окончательное посвящение в сан епископа (поэтому и вошел в историю только как „избранный”, *electus*), для того чтобы оставить за собой право на наследство своего отца, герцога Каринтии Бернхарда II. Эта сложная политическая игра окончилась для Филиппа неудачно: в 1257 г. он был смещен с трона Зальцбургского архиепископа, а в итоге потерял и наследственное герцогство Каринтия. Драматические подробности этой борьбы и дальнейшая судьба Филиппа (†1279 г.) остаются уже

Русь. Вопросы медиевистики”, 2013, 2 (52), с. 49–55.

⁴ См. новейший обзор проблематики: D. Dąbrowski, *Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201–1264). Biografia polityczna*, Kraków 2012, s. 286–289. Польский исследователь придерживается точки зрения, что встреча произошла в 1247 г.

⁵ Подробнее см.: *Geschichte Salzburgs. Stadt und Land*, hrsg. von H. Dopsch und H. Spatzenegger, Bd. 1, Teil 1, Salzburg 1981, s. 437–443.

за рамками нашего повествования. Тот факт, что в исследуемый период престол Зальцбургской архиепископии занимал один человек, облегчает поиски хронологического „окна” для его участия во встрече в Пожони. Опубликованные регесты Зальцбургской диоцезии позволяют проследить итинерарий Филиппа за период 1247–1252 гг.⁶ При изучении данного вопроса „лето” понималось нами в самом широком смысле – с мая по сентябрь включительно. Проведенный анализ не позволил выявить какой-либо релевантной информации за период 1247–1251 гг. Лишь для лета 1252 г. документально фиксируется пребывание Филиппа в Штирии, на границе с Венгрией (конец августа, Marburg an der Drau, сегодня Марибор в Словении)⁷.

Необходимо более подробно остановиться на событиях конца 1251 – первой половины 1252 гг., весьма важных в истории борьбы за „наследство Бабенбергов”⁸. В ноябре 1251 г. в эту борьбу самым решительным образом вмешался маркграф моравский Пржемысл, будущий чешский король Пржемысл Оттокар II⁹. Уже в декабре Пржемысл занял Вену и добился признания себя австрийским герцогом со стороны местной знати. 11 февраля 1252 г. в городе Хайнбург герцог Пржемысл для закрепления своих прав женился на Маргарите Бабенберг, сестре Фридриха Воинственного, одной из двух наследниц династических прав Бабенбергов по женской линии¹⁰. Уже 6 мая 1252 г. Папа Римский Иннокентий IV подтвердил права Пржемысла и Мар-

---

⁶ *Die Regesten der Erzbischöfe und des Domkapitels von Salzburg 1247–1343*, Bd. 1: 1247–1290, bearb. von F. Martin, Salzburg 1926, s. 4–20.

⁷ *Die Regesten der Erzbischöfe und des Domkapitels*, s. 19. Уточнение датировки см.: *Urkundenbuch des Herzogtums Steiermark*, Band 3: 1246–1260, bearb. von J. v. Zahn, Graz 1903, s. 181.

⁸ См. монографию польского исследователя Норберта Мики, специально посвященную этой войне: N. Míka, *Walka o spadek po Babenberbergach. 1246–1278*, Racibórz 2008. Не утратила своего значения и обобщающая работа австрийского исследователя Карла Лехнера по династии Бабенбергов в целом: K. Lechner, *Die Babenberger. Markgrafen und Herzoge von Österreich 976–1246*, Wien–Köln–Weimar 1994.

⁹ По проблематике „Пржемысл Оттокар и Австрия” в целом, а также о политике Оттокара по отношению к отдельным землям (Нижняя и Верхняя Австрия, Штирия, Зальцбург и др.) см. коллективную работу австрийских историков: *Ottokar-Forschungen*, [in:] *Jahrbuch für Landeskunde von Niederösterreich. Neue Folge*, 44/45, red. von M. Weltin und A. Kustering, Wien 1978/79.

¹⁰ По т. н. *Малой привилегии (Privilegium minus)* 1156 г., герцоги из династии Бабенбергов получили право наследования по женской линии. Подробный обзор проблематики наследования и последовавшей борьбы за корону Австрийского герцогства см.: K. Lechner, *Die Babenberger*, s. 299–307.

гариты на герцогства Австрия и Штирия¹¹. Вторая наследница, Гертруда Бабенберг, обратилась в этой ситуации за помощью к венгерскому королю Беле IV¹². Таким образом, весной 1252 г. начался новый виток борьбы за „наследство Бабенбергов”, в которую оказались втянуты и правители соседних государств.

Во всех этих событиях архиепископ Зальцбургский Филипп принял самое деятельное участие, сразу же заняв сторону Пржемысла (напомним, он был его двоюродным братом). В декабре 1251 г. Филипп отправился к новому герцогу в Вену¹³, а затем присутствовал 11 февраля 1252 г. на его свадьбе с Маргаритой Бабенберг в Хайнбурге¹⁴. Согласно *Рифмованной хронике* Оттокара из Галя, во время свадьбы Филипп жаловался Оттокару на опустошение венграми своих владений в Штирии¹⁵. Следует обратить внимание на важный нюанс: нападения венгров начались только в мае–июне 1252 г.¹⁶, соответственно и жалобы Зальцбургского архиепископа могли прозвучать не ранее этого времени. *Рифмованная хроника* – весьма сложный источник, содержащий как достоверные данные, так и явные ошибки и анахронизмы¹⁷. Сообщение *Рифмованной хроники* можно интерпретировать таким образом, что Филипп оставался при дворе Пржемысла Оттокара до начала лета 1252 г.¹⁸ Этому предположению не препятствуют данные регестов Зальцбургской диоцезии: первый выданный Филиппом после длительного перерыва (с декабря 1251 г.) акт датируется 9 июля 1252 г.¹⁹ Как правило, Филипп выдавал акты, находясь в пределах своих владений. Отсутствие таких актов

¹¹ *Codex diplomaticus et epistolaris Regni Bohemiae*, t. 4/1: 1241–1253, ed. J. Šebánek, S. Dušková, Pragaе 1962, p. 416–417.

¹² Все австрийские источники подчеркивают, что обращение Гертруды за помощью к венгерскому королю последовало за свадьбой Пржемысла и Маргариты, см.: N. Mika, *Walka o spadek po Babenberbergach*, s. 38.

¹³ *Die Regesten der Erzbischöfe und des Domkapitels*, s. 17–19.

¹⁴ *Ibidem*, s. 18–19.

¹⁵ *Ottokars österreichische Reimchronik*, hrsg. von J. Seemüller, Erster Halbband, Hannover 1890, s. 30.

¹⁶ N. Mika, *Walka o spadek po Babenberbergach*, s. 38.

¹⁷ См.: A. Huber, *Die steirische Reimchronik und das österreichische Interregnum*, „Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung”, 4, 1883, 1, s. 41–74.

¹⁸ Характерно, что рассказ *Рифмованной хроники* о свадьбе Гертруды и „сына короля Руси” (т. е. Романа Даниловича), которая состоялась летом 1252 г., следует непосредственно за жалобами Филиппа и рассказом о положении дел в Штирии: *Ottokars österreichische Reimchronik*, s. 33.

¹⁹ *Die Regesten der Erzbischöfe und des Domkapitels*, s. 19.

за период с декабря 1251 г. по июль 1252 г. может косвенным образом свидетельствовать, что все это время элект Филипп находился при дворе герцога Пржемысла Оттокара в Вене, Хайнбурге или их окрестностях²⁰. Сообщение *Рифмованной хроники* чрезвычайно важно и в другом аспекте, т. к. позволяет восстановить политический контекст событий и установить связь с рассказом *Галицко-Волынской летописи*. Нашедший отражение в летописном эпизоде визит Филиппа к королю Беле IV был вызван, вероятнее всего, необходимостью защитить владения архиепископии в Штирии в условиях начавшейся в конце весны – начале лета 1252 г. войны между Пржемыслом Оттокаром и Белой IV.

Необходимо обратить внимание на расположение города Хайнбурга, о пребывании в котором Филиппа в феврале 1252 г. у нас есть достоверные данные. В Средние века Хайнбург был важной крепостью на границе Австрийского герцогства с Венгерским королевством, и сейчас город Хайнбург остается самым восточным городом Австрии. Прямо напротив него на левом берегу Дуная располагался главный опорный пункт венгров в этом регионе – крепость Пожонь. Замечательная гравюра австрийского топографа Георга Маттеуса Вишера (1628–1696) дает наглядное представление о взаимном расположении двух городов: на переднем плане изображен город Хайнбург и его сильно укрепленный замок, на заднем плане виден город Prespurg – немецкий Прессбург, венгерский Пожонь, современная Братислава²¹. Таким образом, Хайнбург и Пожонь находятся на расстоянии прямой видимости, а для начала 1252 г. у нас есть документальное свидетельство пребывания Филиппа в Хайнбурге. Необходимо еще раз подчеркнуть, что для другого возможного периода встречи в Пожони (лето 1247, 1248, 1249, 1250 или 1251 гг. соответственно) у нас нет документальных свидетельств присутствия Филиппа в пограничных с Венгрией регионах. Таким образом, можно выдвинуть предположение, что именно в начале лета 1252 г. состо-

---

²⁰ Ср., например, динамику выдачи актов электа Филиппа во второй половине 1251 – первой половине 1252 г.: один в августе 1251 г. в Зальцбурге, один в сентябре 1251 г. в Зальцбурге, один в Зальцбурге (без датировки, вероятно в это же время), один в октябре 1251 г. (без места выдачи), один в ноябре 1251 г. в Фризахе (в пределах владений диоцезии), два в декабре 1251 г. в Вене, два в июле 1252 г. в Альтенмаркте/Раштате (в пределах владений диоцезии). *Die Regesten der Erzbischöfe und des Domkapitels*, s. 17–19.

²¹ G. M. Vischer, *Topographia Archiducatus Austriae inferioris modernae*, 1672 [Nachdruck: Graz 1976], Nr. 42/44.

ялась встреча в Пожони, описанная придворным летописцем Даниила Романовича.

Рассмотрим и некоторые косвенные аргументы, позволяющие связать рассказ *Галицко-Волынской летописи* с политическими реалиями в Австрии в середине XIII века, а именно „вопрос о короле Беле”, „вопрос о господах из Петтау и господах из Брунне” и „вопрос о воеводе цесаревом”.

„*Вопрос о короле Беле*”. Одним из исторических деятелей, участие которого во встрече в Пожони не может быть подвергнуто сомнению, является сам „король Оугорьскы” – Бела IV. Сохранившиеся источники позволяют дать ответ на вопрос, где находился король в интересующий нас период. 2 июня 1252 г. Бела IV пребывал в военном лагере под Пожонью, а 15 и 20 июня 1252 г. – в лагере под Веной²². Таким образом, и король Бела IV находился в австро-венгерском приграничье, Пожони и ее окрестностях – в нужное время и в нужном месте.

„*Вопрос о господах из Петтау и господах из Брунне*”. Еще Исидор Шараневич высказал в 1872 г. предположение, что под именем одного из спутников архиепископа, названного летописью („Пѣтовъскыи”), может скрываться какой-либо представитель штирийского рода фон Петтау²³. Данное предположение представляется обоснованным, его можно подкрепить дополнительными аргументами. Для истории средневековой Зальцбургской архиепископии господа из Петтау – не случайные люди. Архиепископия имела владения за пределами собственно Зальцбургской земли. Город Петтау был центром таких владений в Штирии, а представители этого рода на протяжении нескольких поколений были министрами зальцбургских архиепископов²⁴. Фридрих фон Петтау Младший назван в упомянутом выше акте, выданном в августе в Марбурге²⁵. Таким образом, он докумен-

---

²² M. Wertner, *Die Regierung Béla's des Vierten. Nach urkundlichen Quellen bearbeitet*, „Ungarische Revue”, 13, 1893, s. 370, 481. Благодарю профессора Марту Фонт за предоставление копии этой редкой публикации. Работа Морица Вертнера написана 120 лет назад и требует осторожного отношения, однако она до сих пор не утратила научного значения из-за широкого привлечения актового материала и составления на его основе сводного итинерария короля Бела IV. Акты, выданные в военном лагере под Веной (in castris iuxta Viennam), см.: *Codex diplomaticus et epistolaris Regni Bohemiae*, p. 571; G. Fejér, *Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis*, t. 4, vol. 2, Budae 1829, p. 167–169.

²³ I. Szaraniewicz, *Die Hypatios-Chronik als Quellenbeitrag zur osterreichischen Geschichte*, Lemberg 1872, s. 60, 78, 126–127.

²⁴ *Geschichte Salzburgs. Stadt und Land*, Bd. 1, Teil 2, s. 974–979.

²⁵ *Die Regesten der Erzbischöfe und des Domkapitels*, s. 19; *Urkundenbuch des Herzogtums Steier-*

тально засвидетельствован летом 1252 г. в свите Филиппа. Позднее Фридрих фон Петтау играл активную роль в борьбе за Штирию между Пржемыслом Оттокаром и Белой IV. Вероятнее всего он (или другой представитель этого рода) скрывается под именем „Пѣтовъский”, упомянутым в сообщении *Галицко-Волынской летописи*.

Во втором спутнике архиепископа, которого летопись именует „Гарихъ Пороуньский”, можно увидеть представителя нижнеавстрийского рода фон Брунне/Прунне (Brunne/Prunne)²⁶. Род получил свое имя от городка Брунн юго-западнее Вены. Род не принадлежал к числу значительных, но имена его представителей неоднократно встречаются в актах первой половины XIII века²⁷. На сегодня автору данных строк не удалось выявить прямых свидетельств возможного участия какого-либо представителя рода фон Брунне во встрече в Пожони. Следует, однако, отметить одну характерную деталь: в 1246 г. имя Генриха фон Брунне было названо в числе свидетелей акта, выданного Маргаритой Бабенберг²⁸. Это устанавливает некоторую связь рода фон Брунне с Маргаритой, а через нее (после свадьбы в Хайнбурге 11 февраля 1252 г.) – с Пржемыслом Оттокаром и Филиппом Зальцбургским. Таким образом, приведенные выше наблюдения могут рассматриваться как косвенные свидетельства возможного участия представителей фамилий фон Петтау и фон Брунне во встрече с князем Даниилом Романовичем в Пожони в 1252 г. Данная тема требует дальнейшего исследования, которое представляется чрезвычайно важным, т. к. связывает сообщение *Галицко-Волынской летописи* не только с общим контекстом исторических событий, но с конкретными историческими деятелями Австрии середины XIII века.

„Вопрос о воеводе цесаревом”. Были ли в Священной Римской империи в 1252 г. „цесари”? Одним из аргументов, заставляющих историков датиро-

---

mark, s. 181. Интересно отметить, что И. Шараневич, основываясь на издании *Ипатьевской летописи* 1843 г., читал имя посла как „Ота Гаретеньникъ Пѣтовъский” и видел в нем Отто, сына известного по документам Хартнида фон Петтау. О наличии у Хартнида сына по имени Отто сведений в источниках нет, зато его сыном был как раз названный выше Фридрих фон Петтау Младший.

²⁶ И здесь следует отметить проницательность И. Шараневича и хорошее знание им австрийских источников: I. Szaraniewicz, *Die Hypatios-Chronik*, s. 60, 126.

²⁷ См. указатель к изданию актов династии Бабенбергов: *Urkundenbuch zur Geschichte der Babenberger in Österreich*, Bd 2: *Die Siegelurkunden der Babenberger und ihrer Nachkommen von 1216 bis 1279*, vorher. von O. Frh. von Mitis, bearbeitet von H. Fichtenau und E. Zöllner, Wien 1955, s. 381.

²⁸ *Ibidem*, s. 308–309.

вать встречу в Пожони временем до 1250 г., является участие в ней „воеводы цесарева” – т. е. представителя императора Священной Римской империи. 13 декабря 1250 г. умер Фридрих II, после чего в Империи начался период междоусобицы, закончившийся в 1273 г. приходом к власти Рудольфа Габсбурга. Таким образом, по мнению историков, летом 1252 г. Империя „вдовствовала”.

Однако такой взгляд страдает модернизацией. Между Гогенштауфенами и Габсбургами в Империи были „цесари”: Вильгельм Голландский (1247–1256), Ричард Корнуоллский (1257–1272), Альфонс Кастильский (1257–1273). В современной историографии они именуется „антикоролями”. Но „антикоролями” они стали в историографии XIX века, выстраивавшей в своих обобщающих нарративах линии „законных” и „незаконных” династий. Для своих сторонников они были законными „цесарями” – или, по крайней мере, реальными претендентами на императорскую корону.

Какова была позиция Зальцбургского архиепископа Филиппа во время имперского междоусобицы? Современный австрийский историк Ханс Вагнер характеризует электа Филиппа как решительного сторонника папской партии в Альпийском регионе²⁹. Главой такой партии в самой Империи был „поповский король” (Pfaffenkönig) Вильгельм Голландский, пользовавшийся полной поддержкой Папы Римского Иннокентия IV³⁰. Связь Филиппа с Вильгельмом Голландским подтверждается и документально. Так, 17 июня 1251 г. „цесарь” Вильгельм (в тексте документа он именуется „*dei gracia Romanorum rex*”) выдает грамоту епископу города Зекау, суффрагану Зальцбургской архиепископии³¹. Признание Пржемысла со стороны Папы Иннокентия IV герцогом Австрии и Штирии включало последнего в число сторонников Вильгельма Голландского. Таким образом, вместе с Филиппом на встрече в Пожони мог присутствовать и „воевода цесарев”, представляющий партию Вильгельма Голландского (или же сам Филипп мог именоваться „воеводой цесаревым”: такое прочтение летописного текста также возможно). Тогда летописную фразу „бѣ бо цѣрь вѣдѣржае Ведень землю. Ракоушьскоу . и Штирьскоу” следует понимать таким образом, что

²⁹ *Geschichte Salzburgs. Stadt und Land*, Bd. 1, Teil 1, s. 438–439.

³⁰ Об „австрийском вопросе” в контексте папской и имперской политики см.: Н. Dopsch, К. Brunner, М. Weltin, *Österreichische Geschichte. 1122–1278. Die Länder und das Reich. Der Ostalpenraum im Mittelalter*, Wien 1999, s. 203–207. (Здесь же снова о роли Филиппа как главы папской партии в регионе).

³¹ *Urkundenbuch des Herzogtums Steiermark*, s. 156–157.

Австрийское и Штирийское герцогства входили в сферу влияния пропапского „цесаря” Вильгельма Голландского (собственно, так оно и было после официального признания Иннокентием IV Пржемысла Оттокара австрийским герцогом 6 мая 1252 г.)³². В любом случае, упоминание „цесаря” в тексте *Галицко-Волынской летописи* не является аргументом, исключающим датировку встречи в Пожони временем после 1250 г.

Все вышеизложенное позволяет сделать некоторые выводы:

- документально засвидетельствовано, что Зальцбургский архиепископ Филипп был весной и летом 1252 г. в пограничных с Венгрией регионах, более того – в городе, из которого, в прямом смысле слова видна Пожонь. В достаточно хорошо документированном итinerарии Филиппа за 1247–1252 гг. у нас нет других свидетельств его пребывания в этом регионе;
- документально засвидетельствовано пребывание в июне в 1252 г. в Пожони и ее окрестностях венгерского короля Белы IV, еще одного несомненного участника встречи с Даниилом Романовичем;
- серия косвенных аргументов, имеющих прямые параллели с текстом *Галицко-Волынской летописи* (фон Петтау – „Пѣтовъскыи”, Генрих фон Брунне – „Гарихъ Пороунъскыи”, представитель Вильгельма Голландского – „воевода цесарев”), позволяют связать летописный рассказ о встрече в Пожони с политической ситуацией в Австрии весной–летом 1252 г.

Исходя из имеющихся данных, можно следующим образом реконструировать исторический контекст встречи в Пожони:

- конец 1251 г. – Зальцбургский архиепископ Филипп прибывает ко двору Пржемысла Оттокара, деятельно поддерживает нового герцога, присутствует 11 февраля 1252 г. на его свадьбе с Маргаритой Бабенберг в Хайнбурге;
- весна 1252 г. – в конфликт вмешивается Бела IV, происходят первые венгерские нападения на Австрию и Штирию, обе стороны активно ищут союзников перед новым витком борьбы за „наследство Бабенбергов”;
- июнь 1252 г. – по просьбе Белы IV в Пожонь прибывает Даниил Романович. В это же время ко двору Белы прибывает Филипп, который пытается обезопасить свои владения в Штирии. Возможно, Филипп выполняет и какое-то дипломатическое поручение герцога Пржемысла Оттокара или

---

³² Позже, 17 сентября 1253 г., Пржемысл Оттокар в специальном документе подтвердил свою верность Папе Иннокентию IV и „цесарю” Вильгельму Голландскому и обязался получать ленные владения только из рук последнего: *Codex diplomaticus et epistolaris Regni Bohemiae*, p. 484–485.

представляет на переговорах с венгерским королем позицию Империи („воевода цесарев”);

- август 1252 г. – Филипп снова появляется в Штирии, что еще раз свидетельствует о его внимании к этому региону.

Таким образом, данные нарративных и документальных источников позволяют датировать встречу в Пожони началом лета 1252 г., а также уточнить логику и последовательность событий. Вероятнее всего, на этой встрече был решен и вопрос о браке Романа Данииловича с Гертрудой Бабенберг, который был заключен в этом же году. Из уточнения датировки следует и важный вывод о внешней политике князя Даниила Романовича в целом. На наш взгляд, нет оснований искусственно растягивать „австрийский вектор” политики Даниила на несколько лет (1247–1253 гг.). Это скорее не „вектор”, а „австрийский эпизод” внешней политики князя Даниила: от встречи в Пожони (лето 1252 г.) до Опавского похода и поражения Романа Данииловича в борьбе за Вену (лето 1253 г.)³³.

*

Aleksey Martyniuk, „How the Germans marvelled at the Tatar Arms”: With whom and when Daniel Romanovych met in Pozsony?

This paper analyses circumstances of the meeting of Prince Daniel Romanovych with the Hungarian King Bela IV and the German emissaries in Pozsony, which are described in *the Galician-Volhynian Chronicle*. Among names of the attendees, the name of the Salzburg Archbishop Philipp von Spanheim can be recognized, which may be the key to resolve the issue of the date and the historical context of this event. Based on a variety of narrative and diplomatic sources, it can be concluded that the meeting took place in Pozsony in early summer of 1252. The dating clarification allows to reconstruct a historical context of the meeting which is associated with events connected with struggles for the „Babenberg inheritance” in Austria and Styria as well as to make the conclusions about the nature of the „Austrian vector” of Daniel Romanovych policy.

---

³³ Более подробно о последнем эпизоде см.: А. В. Мартынюк, „Австрийский стол” князя Романа Данииловича, [in:] *Colloquia Russica, Series II*, vol. 3 (в печати).

Aleksey Martyniuk, „Nemci žasli nad tatárskou výzbrojou”: S kým a kedy sa Daniel Romanovič stretol v Požúňe?

Príspevok analyzuje okolnosti stretnutia princa Daniela Romanoviča s uhorským kráľom Belom IV. a nemeckými vyslancami v Požúňe, ktoré sú popísané v *Haličskom-volynskom letopise*. Medzi menami účastníkov vieme identifikovať salzburského arcibiskupa Filipa von Spanheim, čo môže byť kľúčom k riešeniu otázok okolo dátumu a historického kontexte tejto udalosti. Na základe rôznych rozprávacích a diplomatických zdrojov možno dospieť k záveru, že toto stretnutie sa konalo v Požúňe začiatkom leta roku 1252. Objasnenie datovania umožňuje rekonštruovať historické súvislosti stretnutia, ktoré je spojené s realitou bojov o „babenberské dedičstvo” v Rakúsku a Štajersku a tiež, aby vyvodíť závery o povahe rakúskeho vektoru Danielovej politiky.

Ил. 1. Город Хайнбург. Гравюра Георга Маттеуса Вишера (*Topographia Archiducatus Austriae inferioris modernae*, 1672).

Андрей Носенко
(Ивано-Франковск)

Константин „Рязанский” и Евстафий Константинович: к вопросу о княжеском происхождении и родственных связях

Статья посвящена рассмотрению вопросов о происхождении и деятельности в Юго-Западной Руси в 40–60-х гг. XIII в. двух летописных персонажей – Константина „Рязанского” и Евстафия Константиновича. Достоверно известно, что они оба имели отношение к Рязанской земле. Однако традиционное объяснение княжеского происхождения и утверждение о родственной связи между Константином и Евстафием не вызывает особого доверия. Автор предлагает свой взгляд по данному поводу, предполагая, что Константин „Рязанский” – вовсе не князь и не отец Евстафия Константиновича.

В 40-х гг. XIII века летописи отмечают на территории Галицкого княжества активность некоего Константина, называемого „Рязанским”, традиционно отождествляемого историками с рязанским князем Константином Владимировичем¹. Историческая традиция также приписывает Константину

---

¹ М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. 3, Київ, 1993, с. 57; В. Т. Пашуто, *Очерки по истории Галицко-Волынской Руси*, Москва 1950, с. 139, 149; Н. Котляр, *Княжеская администрация в Древней Руси (окончание)*, „Древняя Русь: вопросы медиевистики”, 2010, 3 (41), с. 45–46; Д. Иловайский, *История Рязанского княжества*, Москва 1858, с. 90–91; D. Dąbrowski, *Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201–1264). Biografia polityczna*, Kraków 2012, s. 234.

родство с еще одним человеком, имеющим связь с Рязанью, а именно – Евстафием Константиновичем. Тот попал в поле зрения летописцев в 60-х гг. XIII века, когда был отмечен на службе у литовского короля Миндовга. Из-за совпадения своего отчества с именем Константина „Рязанского” и прямым указанием летописца на рязанские корни², историки считали Евстафия Константиновича сыном Константина Владимировича³. Таким образом, на сегодняшний день мы имеем весьма распространенное мнение о деяниях рязанских князей-изгоев – Константина Владимировича и, возможно, его сына Евстафия Константиновича. Однако при более детальном и комплексном рассмотрении данного вопроса возникают веские сомнения относительно подобной трактовки источников.

Приблизительно в конце весны 1242 г.⁴ в Перемышльской земле объявился некий Константин „Рязанский”, посланный туда князем Ростиславом Михайловичем, занимавшим в тот момент Галич. В летописи читаем: „Даниль же дворечкого посла на Перемышль . на Константина Рязанского . посланаго ѿ Ростислава . и владыць Перемышльскомоу . коромолоующе с нимь . и слышавъ Константинъ Адрѣа градоуща на нь . избѣже ночью . Андрѣи же не оудоси его но оудоси владькоу . и слоуги его разьграби гордые”⁵.

Это единое упоминание о Константине, названном Рязанским, о котором из других источников ничего не известно. Однако его традиционно отождествляют с рязанским князем Константином Владимировичем⁶.

Попытаемся воссоздать биографию Константина Владимировича и сравнить её с данными о Константине „Рязанском”.

² *Ипатьевская летопись*, [in:] *Полное Собрание Русских Летописей* [далее: ПСРЛ], т. 2, Санкт-Петербург 1908, стб. 855, 861.

³ В. Т. Пашуто, *Очерки*, с. 139, 149; Н. Котляр, *Княжеская администрация*, с. 45–46; Д. Иловыйский, *История Рязанского княжества*, с. 90–91; Л. Войтович, *Княжа доба на Русі: портрети еліти*, Біла Церква 2006, с. 386.

⁴ За основу взята хронология М. Грушевского, см.: М. Грушевський, *Хронологія подій Галицько-Волинської літописи*, „Записки Наукового товариства імені Шевченка”, 41, 1901, с. 1–72.

⁵ *Ипатьевская летопись*, стб. 793–794.

⁶ Годы жизни Константина Владимировича не известны, в источниках он упоминается лишь однажды – в 1217 г., когда он уже был достаточно взрослым, чтобы участвовать в заговоре своего брата в Исадах. Однако если принять во внимание точку зрения об отождествлении Константина „Рязанского” и Константина Владимировича, мы получим еще одну дату – 1242 г., когда Константин занимал Перемышль. Но к последней возможности надо относиться с большой осторожностью.

Князь Константин был сыном Владимира Глебовича (ум. после 1207 г.) и внуком рязанского князя Глеба Ростиславовича (ум. в 1177 г.). Его отец, князь Владимир, был весьма активным деятелем, хоть и не совсем удачным игроком на политической арене Рязанского княжества. Для исследования поставленных задач важным является упомянуть о его отношениях с будущими сюзеренами его сына Константина – черниговскими князьями. Точек соприкосновения здесь несколько: во-первых – в 1187 г. Владимир Глебович вместе со своими братьями попал в немилость у владими́ро-суздальского князя Всеволода Большое Гнездо, и для урегулирования конфликта прибегал к помощи черниговского епископа Порфирия⁷; во-вторых – в 1197 г. Владимир вместе с братьями участвовал в походе Всеволода Большое Гнездо на владения Ольговичей⁸.

Возвращаясь к семье Константина, следует отметить, что о его матери, как и о жене, нам ничего не известно. Однако точно знаем, что у князя было три брата: Глеб (ум. 1219 г.), Олег (ум. 1208 г.) и Изяслав (ум. 1217 г.)⁹. Глеб и Олег придерживались ориентации на Владимирское княжество, а Изяслав, очевидно, – на Черниговское. Сам же Константин некоторое время, вероятно, оставался в тени братьев, поскольку не удостоился внимания летописца.

2 июля 1217 г. Константин Владимирович вместе со своим старшим братом Глебом и при помощи половцев истребил других рязанских князей на съезде в селе Исады. Среди шести убитых пятеро приходились Константину двоюродными братьями, а шестой – родным братом Изяславом¹⁰. Спустя два года, в 1219 г. Глеб Владимирович при помощи половцев попытался захватить Рязань, но был разбит своим двоюродным братом Ингварем Игоревичем. По свидетельству *Воскресенской летописи*, в походе участвовал и Константин Владимирович¹¹. После этого о Константине в севернорусских источниках никаких упоминаний не находим.

Однако спустя чуть более двух десятков лет какой-то Константин, прозванный „Рязанским”, снова попадает во внимание летописей, появляясь на службе у князя из династии черниговских Ольговичей – Ростислава Михайловича (см. приведённый выше летописный фрагмент). Весной 1242 г. Ростислав Михайлович, после того как занял Галич, отправил Конс-

⁷ *Лаврентьевская летопись*, [in:] *ПСРЛ*, т. 1, Ленинград 1927, стб. 404.

⁸ *Ibidem*, стб. 413.

⁹ См.: Л. Войтович, *Княжа доба*, с. 383.

¹⁰ *Ипатьевская летопись*, стб. 440–441.

¹¹ *Воскресенская летопись*, [in:] *ПСРЛ*, т. 7, Санкт-Петербург 1856, с. 126.

тантина наместником в Перемышль, где тот вполне поладил с местным не известным по имени владыкой¹².

После весьма короткого периода правления Ростислава в Галиче, князь, ввиду наступления Даниила и Василька Романовичей, был вынужден спасаться бегством в Венгрию. После этого волынские князья, из-за опасности вторичного приближения монголов, поспешили восстановить порядок на своей земле. Константин, понимая, что его сюзерен потерпел поражение, не задержался в Перемышле и в спешке отступил. Собственно к этим событиям и относится единое летописное упоминание о каком-то Константине, возможно связанном с рязанскими событиями предыдущих лет. Далее он полностью исчезает со страниц летописей.

Советский историк Владимир Пашуто только вскользь вспоминал о Константине и утверждал, что после бегства из Перемышля тот якобы направился в Венгрию¹³. Хотя никаких прямых сведений по этому поводу нет, нам видится такое предположение вполне реальным. Известно, что после бегства из Галича Ростислав Михайлович нашел убежище у Арпадов, где находился предположительно до конца осени 1242 г. В Венгрии король Бела IV отдал за него замуж свою дочь Анну. Вполне резонно, что после отступления из Перемышля Константин мог отправиться к своему сюзерену в Венгрию. Есть основания предполагать, что двор зятя венгерского короля был достаточно большим¹⁴; и нельзя исключать возможности того, что Константину также нашлось место среди множества мужей, составлявших свиту Ростислава Михайловича, хотя прямых сведений об этом не сохранилось.

Спустя двадцать лет на страницах летописи появляется следующий интересующий нас персонаж, а именно – Евстафий Константинович, первое упоминание о котором датируется 1262 г.: „Идоша Литва на Ляхы . воевать ѿ Миндовга . и Єстафїи Костантиновича . с ними вканыи и безаконїи бе бо забѣглъ из Рязана . Литва же изгнаша Єздовъ . на каноунъ и Ивана днї . на самаѣ коупальѣ . тоу же и Сомовита княза оубиша . а снѣ его Кондрата аша . и полона много аша . и тако возвратиша во своѣси”¹⁵. Из-за

¹² *Ипатьевская летопись*, стб. 793–794.

¹³ В. Т. Пашуто, *Очерки*, с. 149.

¹⁴ М. Волошук, „Русь” в Угорському королівстві (XI – друга половина XIV ст.): суспільно-політична роль, майнові стосунки, міграції, відп. ред. Л. Войтович, Івано-Франківськ 2014, с. 177–178, 380.

¹⁵ *Ипатьевская летопись*, стб. 855.

сходства отчества с именем упомянутого ранее Константина и принадлежности к Рязанской земле, на что прямо указывает летопись, в историографии принято считать Евстафия сыном Константина¹⁶. Прямых доказательств для подобного утверждения все-таки нет.

Согласно летописи, Евстафий находился на службе у литовского великого князя, занимая весьма значимое место. Однако вряд ли он владел правом возглавлять войска, так как в походе принимал участие и Шварн Данилович – князь, который занимал определенно более весомое положение, чем Евстафий¹⁷. О вышеописанных событиях находим известия и в другом источнике XIII века – *Великопольской хронике*. В частности, в главе 138 под названием *Об убийстве Земовита, мазовецкого князя* повествуется: „В году от Р. Х. 1266 22 июня русские совместно с литовцами, прейдя, крадучись, на Черскую землю в Мазовии, опустошили ее всю огнем и мечом. Когда же они неожиданно вошли в какую-то деревню Яздово и обнаружили там мазоветских князей Земовита с его сыном Кондратом, они, схватив их, поступили с ними бесчестно. Шварн сын сестры русского короля Даниила, сам обезглавил пленного, упомянутого князя Земовита, а сына его Кондрата взял с собою в плен”¹⁸. Таким образом, видим, что убийцей Земовита в польской средневековой историографии считался Шварн Данилович.

Интересной представляется крайне негативная оценка летописцем Евстафия: „и Сѹстафьи Костантиновича. с ними вканыи и незаконьи бе бо забѣглъ из Рязанѣ”¹⁹. По интонации повествования чувствуется, что, очевидно, летописец знал о событиях в Исадах и винил сына (Евстафия) за деяния своего отца (в этом случае Константина Владимировича, а не Константина „Рязанского”).

Следующее и последнее упоминание об Евстафии датируется 1264 г.: „Воишелкъ же нача княжити . во всеи земли Литовьскои . и поча вороги своѣ избивати . избѣ ихъ бещисленое множество. а друзии розбѣгошася камо кто вида . и вногю Сѹстафѣа оуби . вканыаго проклатаго. незаконьного . в немже передѣ псахомъ”²⁰. Возможно, Войшелк, мстивший за смерть отца, убил причастного к этому преступлению Евстафия. Показательной

¹⁶ В. Т. Пашуто, *Очерки*, с. 139, 149; Н. Котляр, *Княжеская администрация*, с. 45–46; Д. Иловайский, *История Рязанского княжества*, с. 90–91; Л. Войтович, *Княжа доба*, с. 386.

¹⁷ М. Strykowski, *Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi*, т. 1, Warszawa 1846, s. 296.

¹⁸ *Великая хроника о Польше, Руси и их соседях*, под ред. В. Л. Янина, Москва 1987, с. 188.

¹⁹ *Ипатьевская летопись*, стб. 855.

²⁰ *Ibidem*, стб. 861.

является повторная характеристика летописцем князя как „вкандьного проклатого. безаконьного”²¹, свидетельствующая о правдивости обвинений.

Как уже упоминалось выше, большая часть историков традиционно считает, что Константин „Рязанский” и Константин Владимирович – одна и та же личность, сын князя Владимира Глебовича и отец князя Евстафия Константиновича (см. схему 1). Аргументы историков в пользу данного предположения можно свести к нескольким тезисам:

совпадение имени Константина „Рязанского” и Константина Владимировича, прямое указание летописца на принадлежность первого из князей к Рязанской земле;

общеизвестное мнение о союзнических либо сюзеренно-вассальных отношениях черниговских и рязанских князей;

совпадение отчества Евстафия с именем Константина „Рязанского” и прямое указание на принадлежность Евстафия к Рязанской земле;

крайне негативная оценка летописцем Евстафия, что, помимо вышеупомянутой гипотезы о причастии последнего к убийству Миндовга, свидетельствует о знании летописцем ситуации в Рязанском княжестве и обвинении Евстафия за деяния отца²².

Надо также подчеркнуть, что отдельные авторы, допуская в целом возможность отождествления отца Евстафия Константиновича с Константином Владимировичем, воздерживаются от более категорических высказываний в данном направлении. В этом отношении показательным является позиция современных российских исследователей Федора Успенского и Анны Литвиной²³. Интересным представляется их замечание о том, что имя Евстафий весьма редко встречается в именовании Рюриковичей. В связи с этим историки приводят пример тмутараканского князя Мстислава Владимировича и его сына Евстафия (ум. в 1033 г.), получившего в отчество крестильное имя отца (Константин), таким образом став Евстафием Константиновичем²⁴. Данный пример наводит на размышление о том, что отец Евстафия Константиновича, служащего Миндовгу, мог быть вовсе не Константином.

²¹ Ibidem.

²² Д. Иловайский, *История Рязанского княжества*, с. 90–91; В. Т. Пашуто, *Очерки*, с. 139, 149; Н. Котляр, *Княжеская администрация*, с. 45–46; Л. Войтович, *Княжа доба на Русі*, с. 386.

²³ А. Литвина, Ф. Успенский, *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики*, Москва 2006, с. 542.

²⁴ Ibidem, с. 542–543.

Среди современных историков встречаем и более категорический подход к данному вопросу. Например Николай Котляр считает Константина „Рязанского” воеводой²⁵. Интересным является также предположение киевского исследователя о том, что реальная власть в Перемышле якобы принадлежала епископу Артемию, бежавшему вместе с Ростиславом Михайловичем из Галича²⁶, хотя при этом автор совсем не упоминает о перемишльском владыке и его роли в этой истории. В свою очередь, Денис Хрусталёв предположил, что Константин „Рязанский”, скорее всего, был не князем Константином Владимировичем, а каким-нибудь рязанским боярином²⁷. Автор ссылался при этом на именную указатель *Ипатьевской летописи* 1998 г., где читаем: „Константин (Костянтин), бояр. рязанский”²⁸. Однако публикация 1998 г. была не первым, а вторым по счёту изданием указанной летописи с именованным указателем. Первый указатель увидел свет в 1871 г. и был включён в *Летопись по Ипатьевскому списку*, изданную Археографической комиссией. Примечательно, что сведения о Константине там носили иной характер: „Константинъ, кн. Рязанскій (?)”²⁹. Сложно сказать, что заставило новых издателей указателя изменить подход и утверждать, что Константин не являлся рязанским князем. Похожее недоверие по поводу княжеского происхождения Константина „Рязанского” и Евстафия, однако без дополнительных аргументов, высказывает также украинский историк Вадим Аристов³⁰.

Оригинальную точку зрения предложил Леонтий Войтович. Ученый говорит о возможном отождествлении Константина Владимировича с неким святым Константином, якобы умершим в Муроме 1223 г.³¹ Одновременно историк откровенно признает слабость аргументов в пользу этой версии. Мы считаем, что такая версия не имеет под собой реальных оснований. В тезисе Л. Войтовича речь идет о святом Константине, известном из *Жития благого князя Константина Муромского*³². Но уже само отождествление

²⁵ М. Котляр, *Данило Галицький. Біографічний нарис*, Київ 2002, с. 261.

²⁶ Ibidem.

²⁷ Д. Хрусталёв, *Русь: от нашествия до ига 30–40 гг. XIII в.*, Москва 2008, с. 334.

²⁸ См.: *Именная указатель*, [in:] *ПСРЛ*, т. 2, Москва 1998, с. XIX.

²⁹ См.: *Именная указатель*, [in:] *ПСРЛ*, т. 2, Санкт-Петербург 1871, с. 18.

³⁰ В. Аристов, *Служилые князья Романовичей*, [in:] *Rus' During the Epoch of Mongol Invasions (1223–1480)*, ed. V. Nagirnyu, Krakow 2013, с. 84 [Серия: *Colloquia Russica, Series I*, vol. 3].

³¹ Л. Войтович, *Княжа доба*, с. 383.

³² Н. Серебрянский, *Древне-русскія княжескія житія*, ч. 2: *Тексты*, Санкт-Петербург 1915, с. 100–107.

братоубийцы Константина Владимировича со святым Константином Муромским выглядит мало реальным.

Поскольку в исторической науке бытуют несколько мнений о происхождении Константина „Рязанского” и Евстафия Константиновича, часть историков не желала либо не смогла обременить себя поиском более весомых доказательств в пользу той или иной точки зрения. Например, Олег Рапов, описывая биографию Константина Владимировича, прерывает её на 1217 г., утверждая, что дальнейшая судьба его не известна³³. Дмитрий Донской вообще упускает описание биографии Константина Владимировича, вспоминая о нём только как о сыне Владимира Глебовича³⁴. Андрей Кузнецов, детально описывая произошедшие в Исадах в 1217 г. события и касаясь личности Константина Владимировича, полностью упускает из вида дальнейшую судьбу князя³⁵.

Попытаемся еще раз проанализировать все известные нам факты, относящиеся к исследуемому вопросу. Для начала надо ответить на вопрос о том, был ли Константин „Рязанский” князем?

Начнем с истоков. Каким образом Константин Владимирович после убийства братьев в Исадах мог оказаться при дворе черниговского князя? Выше приводилось общеизвестное мнение о тесных отношениях рязанских и черниговских князей. До 1127 г. Рязанская земля входила в состав Черниговского княжества. Князья обеих земель нередко вместе действовали против врагов. Однако не всегда конъюнктура отношений сохранялась именно таковой. Напомним, что отец князя Константина Владимировича Владимир Глебович в 1187 г. вместе с братьями прибежал к помощи черниговского епископа Порфирия в налаживании отношений с владимирским князем³⁶. Однако стоит заметить, что, во-первых, Владимир не единолично принял такое решение, а под влиянием всей рязанской княжеской семьи, где вышеупомянутый князь занимал далеко не лидирующие позиции. Во-вторых, до 1198 г. Черниговское и Рязанское княжества находились под цер-

---

³³ М. Рапов, *Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в.*, Москва 1977, с. 127–128.

³⁴ Д. Донской, *Рюриковичи. Исторический словарь*, Москва 2008, табл. 2, с. 9.

³⁵ А. Кузнецов, *Владимирский князь Георгий Всеволодович в политической истории первой трети XIII в. Особенности преломления источников в историографии*, Нижний Новгород 2006, с. 169–174.

³⁶ *Лаврентьевская летопись*, стб. 404.

ковной юрисдикцией Черниговского епископства³⁷, и вполне вероятно рязанцы обратились напрямую к своему епископу. В конце концов, прошение рязанцев к епископу Порфирию можно рассматривать не как причину визита последнего к Всеволоду Большое Гнездо, а как предлог для вступления в переговоры между черниговским и владимирским князьями. Спустя десять лет, в 1197 г. Владимир Глебович, скорее всего, участвовал в походе Всеволода Большое Гнездо на остальных черниговских князей³⁸, что никак не могло послужить в пользу „дружественных” отношений между семьей Константина Владимировича и черниговским двором. Таким образом, источники не сохранили ни одного подтверждения лояльности отца Константина к черниговскому двору. У Константина Владимировича было трое братьев, двое из которых – Глеб и Олег – придерживались откровенно владимирской ориентации. Третий брат – Изяслав – возможно, тяготел к Ольговичам через дружбу с пронским князем Киром-Михаилом, зятем черниговского князя Всеволода Чермного. Однако Глеб и Константин Владимировичи убили своего брата Изяслава на съезде в Исадах. На основании этого можно утверждать, что у Константина Владимировича не было никаких предпосылок для установления дружественных контактов с черниговским двором, который, в свою очередь, не обязан был предоставлять покровительство братоубийце, второстепенному князю-изгою из периферии.

Интересной деталью, дополняющей исследуемый образ, является сравнительная характеристика летописцем Константина Владимировича, Константина „Рязанского” и Евстафия Константиновича. При описании Константина Владимировича во время событий 1217 г. *Лаврентьевская летопись* фиксирует крайне негативную оценку деяний князя, проводя параллели с библейской историей о Каине и Авеле³⁹. Однако о Константине „Рязанском” в *Ипатьевской летописи*⁴⁰ никаких негативных оценок мы не встречаем. Предположения о том, якобы автор *Ипатьевской летописи* не знал о событиях в Рязанской земле следует отвергнуть, ибо Евстафия Константиновича тот же летописец назвал „вканьными и безаконъи бе бо забѣглъ из Рязана”⁴¹, добавляя: „Сѣстафѣа оуби . вканьнаго проклатаго.

³⁷ Д. Иловайский, *История Рязанского княжества*, с. 77.

³⁸ *Лаврентьевская летопись*, стб. 413.

³⁹ *Ibidem*, стб. 418–419.

⁴⁰ *Ипатьевская летопись*, стб. 793–794.

⁴¹ *Ibidem*, стб. 855.

беззаконного. w немже передѣ псахомъ⁴². Так почему же летописец, зная о страшном грехе братоубийства Константина Владимировича, абсолютно равнодушно относится к Константину „Рязанскому”, и в тоже время винит Евстафия Константиновича за грехи отца?

Во-первых, вполне вероятно, что Константин Владимирович и Константин „Рязанский” – это разные личности. Во-вторых, Константин „Рязанский”, скорее всего, не князь, а боярин, происходивший из Рязанской земли. При этом стоит заметить, что имя Константин было весьма распространено среди боярства. В качестве примеров можно привести: „Константин воевода холмский⁴³”, „Константин Добриничь посадник⁴⁴”, „Коснятинъ боярин галицкий⁴⁵”, „Коснячко воевода киевский⁴⁶”, „Коснятинъ новгородский тысяцкий⁴⁷”. Также, стоит добавить, что существовали прецеденты, когда к имени боярина добавляли топонимический предикат⁴⁸. Не стоит упускать из виду и утверждения Н. Котляра, будто галицкая церковная верхушка стояла ближе к боярам, нежели к князьям⁴⁹. В-третьих, Евстафий Константинович, скорее всего, действительно был сыном Константина Владимировича, попавшего к литовскому князю неизвестным путем, но не имел никакого отношения к Константину „Рязанскому”. (см. схему 2). Аргументы в пользу данного предположения следующие:

- отсутствие прямого указания летописца на княжеское происхождение Константина „Рязанского”;
- осязаемая разница в оценке летописцами Константина „Рязанского” и Константина Владимировича;
- очевидная семейная принадлежность Евстафия Константиновича к Константину Владимировичу, следующая из патронима и соответственной оценкой разными летописцами представителей этой семьи;
- весьма влиятельное положение, занимаемое Евстафием Константино-

⁴² Ibidem, стб. 861.

⁴³ См. более раннее издание: *Ипатьевская летопись*, [in:] *ПСРЛ*, т. 2, Санкт-Петербург 1871, стб. 563.

⁴⁴ Ibidem, стб. 100.

⁴⁵ Ibidem, стб. 509.

⁴⁶ *Лаврентьевская летопись*, стб. 171.

⁴⁷ Ibidem, стб. 305.

⁴⁸ А. Jusupović, *Elity Ziemi Halickiej i Wołyńskiej w czasach Romanowiczów (ok. 1205–1269)*, Kraków 2013, s. 77.

⁴⁹ М. Котляр, *Данило Галицкий*, с. 261.

вичем при Миндовге, что может свидетельствовать о его княжеском происхождении.

Таким образом, считаем, что Константин „Рязанский” не был Константином Владимировичем и не принадлежал к рязанской княжеской семье, а, следовательно, не принадлежал к княжеской династии, но к боярскому сословию. Евстафий Константинович, скорее всего, был сыном Константина Владимировича и, соответственно, принадлежал к Рюриковичам. Безусловно, данное предположение может оспариваться. Кроме того, перед исследователями остается ряд открытых вопросов. К примеру, где находился Константин Владимирович с 1219 г., как его сын оказался на службе у литовского князя? Как сын неизвестного рязанского боярина Константин попал на службу к черниговскому князю? К сожалению, нам об этом ничего не известно, поскольку источники по данному поводу молчат.

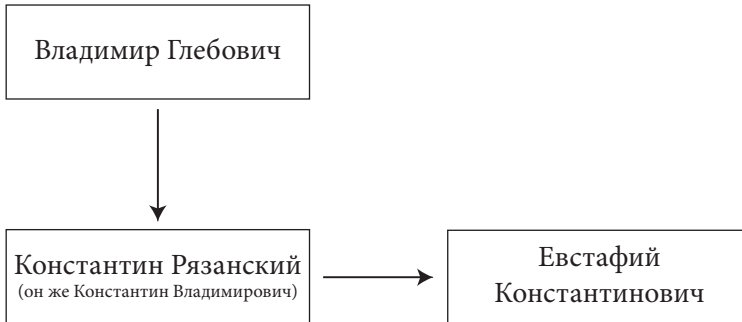
*

Andriy Nosenko, *Konstantine „Ryazanskiy” and Evstafiy Konstantinovich: to the question of prince origin and relative relations*

This article is focused on the question of origin and chronologize the activities of two characters, Constantine „Ryazan” and Evstafiy Constantinovich, who launched their activities on the borders of Western Rus’ in 40–60’ of the 13th century. It is known that both had something to do with the Ryazan land, what is pointed directly in the sources. However, the traditional explanation of the origin and the relationship between Constantine and Evstafiy, does not cause much confidence. The author offers his view on the matter.

Andriy Nosenko, *Konštantín „Riazaňský” a Eustach Konštantínovič: k otázke pôvodu kniežat a príbuzenských vzťahov*

Referát sa venuje otázke pôvodu a chronologizácie aktivít dvoch postáv, Konštantína „Riazaňa” a Eustacha Konštantínoviča, ktorí rozvíjali svoje aktivity na hraniciach západnej Rusi v 40 až 60 rokoch 13. storočia. Je známe, že obaja boli prepojení s Riazaňou, čo je ukázané priamo v prameňoch. V každom prípade však tradičný výklad pôvodu a vzťahu medzi Konštantínom a Eustachom nezbudzuje veľkú dôveru. Autor ponúka svoj názor na záležitosť.

Схема 1.**Схема 2.**

Павел Смирн
(Прага)

Военные конфликты Ордена меченосцев с русскими войсками в описании *Хроники Ливонии* Генриха Латвийского

Настоящая статья посвящена анализу военного противостояния ливонских рыцарей псковским, полоцким и новгородским войскам на территории Ливонии в начале XIII в. Особое внимание уделяется сражениям, описанным в Хронике Ливонии Генриха Латвийского, которая содержит много ярких описаний столкновений ливонских рыцарей и русских отрядов. Автор отмечает, что несмотря на то, что в начале XIII в. русские являлись опаснейшими врагами ливонских рыцарей, последние заключили военный союз с Псковом, направленный против их совместного врага – литовцев. Роковое поражение рыцарей и русских в битве при Шауляй в 1236 г. означало не только конец этого союза но и прекращение существования самого Ордена меченосцев.

В конце XII века начались крестовые походы западных крестоносцев в Восточную Прибалтику. В результате этих походов в первой половине XIII века на территории современных Эстонской и Латышской республик сформировалось своеобразное государство, известное под названием „Ливония”. Процесс завоевания и христианизации этого региона с самого начала затрудняли не только жесткий отпор местного населения или нападения

соседей, но также и то обстоятельство, что большинство первых крестоносцев прибывало в Ливонию на определенный срок, от весны до осени, а потом возвращались на родину. Чтобы обеспечить успех христианской миссии, нужно было создать такую военную силу, которая бы действовала в Ливонии постоянно. Поэтому в 1202/1203 гг. был основан Орден меченосцев, задачей которого было завоевание новых земель и их постоянная защита от врагов¹.

Орден меченосцев был первым рыцарско-монашеским орденом, действующим в Северной Европе. Рыцари управлялись уставом тамплиеров, и, в отличие от орденов, созданных в Святой земле, подчинялись не Папе Римскому, но Рижскому епископу. Свое название получили от эмблемы на орденской одежде, которая состояла из красного креста и меча на белом плаще. Орден просуществовал до 1236 г., когда литовцы нанесли ему решительное поражение, в результате которого в следующем году произошло слияние Ордена меченосцев с Орденом немецких рыцарей².

На протяжении периода с 1202/1203 г. до 1236 г. меченосцы занимали важное место в политической и экономической жизни Ливонии, поскольку они, наряду с церковными лицами, стали крупнейшими землевладельцами. Рыцари Ордена также представляли основную военную силу западных христиан, хотя и не отличались большим количеством. По наблюдениям ученых, немногочисленность Ордена во время его основания была главной причиной того, что первое упоминание в источниках об их военных действиях относится только к 1205 г.³ К 1218 г. Орден насчитывал около 50 рыцарей, а в 1236 г. рыцарей было не больше 120⁴. Поэтому Орден постоянно

¹ F. G. von Bunge, *Der Orden der Schwertbrüder. Dessen Stiftung, Verfassung und Auflösung*, Leipzig 1875; F. Benninghoven, *Der Orden der Schwertbrüder. Fratres milicie Christi de Livonia*, Köln-Graz 1965; А. А. Конопленко, *Орден меченосцев в политической истории Ливонии*, автореферат диссертации, Саратов 2005; М. А. Бредис, Е. А. Тянина, *Орден меченосцев против Руси. Первый германский поход на Восток*, Москва 2013.

² M. Hellmann, *Der deutsche Orden im politische Gefüge Altlivlands*, „Zeitschrift für Ostforschung“, 40, 1991, 4, s. 481–499; F. Benninghoven, *Zur Rolle des Schwertbrüderorden und Deutsche Orden im politische Gefüge Alt-Livlands*, „Zeitschrift für Ostforschung“, 41, 1992, 2, s. 161–185; А. А. Конопленко, *К вопросу о причинах слияния Тевтонского ордена и Ордена меченосцев*, [in:] *Военно-исторические исследования в Поволжье: сборник научных трудов*, Вып. 7, Саратов 2006, с. 144–153.

³ А. А. Конопленко, *Роль Ордена меченосцев в завоевании Ливонии*, [in:] *Военно-исторические исследования в Поволжье*, Вып. 6, Саратов 2005, с. 11.

⁴ A. V. Murray, *The Sword Brothers at War: Observations on the Military Activity of the Knighthood of Christ in the Conquest of Livonia and Estonia (1203–1227)*, „Ordines Militares. Yearbook for

нуждался не только в наборе новых братьев-рыцарей, но и в поддержке крестоносцев из Западной Европы, а именно из Германии⁵. Тем не менее, несмотря на малочисленность Ордена, рыцари принимали участие во всех важнейших военных событиях и походах. Можно даже сказать, что меченосцы являлись главной организационной силой, поскольку они находились в Ливонии круглогодично, им были хорошо известны природные условия страны и они постоянно получали боевой опыт в сражениях с балтийскими и финно-угорскими племенами, а также с русскими⁶.

До 1236 г. меченосцы добились больших успехов в завоевании Ливонии. На протяжении более тридцати лет рыцари захватили территорию по нижнему течению Западной Двины (лат. Даугавы), северную Латвию, почти всю Эстонию, включая острова Эзел (эст. Сааремаа), а с конца 20-х гг. XIII века начали наступление в западном и юго-западном направлении. Постепенно были покорены ливы, летты (латгалы), эсты, семигалы, селы и курши. Опаснейшим врагом из балтийских племен являлись литовцы. Еще одним соперником для меченосцев стали русские князья, которые совершали военные походы в Восточную Прибалтику с конца X века. В исследуемый период Ливония стала объектом экспансии князей Полоцка, Новгорода и Пскова⁷.

Основным нарративным источником, описывающим события в Прибалтике в первой трети XIII века, является *Хроника Ливонии* Генриха Латвийского⁸. По мнению большинства ученых, она была составлена в 1225–1227 гг.

---

the Study of the Military Orders”, 18, 2013, p. 30; F. Benninghoven, *Der Orden der Schwertbrüder*, s. 406–408.

⁵ F. Benninghoven, *Der Orden der Schwertbrüder*, s. 401; А. А. Конопленко, *Роль Ордена меченовцев в завоевании Ливонии*, с. 9.

⁶ F. Benninghoven, *Zur Technik spätmittelalterlicher Feldzüge im Ostbaltikum*, „Zeitschrift für Ostforschung”, 19, 1970, 4, s. 634–640.

⁷ W. Sawicki, *Książęta ruscy na kartach Kroniki Henryka Łotysza*, [in:] *Rurikids in dynastic relations: politics, customs, culture, religion (10th–16th c.). Publication after 4th International Conference, Mogilno, 14–16th November, 2013*, red. V. Nagirnyy, Krakow 2014, s. 176–184 [Серия: *Colloquia Russica. Series I*, vol. 4]; Л. А. Арбузов, *Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии*, Москва 2009, с. 18–39 (перевод с третьего немецкого издания 1908 г.); А. Selart, *Livland und die Rus' im 13. Jahrhundert*, Köln, Weimar–Wien 2007; В. И. Матузова, Е. Л. Назарова, *Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. Тексты, перевод, комментарий*, Москва 2002; M. Hellmann, *Das Lettenland im Mittelalter. Studien zur ostbaltischen Frühzeit und lettischen Stammesgeschichte, insbesondere Lettgallens*, Münster–Köln 1954.

⁸ *Henrici Chronicon Livoniae*, editio altera, recognoverunt L. Arbusow et A. Bauer, [in:] *Scriptores rerum Livonicarum in iusum scholium ex Monumenta Germaniae Historica* [далее: *HCL*], Hannoverae 1955.

по инициативе папского легата Вильгельма из Модены, который в то время побывал в Ливонии⁹. *Хроника* охватывает период 1184–1227 гг. События изложены в хронологическом порядке: хронист представляет деятельность первых ливонских епископов, подвиги миссионеров и крестоносцев в Восточной Прибалтике, сопротивление местного населения, сражения с датчанами в Эстонии. В настоящей работе мы обратим свое внимание, прежде всего, на описанный в *Хронике* исход военных сражений меченосцев с русскими войсками.

Ученые, исследовавшие *Хронику Ливонии*, отмечали то обстоятельство, что Генрих Латвийский живо интересовался военными сражениями крестоносцев с прибалтийскими племенами и русскими. Хотя хронист занимал сан священника, он многократно довольно подробно писал о ходе военных событий на земле и на море, обращал внимание на поведение бойцов сражающихся отрядов, старался описать применение некоторых видов оружия. Ценность его хроники заключается также в том, что некоторые сражения хронист показал с точки зрения их прямого участника. Таким образом, *Хроника Ливонии* является важнейшим источником по истории военного искусства на территории Восточной Прибалтики в первой трети XIII века¹⁰.

Генрих Латвийский обращал внимание на численность сражающихся отрядов. Например, он отметил, что в 1212 г. новгородцы собрали 15 тысяч воинов, а в 1221 г. русские совершили поход в Ливонию в силе 12 тысяч бой-

⁹ P. Johansen, *Die Chronik als Biographie. Heinrich von Lettlands Lebensgang und Weltanschauung*, „Jahrbücher für Geschichte Osteuropas“, 1, 1953, 1, s. 3; N. Angermann, *Die mittelalterlicher Chronistik*, [in:] *Geschichte der deutschbaltischen Geschichtsschreibung*, hrsg. G. von Rauch, Köln–Wien 1986, s. 7; J. A. Brundage, *Henry of Livonia, The Writer and His Chronicle*, [in:] *Crusading and chronicle writing on the medieval Baltic Frontier: a companion to the Chronicle of Henry of Livonia*, red. M. Tamm, L. Kaljundi, C. S. Jensen, Farnham–Burlington 2011, p. 7. Польская ученыя М. Гасовская высказала мнение, что Генрих Латвийский начал писать свою хронику либо после подавления востания эстов (1223), либо после взятия крестоносцами города Дорпат (1224). M. Gąssowska, *Kronika Heinricha von Lettland o podboju i chrystianizacji Inflant*, [in:] *Causa creandi. O pragmatyce źródła historycznego*, red. S. Rosika, P. Wiszewski, Wrocław 2005, s. 127–128.

¹⁰ P. Johansen, *Die Chronik als Biographie*, s. 8; S. Turnbull, *Crossbows or Catapults? The Identifikation of Siege Weaponry and Techniques in the Chronicle of Henry of Livonia*, [in:] *The Clash of Cultures on the Medieval Baltic Frontier*, red. A. V. Murray, A. Huijbers, E. Wawrzyniak, Farnham–Burlington 2009, p. 307–320; K. V. Jensen, *Bigger and Better: Arms Race and Change in War Technology in the Baltic in the Early Thirteenth Century*, [in:] *Crusading and Chronicle Writing*, p. 245–264; A. Mäesalu, *Mechanical Artillery and Warfare in the Chronicle of Henry of Livonia*, [in:] *Crusading and Chronicle Writing*, p. 265–290.

цов¹¹. Под 1217 г. хроника сообщает, что эсты собрали 6 тысяч человек и ожидали прибытия большого русского войска. Против них выступили „до трех тысяч отборных воинов” братьев-рыцарей, крестоносцев, ливов и лэттов¹². Автор также обратил внимание, что число сражающихся крестоносцев всегда было намного меньшим. Так, в 1206 г. замок Холм перед войском полоцкого князя Владимира защищали всего 20 немцев¹³. В 1218 г. только 200 немцев противостояло всей армии новгородцев, которую хронист называл очень многочисленной¹⁴.

Количество сражающихся, названное в хронике, нельзя считать полностью достоверным, а в случае с русскими можно говорить даже о преувеличении. Но в общем можно высказать мнение, что перевес в числе воинов был однозначно в пользу русских. Можно ли в таком случае считать многочисленность русских войск их преимуществом? Этот вопрос выдвинул Ф. Беннинггофен. По мнению немецкого ученого, парадоксально, но многочисленность русских войск пошла на пользу крестоносцам, так как большое войско напрямую зависело от дорог или бездорожья, скорости передвижения на больших расстояниях, запасов пищи и т. п. Соответственно, в отличие от рыцарей, было мало мобильным¹⁵.

Генрих Латвийский также неоднократно пишет о разных видах оружия использованных во время стычек. В хронике можно найти информацию о мечях, копьях, дубинах, луках, баллистах, метательных машинах, осадных башнях, щитах, шлемах, доспехах рыцарей и их лошадей. Особым видом оружия являлись мелкие железные трезубые гвозди, которыми наносили повреждения ногам лошадей и упавшим всадникам¹⁶. Большинство сообщений о применении этого оружия касается военных сражений, но *Хроника* также отмечает его в качестве добычи или ритуального средства для заключения перемирия или объявления войны¹⁷.

Особое внимание хронист уделил определенным видам оружия – само-

¹¹ *HCL*, XV, 8, p. 98; XXV, 3, p. 182.

¹² *Ibidem*, XXI, 2, p. 142.

¹³ *Ibidem*, X, 12, p. 42. В этом сражении замок защищали также ливы, но хронист писал о них как о ненадежных союзниках немцев.

¹⁴ *Ibidem*, XXII, 3, p. 149.

¹⁵ F. Benninghoven, *Der Orden der Schwertbrüder*, s. 139–140.

¹⁶ *HCL*, X, 12, p. 42. Когда разведчики ливов сообщили о железных гвоздях на дороге к Риге полоцкому князю Владимиру, он испугался, не решился подступать к городу и велел вернуться в свое княжество.

¹⁷ *Ibidem*, II, 5, p. 10.

стрелам (баллистам) и метательным машинам (патерэллам). В источнике на первое место выдвигаются способности стрелков из баллист, умевших нанести серьезные потери ливам, у которых не было доспехов¹⁸. Генрих Латвийский отмечал, что и русские ощутили силу этого оружия. Например, в течение семнадцатидневной осады Оденпе баллистарии епископа и братьев-рыцарей смогли нанести осаждающим русским и эстам большой вред¹⁹. Во время осады замка Феллин в 1223 г. орденские стрелки на валах перебили или ранили много знатных людей новгородского князя. Хронист отметил, что именно баллистарии заставили военачальника новгородцев снять осаду и отступить от замка²⁰. Это очень важное сообщение, доказывающее опасность самострелов даже для русских, которые, как можно полагать, были хорошо защищены.

В *Хронике* отмечено также употребление во время осадных боев метательных машин. Можно предполагать, что крестоносцы применяли несколько их типов, которые строили в месте осады, чтобы облегчить и ускорить передвижение к месту сражения²¹. Хронист обратил внимание, что, в отличие от крестоносцев, русские не применяли баллисты и метательные машины. Так, во время осады замка Холм в первую очередь отличились русские лучники, способности которых Генрих Латвийский высоко оценил. В том же самом сражении русские впервые попытались использовать „небольшую метательную машину, по образцу тевтонских”, но эта попытка закончилась неудачей, так как русские не знали „искусства метать камни” и ранили много своих бойцов²². Под 1223 г. хронист сообщает, что русские после четырех недель осады Линданисе (Ревель, Таллин) сняли ее, хотя и осаждали замок „по немецкому обычаю”²³. Под названием „немецкий обычай” можно предполагать применение самострелов и метательных машин.

На основании информации ливонского источника создается впечатление, что русские до прихода крестоносцев не знали баллист, арбалетов и метательных машин. Известно преобладание лука в Древней Руси, что было обусловлено тактикой конных сражений, но применение самострела рус-

¹⁸ Ibidem, X, 8, p. 38.

¹⁹ Ibidem, XX, 7, p. 139–140.

²⁰ Ibidem, XXII, 5, p. 151.

²¹ A. Mäesalu, *Mechanical Artillery*, p. 265–270.

²² HCL, X, 12, p. 42.

²³ Ibidem, XXVII, 3, p. 197.

ские источники фиксируют уже в половине XII века²⁴. Что касается первых попыток использования метательных машин то они имели место еще во время русско-византийской войны 968–971 гг. Достоверные случаи применения метательных машин относятся также к середине XII века²⁵. Таким образом можно утверждать, что русские знали эти виды оружия, но в первых столкновениях с меченосцами применяли их редко. Генрих Латвийский пишет также, что в следующие годы русские чаще использовали самострелы и метательные машины, которые захватили у немцев. Ярким примером этого была осада Дерпта.

Осада Дерпта в августе 1224 г. стала самым масштабным сражением меченосцев с русскими, описанным Генрихом Латвийским. Это событие имело свою предисторию. В 1222 г. эсты подняли восстание и взяли замки Феллин и Дерпт. В качестве союзников эстов выступили русские из Пскова и Новгорода. Новгородцы, после взятия Дерпта, послали на помощь эстам князя Вячка во главе двухсот бойцов²⁶. Братья-рыцари и все немцы в захваченных замках были либо перебиты, либо попали в плен²⁷. Эсты и русские захватили большую добычу, в том числе лошадей, баллисты и патерэлли, и, по словам хрониста, „учили друг друга пользоваться ими”²⁸. Вскоре после этого, меченосцы начали осаду Дерпта, длившуюся несколько дней, в которой сражающиеся применили почти все виды осадного и оборонительного оружия. Крестоносцы наполнили ров, начали вести подкоп, построили осадную башню и метательные машины, метали в замок камни, железо с огнем и огненные горшки. Эсты и русские направили против крестоносцев своих лучников и баллистариев, обстреливали рыцарей и их лагерь метательными машинами и патерэллами, выпускали кольца с огнем, чтобы поджечь осадную башню крестоносцев²⁹. Эти сражения проходили днем, а ночью обе

²⁴ А. Н. Кирпичников, *Военное дело на Руси в XIII–XV вв.*, Ленинград 1976, с. 67; В. А. Волков, В. Е. Воронин, В. В. Горский, *Военная история России с древнейших времен до конца XIX века. Учебное пособие*, Москва 2012, с. 30.

²⁵ А. Н. Кирпичников, *Военное дело на Руси*, с. 72.

²⁶ *HCL*, XXVII, 5, p. 197–198.

²⁷ *Ibidem*, XXVIII, 3, p. 201.

²⁸ *Ibidem*, XXVI, 8, p. 191. Генрих Латвийский сообщает, как эсты научили друг друга строить и применять осадные машины. С применением патерэлла они познакомились у Варболэ (у современной деревни Варбьяла, Эстония) от датчан. Варбольцы свои знания передали эстам из острова Эсель, а те, подняв восстание против христиан, учили применять осадные машины жителей Саккалы. *Ibidem*, XXVI, 3–5, p. 188–190.

²⁹ *Ibidem*, XXVIII, 5–6, p. 202–205.

армии продолжали вести борьбу другими средствами, которые, по современной терминологии, можно назвать психологической войной. По словам хрониста, ночью, когда бой прекращался, ливы и летты били своими мечами о щиты, немцы ударяли в литавры, играли на дудках и других музыкальных инструментах. Из замка подобным образом отвечали русские. Все кричали, так что от крика никто не мог отдохнуть³⁰. В этом случае музыка и крики выступали в качестве специфических средств боя, которые должны были напугать врага и постоянно держать его в напряженном состоянии, а собственных бойцов утверждать в мужестве³¹.

Отмеченные музыкальные инструменты использовались также в полевых сражениях в качестве средств командования армией во время наступления на врага или отступления. В 1218 г. новгородский князь Всеволод Мстиславович и псковский князь Владимир использовали бубны и дудки, чтобы перегруппировать отступившее перед крестоносцами войско³². Таким образом, применение музыкальных инструментов характерно для христианских войск, хотя некоторые ученые полагают, что русские в этом случае подражали немцам³³. На наш взгляд, это мнение не совсем обоснованное, так как применение музыкальных инструментов в войсках на Руси известно со второй половины XII века³⁴.

Орденские рыцари многократно сражались с новгородскими, псковскими и полоцкими войсками на протяжении более тридцати лет. Парадоксально, но в самом конце существования Ордена меченосцев русские из Пскова стали военными союзниками Ордена. В 1236 г. меченосцы совершили поход в Западную Литву. В нем принял участие и псковский отряд в количестве двухсот человек. Поход закончился полным разгромом орденского войска литовцами – погиб магистр ордена Волквин и все рыцари, большие потери понесли и псковичи. По словам *Новгородской первой летописи*, из псковичей вернулся только каждый десятый³⁵.

³⁰ Ibidem, XXVIII, 5, p. 203.

³¹ K. V. Jensen, *Bigger and Better*, s. 260–261.

³² HCL, XXII, 3, p. 149.

³³ A. V. Murray, *Music and Cultural Conflict in the Christianization of Livonia, 1190–1290*, [in:] *The Clash of Cultures*, p. 303–304.

³⁴ В. А. Волков, В. Е. Воронин, В. В. Горский, *Военная история России*, с. 31.

³⁵ *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*, ред. А. А. Насонов, Москва–Ленинград 1950, с. 285.

Почему псковичи выступали в этом роковом походе в качестве союзников Ордена? *Новгородская первая летопись* сообщает, что главной целью их похода была „безбожная Литва”³⁶. Так как литовцы являлись опаснейшим врагом и меченосцев, и русских, союзничество псковичей и ливонских рыцарей представляется естественным оборонительным шагом. Более того, к заключению такого союза Псков подталкивала и сложившаяся к концу 20-х гг. XIII века напряженная ситуация в отношениях с Новгородом. Результатом этого было заключение псковичами мирного договора с Ригой и совместный с крестоносцами поход против литовцев³⁷. В научной литературе поведение псковичей считается ярким примером стремления Пскова к независимости от Новгорода, что нашло свое выражение в заключении союза с Орденом³⁸.

Таким образом, *Хроника Ливонии* сохранила важные сведения о сражениях меченосцев с русскими из Новгорода, Пскова и Полоцка. С военной точки зрения русские войска в оценке Генриха Латвийского никак не уступали в боевых способностях меченосцам. Хотя в первых сражениях русские либо вообще не применяли метательные машины и самострелы, либо применение их было очень редким и неудачным, но постепенно они научились искусно пользоваться ими. Позднейшее употребление метательных машин и самострелов русскими в Прибалтике можно объяснить тем обстоятельством, что до прихода западных крестоносцев они сражались с прибалтийскими племенами, которые подобных орудий не знали. Но, как только в Прибалтику прибыли крестоносцы и был создан Орден меченосцев, русские воины начали приспособляться к военному искусству западных войск. С того времени они стали самыми опасными врагами меченосцев.

Что касается союзничества меченосцев и псковичей, то оно вытекало из политической обстановки в Северо-Западной Руси. Отличия в ливонской политике по отношению к Новгороду и Пскову с конца 20-х гг. XIII века и стремление последнего к независимости от Новгорода привели псковичей к заключению мира с Ригой. Хотя этот мир и военный союз являлись лишь временными, они были важны как для меченосцев, так и для псковичей, поскольку были направлены против совместного врага – литовцев.

³⁶ Ibidem, с. 285.

³⁷ *Псковская 3-я летопись, Псковские летописи. Строевский список*, ред. А. А. Насонов, Москва 1980, с. 79.

³⁸ А. В. Валеров, *Новгород и Псков: очерки политической истории Северо-Западной Руси XI–XIV веков*, Санкт-Петербург 2004, с. 160–170.

Pavel Smrž, *Wars of knights with forces of Rus' in the Chronicles of Henry of Livonia*

The article deals with military clashes between the Western crusaders and Novgorod, Pskov and Polotsk in Livonia in the early 13th century. The main attention is focused on the fights that involved members of the Brothers of Sword, not a numerous, but a well organized and continuously operating part of the crusader armies in Livonia. Struggles recorded in the *Chronicles of Henry of Livonia* document the clash of the martial art of crusaders and troops of Rus' on the other side. Beside the fact that for the most of the period it were the troops of Rus' who were the main enemy of the crusaders and the order – it were the Brothers of Swords that entered the alliance with Pskov against a common enemy – the Lithuanians. The fatal defeat in 1236 led not just to the termination of the alliance, but also to the fall of the Brothers of Sword.

Pavel Smrž, *Vojenské konflikty Rádu mečových bratov s ruskými vojskami podľa Livónskej kroniky Henricha Lotyšského*

Táto práca sa venuje analýze vojenskej konfrontácie livónskych rytierov so pskovskými, polockými a novgorodskými vojskami na území Livónska na začiatku 13. storočia. Osobitnú pozornosť venuje bitkám, popísaným v *Livónskej kronike* Henricha Lotyšského, ktorá obsahuje mnoho živých opisov stretov livónskych rytierov s ruskými oddielmi. Autor zdôrazňuje, že napriek tomu, že na počiatku 13. storočia boli Rusi nebezpečnými nepriateľmi livónskych rytierov, tí nakoniec uzavreli vojenské spojenectvo so Pskovom, ktoré bolo namierené proti ich spoločnému nepriateľovi – Litovcom. Osudná porážka rytierov a Rusov v bitke pri Saule v roku 1236 znamenala nie len koniec tohto spojenectva, ale aj ukončenie existencie samotného Rádu mečových bratov.

Wojciech Sawicki
(Bydgoszcz)

The Ruthenian Issue in the Context of the Baltic Crusades in *Chronicon Livoniae* by Hermann von Wartberge and *Livländische Reimchronik*

At the turn of the 12th and 13th century, during the so-called Northern Crusades, efforts were initiated that aimed at subduing the south-eastern coast of the Baltic Sea under the influence of Western Europe. The missions undertaken by consecutive bishops of Livonia were a harbinger of the future German expansion on both religious and political level. This issue is inseparable from the foundation and activities of chivalric orders in medieval Livonia. Since 1202, they played an important role as a military support of the Catholics in their constant struggles with pagans and Orthodox Ruthenians. Even the battle of Saule of 1236, which was disastrous for the order, did not stop its activity. The surviving Fratres Militiae Christi merged with the Teutonic Knights, creating a structure that was, to a certain extent, independent. Church leaders, whose power over dioceses was not limited exclusively to a religious control, played also a prominent role in the medieval history of the south-eastern coast of the Baltic Sea. Compared to the uniting German forces, the divided Rus' was not perceived as a uniform power; however, its impact on the history of the Baltic Crusades was clear. Chronicon Livoniae and Livländische Reimchronik contain many records regarding the Ruthenians living in the areas that bordered with the lands ruled by the crusaders. The former ones are portrayed pri-

marily as enemies of the Catholics, a sort of an obstacle on the way to Christianization and strengthening the power over the pagan territories.

In this article, I aim to continue analysing medieval sources related to Livonia in the context of its relations with Ruthenia¹. In my opinion, *Heinrici Chronicon Livoniae*² is the most accurate and comprehensive source in terms of the topic that interests me. A kind of a disadvantage is a relatively short period that is described by this chronicle (1184–1227). Therefore, this time, I would like to focus on two works created by a Livonian branch of the Teutonic Order, which cover a much wider chronological range. These are *Chronicon Livoniae* by Hermann von Wartberge³ and anonymous *Livländische Reimchronik*⁴. The two differ in style and time of origin, but are similar in terms of motivation its authors probably had, which was more specifically to write down the history of the Livonian Crusade from the point of view and probably also for purposes of religious brothers.

Livländische Reimchronik was written in the 1490s, and it is likely that its passages were read to brethren during meals⁵. Jerry C. Smith and William L. Urban have been looking for hints related to a biography of the author. It can be stated that he was a German and belonged to the Teutonic Knights. These are actually the only certain findings connected with chronicler's origin. On the basis of a more or less far-reaching speculation (arising from the content of the work), one can deduce further details, such as the time of author's arrival at Livonia, or one can even attempt to identify him⁶. This is not, however, the aim of this article and the information presented above will suffice for its purpose.

¹ W. Sawicki, *Księżęta rusczy na kartach Kroniki Henryka Łotysza*, [in:] *Rurikids in dynastic relations: politics, customs, culture, religion 10th–16th c. Publication after 4th International Conference, Mogilno, 14–16th November 2013*, ed. V. Nagirnyy, Krakow 2014, p. 176–184 [Seria: *Colloquia Russica. Series I*, vol.4].

² Henricus de Lettis, *Heinrici Chronicon Livoniae* [hereinafter: *HCL*], [in:] *Monumenta Germaniae Historica. Scriptore Rerum Germanicarum*, ed. L. Arbusow, A. Bauer, Hanover 1955.

³ Hermann de Wartberge, *Chronicon Livoniae* [hereinafter *ChL*], ed. E. Strehlke, Leipzig 1863.

⁴ *Livländische Reimchronik* [hereinafter: *LR*], ed. F. Pfeiffer, Stuttgart 1844. In this article, the author of the chronicle will be hereinafter referred to as an anonymous author. I used the Stuttgart edition of Franz Pfeiffer, but it is worth noting at this point that there is also another significant edition of the source prepared by Leo Meyer. See: *Livländische Reimchronik*, ed. L. Mayer, Paderborn 1876.

⁵ J. C. Smith, W. L. Urban, *Foreword*, [in:] *The Livonian Rhymed Chronicle: Translated with the Historical Introduction, Maps and Appendices*, trans. J. C. Smith, W. L. Urban, London 1997, p. XXI.

⁶ *Ibidem*, p. XXII–XXIII.

There are numerous discrepancies between the facts presented in *Heinrici Chronicon Livoniae* and *Livländische Reimchronik*. When juxtaposed, a more reliable is the former one since it describes events of the consecutive years more accurately. In the case of the latter, in addition to obvious errors caused by the author's inability to verify the information, one should pay attention to religious propaganda, when some less glorious episodes in the history of the congregation were supposed to be presented in a better light. Exactly the same can be observed in the writing of Henry of Livonia as far as activities of the church dignitaries, in particular the Bishops of Riga, were concerned.

In the case of *Chronicon Livoniae*, the author is identified as the above mentioned Hermann von Wartberge⁷. Creating his magnum opus in the second half of the 14th century, he had access to the two previous chronicles and had personally participated in some of the events he described. In this case, the narrative ends in 1378. Unlike the author of *Livländische Reimchronik*, who wrote his work in High German, Hermann von Wartberge used the lingua franca of that time – Latin. It should be also added that the latter is far more laconic in writing as well as in assessing the presented events – both in comparison with Henry of Livonia and the anonymous author of *Livländische Reimchronik*. The latter chronicle is full of digressions, author's own thoughts, and it also contains a very large number of monologues or even dialogues that the author had with individual historical figures. In addition, the chronicler, like Henry of Latvia, seems to be fascinated by descriptions of battles, sieges, whole campaigns – generally with anything that could be labeled as the art of war.

It is essential, even if only briefly, to outline the history of the Baltic Crusades in the context of evangelizing and conquering expeditions on the territory of the present day Latvia and Estonia. As the first steps, the campaigns in the 1380s are to be considered⁸ as these had encouraged missions of the successive Livonian bishops. The first half-century of the German colonization of the area is described

---

⁷ A. Selart, *Use and Uselessness of the Chronicle of Henry of Livonia in the Middle Ages*, [in:] *Crusading and Chronicle Writing on the Medieval Baltic Frontier: A Companion to the Chronicle of Henry of Livonia*, ed. M. Tamm, L. Kajlundi, C. S. Jensen, Farnham 2011, p. 350–351.

⁸ Earlier Swedish Cistercian missions are also indicated, but they did not play a significant role in the history of Livonia. M. Biskup, *Władztwa terytorialne w średniowiecznych Inflantach i ich granice*, [in:] *Zakon Krzyżacki w Prusach i Inflantach. Podziały administracyjne i kościelne w XIII–XVI wieku*, red. R. Czaja, A. Radziwiński, Toruń 2013, p. 154. For Cistercian activities in the Livonian Crusade in a broader perspective, see T. Manteuffel, *Papiestwo i Cystersi ze szczególnych uwzględnieniem ich roli w Polsce na przełomie XII i XIII wieku*, Warszawa 1955, p. 87–106.

in a great detail by *The Livonian Chronicle of Henry*. Herein, we can learn how efforts to extend territorial boundaries of the Western Christianity proceeded in the Daugava basin and how the consolidation of power gained by the Catholics went on. The Latvian, Estonian and Finnish tribes were pushed aside as they were considered an important factor, but not acknowledged as potential suzerains of these areas. The actual conflict took place between the main participants (apart from the Germans), the Danes and the Ruthenians. Thus, I underline my statement once again that the latter played a very important role in the history of Livonia⁹, but usually remained somewhat lagging behind in comparison with their Western opponents. It refers both to the tactics of fighting¹⁰, as well as to their approach to (usually temporarily) occupied areas, where people were evangelized according to the Eastern Orthodox rite, which could have resulted in a permanent binding of those areas to Rus'¹¹. In *The Livonian Chronicle of Henry*, the latter are portrayed as the habitat of evil¹², or simply as a threat to the Christianizing mission, which was, however, successfully repulsed by the German pilgrims.

It seems that the views of Henry of Livonia were mainly shaped by his faithful service to the Bishop Albert, for whom the chronicle was supposed to be a kind of panegyric¹³.

So how does the approach to the Ruthenian issue change in the later sources? In my opinion, quite different views of their authors on their Orthodox Christian brothers are to be found in these works. In *Livländische Reimchronik*, the chro-

⁹ W. Sawicki, *Księżęta ruscy*, p. 183.

¹⁰ S. Turnbull, *Crossbows or Catapults? The Identification of Siege Weaponry and Techniques in the Chronicle of Henry of Livonia*, [in:] *The Clash of Cultures on the Medieval Baltic Frontier*, ed. A. V. Murray, Farnham 2009, p. 307–320.

¹¹ W. Sawicki, *Księżęta ruscy*, p. 178–179. See also T. K. Nielsen, *Sterile Monsters? Russians and the Orthodox Church in the Chronicle of Henry of Livonia*, [in:] *The Clash of Cultures*, p. 241. W. B. Wilinbachow points to a similar issue. However, one cannot agree with the historian's statement that „the Ruthenian dukes with the same zeal [as the Crusaders – W.S.] tried to convert the Baltic tribes to the Orthodox Christianity”. I believe it was the episodic nature of Ruthenian actions that could have been one of the main reasons for the Germans to have taken the initiative. W. B. Wilinbachow, *Ruś a niemiecki podbój Inflant (część I)*, „Zapiski Historyczne” 36, 1971, 4, p. 18–19, 20.

¹² *HCL*, p. 69–70. See: W. Sawicki, *Księżęta ruscy*, p. 179.

¹³ On the reasons for writing down *Heinrici Chronicon Livoniae*: J. Brundage, *Introduction: Henry of Livonia, The Writer and His Chronicle*, [in:] *Crusading and Chronicle Writing on the Medieval Baltic Frontier: A Companion to the Chronicle of Henry of Livonia*, ed. M. Tamm, L. Kajlundi, C. S. Jensen, Farnham 2011, p. 7.

nicler mentions them together with the pagans¹⁴, which Henry of Livonia also occasionally does¹⁵. However, in those paragraphs concerning the Ruthenians, Henry rather focused on showing the superiority of the German army, which was characterized by unwavering morals. The anonymous author goes a step further and explicitly accuses the Orthodox Christians of the willingness to stop the progress of Christianization¹⁶. The fact is that an attitude of the Ruthenians, previously uninterested in evangelizing Livonian inhabitants, encouraged such an interpretation. One should not, however, seek any hidden intentions related to their actions. Naturally, the author had obvious purposes to describe the Orthodox Christians in this particular way. On the other hand, this does not change the fact that their actions had a strictly political meaning and were undertaken to halt the progress of the Crusaders and not of the Christian faith as such.

At this point, we should briefly refer to the administrative and political situation in the Livonian areas dominated by the Catholics. Here, a progressive change in the balance of power as well as a shift of from purely ecclesiastical structures to the Teutonic ones can be seen. At the end of the twelfth and in the first half of the 13th century, it was the clergy – the Livonian bishops, including the Bishop of Riga – that possessed a decisive influence on the course of the Crusades in these areas. In *Livländische Reimchronik* and in *Chronicon Livoniae* by Hermann von Wartberge, with the progress of the narrative, this domination is clearly directed to the Order of Brothers of the German House of Saint Mary in Jerusalem, which is reflected in a description of events, in which the latter is de facto a coordinator of the German actions. Apart from the obvious intentions of the authors, aiming, inter alia, at highlighting the merits and emphasizing the prestige of masters of the realm, it should be noted that the latter appear as exponents of the Livonian Catholic policy. This is manifested, for instance, by the fact that it was the Teutonic Knights that united both secular vassals¹⁷ and the bishopric armies under their banner. One cannot also fail to mention the change in the way of campaigning. At the beginning of the Crusade, Albert von Buxhövdén had to rely on levies of new forces from the territories of the Holy Roman Empire¹⁸, which

---

¹⁴ LR, p. 5. It is the first mention of Ruthenes in the source, in the context different from a clarification of the geographical location of Livonia.

¹⁵ HCL, p. 144. See also: J. Brundage, *Introduction*, p. 9–10. and W. Sawicki, *Księżęta ruscy*, p. 177.

¹⁶ LR, p. 8, 42–43.

¹⁷ Ibidem, p. 224.

¹⁸ Only during the first decade of his tenure as a bishop, Albert of Riga had set off to the Empire five times for this reason. HCL, p. 14–16, 18, 23, 29, 41, 48, 58, 66.

were recruited almost on a yearly basis. Along with the progress of the Crusaders, this practice was gradually substituted by calling the Livonian Commandry¹⁹ to participate in a military campaign, and if necessary, also the abovementioned entities that did not belong to the Order as such.

Both chronicles that are subjects to this analysis, mention a destruction of Kokenhusen and Gerzika as a first event that reflected relations between Rus' and German colonizers²⁰. Interestingly, both authors had skipped any previous relations between the Crusaders and their eastern neighbour. For instance, Henry of Livonia knew there had been a necessity to obtain a permission from Prince of Polotsk, Vladimir, for Meinhard to organize Christianizing activities²¹. Nevertheless, both Hermann von Wartberge and the author of *Livländische Reimchronik* mention the seizure of the two abovementioned castles. The first, in his characteristic manner, states this fact in quite a laconic manner: „Sed Kokenhusen et Gertzeke, in quibus tunc scismatici habitabant, destruxit penitus et evertit”²². The anonymous chronicler provides a longer passage and is generous with praise of heroic conquerors, while pointing out the Ruthenian hypocrisy and their oppressive rule over the Livonians, Letts and Selonians²³. Even the number of the killed in the siege of Gerzika was given; estimated by the author at 600 people, mostly males²⁴. To some extent, it is at odds with the account of Henry of Livonia, according to whom, due to the common Christian origin, the Germans had murdered only a small number of inhabitants²⁵. If this latest version is to be accepted, also the paragraph of *Chronicon Livoniae* by Hermann von Wartberge quoted above does not necessarily have to be interpreted as a description of slaughtering the entire towns' population of „schismatics”, but more as an effective military action, which resulted in the destruction of two strong fortresses and the capture of a large number of prisoners of war²⁶. It should

¹⁹ Teutonic knights, relatively few in number, would usually join the battle together with much larger forces, composed of the subordinated local population, mainly of a Livonian and Lett origin.

²⁰ The events took place in 1208 and 1209 respectively. The date is determined on the basis of *Heinrici Chronicon Livoniae*, the two other sources do not provide exact dates. *HCL*, p. 67–67, 69–71.

²¹ *HCL*, p. 2. See also: W. Sawicki, *Książęta ruscy*, p. 178.

²² *ChL*, p. 19.

²³ The chronicler used the term „Valschen Riuzen”, which means „false/bad Ruthenes”. *LR*, p. 18.

²⁴ *Ibidem*, p. 19.

²⁵ *HCL* p. 70.

²⁶ *Livländische Reimchronik* mentions taking many prisoners of war, mainly women and children living in Gerzika. *LR* p. 19. A similar excerpt can be found in *Heinrici Chronicon Livoniae*, from

be also pointed out that Kokenhusen was taken without a fight – Prince Vetseke had left, setting the castle on fire during the evacuation as a preventive measure²⁷. When it comes to the rulers of these places – Vetseke and Vsevolod – it is necessary to mention at this point that all the *Livonian chronicles* depict them as Ruthenians, but most likely could not have even been Slavs²⁸.

The next event described chronologically by these chronicles was a military expedition of the Ruthenian army to the lands of the Bishopric of Riga. Some relevant mentions can be found in *Livländische Reimchronik*, where, however, neither a more detailed context of the event, nor its date is provided by the author²⁹. Some historians equate this campaign with the one of 1218, as presented by Henry of Livonia. If one agrees with J. C. Smith and W. L. Urban concerning a chronological placement of this event³⁰, it must be assumed that Vladimir Yaroslavovich, Duke of Pskov³¹, and at least two other dukes, including one from Novgorod, took a part in the expedition³². The anonymous author glorifies prowess of the Livonians and Letts accompanying the Germans. Simultaneously, he emphasized alleged cowardice of the Ruthenians who, led by an unnamed duke, retreated in panic from the battlefield³³.

---

which the anonymous author could have taken the information. *HCL*, p. 70. Henry of Livonia adds that the prisoners of war (including the prince's wife) were soon ransomed. *HCL*, p. 70–71.

²⁷ *HCL*, p. 57–58.

²⁸ For more information, see: D. Dąbrowski, *Genealogia Mściślawowiczów. Pierwsze pokolenia (do początków XIV w.)*, Kraków 2008, p. 525–526, 675–677. The issue is also mentioned by J. C. Smith, W. L. Urban, *The Livonian Rhymed Chronicle*, p. 10–11. J. C. Smith and W. L. Urban seem to have mistakenly merged the two rulers into one figure of Prince Vetseke. These were obviously two different people. I believe this analysis would be incomplete without discussing the above mentioned events, taking into consideration, if not the lack of the Ruthenian origin, then certainly close relations of the two rulers with the Ruthenian duchies. On their attitude to the Baltic Crusades, see: W. Sawicki, *Książęta ruscy*, p. 178–179, 181–182.

²⁹ *LR*, s. 42–44.

³⁰ The thesis is indeed probable if we assume that the strange name Ymmenkulle refers to the Teutonic fortress in Wenden (Polish Kieś).

³¹ For further information concerning Prince Vladimir, see: D. Dąbrowski, *Genealogia Mściślawowiczów*, s. 604–616.

³² *HCL* p. 149–150. The number of participating dukes is indicated by the number of flags captured by the Crusaders. See also: W. Sawicki, *Książęta ruscy*, p. 181. The Prince of Novgorod participating in the expedition was to be Vsevolod Mstislavych. W. B. Wilinbachow, *Ruś a niemiecki podbój Inflant (część II)*, „Zapiski Historyczne”, 37, 1972, 1, p. 21–22.

³³ *LR*, p. 43–44.

A momentous event, noted in both sources³⁴, was a seizure of the fortress of Izborsk by the Germans under the command of Bishop Hermann of Dorpat³⁵. The cremation of dead defenders of the stronghold is mentioned as well. The latter was situated approximately 30 km from Pskov and it was subordinated to the town. This unpleasant duty fell on the population of the town³⁶, so it cannot be surprising that they could have been shocked by the defeat demonstrating a progress of the Crusader army³⁷. *Livländische Reimchronik* accurately describes the subsequent counter-campaign of the Ruthenes of Pskov. However, these did not manage to recapture Izborsk. Moreover, they let the Teutonic troops approach the walls of their hometown and only successful peace negotiations prevented its inhabitants from the storm³⁸. *The Novgorod First Chronicle* notes the havoc that the Germans were to leave behind, having invaded the duchy³⁹. Continuing the policy of strengthening in the new conquests, the Germans founded the Koporye Fortress within the jurisdiction of Novgorod and manned it at the turn of 1240 and 1241⁴⁰. It fell into the hands of Alexander Nevsky already in 1241⁴¹. With regard to the events above, the biggest criticism of the anonymous author refers to the fact that a small garrison had been left in conquered Pskov under the command of only two Teutonic knights. Hermann von Wartberge also records the event. The sources unanimously state that the German control over Pskov did not last for long and as early as in 1241, it came to its end thanks to the help of Alexander Nevsky. The above mentioned brothers were either repelled, or might have been sent in chains to Novgorod.

These events were a prelude to one of the greatest disasters suffered by the Catholics during the Livonian Crusade. The remarkable battle on frozen Lake Peipus protected Pskov and other duchies from German expansionary plans. It is significant that the winner – Alexander Nevsky, Prince of Novgorod – is the

---

³⁴ This event and the following ones cannot be compared to *Heinrici Chronicon Livoniae*, since the narrative of the latter ends in 1227.

³⁵ *LR*, p. 57, *ChL*, p. 21. Only *Livländische Reimchronik* provides the name of the expedition commander.

³⁶ *ChL*, p. 21.

³⁷ *LR*, p. 57.

³⁸ *Ibidem*, p. 58–59.

³⁹ *Новгородская первая летопись* [hereinafter: *НПЛ*], изд. А. Н. Насонов, Москва–Ленинград 1950, p. 127–128.

⁴⁰ *ChL*, p. 22. More I. Fannesberg-Schmidt, *Papieże i krucjaty bałtyckie*, tłum. i red. K. Kompanowska, Warszawa 2009, p. 217–218.

⁴¹ I. Fannesberg-Schmidt, *Papieże i krucjaty bałtyckie*, p. 217–218.

only one of the three rulers of Rus' whose name is mentioned in *Livländische Reimchronik*. On the other hand, a lack of information about the battle in the work by Hermann von Wartberge is rather surprising. It is even more astonishing, taking into consideration that the former of these sources has a stronger „propaganda” tone, yet an account of said the aforementioned event can be found there .

The battle itself is quite well known in historiography, so I will examine its significance only in the context of these sources. Successively paring the advantage achieved by the Catholics, Alexander (referred to in *Livländische Reimchronik* as „the King of Suzdal”) entered the Teutonic lands at the beginning of 1242⁴². After minor successes of the Crusaders⁴³, the decisive battle took place on the frozen Lake Peipus on 5 April⁴⁴. The anonymous author tries to justify the outcome of the battle by frequent references to the incomparably smaller troops the Teutonic Knights and their supporter Bishop Hermann of Dorpat were able to put as compared to the Ruthenian forces⁴⁵. Also many „rischen men”⁴⁶ who had died on the battlefield are generally mentioned on the side of the Ruthenians. However, in my opinion, it is only an attempt to minimize the importance of the defeat. It does not change the fact that the defeat claimed both life of many Crusaders (including, according to the anonymous author, 20 Teutonic Knights killed and 6 captured⁴⁷) and ruined plans to continue the policy of the German Drang nach Osten⁴⁸.

Another episode the Ruthenians participated in was connected with apostasy of the Lithuanian King, Mindaugas, 10 years after his conversion to Christianity⁴⁹. On the insistence of his relative Treniota, the ruler decided to enter the lands of the Teutonic Knights⁵⁰. He tried to establish a fairly broad coalition of Order's

⁴² *HIII*, p. 129. Only description of entering the Teutonic lands, without an exact date, see: *LR*, p. 60.

⁴³ *HIII*, p. 129.

⁴⁴ *Ibidem*.a

⁴⁵ *LR*, p. 60–61.

⁴⁶ „Noble men.” *Ibidem*, p. 62.

⁴⁷ *Ibidem*, p. 61. *The Novgorod First Chronicle* estimates the number of people killed on the German side at 400 and 50 captured and taken to Novgorod. *HIII*, p. 129.

⁴⁸ It is noteworthy that some scholars deny the groundbreaking importance of this battle. Its effects were to be less significant than those of the Battle of Rakvere which took place about two decades later. W. B. Wilinbachow, *Ruś a niemiecki podbój Inflant (część II)*, p. 12–13, 20.

⁴⁹ The first Christian (in fact, only for a decade) king of Lithuania made an apostasy in 1261.

⁵⁰ In my opinion, the author of *Livländische Reimchronik* had no particular aversion to Mindaugas, which was expressed in an attempt to justify the king's betrayal by Treniota's bad influence.

enemies, consisting of the Lithuanians, Samogitians and Ruthenians. When he had received assurance of support by an unnamed duke⁵¹, Mindaugas tried to implement the plan, which was actually initiated by Treniota. But the Orthodox allies failed to turn up and the king himself, having reached the walls of Wenden, ordered a retreat⁵². However, already in the following year (1262), the Ruthenians launched a successful campaign, targeted at the episcopal see – Dorpat. They kept failing to besiege it for a longer time, yet the expedition ended in looting and burning of the town⁵³. The invading troops had retreated before reinforcements sent by the Grand Master were able to threaten them⁵⁴.

Subsequent significant events took place in 1268, when the joined Ruthenian troops under the command of Alexander Nevsky's son – Dmitry Alexandrovich – invaded the lands of Estonia, which were in the possession of the Teutonic Knights. During that time, Grand Master Otto was preoccupied with the struggle with the Lithuanians, so the command of the German army was taken over by Bishop Alexander of Dorpat who was assisted by numerous vassals⁵⁵. The Order was to be represented by 34 brethren who obviously stood to fight surrounded by significantly larger troops formed from local population⁵⁶. The two armies met near the town of Rakvere, where the decisive battle of the campaign took place on 18th February. The accounts of the two Livonian chroniclers concerning the campaign of 1268 are consistent, namely, it was to be a victory of the Catholics. However, this resulted in significant losses on their side, including the bishop himself. Hermann von Wartberge divides the battle into two decisive clashes. As a result of the second, the Ruthenians disarrayed and 5,000 of them died in the battle⁵⁷. Interestingly enough, this time the author of *Livländische Reimchronik* praises not only the attitude of his fellow brethren, but also the courage of Prince Dimitry⁵⁸. Noteworthy is also the fact that the events in the Ruthenian sources

---

One may have the impression that the chronicler is more disappointed than shocked by the Lithuanian ruler's behavior. *LR*, p. 175–178.

⁵¹ *LR*, p. 174–175. W. Wilinbachow points here at Alexander Yaroslavovich. W. B. Wilinbachow, *Ruś a niemiecki podbój Inflant (część II)*, p. 17.

⁵² *LR*, p. 175–176. See: W. B. Wilinbachow, *Ruś a niemiecki podbój Inflant (część II)*, p. 17.

⁵³ *LR*, p. 179–180; *ChL*, p. 34.

⁵⁴ *LR*, p. 180.

⁵⁵ *ChL*, p. 38; *LR*, p. 205.

⁵⁶ *LR*, p. 205.

⁵⁷ *Ibidem*, p. 205–206; *ChL*, p. 38.

⁵⁸ The chronicler refers to Alexander Nevsky's son as „helt” – „hero”. *LR*, p. 206.

are reported in a different way. This was also pointed out by the historians⁵⁹. The effect of the battle discussed above was that Grand Master Otto decided to send troops to take revenge on the Ruthenians. The counterattack organized shortly after these events could have taken place as early as in 1268. The stronghold in Izborsk was burned down and the siege of Pskov followed. However, the courage of its inhabitants (which the anonymous author himself emphasizes), adverse weather conditions and reinforcements sent from Novgorod prevented religious forces from taking over the town. The peace between the defenders and Master, who was personally present at the siege, was concluded. This was actually the last important event reported in *Livländische Reimchronik* where the Ruthenians played one of the major roles⁶⁰. But for a complete analysis, presence of the „Riuzen Schutzen” troops⁶¹ in the army of Traidenis, Grand Duke of Lithuania, who in the 1470s unsuccessfully invaded the Teutonic lands to seize Daugavgriva, cannot be omitted⁶².

The narrative of *Chronicon Livoniae* by Hermann von Wartberge becomes much more detailed as it progresses in time, which certainly can be related to the author's better knowledge of the events that happened during his lifetime. Despite this fact, the laconic presentation of events, which is characteristic for the author, prevails in the work. For instance, this is the case of an account on the Teutonic campaign against Pskov inhabitants of 1323, during which: „terram et civitatem illorum expugnando”⁶³. There is a little longer account connected with Pskov, regarding the efforts made in order to conclude a peace treaty between the city and the Archbishopric of Riga and the Order. However, negotiations were interrupted since an argument flared up during a feast. This resulted a Ruthenian attack on Dorpat, defended thanks to Teutonic reinforcements⁶⁴. Barely mentioned, however, are Master's expeditions⁶⁵ against Polotsk of 1333 and of 1334, the latter having been aided by Count de Arnsberg⁶⁶, and expedition of 1366 under the per-

---

⁵⁹ J. C. Smith, W. L. Urban, *The Livonian Rhymed Chronicle*, p. 93–94.

⁶⁰ *LR*, p. 207–210.

⁶¹ „Ruthenian archers”. *Ibidem*, p. 222.

⁶² *Ibidem*, p. 222–223.

⁶³ *ChL*, p. 52.

⁶⁴ *Ibidem*, 60–61.

⁶⁵ Reimar Hahn is probably meant at this point; he ruled in years 1328–1340. M. Biskup, *Inflanty w średniowieczu*, Toruń 2002, p. 109.

⁶⁶ *ChL*, p. 59.

sonal command of another master of the Order⁶⁷. In 1348, yet another expedition of joined Lithuanian and Ruthenian troops was noted. During the battle, 10,000 pagans and Orthodox Christians (including commanders) were killed in comparison to only 8 brethren and 42 „bonis viris” on the Catholic side⁶⁸.

Another described dispute flared up in 1367. Its background was a conflict between Pskov and the Bishop of Dorpat, regarding the rights to fish in Lake Peipus. Consequently, an expedition was organized, and it aimed directly at Pskov. The town suburbs were subsequently burned down. For nearly a week, the Teutonic army plundered the surrounding areas⁶⁹. In the same year, there was yet another expedition against the Ruthenians. They responded by attacking the fortress of Neuhausen, burning also the adjoining areas⁷⁰. Next, Hermann von Wartberge describes the consecutive Teutonic sieges of Izborsk. During the first one, Novgorod acted a mediator in the peace talks⁷¹. Only in 1369, there were five episodes, in which the main role (of aggressors or defenders) had been played by the Ruthenians⁷². A year later, the expedition of Brother Andrew de Stenberg against Pskov occurred, during which he had taken 200 prisoners of war⁷³. However, in 1371, the country master met the representatives of the Livonian church hierarchy in the Neuhausen Castle. Novgorod and Pskov envoys also attended the meeting⁷⁴. The last note on the Ruthenians in *Chronicon Livoniae* can be found in 1378. It concerns Brother Robin, who was sent by the Country Master Wilhelm (the former was probably future Master of the Livonian Order Robin von Eltz) against Orthodox Christians operating in the vicinity of the castle Mendelen⁷⁵.

A separate paragraph should be devoted to Adrei of Polotsk. He was a Ruthenian from his mother's side and the son of Algirdas, Grand Duke of Lithuania, from the paternal side. As Duke of Polotsk, he was active in the events crowning the narrative of *Chronicon Livoniae*⁷⁶. This figure appears every time in the con-

⁶⁷ Ibidem, p. 78. This time it was probably Wilhelm von Friemersheim. M. Biskup, *Inflanty w średniowieczu*, p. 109.

⁶⁸ *ChL*, p. 67–68.

⁶⁹ Ibidem, p. 81.

⁷⁰ Ibidem, p. 82.

⁷¹ Ibidem, p. 83–84.

⁷² Ibidem, p. 85–87.

⁷³ Ibidem, p. 87.

⁷⁴ Ibidem, p. 89.

⁷⁵ Ibidem, p. 107.

⁷⁶ Mentioned five times in years 1373–1376. Ibidem, p. 96–97, 99, 102–103.

text of the expeditions to Livonia, or defensive action directed against the Order. For instance, this was the case of the Daugavpils fortress siege that he led in 1373 (next year a retaliatory attack of the castle's commander on the Ruthenian lands took place)⁷⁷ and in 1375⁷⁸, the siege of the town of Rezekne (Polish Rzeżyca, 1376)⁷⁹, or a plundering expedition with his father into Livonia (1375)⁸⁰. It should be also mentioned that Andrei of Polotsk was killed during the Battle of the Vorskla River in 1399⁸¹.

Although Rus' had an impact on the political and cultural life of the late medieval Livonia, some influence decrease can be seen in comparison with other dominant forces in the region since the mid-13th century. Or at least such an impression one may have while reading the two Livonian chronicles analyzed above. However, this interpretation might be wrong. It should be emphasized that Henry of Livonia considered the Ruthenians to be one of the major opponents at the beginning of Christianization, which was expressed, inter alia, by a number and length⁸² of episodes, involving the Eastern dukes⁸³, described in his work, *Livländische Reimchronik* mentions Rus' eight times⁸⁴, every time – which is significant – in the context of military expeditions⁸⁵. There are definitely many shorter notes on the Ruthenians in *Chronicon Livoniae* by Hermann von Wartberge. Although the names of the Eastern dukes are rarely written down in these works – the collective term „Ruthenians” is most widely used – yet the latter are not marginalized and participate in events that are essential for the history of medieval Livonia. On the other hand, according to the authors of these two sources, Lithuania had become the most important force, and the relations with the latter

⁷⁷ Ibidem, p. 96.

⁷⁸ Ibidem, p. 102.

⁷⁹ Ibidem, p. 103.

⁸⁰ Ibidem, p. 99.

⁸¹ *HIII*, p. 239.

⁸² The said length must also result from the access to information the chronicler could have had. Henry of Livonia evangelized and lived in Livonia at the times when the events described in his *Chronicon* took place. Also the other sources become more detailed as their narration progresses in time.

⁸³ On the attitude of the Ruthenian dukes described in the chronicle by Henry of Livonia as to the Livonian Crusades, see: W. Sawicki, *Książęta ruscy*, p. 176–183.

⁸⁴ *LR*, p. 5, 10–11, 22–23, 29–32, 80–84, 93–94, 101.

⁸⁵ Henry of Livonia occasionally mentions more diplomatic relations between Rus' and the Bishopric of Riga at the time. One can name, for instance, the marriage of Albert von Buxhövdens's brother to Vladimir Yaroslavich's daughter in this context (*HCL*, p. 100–101, see also: W. Sawicki, *Książęta ruscy*, p. 180–181) or signing a trade agreement with Pskov. *HCL*, p. 81.

seemed to be the biggest problem for the military and diplomatic branch of the Teutonic Order in Livonia and for the local dioceses. However, the clever use of repetitive weakness of the Germans and examples of ad hoc cooperation between the Lithuanians and Ruthenians justified the latter in the eyes of the chroniclers, who were generally rather not favorably inclined towards them. The Ruthenians, if not even expanding, had at least a steady influence over the areas around Livonia. It is also worthy to note that their expansion efforts were frequently successful.

*

Wojciech Sawicki, *Otázka Rusi v kontexte pobaltských krížových výprav na základe Chronicon Livoniae Hermann von Wartberga a Livländische Reimchronik*

Na prelome 12. a 13. storočia, počas tzv. severných krížových výprav, sa začalo úsilie, ktoré smerovalo k podrobeniu juhovýchodného pobrežia Baltského mora pod vplyv západnej Európy. Misie vykonávané po sebe idúcimi biskupmi Livónska boli predzvesťou budúcej nemeckej expanzie, ako na náboženskej aj na politickej úrovni. Táto otázka je neoddeliteľná od témy založenia a činnosti rytierskych rádov v stredovekom Livónsku. Od roku 1202 hrali dôležitú úlohu ako vojenská podpora katolíkov v ich stálych bojoch s pohanmi a pravoslávnyimi Rusmi. Dokonca aj bitka pri Saule z 1236, ktorá bola pre rád katastrofálnou, nezastavila jeho činnosť. Preživší Fratres militiae Christi sa spojili s Rádom nemeckých rytierov a vytvorili tak štruktúru, ktorá bola do istej miery nezávislá. Cirkevná vrchnosť, ktorej vplyv sa neobmedzuje výlučne na náboženskú kontrolu nad diecézou, hrala tiež významnú úlohu v stredovekej histórii juhovýchodného pobrežia Baltského mora. V porovnaní so zjednotými „nemeckými“ silami, rozdelená Rus nebola vnímaná ako jednotný mocenský hráč. Avšak, jej vplyv na históriu baltických krížových výprav bola jasná. *Chronicon Livoniae* a *Livländische Reimchronik* obsahujú mnoho záznamov o Rusínoch, ktorí žijú v oblastiach, ktoré lemovali krajiny ovládané križiakmi. Sú zobrazovaní predovšetkým ako nepriatelia katolíkov a prekážka na ceste ku kristianizácii a posilneniu moci nad pohanskými územiami.

Войцех Савицкий, Русский вопрос в контексте крестовых походов в Прибалтику в освещении Ливонской хроники Генриха Вартбергского и Ливонской рифмованной хроники

На рубеже XII и XIII веков, во время так называемых северных крестовых походов, была предпринята попытка распространить влияние Западной Европы на юго-восточное побережье Балтийского моря. Организованные ливонскими епископами миссии были предвестником будущей немецкой экспансии, как в религиозном так и в политическом отношениях. Этот процес был связан с основанием и активностью рыцарских орденов в средневековой Ливонии. Начиная с 1202 г. они играли существенную роль в качестве военной помощи для католиков в их постоянных стычках с язычниками и православными русскими. Даже битва под Шауляй в 1236 г., которая окончилась полным поражением Ливонского ордена, не изменила ситуации. Уцелевшие братья *Militiae Christi* объединились с Немецким орденом, создавая полностью независимую организацию. Лидеры Католической церкви, власть которых не ограничивалась только религиозным контролем над своими епископствами, также сыграли значительную роль в средневековой истории юго-западного побережья Балтийского моря. В отличие от объединенных немецких сил, раздробленная Русь не являлась единой политической силой. Однако ее влияние на историю крестовых походов в Прибалтику было несомненным. *Хроника Ливонии* и *Ливонская рифмованная хроника* содержат много информации касающихся пограничных с Ливонией русских княжеств. Русские показаны в них главным образом как враги католиков, своего рода препятствием на пути к христианизации и укреплению власти католиков над землями язычников.

Владимир Гуцул,
(Ужгород)

Таранный бой в средневековой Руси

Статья посвящена рассмотрению проблемы бытования таранного боя на территории средневековой Руси в контексте цивилизации средневекового Запада. По мнению автора, таранный бой был не только важным боевым тактическим средством феодальной войны, но и серьезным культурным фактором, определяющим идентификацию и коммуникацию в среде военных элит средневековой Европы.

Таранный бой – в англоязычной историографии „mounted shock combat”¹ – тактико-технический прием „кавалерийской атаки, при которой всадники наносят удар копьями строго горизонтально... Отныне рука не разит, а лишь направляет копьё в сторону противника, которого нужно сразить. Зажатое под мышкой древко удерживается в фиксированном горизонтальном положении вытянутым на всю длину предплечьем правой руки ... При таком методе атаки точка равновесия копья отодвигается далеко вперед от того участка, на котором оно удерживается воином. Иначе говоря, само копьё выдвигается относительно тела всадника на три четверти своей длины, а под час и более того. И наконец, мощь наносимого копьем удара уже не зависит от силы руки, так как наносится он не рукой, а зависит прежде всего

---

¹ L. White, *Stirrup, Mounted Shock Combat, Feudalism and Chivalry, Chapter I*, [in] Idem, *Medieval Technology and Social Change*, Oxford 1962, p. 1–38; M. Keen, *Rycerstwo*, Warszawa 2014, s. 44–49.

от массы и скорости скачущей лошади... и от того насколько твердо удерживает копьё сам рыцарь и насколько устойчив он сам в своем глубоком седле”². Следует иметь в виду, что сила удара копья, взятого на перевес, прямо зависит от величины угла между направлением копья и направлением движения лошади. Уменьшение угла увеличивает силу удара, однако вместе с ней растёт риск лобового столкновения с целью. Как показывала турнирная практика, такое столкновение было фатальным для всех четырёх его участников³.

Рыцаря (*miles*) в военно-технологическом отношении можно определить как конного „доспешного” воина, как правило, благородного происхождения, специально обученного таранному бою. Комбатант, не владеющий таким приемом, рыцарем считаться не может. И напротив, на протяжении всей средневековой истории случались неоднократные примеры того, как бойцы низкого происхождения, овладевшие таранной атакой, не только шли в бой плечом к плечу с родовитыми рыцарями, но и время от времени становились таковыми посредством нобилитации.

Европейская историографическая традиция ещё с XIX века считала таранный бой важным, если не основным, фактором формирования рыцарского сословия и феодализма как такового⁴. С 1970-х гг. это мнение подвергается суровой критике со стороны американских специалистов⁵, но, несмотря на это, авторы новейших работ по истории рыцарства и военного дела придерживаются традиционного мнения о существенной роли тяжелой рыцарской конницы в военной и социальной истории средневекового Запада⁶.

Первое изображение таранной атаки встречается на памятнике второй половины XI века, так называемом гобелене из Байе, повествующем о завое-

---

² Ж. Флори, *Повседневная жизнь рыцарей в средние века*, пер. с фр. Ф. Ф. Нестерова, Москва 2006, с. 111, 113.

³ S. Anglo, *The Martial Arts of Renaissance Europe*, Yale 2000, p. 227.

⁴ H. Brunner, *Der Reiterdienst und die Anfänge des Lehnwesens*, „Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Germanistische Abteilung”, 8, 1887, s. 1–38.

⁵ B. Bachrach, *Charles Martel, Mounted Shock Combat, the Stirrup, and Feudalism*, „Studies in Medieval and Renaissance History”, 7, 1970, s. 49–75; S. Morillo, *The „Age of Cavalry” Revisited*, [in:] *The Circle of War in the Middle Ages. Essays on Medieval Military and Naval History*, ed. by D. J. Kagay and L. J. A. Villalon, Woodbridge 1999, p. 45–58.

⁶ Д. Бартелеми, *Рыцарство. От Древней Германии до Франции XII века*, Санкт-Петербург 2012, с. 6 *passim*; J. F. Verbruggen, *The role of the cavalry in medieval warfare*, „Journal of Medieval Military History”, 3, 2005, p. 46–71.

вании Англии нормандским герцогом Вильгельмом (*иллюст. 1*). Первое описание помещено в *Песне о Роланде*. Напомню: это памятники второй половины XI века – начала XII века, принадлежащие к так называемому нормандскому культурному пространству.

Прием на протяжении второй половины XI – первой половины XII века очень быстро распространился среди военных элит латинского – и не только латинского – мира. В XII века заметна мода на рыцарский способ боя в Византии и на Ближнем Востоке. Так, одно из лучших описаний таранного удара принадлежит перу сирийского эмира Усамы ибн Мункыза: „Я считаю, что всякий, кому случится биться копьями, должен прижимать руку с копьём и локоть к своему боку, предоставив коню делать то, что он захочет, во время удара. Ведь если он пошевелит рукой с копьём или вытянет ее, удар не оставит следа и даже царапины”⁷.

Иоанн Киннам живописует рыцарские подвиги Мануила Комнина на турнирах и даже возлагает на него заслугу внедрения таранного боя при византийском императорском дворе: „Главной заботой царя Мануила тотчас по вступлении его на престол было, в первую очередь, улучшение вооружения греков. Если ранее они обыкновенно защищались круглыми щитами и по большей части решали исход сражения при помощи стрел, то Мануил научил их употреблять щиты до ног, действовать длинными копьями и много внимания уделял обучению искусству верховой езды. В свободное же от войны время он много внимания уделял практической подготовке своих войск, в том числе конным сражениям. Действуя деревянными копьями, конники Мануила приучались с ловкостью владеть оружием. Вследствие этого византийские воины скоро превзошли германских и италийских копейщиков. От таких упражнений не уклонялся и сам император”⁸. Не исключено, что упомянутый выше процесс обучения византийских конников отображен на граффити конца XI – первой половины XII века с крепостной стены Плиски (*иллюст. 2*), хотя на ней могли быть изображены и европейские рыцари, поскольку в то время жеребцов для боя использовали исключительно они. Как бы там ни было, в Византии эта мода быстро прошла. Потому что уже

⁷ Усама ибн Мункыз, *Книга назиданий*, пер. с араб. М. А. Салье, Москва 1958, с. 91.

⁸ Иоанн Киннам, *Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов (1118–1180)*, пер. под ред. В. Карпова, Санкт-Петербург 1859, с. 137.

в начале XIII века ни Жоффруа Виллардуэн⁹, ни Робер де Клари¹⁰ практически не упоминают византийских всадников – более того, отмечают, что во время боев за Константинополь там, где крестоносцам удавалось развернуться в боевой порядок для копейного удара, сопротивление византийцев прекращалось¹¹.

Хотя мусульманские и христианские хронисты XII–XIII века сходятся в том, что удачная таранная рыцарская атака была кратчайшим путем к победе на поле битвы, применяли ее нечасто. Английский историк военного дела Р. Смайл еще в 50-х гг. XX в. убедительно доказал, что коллективное использование такой тактической концепции требовало незаурядной компетенции командования и дисциплины комбатантов, обстоятельства далеко не всюду позволяли ее использовать, а использование не обязательно гарантировало успех: „Подразделение рыцарей было подобно метательному снаряду в руках командующего. Направляя его против врагов, он мог ударить только один раз, успех зависел исключительно от единственной слаженной атаки, одного натиска”¹².

Приблизительная статистика изображения этого приема в титульных памятниках рыцарской культуры, таких как *Библия Мацейовского* или *Манесский кодекс*, подтверждают это мнение. Среди 103 военных сюжетов, содержащихся в миниатюрах *Библии Мацейовского*, таранный удар встречается 8 раз¹³. Среди 138 иллюстраций *Манесского кодекса* – 6 раз, из них четыре – в турнирном, а не боевом контексте¹⁴.

При всем этом не стоит умалять культурное, идентификационное значение этого приема, а его редкое использование не следует принимать за доказа-

---

⁹ Жоффруа де Виллардуэн, *Завоевание Константинополя*, пер. и коммент. М. А. Заборова, Москва 1993, с. 40, 62.

¹⁰ Робер де Клари, *Завоевание Константинополя*, пер., статья и коммент. М. А. Заборова, Москва 1986, с. 56.

¹¹ См. сноски 9–10.

¹² R. C. Smail, *Crusading Warfare 1097–1193*, second edition with a bibliographical introduction by C. Marshall, Cambridge 1995, p. 114–115.

¹³ *Old Testament Miniatures. A Medieval Picture Book with 283 Paintings From The Creation to the Story of David*, introduction and legends by S. C. Cockerell, preface by J. Plummer, New York 1969, f11r, plate 76; f16v, plate 113; f22r, plate 143; f24v, plate 155; f30v, plate 186; f34v, plate 210; f39r, plate 237; f41r, plate 250.

¹⁴ *Codex Manesse. Die Miniaturen der Großen Heidelberger Liederhandschrift*, herausgegeben und erläutert von I. F. Walther unter Mitarbeit von G. Siebert, Frankfurt am Main 1992, taf. 22, 25, 63, 65a, 72, 128.

тельство его неэффективности. Таранный бой демонстрировал, как противнику, так и потенциальному нанимателю, боевую выучку и стальные нервы бойца, он наилучшим образом подходил для столкновений между благороднорожденными военными специалистами, ориентированными на ближний бой, принадлежащими к одному культурному и социальному кругу.

Для таранного боя необходима была экипировка определенного типа. Ее хорошо видно на миниатюре XII века из *Жития св. Эдмунда* – длинная кольчуга, щит миндалевидной формы, полностью прикрывающий левый бок всадника, за полукруглым верхним выступом которого пряталось лицо в открытом шлеме. Копье тоже имело специфическую конструкцию: его длина составляла от 3 до 4,5 метров, наконечник был, как правило, граненым, бронебойным (*иллюст. 3*). Такое копье, в силу своего размера, не предназначалось для укола или броска. И это четко понимали авторы летописей, последовательно различая „сулицу” и „копие”. Так, например, князь Лев Данилович использовал в пешем поединке с ятвязским предводителем Стикентом сулицу для того, чтобы испортить противнику щит и открыть того для удара мечом: „Лвови же оубодшему соулицю свою въ щить его . и не могоущу емоу. тоулитиꙗ Левъ Стекыита мечемь . оубии”¹⁵. Однако в упоминании его конного поединка с баном Фильнием встречается копье: „w того же гордаго Филю . Львъ младъ сы . изломи копье свое”¹⁶.

Таким образом, вокруг техники таранного боя возник особенный взаимозависимый комплекс предметов вооружения и снаряжения, а также система навыков их использования. Основные составляющие этой системы можно описать в трех пунктах:

1. Адаптированный для всадника комплекс вооружения и специфические техники его использования: копье, размером и конструкцией годящееся для фиксации под мышкой и последующего нанесения удара на сравнительно безопасной от прямого столкновения дистанции; сопутствующий этой тактической концепции гарнитур, который состоял из полного доспеха и щита, а также наступательного оружия: мечей, предназначенных, главным образом для проламывающего удара, вспомогательного короткого клинкового и ударного оружия;

¹⁵ *Летопись по Ипатьевскому списку*, стб. 828.

¹⁶ *Ibidem*, стб. 804.

2. Основной тактический прием – таранный удар копьём, его наносил соответствующим образом экипированный всадник на галопе или карьере. При этом копьё он неподвижно зажимал под мышкой, вследствие чего движение коня многократно увеличивало силу удара;

3. Специально тренированный боевой конь, который служил не только и не столько как транспорт, сколько как средство увеличения, при том значительного, силы удара оружия в ближнем бою. Для эффективного использования движения коня всаднику необходима была глубокая посадка в седле с высокими луками при полностью выпрямленных в стременах ногах, а также шпоры¹⁷.

Рассмотрим древнерусский исторический материал согласно указанным пунктам.

1. Находки рыцарского вооружения на Юго-Западной Руси, каковыми были длинные кольчуги, граненые наконечники копий „броневой” типа, мечи типов X–XIIIа по классификации Еварта Окшота, многочисленны и вполне сопоставимы количественно с западными аналогами¹⁸.

В датированном первой четвертью – серединой X века погребении знатного скандинавского воина в Шестовице, кроме клинкового оружия (меч и скрамасакс), обнаружено копьё длиной более четырех метров, остатки щита, останки двух коней (один из которых жеребец-двухлетка) под седлом и стременами¹⁹. Этот комплекс, формально годящийся для таранной атаки, может свидетельствовать о достаточно ранних экспериментах в сфере конного боя, синхронных с процессами формирования тяжелой конницы, происходящими в среде франкских военных элит эпохи Каролингов²⁰.

Со второй половины XI века оружие, сопоставимое с номенклатурой гобелена из Байе обильно встречается в русском археологическом материале. Интересен откованный, но не заточенный граненый наконечник копья, найденный на Княжой Горе – что говорит о локальном производстве дета-

¹⁷ В. Гуцул, *Рицарська мілітарна технологія в Києво-Руській та Польсько-Литовській державах у XIII–XVI ст.: інструменти, концепції та практики збройної боротьби. Рукопис. Дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук за спеціальністю 07.00.02. Всесвітня історія. Національний університет „Києво-Могилянська академія”*, Київ 2011, с. 6.

¹⁸ А. Н. Кирпичников, *Древнерусское оружие*. В 3-х выпусках, вып. 1: *Мечи и сабли IX–XIII вв.*, Москва 1966, с. 83–88; R. E. Oakeshott, *The Sword in the Age of Chivalry*, Woodbridge 1994, p. 24.

¹⁹ В. Коваленко, А. Моця, Ю. Сытый, *Новейшие скандинавские погребения, найденные в Шестовице*, [in:] *Скандинавские древности Южной Руси. Каталог*, Париж 2012, с. 321–350.

²⁰ Д. Бартелеми, *Рыцарство*, с. 73–118.

лей рыцарского вооружения. Чему не существовало альтернативы – копье для рыцаря было расходным материалом.

Находки на Райковецком городище позволяют говорить нам о комплексе рыцарского снаряжения на Руси, в котором совмещались предметы как локального, так и импортного производства²¹. Такая тенденция была характерной для рыцарских arsenalov всего христианского мира. Три длинных кольчуги, около десятка мечей, по крайней мере один из которых – так называемый „большой меч” – имеет западное происхождение²², конусовидные шлемы, шпоры, граненые наконечники копий составляют цельные комплексы вооружения, сопоставимые с иконографическим и текстовым материалом: как русским, так и общеевропейским.

Подобные комплексы вооружения многое могут сказать не только о военном деле средневековой Руси, но и о культурных приоритетах тамошних военных элит. Однако, достаточно низкий уровень оружейведческих исследований на пост-советском пространстве затрудняет использование артефактов вооружения в интердисциплинарном ключе. Свидетельством этого является замеченный Джоном Френсом в Артиллерийском музее в Санкт-Петербурге „исключительно полный комплект кавалерийского снаряжения: кольчужный гобер, шлем, меч, копье, стремяна, шпоры и т. д. На коническом шлеме, выкованном из одного куска металла, отсутствует заостренное навершие, скорее всего изготовленное отдельно и утерянное в результате коррозии. Не существует какого-либо опубликованного описания этих доспехов”²³.

Такой комплекс снаряжения также изображен на южнорусском образке св. Георгия, датированным Анатолием Кирпичниковым серединой XIII века²⁴, хотя не исключено, что упомянутый памятник может быть ровесником миниатюр из *Жития св. Эдмунда*. На памятнике видно именно спешенного всадника, поскольку его длинная кольчуга не предназначалась для пешего боя, а щит и шлем соответствуют щитам и шлемам, изображенным на гобелене из Байе. Неизвестный автор остроумно передал размеры длинного копья, вынеся его наконечник за пределы композиции (*иллюст. 4*).

²¹ В. К. Гончаров, *Райковецкое городище*, Москва 1950, с. 89–98.

²² В. Гуцул, *Мечі з Райковецького городища. Історико-зброєзнавча студія*, „Сторінки історії”, 27, 2008, с. 66–73.

²³ J. France, *Western Warfare in the age of Crusades 1000–1300*, London 2001, p. 247.

²⁴ А. Н. Кирпичников, *Древнерусское оружие*, Вып. 3: *Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв.*, Москва 1971, с. 89, рис. 16.

2. Буквально по инструкции Усамы ибн Мункыза держит копье персонаж, изображенный на серебряной чаше XII века, найденной в Чернигове (иллюст. 5). Независимо от того, каким образом трактовать преследование копейщиком конного лучника – как отображение военных реалий или аллегорию противостояния христианских и восточных культур – сюжет был живуч в искусстве как Западной, так и Центрально-Восточной Европы, поскольку без принципиальных изменений появлялся и в *Манесском кодексе*²⁵, и в памятнике станковой живописи первой трети XVI века – *Битва под Оршей*²⁶.

Русские летописи периодически обращают внимание на тактику русских военных элит и некоторые из летописных описаний можно квалифицировать как упоминание таранного боя. Под 1151 г. в *Киевской летописи* описаны персональные таранные атаки враждующих князей на боевые порядки противника: „Андрѣи же Дюргевичъ възма копье и ѣха на передѣ . и съѣхаса переже всихъ . и изломи копье свое тогда бодоша конь под нимъ в ноздри конь же нача соватисъ под нимъ . и шеломъ спаде с него и щить на на немъ вторгоша Бжѣемъ заступлениемъ и млтвою родитель своихъ сохраненъ бѣ без вреда . и тако передъ всими полкы . въѣха Изаславъ вдинъ в полкы ратныхъ . и копье свое изломи . и ту сѣкоша ѣ в руку . и въ стегно и бодоша и с того летѣ с коня”²⁷.

Следует помнить, что „изломить” копье, не предназначенное для таранного удара, в седле достаточно сложно. В то время как оружием, предназначенным для таранного удара, полагалось ломаться в случае критических нагрузок. Военные историки начала XX века, имевшие собственный кавалерийский опыт, высказываются об этом следующим образом: „Поломка копий не свидетельствует о несовершенстве оружия или непреодолимости встреченного препятствия. В некоторых случаях сломанное в сшибке древко предотвращало сильное обратное действие копья. Известно, что неопытный боец, вонзающий пику, на галопе будет сам сшиблен с лошади, ему оторвет руку пикой, застрявшей в теле неприятеля”²⁸.

²⁵ *Codex Manesse*, taf. 72.

²⁶ Z. Żygulski, *Bitwa pod Orszą – struktura obrazu*, [in:] Idem, *Światła Stambułu*, Warszawa 1999, s. 281.

²⁷ *Летопись по Ипатьевскому списку*, стб. 437–438.

²⁸ Цитата Ардана дю Пика в переводе А. Пузыревского приведена по: А. Н. Кирпичников, *Древнерусское оружие*, Вып. 3, с. 66.

Другой важный русский источник – *Галицко-Волынская летопись* – изобилует „громом тресновения копий”²⁹. Ограничимся одной цитатой – это описание битвы под Ярославом, вполне сопоставимое с сообщениями западных хроник о битвах под Бувином или Мюре: „Ростислав же исполчивса преиде дебрь глоубокою . вномоу же идоу противоу полкоу Даниловоу . Андрѣви же дворьскомоу . тосноущюса . да не сразитса с полкомъ Даниловым оускоривъ сразиса с полкомъ . Ростиславлимъ . крѣпко копьем же изломившимса . аѿко ѿ грома трѣсновение бысѣ . и ѿ вбоихъ же мнози падше . с конии оумроша . инии оуаэзвени быша . ѿ крѣпости оударения копѣинога . Даниль же посла . кѣ . моужѣ избраных на помощь емоу . Василѣи же . Глѣбовичъ . и Всеволодъ Сѣлександровичъ . Мьстиславъ . не мога . Андрѣви . бѣжаста назадъ . ко Слнови . Андрѣви же вставшоу с малои дружиною . възѣзда крѣпци борашеса с ними . видѣв же Даниль . Лахы крѣпко идоущимъ на Василка . керълѣшь поющимъ . сильннь глась ревоуще в полкоу ихъ . Даниль же видивъ близъ брань Ростиславлю . и Филю в заднемъ полкоу стоаѣща . со хорюговью . рекоущю . аѿко Роусъ . тщиви соуть на брань . да стерпимъ . оустремления ихъ . не стерпими бо соуть на долго время на сѣчу Боу же не оуслышавшоу славы его приде на ны Данило . со Ѧковомъ Марковичемъ . и со Шьльвомъ . Шелвови же сбоденоу бывшоу . Данила же емшоу исторжеса из роукоу его и выеха ис полкоу . и видѣвъ Оугрина градоущаго . на помощь Фили . копьемъ сѣтче и . и вогроуженоу бывшоу в немъ . оуломленоу спадеса изѣдше³⁰.

Подобно западноевропейским хронистам своего времени, летописец заинтересован таранными столкновениями тяжело вооруженных всадников. Вполне в духе „рыцарских мемуаров” Робера де Клари, Жоффруа Виллардуэна и Жана де Жуанвиля автор текста последовательно останавливается на индивидуальных свершениях именитых воинов. Показательно внимание летописца исключительно к рыцарскому оружию ближнего боя³¹.

²⁹ Детальніше про це, див.: В. Гуцул, *Рицарі Данила Романовича. Рицарська зброя серед персонажів Галицько-Волинського літопису*, „Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики”, 16, 2009, с. 78–91.

³⁰ *Летопись по Ипатьевскому списку*, стб. 803–804.

³¹ О рыцарских приоритетах батальной наррации красноречиво говорит замечание Жана де Жуанвиля о битве при Мансуре: „И знайте, что это было прекрасное сражение, ибо никто там не стрелял ни из лука, ни из арбалета, но бились палицами и мечами, как турки, так и наши, все перемешавшись”. Жан де Жуанвиль, *Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего*

Сообщения о таранных атаках периодически фигурируют и в сообщениях западнорусских летописей XIV–XV веков. Так, именно в контексте „благородного оружия” упоминаются копыя в *Слуцкой летописи* в сообщении о бунте 1440 г. в Смоленске: „И по Вѣлице дни на святой недели в среду здумали смолнянене чорныи люди кузнеци, кожомяки, шевники, мясники, котелники пана Андрея совласти силою з города, а целование переступали, и нарядилися во изброи и с сулицами, и со стрелами, и с косами, и с сокирами, и зазвонили в колоколь. Пань Андреи почал ся радити из бояры смоленскими, и бояре ему молвили: „Вели, пане, дворяномъ своим убиратися во изброи, а мы с тобою. Чи лепши датися им у руки”. И пошли с копыи на конех противь имь. И былъ им исступ у Бориса Глебави городъ, избиша же много чорныхъ людей копи и до смерти, а иныи ранены живи остали, и побегоша чорныи люди от пана Андрея”³².

Любопытно противопоставление московских и литовских боевых практик в контексте феодальной войны в Московском княжестве во второй четверти XV века, которое сигнализирует о процессах ориентализации московского войска в это время. *Вологодско-Пермская летопись* при описании диспозиции полков великого князя Василия Темного перед битвой на р. Чересе сообщает: „Да тогда же приѣхая к нему служити из Литвы князь Иван Баба Дрютьских князеи, и тои зрядив свои полкъ с копыи по Литовския”³³.

3. Успех таранной атаки прямо зависел от обученности боевого коня – наиболее дорогостоящей и уязвимой составляющей рыцарского комплекса снаряжения. Цена животного определялась суровыми требованиями к боевым кондициям и трудностями обучения. Такая лошадь была „полноправным воином”, который, попадая в хаос битвы, не паниковал от звуков и запахов ристалища. Рыцарскому коню необходимо было достаточно силы, дабы нести на себе всадника в полном доспехе и достаточно куража, чтобы играть в столкновении агрессивную роль. Разумеется, таких коней постоянно не хватало, поскольку их появление происходило не натуральным способом, а было результатом кропотливой селекционной работы³⁴.

святого короля Людовика, пер. С. В. Цибулько, Санкт-Петербург 2007, с. 58.

³² *Слуцкая летопись*, [in:] *ПСРЛ*, т. 35, Москва 1980, с. 78.

³³ *Вологодско-Пермская летопись*, [in:] *ПСРЛ*, т. 26, Москва 1959, с. 192.

³⁴ B. Todd-Carey, *Wojny Średniowiecznego Świata. Techniki walki*, tłum. z angielskiego J. Jackowicz, Warszawa 2008, s. 158.

К сожалению, мы мало знаем о конкретной стоимости боевых коней. Как считает Сесиль Моррисон³⁵, стоимость коня, доспехов и оружия латинского рыцаря в византийском экономическом ареале „в 1205 г. гипотетически могла составлять около восьмидесяти гиперпионов”³⁶. Для средневековой Руси известные данные достаточно скудны и относятся к постмонгольскому периоду. Так, в счетах королевского двора Ягайлло под 1393 г. упоминается конь для князя Василия Чарторыйского за 12 гривен и конь волосской породы для князя Ивана Гольшанского за 14 гривен³⁷. В летописном *Списке графа Красинского* в описании даров Витовта московскому князю Василию фигурируют „гиншты” не только „в золотых седлах”, но „и оу зброях”³⁸. Употребление конских доспехов на Руси имеет и археологическое подтверждение. Например, в Национальном музее истории Украины экспонируется найденное в Киеве стальное наголовье для боевого коня, датированное XIV веком.

Параметры боевых коней достаточно точно рассчитывают по размерам подков. Доказано, что оптимальная пропорция веса коня и всадника составляет пять к одному. Общий вес рыцарской экипировки с самим всадником включительно никогда не превышал 130 кг. Согласно таким расчетам, вес животного должен был составлять 600–650 кг³⁹.

Европейские средневековые источники распознают несколько видов боевых коней. Специально обученным таранному бою и потому наиболее дорогим был так называемый „*destrier*”⁴⁰.

---

³⁵ C. Morrisson, *Armia, marynarka i stosunki zewnętrzne*, [in:] *Świat Bizancjum*, t. 3: *Bizancjum i jego sąsiedzi 1204–1453*, Kraków 2013, s. 187.

³⁶ Гиперпирон (ὀπέρπιρον – „наичистейший”) – византийская золотая монета в 24 карата (4,45 г). *Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection: Alexius I to Michael VIII, 1081–1261*, Dumbarton Oaks 1999, p. 43.

³⁷ J. Szymczak, *Produkcja i koszty uzbrojenia rycerskiego w Polsce XIII–XV w.*, Łódź 1989, s. 154.

³⁸ *Списокъ графа Красинскаго Кроники Великихъ князех Литовъскихъ*, [in:] *ПСРЛ*, т. 17, Москва 2008, с. 170.

³⁹ *Uzbrojenie w Polsce średniowiecznej. 1350–1450*, pod red. A. Nadolskiego, Łódź 1990, s. 181.

⁴⁰ Интересна гипотеза Э. Окшотта объясняющая происхождение термина: „Когда лошадь идет галопом, то передние ноги движутся не одновременно. Ведущей может быть правая или левая передняя нога. Когда лошадь поворачивает, то ведущая передняя нога неизбежно оказывается на внутренней стороне кривой поворота. Если вы посмотрите, как лошадь выполняет восьмерку, то увидите, что когда она доходит до пересечения кривых и меняет направление поворота, то она меняет и ведущую ногу, иначе она рискует споткнуться о собственные конечности и упасть. Когда лошадь бежит в турнирном поединке, она ни в коем случае не должна сворачивать влево, навстречу коню соперника, но всегда должна быть

Русским эквивалентом термина был, вероятно, летописный „фарь”. Так, в русских средневековых текстах обозначалась лошадь в военных контекстах, примером чего является фрагмент *Киевской летописи*, описывающий игрища, устроенные в Киеве венгерскими союзниками князя Изяслава Мстиславовича: „Тогда же Оугре на фарехъ и на скокохъ играхуть на Ярославли дворѣ многое множество. Кияне же дивяхутся Оугромъ множеству и кметьства ихъ и комонемъ ихъ”⁴¹.

Генрих Латвийский в своей *Хронике* под 1206 г. сообщает, что конь при полном вооружении был выслан ливонскими рыцарями в подарок полоцкому князю Владимиру⁴². Это сообщение иллюстрирует один из способов проникновения рыцарских боевых практик в русское культурное пространство.

Изображение тяжелого дестриера под характерным рыцарским седлом с высокими луками иллюстрирует „сюжет о вещем Олеге” в *Радзивилловской летописи* (иллюст. б)⁴³. На других миниатюрах (иллюст. 7–8) заслуживает внимания изображение дестриера с кольчужной защитой груди и двумя парами поводьев (одни кожаные, другие в виде цепи) – типичными деталями рыцарского снаряжения. Таковыми были и шпоры с колесиком в виде звезды на желтых сапогах всадника с этой же миниатюры⁴⁴. Рамон Мунтанер, казначей Каталонской наемной компании, указывает в своей хронике, написанной в начале XIV века: „Каждый рыцарь шел в бой с двумя парами поводьев – одной из кожи, другой в виде цепи”⁴⁵. Изображение коня с кольчужной защитой груди помещено, среди прочих, в *Манесский кодекс*⁴⁶. Миниатюры *Радзивилловской летописи* содержат также неоднократное изображение

готова резко свернуть вправо. По этой причине ее ведущая передняя нога должна быть обязательно правой. Если коня предоставить самому себе, то он выбирает ведущую переднюю ногу произвольно, не важно, какую именно, но турнирная лошадь должна быть приучена в любых обстоятельствах делать ведущей правую переднюю ногу. Отсюда и наименование породы, заимствованное из латинского языка”. Э. Р. Окшотт, *Рыцарь и его замок. Рыцарь и его конь*, пер. с англ. А. Анваера, Москва 2007, с. 72.

⁴¹ *Ипатьевская летопись*, [in:] *ПСРЛ*, т. 2, Санкт-Петербург 1843, стб. 416.

⁴² Генрих Латвийский, *Хроника Ливонии*, пер. с лат. С. Анненского, Рязань 2009, с. 82.

⁴³ Электронная версия *Радзивилловской летописи*, [in:] <http://radzivilovskaya-letopis.ru/index.php?id=48#sel> [19.12.2014].

⁴⁴ *Ibidem*.

⁴⁵ Ramon Muntaner, *Chronicle*, transl. by L. Goodenough, Cambridge 2000, p. 283.

⁴⁶ *Codex Manesse*, Taf. 50.

таранной атаки (листы 34, 38, 80 об., 93, 97, 153, 155, 238)⁴⁷. Количество и периодичность таких изображений вполне сопоставимо с материалом *Библии Мацейковского*⁴⁸, что наталкивает на вывод о схожей с западноевропейской спецификой использования таранного боя в средневековой Руси.

Комплексное привлечение текстовых, визуальных и вещественных источников позволяет утверждать, что способы бытования техники таранного боя в средневековой Руси были адекватны таковым в Западной и Центральной Европе. Интенсивные контакты русских элит со степными кочевыми цивилизациями имели ограниченное влияние на их боевые практики. В перспективе процессы последовательной ориентализации военного дела в среде русских элит начались после нескольких столетий монгольской доминации и происходили, в основном, на территории Московского государства, а не русских землях, входящих в состав польско-литовского государства.

*

Volodymyr Hucul, *Mounted Shock Combat in Medieval Rus'*

The article is devoted to the existence of mounted shock combat in the Medieval Rus' in a broader background of Medieval Western civilization. The author's point is that mounted shock combat has become not only important tactical factor in feudal warfare in the Kievan Ruthenian Realm, but also the factor of identity and communication in existence of European military elites.

Volodymyr Hucul, *Jazdecký boj na stredovekej Rusi*

Práca sa venuje rozboru problému existencie jazdeckého boja na území stredovekej Rusi v kontexte civilizácie stredovekého Západu. Autor sa domnieva, že jazdecký boj bol nie len dôležitým vojenským taktickým prostriedkom feudálnej vojny, ale aj vážnym kultúrnym faktorom, určujúcim identifikáciu a komunikáciu medzi vojenskými elitami stredovekej Európy.

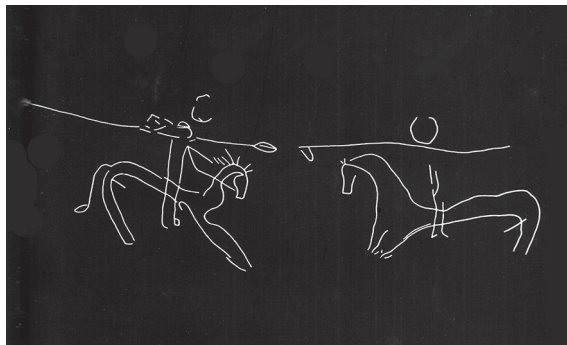
---

⁴⁷ Электронная версия *Радзивилловской летописи* в: http://radzivilovskaya-letopis.ru/index.php?id=48#sel_passim [19.12.2014].

⁴⁸ *Old Testament Miniatures*, f11r passim.

Ил. 1. Норманские всадники. Гобелен из Байе. Полихромная вышивка на льняном полотне. 50×7000 см. Musée de la Tapisserie de Bayeux, Байе, Франция.

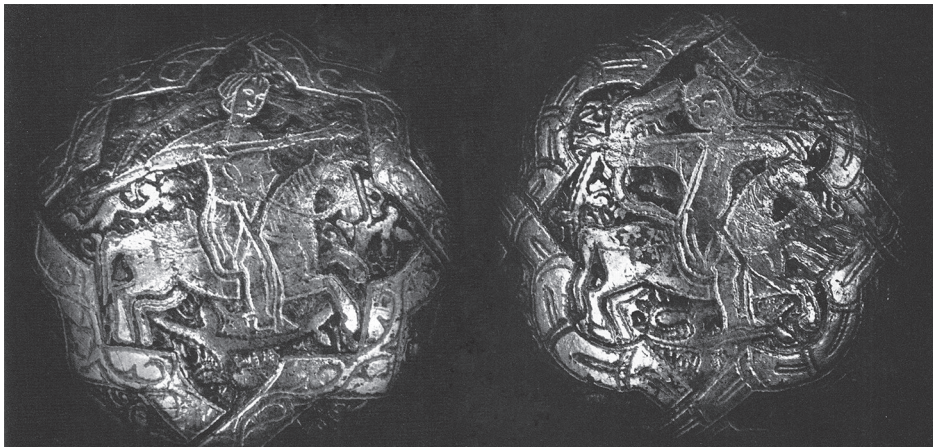
Ил. 2. Поединоок рыцарей. Графити на крепостной стене, вторая половина XI в. (?), Плиска, Болгария. Д. Овчаров, *Български средновековни рисунки-графити*, София 1982, с. 138.

Ил. 3. Мастер Алексис. Св. Эдмунд преследует данов. Англия 1125–1150 гг. Цветная миниатюра на пергаменте из манускрипта *Житие святого Эдмунда*. 27,4×18,7 см. М. Keen, *Rycerstwo*, Warszawa 2014, ilustr. 6.

Ил. 4. Св. Георгий. Юго-Западная Русь, XII в. А. Н. Кирпичников, *Древнерусское оружие*, вып. 3, рис. 16.

Ил. 5. Погоня. Фрагмент декорации серебряного блюда. Русь или Византия, XII в. В. П. Даркевич, *Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XIII века*, Москва 1975, с. 49, 51, илл.стр. 59, 63.

Ил. 6. Олег и волхв. Миниатюра *Радзивилловской летописи*. Лист 19 оборот. Конец XV в. Электронная версия *Радзивилловской летописи* в: www.radzivilovskaya-letopis.ru/index.php?id=48#sel [19.12.2014]

Ил. 7. Претич и печенежский князь обмениваются оружием. Миниатюра *Радзивилловской летописи*. Лист 35 оборот. Конец XV в. Электронная версия *Радзивилловской летописи* в: www.radzivilovskaya-letopis.ru/index.php?id=48#sel [19.12.2014]

Ил. 8. Батальная сцена. Миниатюра *Радзивилловской летописи*. Лист 80 оборот. Конец XV в. Электронная версия *Радзивилловской летописи* в: www.radzivilovskaya-letopis.ru/index.php?id=48#sel [19.12.2014]

Tamás Péderi
(Pécs)

Western European Influences on Novgorodian Warfare in the 12th–14th Centuries

This paper aims to answer the question how Novgorodians got used to their new enemies from the „Latin” Europe, the Swedes and the Military Orders in Livonia in the late 12th and early 13th century. What changes in the Novgorodian equipment and tactics were caused by the „crusaders” which made the warfare of Novgorod different from the warfare in the other parts of the Rus’. The result shows that Novgorod was a bridge between the Rus’ and Western Europe – its armies got used to the fierce charges of the Western knights and adapted a successful defensive tactics against them. The use of Western European weaponry, especially of crossbow and siege machinery was widespread. Its defensive constructions as for instance fortifications were more advanced than in any other part of the Rus’ in this period.

Throughout its history, the Rus’ was never an isolated entity. Its westernmost parts (especially Halych-Volhynia, Polotsk and Novgorod the Great) were in a constant contact with the „Latin” Europe. Evidently European warfare had a strong effect in the Western Rus’ in many areas: on arms and armours, on batt-lefield tactics, on military architecture and even on economy. This paper briefly focuses on the military aspects of the Western influences in Novgorod (Lord Novgorod

the Great)¹. Due to its geopolitical position, Novgorod had close relations with Scandinavia from its early history until the end of Novgorodian independence in the late 15th century. From the 12th century, Novgorodian merchants also got in contact with German traders and from the early 13th century, German crusaders appeared in the Eastern Baltic, Livonia and then in Estonia which led to constant wars against these lands. On the other hand, these connections also maintained and strengthened the Western European influence on the Novgorodian warfare². We should distinguish two sorts of influence: direct (on equipment and technologies) and indirect (on tactics and methods of warfare). The first one is definite: some types of weapons appeared in the region due to the Western Europeans and Novgorodians started using them. Indirect influence was a result of fighting against Western invaders fighting as the troops and generals of Novgorod had to adapt to their chivalric warfare to stop them in battles. Of course, it is more difficult to identify the latter, especially because of the lack of acceptable sources³.

¹ For such research the sources are quite rare and mosaic-like but dozens of secondary sources include elements of the topic. In this essay, I have quoted only very selected bibliography as my aim is to give a brief synopsis. A possible continuation of this research includes a detailed comparison with the warfare in other parts of the Rus', especially with the mentioned regions, Halych-Volhynia and Polotsk, to see small differences and exact local characteristics.

² In medieval military history, the term „Western European” is used to denote the typical chivalric warfare with frontal cavalry charges, shock tactics of heavily armoured mounted warriors and also an advanced siege warfare with stone fortifications, mechanical siege engines (catapults), weapons (crossbows, arbalests) and advanced firearms in the Late Middle Ages. For summary, see: I. Heath, *Armies of Feudal Europe 1066–1300*, Lancing 1989. For the Eastern Baltic, see: S. Ekdahl, *Horses and Crossbows: Two Important Warfare Advantages of the Teutonic Order in Prussia*, [in:] *The Military Orders*, vol. 2: *Welfare and Warfare*, Aldershot 1998, p. 119–151; A. V. Murray, *The Sword Brothers at War: Observations on the Military Activity of the Knighthood of Christ in the Conquest of Livonia and Estonia (1203–1227)*, [in:] *Ordines Militares – Colloquia Torunensia Historica (Yearbook for the Study of the Military Orders)*, vol. XVIII, Toruń 2013, p. 27–37.

³ As I have mentioned in the introduction, there are only few sources providing information about the local warfare. The most important ones are the local, Novgorodian chronicles and the works of the Livonian German chroniclers. I have used three different editions of the *Novgorod Chronicles* (*Новгородские летописи*; hereafter *NL*) so I refer to these editions as follows: „*NL* [year given in the chronicles], ([year in the Common Era])”. The editions I used: *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*, Москва–Ленинград 1950 [www.lrc-lib.ru/rus_letopisi/Novgorod/contents.htm] (December 27th, 2014); *Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского*, [in:] *Полное Собрание Русских Летописей*, т. 43, Москва 2004 [www.lrc-lib.ru/?id=6] (December 27th, 2014); *The Chronicle of Novgorod, 1016–1471*, London 1914. Other primary sources used: *Hermann de Wartberge: Chronicon Livoniae* [hereafter: *HWCL*], Leipzig 1863; *Livländische Reimchronik* [hereafter: *LRC*], Stuttgart 1844.

However, fortunately relatively many sources are available to study the equipment of the warriors of the Rus' – the most important group is the archaeological findings. Even written sources and contemporary images can help us in this respect⁴. Like everywhere else, swords were the most prestigious weapons in Novgorod. They were expensive and rare because this region had only low quality iron ore. As a result those weapons had to be imported: many of them were two-edged arming swords and longswords from Northern and Central Europe but they also imported good quality iron or steel from the West to forge swords⁵. Poorer common soldiers generally used different types of smashing weapons in hand-to-hand combat like axes, for example the so-called Danish or long axes in the early period. War hammers and pole-axes also appeared in Novgorod in the 14th–15th century – apparently imported from Western Europe. The flails and the so-called flanged maces became widespread after the Mongol invasion from the East but the reason of their popularity also came from West: they were highly effective against the armours of the Livonian and Scandinavian knights⁶.

After the common bow, the crossbow was the second most important missile weapon, having appeared in Novgorod in the 13th century thanks to Western European crusaders and merchants. This strong mechanical missile weapon was very useful in sieges as it was easier to handle it and more effective against metal armours because of its strength. By the 14th century, the crossbow had been spread in the entire Rus', but it reached real popularity only in the Western principalities including Novgorod as there they often faced well-armoured knights on the battlefields. From the mid-14th century, a heavier version of the crossbow, the so-called arbalest also appeared in Novgorod – it had steel prod and thus a greater

---

⁴ А. Н. Кирпичников, *Военное дело на Руси в XIII–XV вв.*, Москва 1976, p. 2–3; I. Heath, *Armies of Feudal Europe*, p. 125–126 (Although Heath's work is a kind of a popular science book, he uses authentic primary sources and scientific secondary sources which make it a useful and creditable synthesis for this matter).

⁵ А. Н. Кирпичников, *Военное дело на Руси*, p. 21–24; I. Heath, *Armies of Feudal Europe*, p. 125–127; D. Nicolle, V. Shpakovsky, *Armies of Medieval Russia 1250–1500*, Oxford 2002, p. 14–15. For further information on the swords of the Rus', see: А. Н. Кирпичников, *Древнерусское оружие*, Вып. 1: *Мечи и сабли IX–XIII вв.*, Москва–Ленинград 1966.

⁶ А. Н. Кирпичников, *Военное дело на Руси*, p. 20–21, 25–26; D. Nicolle, V. Shpakovsky, *Armies of Medieval Russia*, p. 14–17, 35; I. Heath, *Armies of Feudal Europe*, p. 125–127; For further information on other melee weapons of the Rus', see: А. Н. Кирпичников, *Древнерусское оружие*, вып. 2: *Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв.*, Москва–Ленинград 1966.

force against the evolving plate armours of the knights⁷. Good and effective protection was as important as strong weapons in the Middle Ages. In Rus', most warriors protected themselves with round and teardrop-shaped wooden shields and different types of leather and metal helmets⁸. Most shields had Western anti-types: the popular shield forms were the same as in Scandinavia in the early period and similar as in Livonia later⁹. Some helmets also appear to have been made under the Western influence: there are Norman-type and bascinet-style helmets and kettle hats among the Novgorodian findings¹⁰. From the late 14th century, the richest boyars imported plate armours similar to those of the Latin knights of the era¹¹.

Another aspect which was apparently affected by the Western conquerors of the neighbouring regions is siege warfare. Against enemy attacks, during the centuries of its independence, Novgorod had established a solid defensive system including fortified towns and castles on the borderlands. In the early period, only palisades, wooden towers and entrenchments defended most settlements and only the citadel (*detinets*) of Novgorod had stone walls¹². Due to the intensive enemy attacks, in the 13th–14th centuries Novgorodians built many new stone forts, especially in the west and also raised new stone fortifications around the old settlements under the influence of highly advanced castle architecture of the crusaders. This defensive system was more advanced than in any other part of the Rus'¹³. As far as sieges were concerned, catapults and other engines played an important role according to the local chronicles. Just like the crossbow, the catapults (*poroki*) came from the West in the 13th century but probably had been

⁷ I. Heath, *Armies of Feudal Europe*, p. 127; D. Nicolle, V. Shpakovsky, *Armies of Medieval Russia*, p. 44–45.

⁸ E. A. Разин, *История военного искусства*, т. 2: VI–XVI вв., Москва 1999, с. 312; А. Н. Кирпичников, *Военное дело на Руси*, p. 56–59; S. Ekdahl, *Horses and Crossbows*, p. 121–122; D. Nicolle, V. Shpakovsky, *Armies of Medieval Russia*, p. 17–18, 35.

⁹ А. Н. Кирпичников, *Военное дело на Руси*, p. 37–41.

¹⁰ Ibidem, p. 26–29; I. Heath, *Armies of Feudal Europe*, p. 126; For further information on the armours of the Rus', see: А. Н. Кирпичников, *Древнерусское оружие*, Вып. 3: *Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв.*, Ленинград 1971.

¹¹ Idem, *Военное дело на Руси*, p. 29–37; E. A. Разин, *История военного искусства*, т. 2, p. 307; D. Nicolle, V. Shpakovsky, *Armies of Medieval Russia*, p. 19, 35–37.

¹² А. Н. Кирпичников, *Военное дело на Руси*, p. 46–47; E. A. Разин, *История военного искусства*, т. 2, p. 147.

¹³ S. Ekdahl, *Horses and Crossbows*, 1998, p. 119–122; For detailed information about the fortifications of Novgorod and its possessions, see: А. Н. Кирпичников, *Каменные крепости Новгородской земли*, Москва 1984.

developed under the Mongol influence to make them really effective against the enemy castles¹⁴. In the last period of Novgorod's military history, firearms appeared in the Rus' from the Ottoman Empire via the Tatars and from Western Europe via German merchants according to the etymology of the Old Russian names of different guns and cannons but the declining city of Novgorod barely invested in this technological innovation¹⁵.

From the early 12th century, we can see a trend throughout whole Europe: charging, well-armoured cavalry became the main assault force not only in the Western chivalric armies but also in Eastern Europe from the Byzantine Empire to the Kievan Rus'. This trend was escalated by great successes of the knights of Reconquista in Iberia, the Normans in Britain and in Southeastern Europe and the crusaders in the Middle East¹⁶. As in Rus' only a few noble warriors, the richest members of the princes' retinues (*druzhina*) could afford the equipment for this kind of warfare, most Ruthenian warriors used lighter armour. In case of the southern region cavalry (both heavily and lightly armed) started playing a more important role because of wars against the steppe nomads but it barely had any effect in the Northwestern Rus'. Most of the Novgorodian army was composed by local soldiers who fought on foot in shield-wall as it had been common in the Viking period. As cavalry became the main attacking troop, this shielded infantry got a defensive role¹⁷.

We have detailed descriptions about two very important battles between Novgorodian-Pskovian and Teutonic armies from the 13th century and they show that the local armies adapted to the Western chivalric tactics successfully. Both in the battle at Lake Peipus (1242)¹⁸ and at Rakovor (1268)¹⁹, the united north-western Ruthenian armies followed the same tactics: the Novgorodian infantry in the centre stopped the cavalry assault of the heavily armed knights of the crusader

---

¹⁴ А. Н. Кирпичников, *Военное дело на Руси*, с. 59–62; Е. А. Разин, *История военного искусства*, т. 2, р. 143, 261, 309–312; S. Ekdahl, *Horses and Crossbows*, р. 126; D. Nicolle, V. Shpakovsky, *Armies of Medieval Russia*, р. 7–8, 24–25; *The Novgorod Chronicles' early mentions of siege engines „poroki“*: NL, 6776 (1268), 6808 (1300), 6830 (1322).

¹⁵ А. Н. Кирпичников, *Военное дело на Руси*, р. 62–65; S. Ekdahl, *Horses and Crossbows*, р. 127; Е. А. Разин, *История военного искусства*, т. 2, 1999, р. 261, 310–313; D. Nicolle, V. Shpakovsky, *Armies of Medieval Russia*, р. 25–28.

¹⁶ I. Heath, *Armies of Feudal Europe*, 1989, р. 4–56.

¹⁷ Е. А. Разин, *История военного искусства*, т. 2, р. 148–164; I. Heath, *Armies of Feudal Europe*, р. 45–47, 55.

¹⁸ NL, 6750 (1242).

¹⁹ LRC, р. 204–207; HWCL, р. 38; NL, 6776 (1268).

centre with their bows, spears and shields while the Novgorodian cavalry had beat the Teutonic infantry on the wings and attacked the enemy centre on its flanks gaining victory with this move. It was a successful adaptation of the usual knightly tactics built on the shocking and devastating cavalry charge in the centre. Besides, this tactics gave only supporting role to the infantry as such. On the other hand, the Novgorodians attributed equally important roles to both units – a defensive to the infantry and an offensive to the cavalry²⁰. In my opinion, this should be considered a conscious adaptation of military customs not only against Western opponents, as against other Ruthenian or native tribal troops a simple frontal charge of both the cavalry and infantry was usual.

To sum up, we could say that Novgorod was a kind of a bridge between the Rus' and Western Europe – its armies got used to the fierce charges of the Western knights and developed successful defensive tactics against them. The use of Western European weaponry, especially of the crossbow and the siege machinery, was relatively widespread. Moreover, its defensive constructions as for instance fortifications were being influenced by the Crusader architecture making them more advanced than the forts in other parts of the Rus'.

*

Tamás Péderi, *Západoeurópske vplyvy na novgorodské vojenstvo v 12.–14. storočí*

Cieľom tejto práce je zodpovedať na otázku, ako si Novgorodčania zvykli na svojich nových nepriateľov z „latinskej“ Európy: Švédov a rytierske rády v Livónii na konci 12. a začiatku 13. storočia. Aké zmeny v novgorodskom vybavení a taktike boli ovplyvnené „križiakmi“, ktoré odlišovali novgorodské vojenstvo od ostatných častí Rusi. Výsledky ukazujú, že Novgorod bol mostom medzi Rusou a Západnou Európou – jeho vojská si zvykli na prudké údery západných rytierov a prijali voči nim úspešnú obrannú taktiku. Bolo rozšírené používanie západoeurópskych zbraní, najmä kuší a obliehacích mechanizmov. Novgorodské obranné konštrukcie, napríklad opevnenia, boli oveľa pokročilejšie ako v hocakej inej časti Rusi v tom čase.

---

²⁰ E. A. Разин, *История военного искусства*, т. 2, p. 158–164; D. Nicolle, V. Shpakovsky, *Armies of Medieval Russia*, p. 7–8. For a detailed summary, see: D. Nicolle, *Lake Peipus 1242 – Battle of the Ice*, Oxford 1997.

Тамас Педери, *Западноевропейское влияние на военное искусство Новгорода в XII–XIV веках*

Статья посвящена вопросу адаптации новгородцев к своим новым врагам с „латинской” Европы: шведам и военным рыцарским организациям Ливонии, появившимся на рубеже XII и XIII вв. Автор охарактеризовал изменения в вооружении и тактике новгородцев, появившихся под влиянием „крестоносцев”, которые сделали военное искусство Новгорода практически полностью отличным от остальных русских земель. Проведенное исследование показывает, что Новгород был мостом между Русью и Западной Европой – его войска были привычны к стремительным атакам западного рыцарства и выработали против этих атак успешную оборонительную тактику. Новгородцы также начали широко использовать западноевропейское вооружение, в первую очередь арбалет и осадные орудия. В результате, оборонительный элемент военного искусства Новгорода, в первую очередь фортификации, был на более высоком уровне чем в остальных регионах Руси.

Моника Каминьская
(Краков)

Монголы? Литовцы? Русские? Находки оружия монгольского типа на польских землях и их историко-культурный контекст

В статье затрагивается тематика немногочисленного собрания археологических памятников, отождествляемых с присутствием монголов на польских землях. Во время своих позднесредневековых перемещений кочевники оставили после себя преимущественно военную технику и части конской упряжи. Со времени первого обзора, подытоживающего знания о монгольских вторжениях на территорию современной Польши (в виде каталога находок), прошло уже почти 20 лет. Настоящий текст дополняет этот обзор новыми находками, датированными XIII и XIV вв.

Предисловие. Среди всех видов т. н. „движимых” археологических памятников элементы вооружения всегда представляли собой особенную категорию. Вооружение распространялось среди различных культур иным образом, чем купеческие товары, деньги либо технологические новинки в сельском хозяйстве или производстве керамики. Оружие – это особая категория памятников, более универсальная, поскольку её распространение обуславливается, прежде всего, функциональностью, а в меньшей степени эстетическим критерием или следованием традициям. Разумеется, способ ведения

боя зачастую был глубоко связан с традицией данного народа, однако любое возможное усовершенствование перенималось относительно быстро. Замеченная археологами миграция данного типа вооружения отражает также транзит идей и достижений науки того времени – металлургии, аэродинамики, военной тактики и боевых искусств.

История исследований вооружения кочевых народов в Восточной Европе и Польше. Первой проблемой, с которой сталкивается исследователь вооружения позднесредневековых кочевников, является неоднородная терминология, используемая при обозначении этнокультурной принадлежности народов, пользующихся оружием. Давно известно, что армия Чингисхана и его преемников не была однородна как в этническом плане, так и культурном, и языковом. То же касается и оборудования, заимствуемого у побеждённых монголами народов, – от традиции снаряжения дальневосточных воинов до оружия восточноевропейских степных кочевников¹. В работах, посвящённых оружию или, шире, материальной культуре степных племён, можно встретить определения „монгольское снаряжение”, „татарское” либо „татаро-монгольское”. Такое отсутствие разграничения видно как в научной литературе, так и в письменных источниках², описывающих современные им события с участием степных народов. В частности, при описании XIII века название „татары” употребляет, среди прочих, Ян Длугош (хотя ему было известно и определение „монголы”)³, а также русские летописцы⁴, Марко Поло⁵ и Фома Сплитский⁶. Название „монголы” появляется у Джованни Плато Карпини (хотя в самом источнике присутствует и другое название⁷). Общепринято использование прилагательного „монгольский” по отношению к XIII веку, „татарский” же – к веку XIV и Новому време-

¹ W. Świątosławski, *Uzbrojenie koczowników Wielkiego Stepu w czasach ekspansji Mongołów (XII–XIV w.)*, Łódź 1996, s. 8–9.

² Idem, *Archeologiczne ślady najazdów tatarskich na Europę Środkową w XIII w.*, Łódź 1997, s. 11, przyp. 5; s. 13, przyp. 9.

³ J. Długosz, *Roczniki czyli kroniki sławnego Królestwa Polskiego*, ks. 7–8, t. 4, red. K. Pietradzka, Warszawa 1974, s. 15.

⁴ *Ипатьевская летопись*, [in:] *Полное Собрание Русских Летописей* [далее: ПСРЛ], т. 2, Санкт-Петербург 1908; *Лаврентьевская летопись*, [in:] ПСРЛ, т. 1, Ленинград 1926–1928.

⁵ Marco Polo, *Opisanie świata*, Warszawa 1993.

⁶ Toma Arhidiakon, *Kronika*, Split 1960.

⁷ Jan di Piano Carpini, *Historia Mongołów*, [in:] *Spotkanie dwóch światów. Stolica Apostolska a świat mongolski w połowie XIII w. Relacje powstałe w związku z misją Jana di Piano Carpiniego do Mongołów* red. J. Strzelczyk, Poznań 1993, s. 116–222.

ни. Однако такое разграничение не является универсальным для научной литературы, и эти определения иногда используются как взаимозаменяемые.

Тематикой средневекового вооружения степных народов занимались, прежде всего, советские и российские учёные. Самые известные в области науки об оружии работы археологов – это ставшие уже классическими публикации Светланы Плетнёвой, Германа Фёдорова-Давыдова и Александра Медведева⁸, типология наконечников кочевнических стрел которого до сих пор является чаще всего используемой классификацией. Литература, посвящённая исследованиям вооружения сибирских и среднеазиатских народов, также, как правило, русскоязычна⁹. Говоря об общем состоянии исследований средневековой материальной культуры кочевых народов, можно заметить, что исследователи с большим уважением отнеслись к ранне-средневековым кочевникам, однако работы на тему монголов, татар и современных им народов систематически пополняются.

В Польше основы классификации поражающих элементов стрелкового оружия кочевников разработали Анджей Надольский¹⁰, Анджей Коля и Герард Вильке¹¹, а также Кшиштоф Ваховский¹². Во время работы исследователи встречали экземпляры наконечников стрел и болтов, нетипичных для местного культурного контекста. Уже А. Надольский разделил наконечники принципиально на два типа – в зависимости от их крепления к древку (экземпляры с втулкой и экземпляры с черешком), второй тип

---

⁸ А. Ф. Медведев, *Татаро-монгольские наконечники стрел в восточной Европе*, „Советская археология”, 1966, 2, с. 50–60; Idem, *Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв.*, Москва 1966.

⁹ Основными работами на эту тему являются публикации, изданные новосибирским исследовательским центром, такие как: *Археология Северной и Центральной Азии*, ред. А. П. Окладников, А. П. Деревянко, Новосибирск 1975; *Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии*, ред. Ю. С. Худяков, Новосибирск 1981; *Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии*, ред. Ю. С. Худяков, Ю. А. Плотноков, Новосибирск 1990; *Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий*, ред. Ю. С. Худяков, С. Г. Скобелев, Новосибирск 1991. См: W. Świątosławski, *Uzbrojenie koczowniców*, s. 9–13 (там полная библиография).

¹⁰ A. Nadolski, *Studia nad uzbrojeniem polskim X, XI i XII wieku*, „Acta Archeologica Universitas Lodziensis”, 3, 1954, s. s. 60–67; tabl. XXX, s. 270; XXXI, s. 271; XXXII, s. 272.

¹¹ A. Kola, G. Wilke, *Zespół grotów beltów do kusz z grodziska późnośredniowiecznego w Słozewach koło Brodnicy w świetle odkryć z 1973 r.*, „Zapiski Historyczne”, 41, 1976, 1, s. 81–123.

¹² K. Wachowski, *Średniowieczna broń miotająca na Śląsku w świetle znalezisk Ostrówka w Opolu*, „Archeologia Polski”, 27, 1982, s. 166–200.

из которых принято считать предметами „восточного” происхождения¹³. Первым, кто принялся исследовать средневековые памятники кочевнического происхождения, найденные на территории Польши, и, шире, Центральной Европы, был Витольд Свентославский. Исследователь занимался тематикой раннесредневековых хозяев степей¹⁴ и их позднесредневековых наследников. В 1997 г. учёный опубликовал каталог объектов, найденных на территории Центральной Европы, включая предметы, связанные с XIII-вечными монгольскими вторжениями¹⁵. Автор описал в этом каталоге находки оружия и элементов конской упряжи, совершенно чуждые местным традициям, после чего определил их место в географическо-историческом контексте, пытаясь реконструировать пути похода монгольских отрядов во время очередных нашествий, имевших место в XIII веке. Реконструкции этих путей послужила, разумеется, информация из исторических источников. Большую часть представленных в каталоге памятников монгольского происхождения составляют наконечники стрел с черешком. В каталоге В. Свентославского нашлось, помимо памятников с территорий современных Румынии, Словакии и Венгрии, 15 польских раскопок. Цель настоящей статьи – дополнить это небольшое количество находок открытиями последних лет и памятниками, которые по каким-то причинам не были внесены автором в каталог.

Монгольские памятники XIII века. Собранные автором памятники, дополняющие каталог, составляют лишь скромный вклад в исследование тематики находок, связанных с присутствием монголов на польских землях. Вклад скромнен, поскольку само монгольское нашествие как исследуемое явление было довольно мимолётно с точки зрения археологических следов. Возможно, ещё долгое время этот образ будет дополняться очередными открытиями.

В археологии для интерпретации каждой конкретной находки наиболее существенен контекст. Именно он отличает научную ценность открытия от научной ценности памятника, приобретённого нелегальным путём, например, у торговца памятниками, разрушающего места археологических раскопок. Одним из наиболее однозначных в интерпретации является

---

¹³ A. Nadolski, *Studia nad uzbrojeniem polskim*, s. 64.

¹⁴ W. Świętosławski, *Ślady koczowników Wielkiego Stepu z X, XI i XII wieku w dorzeczu Wisły i Odry*, Łódź 2006.

¹⁵ Idem, *Archeologiczne ślady*, 1997.

контекст находок на территории доминиканского монастыря в Кракове. Наконечники стрел с черешками были найдены в пожарном слое первого монастырского фундамента. Стоит напомнить, что доминиканцы прибыли в Краков в 1221 г. по настоянию епископа Иво Одровонжа и каноника Яцка Одровонжа¹⁶. Их первая святыня была освящена уже в 1223 г. Археологические исследования выявили, что это было каменное строение, уничтоженное во время нашествия 1241 г. Останки каменной святыни были разобраны, а полученный таким образом материал снова использовался при строительстве позднероманской трапезной в северном крыле¹⁷. Наконечники стрел кочевнического типа, найденные в пепле, обожжены, а один из них сильно повреждён. Двое из них представляют собой, вероятнее всего, группу VI согласно В. Свентославскому (наконечники с ромбовидной лопастью).

Во время первого монгольского нашествия пострадал не только нововозведённый доминиканский монастырь, но и прежде всего открытое поселение, прилегающее к раннесредневековому Кракову. На территории одного из таких поселений, открытого в северно-восточной части Рыночной площади, среди обломков одной из хат был обнаружен железный лопатовидный наконечник стрелы с черешком. Исследователи упоминают также о вилкообразных наконечниках в том же самом месте раскопок. Жилища, изучаемые в этой части Рыночной площади, должны были составлять фрагмент поселения, окончившего своё существование в результате большого пожара. Учёные связывают этот пожар с монгольским нашествием 1241 г. В домах не обнаружено скелетов убитых во время атаки на Краков горожан. Весьма правдоподобно, что жители поселения вместе с частью своего имущества спрятались внутри укреплённой части раннего Кракова и в каменных постройках, которые в те времена играли роль последней линии обороны¹⁸.

В работе В. Свентославского мы также можем найти пример наконечника стрелы, обнаруженного на территории Кракова (на Вавеле). Во время

---

¹⁶ A. Markiewicz, M. Szyma, M. Walczak, *Sztuka w kręgu klasztoru dominikanów w Krakowie*, [in:] *Sztuka w kręgu krakowskich Dominikanów*, red. A. Markiewicz, M. Szyma, M. Walczak, Kraków 2013, s. 20–21.

¹⁷ A. Bojęś-Białasik, D. Niemiec, *Kościół i klasztor Dominikanów w Krakowie w świetle badań archeologiczno-architektonicznych w latach 2010–2012*, [in:] *Sztuka w kręgu krakowskich Dominikanów*, s. 257–313.

¹⁸ C. Buśko, W. Głowa, *Osada przedkolacyjna na Rynku krakowskim*, „Krzysztofory. Zeszyty Naukowe Muzeum Historycznego Miasta Krakowa”, 28, 2010, 1, s. 151–152.

своих XIII-вечных вторжений монголы безуспешно пытались захватить Вавельский холм. Но их добычей становились близлежащие поселения и новопостроенный город¹⁹.

Очередным открытием элемента монгольского вооружения стал игло-видный наконечник стрелы из раскопок на замке в Кросне Оджаньском – памятник аналогичен длинному и узкому наконечнику, найденному в Чермине (группа XIV согласно В. Свентославскому). С попыткой выяснить, каким образом наконечник оказался в замке в Кросно, связана интересная гипотеза авторов археологических исследований. Письменные источники умалчивают о взятии окрестностей Кросна монгольскими ордами в 1241 г., однако об этом замке речь идёт в контексте участников битвы под Легницей. В замке укрылась мать погибшего в битве Генриха Набожного, Ядвига. Ян Длугош сообщает, что она туда переехала вместе со своей свитой из находящейся под угрозой Тшебницы²⁰. Однако информация Длугоша неточна – пястовский замок не находится точно в том месте, которое указал автор хроники. Исследователи подозревают, что наконечник мог попасть в замок как предмет, перенесённый из поля боя местным населением. Другая гипотеза исследователей – это возможное проникновение на территорию центральной Одры малочисленного отдела монголов, неупомянутое в источниках. Такую интерпретацию подтверждали бы другие находки из окрестностей (наконечники стрел из Виткова и Зелёной Гуры, о которых см. ниже)²¹.

Современные польские земли охватывают, разумеется, и восточные границы Руси. В каталоге В. Свентославского оказались находки из летописных русских городов, располагающихся на территории Польши, таких как Червень, Перемышль и Санок (Городище в Трепчи). В список мест раскопок, известных наличием монгольского оружия, следует добавить Холм и Городок-на-Буге (летописный Воынь). Известно, что памятники восточного происхождения в Холме были обнаружены на территории раннесредневе-

---

¹⁹ Zob.: Z. Pianowski, *Wawel od Konrada Mazowieckiego do Kazimierza Wielkiego*, „Prace i Materiały Muzeum Archeologicznego i Etnograficznego w Łodzi, Seria Archeologiczna”, 36, 1989–1990, s. 57–65.

²⁰ J. Długosz, *Roczniki*, ks. 7–8, t. 4, s. 19.

²¹ P. Dziedzic, *Elementy uporządkowania jeździeckiego i uzbrojenia pochodzące z zamku piastowskiego w Krośnie Odrzańskim*, „Sprawozdania Archeologiczne”, 59, 2007, s. 505.

кового предместья во время раскопок комплекса Старого города²². К сожалению, о самих памятниках известно сравнительно мало.

Вышеописанные примеры показывают, что наконечники стрел монгольского типа обнаруживаются обычно во время раскопок городов, как тех, которые покрыты сегодня современными зданиями (Краков, Холм, Перемышль и др.), так и тех, которые как раз по причине нашествия прекратили своё существование (Червень, Трепча). Немногочисленную группу находок составляют т. н. „неуместные” артефакты, не имеющие археологического контекста. В случае с такими находками основным источником информации является их формальный анализ. Артефактом без контекста является наконечник стрелы из Городка-на-Буге²³. Такой находкой было также открытие небольшого комплекта снаряжения со склона Смуговой горы вблизи местности Трокс, который, согласно авторам формального анализа памятников, мог быть следом после небольшой схватки с монголами²⁴.

Татарские памятники XIV века. По сравнению с XIII веком, когда монголы символизировали угрозу и опустошения, XIV век в польско-татарских взаимоотношениях был более спокойным периодом. Одним из крупных татарских мероприятий в XIV веке был поход в 1341 г., остановленный Казимиром Великим. Татарские действия в это время ограничивались небольшой территорией, а сами татары зачастую представляли собой вспомогательные силы соседей польского государства²⁵. Немаловажной для политики региона была победоносная для Ольгерда битва на Синих Водах, которая не осталась незамеченной, особенно на востоке Европы²⁶. Совершенно новая эпоха в литовско-татарских и польско-татарских отношениях началась с заселением Витольдом татар в окрестностях Вильнюса, Каунаса и Гродно в 1399 г., по окончании битвы на Ворскле²⁷. С этого времени и началась продолжаю-

²² Ł. Rejniewicz, *Chełm – Plac Wł. Łuczковского. Badania archeologiczne Ratusza i Kamienicy W. Węglińskiego*, [in:] *Badania archeologiczne o początkach i historii Chełma*, Lublin 2002, s. 107.

²³ J. Rogatko, *Nowe znaleziska z okolic Gródka nad Bugiem woj. Zamość*, „Sprawozdania Archeologiczne”, 46, 1994, s. 169–184.

²⁴ R. Bodnar, D. Rozmus, Sz. Szymoniewski, *Wczesnośredniowieczne groty ze Smugowej Góry w pobliżu miejscowości Troks w powiecie olkuskim*, „Sprawozdania Archeologiczne”, 58, 2006, s. 542.

²⁵ W. Świętosławski, *Archeologiczne ślady*, s. 23.

²⁶ А. Мартынюк, *Татары в средневековой миниатюре: враги, соседи, союзники*, [in:] *Vidurio rytų Europa mūsų priešė Mėlynių Vandeny metu*, red. V. Jankauskas V. Nagirnyu, Kaunas–Kraków 2013, с. 49–51 [Seria: *Colloquia Russica, Series II*, vol. 2].

²⁷ А. В. Кузьмин, *Крещение татары на службе в Москве: к истории Телебугиных и Маячковых в XIV – первой половине XV века*, „Древняя Русь. Вопросы медиевистики”, 2002, 3 (9), с. 5–6.

паяся несколько столетий история татар как военных союзников Польши и Литвы.

Но вернемся к военным вопросам. Если, обобщая, наконечник стрелы с черешком в раннем Средневековье свидетельствовал о различного рода восточном влиянии, то в позднем Средневековье ситуация уже не так очевидна. В XIV веке всё большей популярностью пользуется происходящий с Запада известный на наших землях уже с XII века (или даже с рубежа XI/XII веков) арбалет²⁸. Это оружие приобрело популярность также и на востоке. Болты арбалета массивнее и тяжелее наконечников стрел, а, говоря о строении, встречаются экземпляры как втульчатые, так и черешковые²⁹. Стоит, однако, помнить о том, что такое простое разделение боеприпасов метательного оружия (на наконечники и болты) иногда оказывается невозможным в связи с параметрами некоторых экземпляров. Также широкое распространение различного типа черешковых болтов не свидетельствует однозначно об их русском или кочевническом происхождении³⁰. В общем, в позднесредневековом снаряжении встречаются наконечники как стрел, так и болтов.

Среди немногочисленных комплектов позднесредневекового оружия на территории современной Польши интерес заслуживают два из них, содержащие типично восточные элементы.

Первый – это элемент комплекта снаряжения, добытый в раскопках в Зброевске (Клобуцкий повет). Небольшой конический городок³¹ на левом берегу Лисварты исследовался в конце пятидесятых годов XX века и в 1973–1982 гг. Городок в Зброевске служил, вероятно, как сторожевая башня на силезско-малопольском пограничье³². Фортификационное сооружение возникло на небольшом натуральном возвышении, которое в Средние века было выровнено привезённым из окрестностей песком (во вторичном слое обнаружены кремниевые памятники). Конструкция, вознесённая на холме, была построена из древесины (скорее всего, это была деревянная башня

²⁸ J. Kruczek, *Kusze. Katalog zbiorów*, Pszczyna 2002, s. 3–4.

²⁹ P. Kotowicz, *Wojowie i rycerze. Katalog wystawy*, Sanok 2004, s. 10.

³⁰ См. богатую коллекцию вооружения со второй половины XIII – начала XIV в. из средневекового града Рацонж. P. Świątkiewicz, *Militaria ze średniowiecznego grodziska w Raciążu*, „Acta Militaria Mediaevalia”, 6, 2010, s. 7–92.

³¹ В археологической терминологии принято называть такие объекты коническими городками, городками на кургане или селениями типа *motte*.

³² B. Gedl, M. Gedl, *Zbrojewsko, pow. Kłobucki*, „Silesia Antiqua”, 17, 1975, s. 345–346.

на каменном фундаменте) и окружена палисадом. По наблюдениям стратиграфических аналитиков, строение функционировало недолго, в первой половине XIV века (примерно в середине этого столетия городок был уничтожен)³³. Среди типичных позднесредневековых материалов на месте раскопок был найден дельтавидный наконечник стрелы. Экземпляр из Зброевска является одним из немногих точно датированных XIV-вечных наконечников этого типа на польских землях. К сожалению, это единственный экземпляр, и неясно, при каких обстоятельствах он мог попасть на территорию сторожевой башни на Лисварте.

Следующий объект, известный из раскопок элементов восточного снаряжения – это оборонительное поселение в Плементях (Хелминская земля). В позднем Средневековье там на кургане была построена небольшая деревянная оборонительная башня, уничтоженная, вероятно, во время польско-тевтонской войны в 1414 г. Плементы – это место особое для исследователей средневекового оружия и важное в контексте вопроса о находках татарского вооружения (хотя и несколько выходящее за хронологические рамки статьи, т. к. датировано началом XV в.). Собрание вооружения из Плементя внушительно представляет собой разные европейские традиции. Обнаружения стрелкового оружия встречались в достаточно большом количестве (370 наконечников болтов и 40 наконечников стрел). Среди них встречаются и 14 стрел с дельтовидным острием³⁴ (тип 67 согласно А. Медведеву), типичных для татарских воинов, а также другие типы стрел с черешком (лопатовидные, ромбовидные). Считается, что наконечники с дельтовидной лопастью вышли из употребления в конце XIV века³⁵. При этом, собрания наконечников из Плементя датируются началом XV века, что свидетельствует об их популярности и долговременной эксплуатации. Открытым вопросом остаётся личность людей, пользовавшихся такого типа оружием в начале XV века. С одной стороны, это могли быть татары, отряды которых сопровождали польско-литовские войска в войнах против Тевтонского ордена, с другой стороны, вооружение восточного типа широко применя

³³ M. Gedl, *Pozostałości drewnianej budowli w średniowiecznym gródku w Zbrojewsku*, „Archaeologia Historica Polona”, 12, 2002, s. 78.

³⁴ A. Kola, G. Wilke, *Militaria z grodziska w Plemiętach. Broń strzelcza*, [in:] *Plemięta. Średniowieczny gródek w ziemi chełmińskiej*, red. A. Nadolski, Warszawa–Poznań–Toruń 1985, s. 107–128.

³⁵ А. Ф. Медведев, *Татаро-монгольские наконечники*, с. 55.

лось в XV веке на просторах Руси и Литвы, поэтому могло принадлежать литовцам, русским или также балтийским народам³⁶.

Новые направления исследований и проблемы. Одной из самых интересных категорий мест археологических раскопок с самого начала возникновения этой науки были пещеры. Скальные и пещерные находки обычно ассоциируются с каменным веком, однако найденные в таких местах артефакты принадлежат практически всем эпохам истории человечества. Известно, что в Средневековье пещеры использовались в целях укрытия. Скрывались в них местные рыцарские отряды, в связи с чем находки позднесредневековых элементов вооружения в верхних слоях пещер, особенно под Краковом, отнюдь не редки³⁷. В последние годы всё больше внимания посвящается средневековым памятникам, найденным при раскопках в пещерах и скальных укрытиях Краковско-Ченстоховской возвышенности³⁸. Открытие из пещеры в Скале Кмиты было произведено ещё в XIX веке известным археологом, исследователем пещер Краковско-Ченстоховской Юры, Готфридом Оссовским. Позднесредневековые предметы были собраны из илового слоя пещеры. Информация о находках была опубликована в шестидесятых годах XX века, но долгое время не подвергалась анализу³⁹. Собрание артефактов состояло из 2 наконечников стрел с черешком, 14 болтов с черешком, 18 болтов с втулкой, двукольцевого удила, обломка ножа и 3 фрагментов неопределённых железных предметов. Наконечники стрел с ромбовидной лопастью, черешок овального диаметра, один из экземпляров имел ступеньку у насада черешка. Собрание памятников датировано очень широко – XII–XVI веками по классификации А. Надольского⁴⁰. К собранию в Скале Кмиты следует относиться, в связи с этим, весьма осторожно, поскольку оно подобающим образом не исследовалось и его датирование до сих пор ещё очень неопределённое. Памятники из Скалы Кмиты – не единственные загадочные артефакты, которые могли бы свидетельствовать

³⁶ A. Kola, G. Wilke, *Militaria z grodziska w Plemiętach*, s. 119.

³⁷ S. Kołodziejcki, *Późne średniowiecze*, [w:] *Pradzieje i średniowiecze (praca zbiorowa)*. *Natura i Kultura w Krajobrazie Jury*, Kraków 1995, s. 158.

³⁸ M. Wojenka, *Jaskinie Wyżyny Krakowsko-Częstochowskiej w średniowieczu. Wstęp do problematyki*, „Prądnik. Prace i Materiały Muzeum im. prof. Władysława Szafera”, 22, 2012, s. 7–43.

³⁹ Эти памятники из Скалы Кмиты находятся в Краковском археологическом музее и в настоящее время анализируются. Остаётся лишь ждать более точного описания.

⁴⁰ E. Dąbrowska, *Osadnictwo wczesnośredniowieczne na terenie Powiatu Krakowskiego*, „Prace Archeologiczne”, 4, 1962, s. 7–132.

о присутствии татар на польских землях в XIII или XIV веках. Кроме вышеназванных находок из восточноевропейских степей, о присутствии кочевников могут свидетельствовать такие памятники, как дельтовидный наконечник стрелы из Зелёной Гуры, вилкообразный наконечник из Виткова, а также черешковый топор из Свободзина. Наконечник из Зелёной Гуры и экземпляр из рыцарской башни в Виткове были датированы второй половиной XIV века, зато топор найден в слое, датированном второй половиной XV – началом XVI веков (однако его нетипичная форма быстро обратила на себя внимание исследователей оружия). Несмотря на чужую форму и контекст памятников, эксперты колебались над установлением точности их хронологии и происхождения (некоторые из артефактов могли бы оказаться раннесредневековыми памятниками или местными изделиями). Может показаться, что в такой ситуации при исследованиях старинного вооружения археологам могут помочь точные науки – металлографические анализы. К сожалению, по окончании таких исследований проблемы с датированием памятников и определением их происхождения не были решены однозначно⁴¹. На территории Польши обнаружены ещё два наконечника с вилкообразной лопастью – экземпляры из Старого Дравска на Поморье (датированные широко XIII – первой половиной XIV вв.)⁴² и позднесредневековый экземпляр из Чудовиц (Ярославской повет). Из Старого Дравска происходит также лопатовидный наконечник (не исключено, что это сломанный наконечник дельтовидной формы-рани)⁴³. Помимо вилкообразного наконечника, в Чудовицах был найден ещё и дельтовидный. Эти памятники, характерные для XIII и XIV веков, были обнаружены в поселении, датированном XIV веком (скорее всего, его второй половиной). Такое датирование, вероятнее всего, исключает их появление на этих землях в результате монгольских вторжений, однако не исключает присутствие татар на этих землях (принадлежащих в Средние века к Руси)⁴⁴. Пока что точное происхождение памятников до конца не уста-

⁴¹ P. Dziedzic, A. Michalak, *Import czy wyrób miejscowy? Uwagi o proveniencji kilku żelaznych zabytków uzbrojenia z terenu Środkowego Nadodrza w świetle analiz metalograficznych*, „Archeologia Środkowego Nadodrza”, 6, 2008, s. 93–99.

⁴² H. Janocha, *Gród i zamek w Starym Drawsku (Drahimiu) gmina Czaplinek – walory obronne i uzbrojenie załogi w oparciu o wyniki badań archeologicznych*, „Koszalińskie Zeszyty Muzealne”, 22, 1998, s. 84.

⁴³ Ibidem.

⁴⁴ J. Kociuba, *Późnośredniowieczny zespół osadniczy w Czudowicach, stan. 2, gm. Roźwienica*,

новлено⁴⁵. В конце рассуждений на тему следов позднесредневековых кочевников на территории современной Польши необходимо ещё раз поднять вопрос, задаваемый исследователями останков башни в Плементях: все ли упомянутые памятники связаны с нашествием кочевников или, может быть, часть из них объясняется восточным влиянием на вооружение рыцарей Центрально-Восточной Европы? Исключительно ли татары стреляли стрелами с лопатовидными и дельтовидными наконечниками? А, может, это были их литовские или русские союзники? О быстром распространении восточных образцов может свидетельствовать описание костюма и воинских отделов Даниила Романовича в *Галицко-волинской летописи*, когда русский правитель прибыл в Пожонь: „Нѣмци же диващеса вроужью Татарьскомуу бѣша бо кони в личинахъ . и в коарѣхъ кожаныхъ . и людье во арыцѣхъ . и бѣ полковъ его свѣтлость велика . ѿ вроужья блистающаса . самъ же ѣха подлѣ короля . по вбычаю Роускоу бѣ бо конь под нимъ дивлению подобенъ . и сѣдло ѿ злата . жьжена . и стрѣлы и сабля златомъ оукрашена . иными хитростями . ажеже дивитиса . кожую же шловира Грѣцького . и кроуживы златыми плоскоми шшитъ . и сапозы зеленого хѣза шити золотомъ Немцем же зрацимъ много диващимса рече́моу король не взаль быхъ ты́саше серебра за то вже еси пришелъ”⁴⁶. Упоминание о монгольских и – шире – азиатских заимствованиях интересно ещё и потому, что описывает события 1247 или 1248 г., то есть со времени опустошительного монгольского нашествия прошло менее десяти лет. Принимая во внимание возможность быстрого распространения восточных образцов снаряжения, мы можем говорить о том, что поставленный в начале статьи вопрос остаётся открытым.

Заключение. Количество памятников монгольского/татарского происхождения на наших землях, в сравнении с их огромным собранием на территории Древней Руси, весьма и весьма незначительно. Конечно, это объясняется абсолютно иной политической ситуацией польских земель в Средневековье, а также мимолётным характером такого явления, как вторжения кочевников. Просто также объяснить концентрацию большого числа памятников в таком месте, как Краков, городе, трижды атакованном монголами

---

pow. Jarosław, [in:] *Późne średniowiecze w Karpatach polskich*, red. J. Garncarski, Krosno 2007, s. 493–516.

⁴⁵ P. Dziedzic, A. Michałak, *Import czy wyrób miejscowy*, s. 95.

⁴⁶ *Ипатьевская летопись*, стб. 814.

и одном из наиболее исследованных археологами средневековых польских городов.

Концентрируясь на формальном анализе этой небольшой группы памятников – результата монгольской/татарской активной деятельности на польских землях, исследователи оружия сталкиваются с рядом проблем: это и сложности с датированием экземпляров, не имеющих контекста, и продолжительная эксплуатация некоторых типов вооружения, и невозможность определения этнической принадлежности пользователей этим оружием, в особенности касаясь XIV века и позже. На рубеже XIV/XV веков роль татар в отношении польско-литовской политики изменялась. Вражеский народ Востока, называемый „*flagellum dei*”, становился товарищем по оружию, а снаряжение монгольского/татарского типа сыскивало всё большую популярность на огромных просторах Литовского государства. Одним из первых материальных следов этого изменения (участия татар в польско-литовских сражениях или влияния татарского вооружения) могут быть находки в Плементах.

Исследования польско-татарских контактов в Средневековье всё ещё находятся в ранней стадии развития. С годами и очередными открытиями этот образ конфликтов и, с другой стороны, соседских и союзнических отношений будет, без сомнения, дополняться.

***

Список XIII-вечных находок в каталоге В. Свентославского:

1. Белины, Нижанский повет (наконечник стрелы)
2. Тихув, Турецкий повет (наконечник стрелы)
3. Чхув, Томашовский повет (три наконечника стрел)
4. Чермно (летописный Червень), повет *loco* (четыре наконечника стрел и фрагмент карваша)
5. Дембно, Келецкий повет (наконечник стрелы)
6. Коваля-Стэнпотина, Радомский повет (наконечник стрелы)
7. Краков, холм Вавель, повет *loco* (наконечник стрелы)
8. Ополе, Острувек, повет *loco* (два наконечника стрел, конец кнута, роговая пластинка конской сбруи)
9. Подзамче, Завертянский повет (наконечник стрелы)
10. Перемышль, повет *loco* (четыре наконечника стрел)
11. Стшегом, Свидницкий повет (наконечник стрелы)

12. Шафляры, Новотаргский повет (наконечник стрелы)
13. Трэпча (летописный Санок), Саноцкий повет (семь наконечников стрел)
14. Вроцлав, Острув Тумский, повет *loco* (костяной элемент конской сбруи)
15. Вроцлав, Старый город, повет *loco* (наконечник стрелы)
16. Источник: W. Świątosławski, *Archeologiczne ślady najazdów tatarskich na Europę Środkową w XIII w.*, Łódź 1997.

Каталог XIII-вечных находок, дополняющий список В. Свентославского:

1. Место раскопок: Холм, повет *loco*

Вид места проведения раскопок: поселение (городская рыночная площадь, раннесредневековое предместье).

Описание находки: железные наконечники стрел с черешком. Один из них с широкой, веерообразной лопастью, сохранённая длина – 5,9 см; второй узкий, игловидный.

Контекст находки: раскопки на площади Лучковского на территории предместья.

Датирование: XIII век

Замечания: в Холме найдено несколько наконечников стрел. Упоминание о находках в публикации о раскопках в Холме лаконично (на фотографии видны два наконечника стрел с черешком и наконечник болта с втулкой).

Источники: Ł. Rejniewicz, *Chełm – Plac Wł. Łuczковского*, s. 105–118, rys. 3

2. Место раскопок: Городок-на-Буге, Хрубешовский повет

Вид места проведения раскопок: свободное обнаружение в окрестностях города.

Описание находки: среди трёх наконечников, обнаруженных в Городке-на-Буге, экземпляр с места раскопок 1С привлекает внимание своей формой. Это наконечник с дельтовидной лопастью (цитируя автора описания, „с плоской, лопатовидной лопастью”), относящийся к типу 67 по А. Медведю. Длина экземпляра – 9,09 см, ширина лопасти – 1,9 см. Лопасть у насада наделена ступенькой, упрощающей её крепление к древку. Черешок в разрезе квадратный.

Контекст находки: свободная находка с места раскопок 1С (холм „Ботян”),

известного в научной литературе как поселение культуры воронковидных кубков.

Датирование: XIII век.

Замечания: памятник находится в коллекции Петра Кани, жителя Городка-на-Буге. На территории пункта раскопок 1С г-н П. Кани обнаружил также серебряный татарский дирхам 1358 г. В самом городище (пункт раскопок 1А) типично монгольских материалов не найдено, что может свидетельствовать об относительно простом и быстром взятии Волыня захватчиками (по сравнению с количеством монгольских наконечников из Чермна).

Источники: J. Rogatko, *Zabytki z kolekcji Piotra Kani z Gródka nad Bugiem, woj. zamojskie*, „Lubelskie Materiały Archeologiczne”, 3, 1990, s. 183–200; Idem, *Nowe znaleziska z okolic Gródka nad Bugiem woj. Zamość*, „Sprawozdania Archeologiczne”, 46, 1994, 169–184; J. Kuśnierz, *Z badań nad militarnym znaczeniem Gródka nad Bugiem (Wołyńia) we wczesnym średniowieczu*, „Acta Militaria Mediaevalia”, 2, 2006, s. 79–102.

3. Место раскопок: **Краков, доминиканский монастырь, повет Ioco**

Вид места проведения раскопок: монастырь, архитектурно-археологические исследования.

Описание находки: 3 железных наконечника с черешком. Два экземпляра с ромбовидной лопастью, третий сильно повреждён.

Контекст находки: памятники найдены во время архитектурно-археологических исследований монастыря, в т. ч. около часовни Св. Марии Магдалены, в погоревших слоях, определённых как останки после первого монгольского нашествия 1241 г.

Датирование: первая половина XIII века.

Замечания: отсутствие данных относительно размеров и формы наконечников в разрезе.

Источник: A. Wojęś-Białasik, D. Niemiec, *Kościół i klasztor*, s. 257–313.

4. Место раскопок: **Краков, раннесредневековое поселение на Рыночной площади, повет Ioco**

Вид места проведения раскопок: поселение.

Описание находки: железный наконечник стрелы с черешком. На опубликованной фотографии можно рассмотреть, что форма лопасти лопатовидная.

Контекст находки: наконечник был обнаружен во время исследований северо-восточной части Рыночной площади в погоревшем слое одного из хозяйств.

Датирование: XIII век (памятники связаны с первым монгольским нашествием).

Замечания: исследователи в своей публикации упоминают о большем количестве памятников монгольского типа, найденных на территории поселения. Отсутствие данных относительно размеров и формы памятников в разрезе.

Источник: С. Buśko, W. Głowa, *Osada przedlokacyjna*, s. 146–152.

5. Место раскопок: **Кросно Оджанское, повет loco**

Вид места проведения раскопок: замок.

Описание находки: черешковый наконечник, относящийся к XIV группе по В. Свентославскому (игловидные наконечники с узкой лопастью, угловатый в разрезе). Экземпляр с длинным пирамидальным остриём, квадратным в разрезе. Черешок в разрезе круглый. Длина памятника 10,1 см (длина острия – 7,2 см). Диаметр черешка – 0,2 см.

Контекст находки: памятник обнаружен в слое 67, датированном началом XIII века. Начало функционирования замка в Кросно Оджанском датируется в настоящее время первой половиной XIII века (ранняя датировка – вторая половина того же века), однако его начало как каменного укрепления – рубежом XIII/XIV веков.

Датирование: XIII век.

Замечания: нет.

Источники: P. Dziedzic, S. Kałagate, *Badania archeologiczne na zamku piastowskim w Krośnie Odrzańskim (sezon 1998)*, „Archeologia Środkowego Nadodrza”, 2, 2002, s. 65–186; P. Dziedzic, *Elementy oporządzenia jeździeckiego*, s. 47–508; P. Dziedzic, A. Michalak, *Import czy wyrób miejscowy?*, s. 93–121.

6. Место раскопок: **Трокс, Олькуский повет**

Вид места проведения раскопок: свободное обнаружение.

Описание находки: собрание найденного вооружения состояло из 10 наконечников, преимущественно дельтовидных и игловидных наконечников стрел: 1. Железный наконечник с плоской в разрезе лопастью, общей длиной 8,7 см и шириной лопасти 1,7 см. Черешок круглый в разрезе, диаметром 0,4 см и длиной 2,4 см. Вписывается в тип 67 согласно классификации А. Мед-

ведева; 2. Повреждённый железный наконечник (отломан черешок), длина сохранный части 5,4 см, ширина лопасти 1,9 см. Сохранный четырёхугольный фрагмент черешка имеет длину 0,8 см, диаметр – 0,5×0,4 см. Немного расширяющийся к верху наконечник приписан 67 типу по А. Медведеву; 3. Железный черешковый наконечник общей длиной 4,9 см, шириной лопасти 1,1 см и длиной черешка 1,8 см. Черешок в разрезе ромбовидный, шириной 0,2×0,2 см. Наконечник с расширяющимся к верху острием близок к типу 67 по А. Медведеву; 4. Железный черешковый наконечник общей длиной 4,1 см, шириной лопасти 1 см, длиной черешка 1,6 см и диаметром черешка 0,2 см. Лопасть плоская, расширяющаяся в направлении острия, памятник относится к 67 типу по А. Медведеву; 5. Железный наконечник болта (?) с черешком. Экземпляр имеет общую длину 8,2 см, ширину лопасти 0,9 см и длину черешка 2 см. Лопасть ромбовидная в разрезе, размеры – 0,6×0,6 см. Памятник классифицирован как II тип по типологии А. Надольского; 6. Железный наконечник стрелы с черешком. Общая длина 10,5 см, длина черешка 2 см. Длинный игловидный шип диаметром 0,6×0,6 см. Наконечник причислен к 90 типу по А. Медведеву; 7. Железный игловидный наконечник общей длиной 3 см, длина черешка – 0,9 см, толщина шипа – 0,3×0,3 см, по форме близок к типу 90 по А. Медведеву; 8. Железный черешковый наконечник общей длиной 4,6 см, длина черешка – 2,7 см. Нерегулярной формы, короткий, в разрезе четырёхугольный шип имеет размеры 0,7×0,7 см. Экземпляр не классифицирован формально; 9. Железный шип наконечника, длина сохранный части – 4,3 см. В разрезе четырёхугольный, размеры – 1,2×1,2 см; 10. Железный втульчатый наконечник стрелы с вилкообразной лопастью. Общая длина – 9,9 см, длина втулки – 2,9 см. Верхние части вилкообразной лопасти четырёхугольные в разрезе. Экземпляр нетипичен, трудно относим к существующим типологиям.

Контекст находки: наконечники были обнаружены на южном склоне Смуговой горы недалеко от местности Трокс.

Датирование: вторая половина XIII века.

Замечания: несмотря на то, что все памятники в совокупности были связаны формальными аналитиками с монгольскими вторжениями, некоторые экземпляры, в особенности наконечник болта арбалета, могут быть местного происхождения. Место раскопок в прошлом могло быть сценой небольшого сражения с монголами.

Источник: R. Bodnar, D. Rozmus, Sz. Szymoniewski, *Wczesnośredniowieczne groty*, s. 539–542.

*

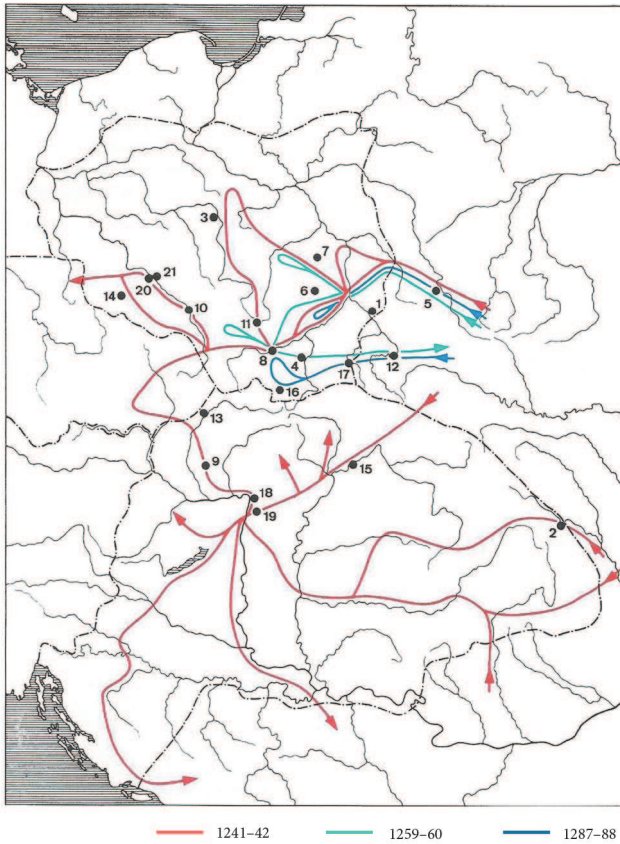
Monika Kamińska, *Mongols? Lithuanians? Ruthenians? The Findings of the Mongol-type Weapons on the Polish Territory and Their Cultural and Historical Context*

Archaeological findings associated traditionally with Mongol-Tatar warriors from the current Polish territory, dated to the 13th–14th century are not numerous but year after year their number increases. At first, they were gathered and described in the catalogue of Witold Świątosławski. At first glance, most of the context of the 13th century findings is obvious – they are the remains of the Mongol invasions. However, the problem of the presence of the Mongols (Tatars) on the Polish territory in the next century seems to be more complicated. The weapons are a category of findings which used to spread quickly when they turned out to be handy and effective during the battle. The chronological framework of the paper was set due to the dating of archaeological sources on the basis of the typology of specific categories of weapons. Some types of weapons were used, for example, from the 12th to 14th century, so on the basis of the findings, it is difficult to determine with which historical event they could be related or who their carriers were. Moreover, since the 14th century the influence of the Tatar military traditions on the Rus' and Lithuanian lands is more and more significant.

Monika Kamińska, *Mongoli? Litovci? Rusi? Náleziská zbraní mongolského typu na území Poľska a ich kultúrno-historický kontext*

Archeologické náleziská tradične spojené s mongolsko-tatárskymi bojovníkmi z územia terajšieho Poľska datované do 13.–14. storočia nie sú početné, ale rok za rokom ich počet narastá. Prvýkrát boli zozbierané a popísané v katalógu Witolda Świątosławského. Na prvý pohľad, kontext nálezisk z 13. storočia je väčšinou zrejmý – ide o pozostatky po Mongolskom vpáde. Avšak problém prítomnosti Mongolov (Tatárov) na poľskom území v nasledujúcom storočí sa zdá byť komplikovanejší. Zbrane sú kategóriou nálezov, ktorých typy podliehajú rýchlej difúzii, v prípade ak sa ukážu ako užitočné a efektívne v boji. Chronologický rámec práce vychádza zo špecifickosti datovania archeologických prameňov na základe typológie konkrétnych kategórii zbraní. Niektoré typy zbraní boli na prí-

klad používané od 12. do 14. storočia, takže na základe nálezov je ťažké určiť, s ktorou historickou udalosťou môžu byť spojené, alebo kto boli ich nositelia. Navyše od 14. storočia boli vplyvy tatárskych vojenských tradícií na ruské a litovské krajiny stále viac a viac zásadnejšie.

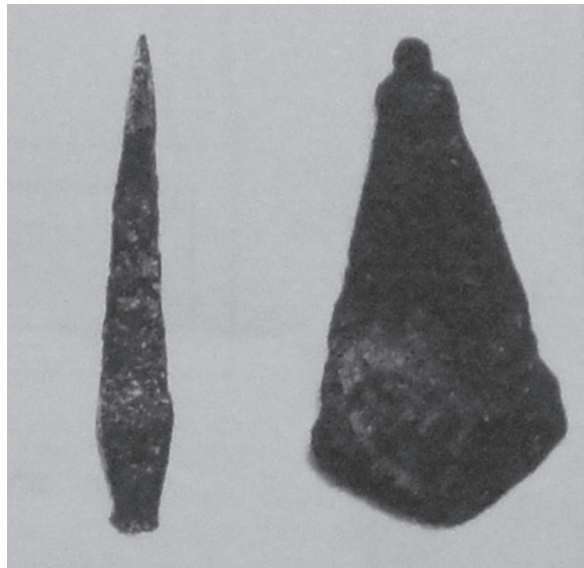

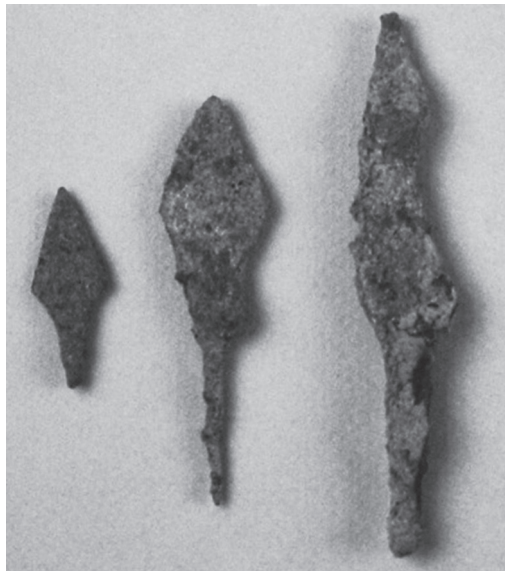
Ил. 1. Маршруты монгольских вторжений на польские земли в XIII веке и находки татаро-монгольского типа в средней Европе по В. Свентославскому (W. Świętosławski, *Archeologiczne ślady najazdów tatarskich na Europę Środkową w XIII w.*, Łódź 1997, ryc. 51, s. 115).

Ил. 2. Железные наконечники стрел из Хелма (Ł. Rejniewicz, *Chełm – Plac Wł. Łuczковского, Badania archeologiczne Ratusza i Kamienicy W. Węglińskiego*, [in:] *Badania archeologiczne o początkach i historii Chełma*, Lublin 2002, ryc. 3, s. 107).

Ил 3. Черешковый наконечник из Грудка (J. Rogatko, *Nowe znaleziska z okolic Gródka nad Bugiem woj. Zamość*, „Sprawozdania Archeologiczne”, 46, 1994, ryc. 4, s. 174).

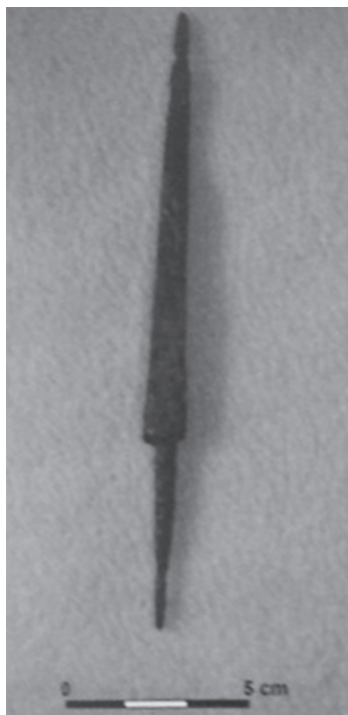

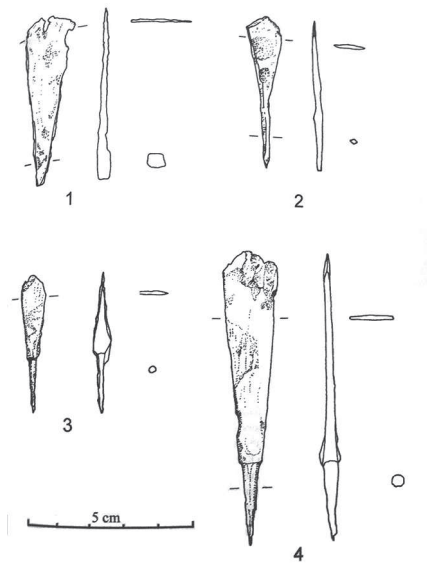
Ил 4. 3 железных наконечника из росколов в доминиканском монастыре в Кракове (А. Wojęś-Białasik, D. Niemiec, *Kościół i klasztor Dominikanów w Krakowie w świetle badań archeologiczno-architektonicznych w latach 2010–2012*, [in:] *Sztuka w kręgu krakowskich Dominikanów*, il. 16, s. 301).

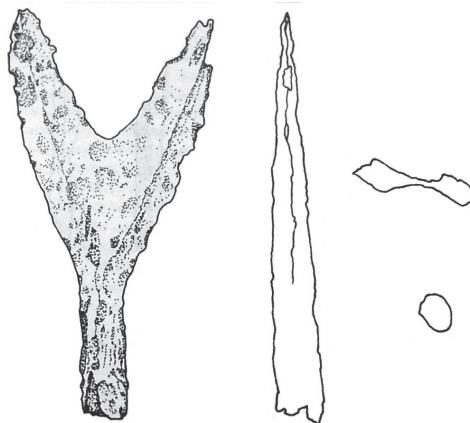
Ил. 5. Наконечник стрелы из Рыночной площади в Кракове (С. Buśko, W. Głowa, *Osada przedkolacyjna na Rynku krakowskim*, „Krzysztofor. Zeszyty Naukowe Muzeum Historycznego Miasta Krakowa”, 28, 2010, 1, ryc. 9, s. 150).

Ил 6. Игольвидный наконечник из замка в Кросно Оджанское, (P. Dziedzic, A. Michalak, *Import czy wyrób miejscowy? Uwagi o proveniencji kilku żelaznych zabytków uzbrojenia z terenu Środkowego Nadodrza w świetle analiz metalograficznych*, „Archeologia Środkowego Nadodrza”, 6, 2008, ryc. 4, s. 96).

Ил 7. Некоторые из находок со склона Смоговой горы, Трокс (R. Bodnar, D. Rozmus, Sz. Szymoniewski, *Wczesnośredniowieczne groty ze Smugowej Góry w pobliżu miejscowości Troks w powiecie olkuskim*, „Sprawozdania Archeologiczne”, 58, 2006, fig. 2, s. 533).

Ил 8. Железный втульчатый наконечник стрелы с вилкообразной лопастью из Трокса (Ibidem, fig.4., s. 536).

Антон Ковалев
(Минск)

Первые упоминания о городах Закарпатья в *Descriptio Europae Orientalis*

*В статье рассматривается проблема места Венгерского королевства в планах Папской курии эпохи Климента V и роль, которую оно должно было сыграть в распространении католического и французского влияния на Балканском полуострове после утверждения Анжуйской династии на венгерском престоле. Венгерский вопрос был составной частью глобальной французской экспансии в Средиземноморье, этим и объясняется большое внимание, уделенное Венгерскому королевству в *Descriptio Europae Orientalis*, чей автор, вероятно, использовал в своем сочинении и какие-то местные источники информации.*

Трактат *Descriptio Europae Orientalis*¹ (далее: DEO) был создан около 1307–1308 гг. по заказу курии Папы Климента V. Задачей трактата было сообщить как можно более полную информацию о Восточной Европе Карлу Валуа (1270–1325), брату французского короля Филиппа IV Красивого, который был провозглашен императором Латинской империи и призван возглавить

---

¹ *Anonymi descriptio Europae orientalis, imperium Constantinopolitanum, Albania, Serbia, Bulgaria, Ruthenia, Ungaria, Polonia, Bohemia*, ed. O. Górká, Cracoviae, 1916 [далее: DEO].

поход крестоносцев на Балканы, для завоевания Константинополя и восстановления Латинской империи. Реализация этой задачи должна была стать первым шагом масштабной программы по восстановлению владений франков в Палестине. Трактат *DEO* стал одной из многих работ, которые описывали эту программу. Он был написан на латинском языке с достаточно сильным вкраплением итальянизмов в текст. Не вызывает сомнения ни западноевропейское происхождение анонимного автора, ни политический заказ на данный труд, который представляет несомненный интерес для исследования, ведь это одно из первых включений Восточноевропейского региона в орбиту политики основных европейских держав того времени. Прежде всего, речь идет о Французском королевстве, которое в начале XIV века стало ведущей политической силой в Западной Европе, подчинив себе институт папства. Этот период вошел в историю как Авиньонское пленение пап. Кроме того, сложившаяся во второй половине XIII века система международных отношений в Средиземноморье привела к тому, что сразу ряд регионов за пределами собственно Франции был закреплен как наследственное владение за представителями французской королевской династии. Поэтому истоки тенденций и идеологии, прокламированных в *DEO*, следует искать именно в политике французских принцев в XIII – начале XIV века.

Исторически самым могущественным католическим государством и, следовательно, представляющим наибольший интерес для латинян в Юго-Восточной Европе было Венгерское королевство. Это государство, начало которому было положено переселившимися Паннонию в конце IX века кочевниками мадьярами, с момента принятия королем Иштваном Святым христианства по западному обряду в 1000 г. от Рождества Христова играло значимую роль на Балканах. В силу своего удачного стратегического положения, Венгрия всегда привлекала внимание крестоносцев из Западной Европы. Находящаяся на прямом сухопутном пути из Европы в Святую Землю, Венгрия впервые встретилась с крестоносным движением уже через несколько месяцев после проповеди Папы Урбана II в Клермоне. Несколько позже в XII и XIII веках венгры и сами становятся активными участниками крестовых походов. Таким образом, интерес Капетингов к Венгрии был обусловлен сразу несколькими факторами, в их числе ее удобным положением на пути в Святую Землю и Константинополь, а также статусом наиболее могущественной католической державы на Балканах.

Налаживание прочных связей между французской Анжуйской династией и Венгрией является заслугой Карла I Анжуйского, чья политика во многом определила как политическую карту Средиземноморского региона на будущие столетия, так и направления для развития здесь французской экспансии в начале XIV века². Одним из ключевых направлений династической политики Карла Анжуйского было создание с венгерской династией Арпадов мощного альянса, направленного против Византийской империи. В рамках ее реализации в 1270 г. старший сын и наследник Карла I, будущий неаполитанский король Карл II, стал мужем Марии, дочери венгерского короля Стефана V. Годом ранее в 1269 г. младшая сестра Карла II Изабелла была выдана за брата Марии и наследника венгерской короны Владислава IV. Таким образом, оба короля породнились, выдав своих наследников за дочерей друг друга.

В начале XIV века Венгрия была погружена в анархию после прекращения династии Арпадов в 1301 г. В развернувшейся в 1301–1310 гг. борьбе победу одержал французский принц Карл Роберт (1288–1342), не в последнюю очередь благодаря помощи со стороны папства³. Исследуемый трактат был создан в 1307–1308 гг., то есть во время, когда борьба за корону в Венгрии достигла своей финальной фазы и королевство уже прочно вошло в орбиту политических интересов французской династии. О ситуации в Венгрии в курии знали хорошо, так как с 1307 г. при Карле легатом состоял кардинал Жениле Портино де Монтефьёре. Упрочение французских позиций в Венгрии было решено учесть при планировании нового крестового похода. Положение и значение Венгрии было отмечено в тексте *DEO*, где королевство рассматривалось в качестве основного союзника Карла Валуа при расширении французского влияния в Средиземноморье: „Ex hiis satis aduerti potest, quod bulgaria et ruthenia et Rasia sunt inter greciam et vngariam, et ideo ubi dominus karolus haberet grecorum imperium, confederatione facta cum rege vngarie, idem dominus Karolus ex vna parte et rex Vngarie Karolus ex altera parte de facili haberent et subiugarent omnes illas scismaticas et barbaras nationes, que tam opulenta et delicata regna, sicut iniusti possessores occupant”⁴. Что харак-

² С. Рансимен, *Сицилийская вечерня: История Средиземноморья в XIII веке*, Санкт-Петербург 2007, с. 101–105.

³ E. Pal, *The realm of Saint Stephan*, London, New York 2005, p. 107–110.

⁴ *DEO*, p. 42–43. Русский перевод: „Из этого понятно, что Болгария и Рутения, и Рашка находятся между Грецией и Венгрией, и по этой причине, как только господин Карл завладел бы империей греков, она объединена была бы с Венгерским королевством; господин Карл

терно, данный пассаж текста помещен не в разделе, посвященном Венгрии, но закрывает рассказ о православных государствах Восточной Европы: Рашке (Сербии), Болгарии и Руси, являясь своеобразным призывом к действию для потенциальных исследователей.

Таким образом, пристальное внимание к Венгерскому королевству со стороны автора трактата объясняется тем, что этот регион в Папской курии рассматривался как один из плацдармов для дальнейших завоеваний, после реализации текущей повестки дня – захвата Константинополя. Утверждение Анжуйской династии на престоле наиболее влиятельной из католических держав на Балканах служило на руку французским амбициям в Средиземноморье и способствовало укреплению их позиций в регионе. Следует также отметить, что многие положения программы *DEO* относительно Сербии, Болгарии и Руси, были в итоге реализованы сыном Карла Роберта, Людовиком Великим (1326–1382), при котором власть венгерского короля распространилась от Адриатики и Далмации до Болгарии.

Неслучайно описанию Венгерского королевства посвящено около четверти от всего объема *DEO*. При этом в источнике достаточно подробно охарактеризовано королевство: более пространное, чем в случае других стран. Имеются отсылки к истории страны, описание государственного устройства, перечисление должностей при королевском дворе: *palatinus, magister tarnicorum*. Кроме того, *DEO* развернуто отражает географические условия королевства, его административное деление и особенности конкретных областей.

Крайне интересен тот факт, что географические данные, которые вводит в оборот *DEO*, крайне неравномерно распределены на территории Венгрии. Следовало бы ожидать, что наиболее подробно автор будет описывать земли западной части королевства, как наиболее известные в Западной Европе. В целом такая тенденция прослеживается: и западные, и центральные области Венгрии действительно описаны анонимом более подробно, нежели восток. Однако данное правило нарушается, когда автор характеризует земли на восточной границе (территория современной Закарпатской области Украины и Румынии). При этом плотность и компактность размещения введенных географических данных в этой области превосходит любую другую из земель, описанных в трактате. Всего в пассаже о Закарпатье названо 12 ло-

---

с одной стороны и король Венгрии Карл с другой стороны с легкостью захватили бы и подчинили бы все те племена схизматиков и варваров, и их богатые и изобильные царства, поскольку, несправедные повелители владеют ими”.

каций, для сравнения: на территории Западной Венгрии от пограничья с Австрией до озера Балатон и Буды анонимный автор, отмечает всего 9 топонимов и гидронимов.

Можно, таким образом, говорить о каком-то венгерском, румынском или славянском источнике, возможно, устном, который был использован в Папской курии для описания восточных областей Венгерского королевства. Кроме того, в ряде случаев мы обнаруживаем самое раннее упоминание населенного пункта в письменных источниках.

Ниже мы цитируем пассаж *DEO*, посвященный Закарпатыю: „Pars esciam transilvana irrigatur maximis fluuis naualibus, per quos cum magnis nauibus deferentur sales per totum regnum et ad alia regna uicina uidilicet vysis, thesu, thalabint, thiscia, soget, purut, lapis, sconus, aragas, morus, bistrice”⁵. Как видно, аноним в этом абзаце перечисляет ряд карпатских топонимов и гидронимов. Рассмотрим указанные локации подробнее.

Первым в списке назван „vysis”, ныне поселок Вышково (укр. Вишкове, венг. Visk, румын. Vâșc) в Закарпатской области Украины. Впервые Вышково упомянуто под 1271 г. в связи с передачей поселения венгерским королем Стефаном V в пользу братьев Мике и Стефана Чепанов из рода Гунт-Пазмань. Укрепляя свои владения, они соорудили неподалёку от села, на горе Варгедь, земляную крепость. Главным назначением Вышковской крепости являлась охрана соляных копей и контроль над перевозкой соли по Тисе. Эта информация совпадает с сообщением *DEO*. В 1329 г. Вышково получило статус королевского (коронного) города⁶.

Далее следует упоминание о „thesu” – Тячеве. Традиционно первым письменным упоминанием названия города Тячева (укр. Тячів, венг. Técső, рум. Тесеу Маре) в историографии считается грамота 1329 г., в которой венгерский король Карл I Роберт перевел города Тячев, Хуст, Вышково, Долгое Поле, Сигет в разряд коронных, чье население освобождалось от повинностей в пользу местных феодалов и вместо этого должно было платить налоги в королевскую казну⁷.

⁵ *DEO*, р. 47–48. Русский перевод „Область Трансильвания омывается величайшими судоходными реками, по которым большими кораблями развозится соль по всему королевству и в другие соседние области, а именно: Вышково, Тячев, Талабор, Тиса, Сигет, Прут, Лапош, Сомеш, Арьеш, Марош, Быстрица”.

⁶ *Історія міст і сіл Української РСР т. 7. Закарпатська область*, ред П. Т. Тронько, Киев 1969, с. 718.

⁷ *Ibidem*, с. 567; A. Zlatnik. *Studie o stathich lesich na Podkarpatske Rusi*, Praha, 1934, с. 8.

„Thalabint” – Теребля (укр. Теребля, венг. Talaborfalu, рум. Talabor) – село в Тячевском районе Закарпатской области Украины. Традиционно в историографии считается, что первое упоминание о нем относится к 1389 г.⁸ В средние века село также было центром соледобычи.

„Soget” – Сигету-Мармацией (укр. Сигіт(-Мармароський), рум. Sighetu Marmăției, венг. Máramarossziget, нем. Marmaroschsiget) впервые (?), упомянут в том же документе 1329 г., что и Тячев⁹.

В случае с Сигету-Мармацией и Тячевом первое упоминание в письменных источниках датируется 21 годом ранее (с 1329 г. на 1308 г.), а в случае с Тереблей – 81 годом (с 1389 г. на 1308 г.). Таким образом, данные трактата *DEO* удревяют историю этих населенных пунктов. Общеизвестным является тот факт, что восточноевропейское средневековье гораздо беднее на источник и в меньшей степени обеспечено историческими источниками, чем средневековая история западных стран. Тем более важным для исследователей является уникальная возможность: воспользоваться западноевропейским трактатом для уточнения узких моментов восточноевропейской истории. Также в процитированном выше пассаже анонимный автор перечисляет ряд крупнейших рек Дунайского бассейна, среди которых: „thiscia” – Тиса, крупнейшая река Закарпатской области, „prut” – Прут, крупный приток Дуная, „lapis” – вероятно, Лапушна, левый приток Дуная; „sconus” – Сомеш, левый приток Тисы; „aragas” – Арьеш, река в Румынии, приток Мароша; „mogus” – сам Марош, левый приток Тисы, протекающий по территории Румынии и Венгрии, и, наконец, „bistrice” – Быстрица, вероятно, верхний приток Днестра. Как видно из самого текста *DEO*, все эти перечисления связаны с добычей соли в средние века в указанном регионе. Таким образом, становится понятно и назначение пассажа процитированного нами выше: аноним перечисляет ряд центров производства соли и основные пути ее поставки – реки, ведущие в Черное море.

Таким образом, данный исторический источник представляет большой интерес для исторической науки. С одной стороны, он решает глобальную задачу – вводит восточноевропейское пространство в орбиту внешней политики Капетингов; с другой же, на уровне региона, достаточно удаленного от основной цели похода, вводит целый ряд данных, новых для исторической географии. Возможно, такое внимание и обилие данных о Закарпа-

⁸ *Історія міст і сіл Української РСР*, с. 648.

⁹ См. сноску 7.

тье в трактате стоит связывать с Другетами, феодальным родом из Апулии, который прибыл в Венгрию в начале XIV века вместе с Карлом Робертом и получил за свою службу владения в Закарпатье в 1318 г.¹⁰ В частности с родоначальником рода Филиппом Другетом (ок. 1288–1327), в 1315–1327 гг. жупаном Спишского графства. Однако данная проблема требует более детального рассмотрения.

*

Anton Kovaleuy, *The first mentions of Transcarpathian places in Descriptio Europae Orientalis*

The article considers the role and the placement of the Kingdom of Hungary in accordance with the crusading program, created in Roman curia at the times of the Pope Clement 5. The alliance between Hungary and French royal house of Napoli started in the middle of the 13th century, by the royal marriage between two dynasties. Therefore, the Anjou inheritance of the Hungarian crown was the part of the global expansion program, which would lead to the conquer of the adjacent to Hungary orthodox kingdoms on the Balkan Peninsula. Those circumstances explain a high level of attention, dedicated to the Kingdom of Hungary by an anonymous author, who probably used the local sources of information for the creation of the description of Hungary.

Anton Kovaleuy, *Prvé zmienky o miestach za Karpatami v Descriptio Europae Orientalis*

Referát pojednáva o mieste a úlohe Uhorského kráľovstva v spojitosti s križiackym programom vytvoreným Rímskou kúriou v časoch pápeža Klementa V. Aliancia medzi Uhorskom a francúzskou kráľovskou rodinou z Neapola vznikla v polovici 13. storočia na základe dynastického sobáša. Anjouovské dedičstvo uhorskej koruny bolo časťou plánu globálnej expanzie, ktorá mala viesť k ovládnutiu pravoslávnych kráľovstiev na Balkánskom polostrove. Tieto okolnosti vysvetľujú vysokú pozornosť anonymného autora smerom k Uhorsku, pravdepodobne opretú na lokálnych zdrojoch informácií.

---

¹⁰ Выражаю благодарность А. Мартынюку за указание на такую возможность. Шире о Другетах в Венгерском королевстве, см.: Đ. Hardi, *Drugeti: povest o usponu i padu porodice pratilaca anžujskih kraljeva*, Novi Sad 2012.

Ил. 1. Карта Венгерского королевства на основе информации из *Descriptio Europae Orientalis*. Автор Антон Ковалев.

Андрей Стасюк
(Ивано-Франковск)

Король Юрий Львович и францисканские миссионеры в начале XIV века

Статья посвящена миссионерской деятельности францисканцев в галицко-волынских землях в начале XIV в. На основании изучения разноплановых источников и существующей историографии автору удалось проследить деятельность миноритов в Русском королевстве во времена правления Юрия Львовича. В работе также поднимается вопрос о принятии им титула rex Rusie и его возможных переговоров с Апостольской столицей.

Отсутствие продолжения *Галицко-Волинской летописи* не позволяет полностью отобразить историю королевства Руси конца XIII – первой трети XIV веков. Однако, проникновение в галицко-волынские земли латинских миссионеров, в том числе и францисканцев, можно проследить благодаря материалам папской канцелярии, а также другим латиноязычным источникам.

Известно, что на рубеже XIII–XIV веков всю политическую власть в галицко-волынских землях сосредоточил в своих руках старший сын князя Льва Даниловича, Юрий, при котором государство Романовичей достигло пика своего могущества¹. Согласно единственной сохранившейся печати

---

¹ Я. Исаевич, *Галицко-Волинское княжество в конце XIII – начале XIV в.*, [in:] *Древнейшие*

Юрия, датированной первой четвертью XIV века, он титуловался „королем Руси и князем Владимирии” („s[igillum] domini Georgi regis Rusie; s[igillum] domini Georgi ducis Ladimirie”)². На аверсе печати Юрий изображен в королевском маестате (*иллюст. 1*), что может свидетельствовать о вероятной коронации князя в начале XIV века. В польских, чешских, австрийских и германских нарративных источниках XIV–XV веков Юрий Львович также неоднократно назван королем Руси, а его владения – королевством³. В исторической науке принятие им титула „короля Руси” объясняется результатом переговоров с Римской церковью⁴ или традициями, восходящими к коронации Даниила Романовича в 1253 г.⁵ Не исключено также, что принятие Юрием королевского титула могло быть результатом его переговоров с Папой римским Климентом V, о чем под 1309 г. намекает Ян Длугош: „Clemens papa V. ad Ruthenorum regem nuntiis missis, honoratur et requirit eum ut iuxta polliticanionem suam per nuntios et litteras factam ad obedientiam et unionem Ecclesiae Romanae venire non negligat. Qui nuntions apostolicos vacuos remittit in schismate inveterate perseveravit”⁶.

Сообщение польского хрониста до недавнего времени считалось достоверным. Только в последние годы его конструктивную критику предложил львовский исследователь Илья Паршин⁷. После верификации всех сохра-

---

государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987 год, Москва 1989, с. 71; Л. Войтович, *Галицько-Волинські етюди*, Біла Церква 2011, с. 319–325.

² Я. Книш, *Sigillum Leonis*, „Княжа доба: історія і культура”, 3, 2010, с. 258.

³ См.: И. Паршин, *Король Юрий Львович на страницах западноевропейских хроник*, „Русин”, 2012, 4 (30), с. 73–85.

⁴ W. Abraham, *Powstanie organizacji kościoła łacińskiego na Rusi*, t. 1, Lwów 1904, s. 173; М. Грушевський, *Історія України-Руси: В 10 т., 11 кн.*, т. 3, Київ 1993, с. 113–114. Интересно, что М. Грушевський сомневался была ли коронация Юрия Львовича результатом переговоров с папой, хотя и не отрицал такой возможности. См. также: М. Чубатий, *Історія християнства на Русі-Україні*, т. 1, Рим–Нью-Йорк 1965, с. 665–667; І. Паславський, *Заснування Галицької митрополії 1303 року: причини та наслідки*, [in:] *Доба короля Данила в науці, мистецтві, літературі. Матеріали Міжнародної наукової конференції, Львів, 29–30 листопада 2007 р.*, Львів 2008, с. 222.

⁵ J. Sieradzki, *Regnum Russiae*, „Kwartalnik Historyczny”, 1958, 2, s. 507–508; Я. Исаевич, „Королевство Галиции и Володимирии” и „Королевство Руси”, [in:] *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1985 год*, Москва 1985, с. 62–63; Idem, *Галицко-Волинское княжество*, с. 73.

⁶ I. Długossii, *Annales seu Cronicae ingliti regni Poloniae*, vol. 5, lib. 9, Varsaviae 1978, p. 56; Idem, *Roczniki czyli kroniki sławnego Królestwa Polskiego*, t. 5, ks. 9, Warszawa 1975, s. 69.

⁷ І. Паршин, *Чи було папське посольство до Галицько-Волинської держави на початку XIV ст.?*, „Княжа доба: історія і культура”, 8, 2014, с. 318–325.

нившихся источников он пришел к выводу, что упомянутое Я. Длугошем папское посольство *ad Ruthenorum regem* касалось, скорее всего, сербского короля Стефана Уроша II Милутина, а не Юрия Львовича⁸. И. Паршин обратил внимание на *Historia ecclesiastica nova* Бартоломея Фиадони, где под тем же 1309 г. упомянуто посольство папы, но вместо короля Руси, целью миссии указан король Сербии: „Eodem anno misit nuntios ad regem Rasiae”⁹. Таким образом, по мнению львовского историка, Я. Длугош взял информацию о переговорах папы Климента V с одним из православных правителей из более раннего источника – *Historia ecclesiastica nova*, ошибочно заменив *ad regem Rasiae* на *ad Ruthenorum regem*¹⁰. Тем не менее, И. Паршин не отбрасывает полностью возможности контактов между папой и королем Руси в начале XIV века¹¹.

На фоне политической и религиозной ситуации в исследуемый период упомянутые переговоры действительно могли состояться. Вероятно, представителями Апостольской столицы, так же как и в середине XIII века, были францисканцы или доминиканцы. Ведь 23 июля 1307 г. папа Климент V повторно издал особый привилегий *Cum hora undecima* для латинских миссионеров – Братьев Меньших и Братьев Проповедников, позволяющий им вести миссионерскую деятельность среди схизматиков, неверных народов Востока и Севера, среди которых названы также *terras Ruthenorum*¹². Интересно, что фландрский источник второй половины XV века *Cornelii Zantfliet Chronicon*, упоминавший, как и Я. Длугош, о папском посольстве к королю Руси под 1308 г., непосредственно указывал на участие в этом посольстве францисканцев и доминиканцев: „Anno 1308 [...] Idem papa regi Russiae misit fratres de ordine Preadicatorum et Minorum”¹³. Поэтому, поддерживая в целом тезис львовского историка, хотим отметить, что контакты Апостольской столицы с Юрием Львовичем выглядят достаточно реалистичными, а участие в них миноритов кажется вполне закономерным. То есть, как и в случае

⁸ Ibidem, с. 325

⁹ Ibidem, с. 323–324.

¹⁰ Ibidem.

¹¹ Ibidem, с. 325.

¹² *Bullarium franciscanum sive romanorum pontificum constitutiones epistolae, diplomata tribus ordinis minorum, clarissarum, poenitentium a Seraphico patriarcha sancto, francisco institutis ab eorum orginibus ad nostra usque tempora concessa*, Reverendissimi patris magistri Laurentis Caratelli de Signia, vol. 5, Romae 1898, n., 84, p. 35–37.

¹³ Цит. за: И. Паршин, *Чи було папське посольство*, с. 321, посл. 24.

с посольством к сербскому правителю, представителями римской курии в русских землях в начале XIV века могли выступать францисканские миссионеры.

Кроме этого, 8 августа 1307 г. папа Климент V назначил кардинала-францисканца Джентилия с Монтефиоре официальным легатом к венгерскому королю Карлу Роберту. Согласно папской булле, полномочия легата-минорита распространялись на владения династии Анжу в Венгрии, а также на Польшу, Далмацию, Хорватию, Раму, Сербию, Владимирскую и Галицкую земли, половецкие владения и другие страны: „eodem regno, et in Polonie, Dalmatie, Croatie, Rame, Servie, Lodomerie, Galitie, Cumanieque patribus illi conterminis”¹⁴, дублируя, в целом, титул венгерских королей. Фактически кардинал получал приоритетное право на переговоры с Юрием Львовичем. Непосредственно об этом свидетельствует постановление легата от 10 ноября 1309 г. о запрете бракосочетания представительниц венгерской и польской правящих династий с мужьями „схизматиками”¹⁵, что, предположительно, было вызвано отказом Юрия Львовича заключить церковную унию¹⁶.

Миссионерская деятельность францисканцев в русских землях в начале XIV века, а возможно, и их участие в переговорах папы Климента V с королем Юрием, отобразилась и в двух географических трудах, происхождение которых связывают с миноритами. В первую очередь, речь идет об анонимной *El Libro del conocimiento de todos los reinos* из Кастилии¹⁷. Памятник францисканского происхождения включает древнейшую геральдическую символику и ее описание. Автор-минорит, рассказывая о своем „воображаемом путешествии”¹⁸ по Восточной Европе, упомянул о „королевстве Львов”, назы-

¹⁴ *Vetera Monumenta historica Hungariam sacram Illustrantia*, ed. A. Theiner, t. 1: 1216–1352, Romae 1859, p. 415–416.

¹⁵ W. Abraham, *Statuta Legata Gentilisa wydane dla Polski na synodzie w Preszburgu 10 listopada r. 1309*, [in:] *Archiwum komisji prawniczej*, t. 5, Kraków 1897, s. 22–23.

¹⁶ Во время консультаций с сербским историком Д. Гарди тот высказал мысль о том, что этот запрет касался балканских дел.

¹⁷ См.: *Book of the knowledge of all the kingdoms, lands and lordships that are in the world, and the arms and devices of each land and lordship, or of the king and lords who possess them. Wirtten by a Spanish Franciscan in the middle of the XIV century*, transl. and edited C. Markham, „The Hakluyt Society”, Seria II, 29, 1912, 85 p.; *El Libro conocimiento de todos los reinos (The Book of Knowledge of All Kingdoms)*, edition, translation and study by N. F. Marino, Tempe–Arizona 1999, 138 p.

¹⁸ Считается, что информация о Русском королевстве (королевство Львов) небазировалась на эмпирическом опыте автора. В начале своего рассказа аноним-францисканец упомянул,

ваемом немцами Лемберг (Lumbrec), в котором находились пять больших городов (земель): Львов (Leon), Киев (China), Владимир (Vasadino/Basadino), Туров (Tinez/Trues) и географический объект Сивер (?) (Çever). Возможно, последний являлся частью Левобережья или молдавских земель с центром в городе Серет (Çever), в XIV веке находившегося в составе Галицкой митрополии¹⁹. В качестве символов правителя этих территорий указаны зеленый флаг с красным крестом (в других списках источника – крест с полумесяцем или лапчатый крест)²⁰, а население страны считалось христианами-схизматиками²¹. На наш взгляд, составитель труда не случайно называл данные земли королевством, а правителей – королями. Вполне вероятно, что аноним-минорит, работая над книгой в середине XIV века, использовал всю доступную ему информацию о владениях Юрия Львовича и его наследников²². Сведения он мог получить или от своих собратьев, или, возможно, от доминиканских миссионеров, находившихся в русских землях с 1307 г.

Второй анонимный труд, сохранивший интересную для нас информацию, датируется началом XIV века и называется *Anonymi Descriptio Europae Orientalis*²³. В нем находим оригинальные сведения о большом государстве Русь

что родился в 1304 г. В то же время много исторических фактов, указанных в *El Libro del conocimiento*, касаются начала XIV в. Такие хронологические несоответствия подтолкнули исследователей к предположению, будто бы труд или отдельные его части были созданы на основании вторичной информации. См.: А. Gieysztor, *Polska w „El libro del Conoscimiento” z połowy XIV wieku*, „Przegląd Historyczny”, 56, 1965, 3, s. 397–412; Р. Климкевич, *Львів і Україна в найдавнішому геральдичному творі*, „Хроніка 2000”, 35–36, 2000, с. 104–109; Я. Книш, *Столичне місто короля Юрія та його спадкоємців*, [in:] *Історія Львова*, т. 1, Львів 2006, с. 59; А. Гречило, *Становлення символів Руського королівства (друга половина XIII – початок XIV ст.): версії, міфи, традиції*, [in:] *Доба короля Данила*, с. 265–270.

¹⁹ П. Грицак, *Галицько-Волинська держава*, Нью Йорк 1958, с. 146–147; І. Скочиляс, *Галицька митрополія XIV – першої половини XV ст.*, „Княжа доба: історія і культура” 4, 2011, с. 258–261.

²⁰ О происхождении флагов Русского королевства согласно *El Libro del conocimiento* интересный взгляд выразил львовский историк А. Гречило. Он отметил, что такие изображения, скорее всего, были случайными или вымышленными автором. См.: А. Гречило, *Становлення символів Руського королівства*, с. 265–270.

²¹ *Book of the knowledge of all the kingdoms*, р. 8–9; *El Libro conoscimiento de todos los reinos*, р. 12–15; П. Грицак, *Галицько-Волинська держава*, с. 146–147.

²² Р. Климкевич, *Львів і Україна*, с. 104–110; Я. Книш, *Столичне місто*, с. 59–60.

²³ *Anonymi descriptio Europae Orientalis „Imperium Constantinopolitanum, Albania, Serbia, Bulgaria, Ruthenia, Ungaria, Polonia, Bohemia” Anno MCCCXVIII exarata*, edidit, praefatione et adnotationibus instruxit О. Górkа, Cracoviae 1916; *Anonymi descriptio Europae Orientalis*. Анонимов опис Источне Европе, уредник С. Рудић, Београд 2013.

(Ruthenia), населенном „схизматиками” и находящимся под властью знатного князя Льва (*dux Leo*), дочь которого была женой венгерского короля Карла Роберта: „*filiam huius Leonis duxit nunc in uxorem rex Hungarie Carolus*”²⁴. Там же сказано, что эти земли некогда входили в состав Священной Римской империи, потом Венгрии, а в начале XIV века платили дань татарам²⁵.

Согласно новейшим исследованиям²⁶, вероятным автором *Anonymi Descriptio Europae Orientalis* мог быть францисканец, хотя не исключено, что авторство могло принадлежать и доминиканцу или даже простому канонику, хорошо осведомленному о политической жизни Венгерского королевства и Балкан²⁷. Но даже если труд был написан обычным священником, то его информаторами, скорее всего, были именно минориты, занимавшиеся миссионерской деятельностью в Восточной Европе, начиная с первой трети XIII века. Об этом свидетельствует косвенное упоминание анонима о распространении и единстве славянского языка, которое встречаем и в других францисканских сочинениях середины – второй половины XIII века²⁸.

Еще одним непрямым свидетельством в пользу возможных контактов Юрия Львовича с католическими миссионерами, в том числе и с францисканцами, является толерантное отношение русского правителя к духовенству латинского обряда, засвидетельствованное Я. Длугошем²⁹.

²⁴ *Anonymi descriptio Europae Orientalis*, p. 24, 40; *Анонимов опис Источне Европе*, с. 114, 130–131. В историографии до сих пор продолжается дискуссия о „русской жене” Карла Роберта. Главными оппонентами в этой дискуссии выступают польский историк С. Срока и венгерский исследователь Д. Кришто. В последнее время к полемике присоединился Л. Войтович. В центре внимания историков вопрос о том, была ли первая жена венгерского монарха, королева Мария, дочерью русского князя Льва II Юрьевича (*Kristó, Orosz hercegnő volt-e Károly Róbert első felesége?*, „Aetas”, 1994, 1, s. 194–199), дочерью Льва Даниловича (Л. Войтович, *Княжа доба на Русі. Портрети еліти*, Біла Церква 2006, с. 507–509) или внучкой Льва Даниловича и дочерью битомского князя Казимира (С. Срока, *Чи існувала руська дружина угорського короля Карла Роберта на початку XIV століття*, „Княжа доба: історія і культура”, 3, 2010, с. 268–277).

²⁵ *Anonymi descriptio Europae Orientalis*, p. 40–41; *Анонимов опис Источне Европе*, с. 131.

²⁶ *Анонимов опис Источне Европе*, с. 45–50.

²⁷ *Anonymi descriptio Europae Orientalis*, p. III–XVI; *Анонимов опис Источне Европе*, с. 45–50.

²⁸ А. Стасюк, *Russia/Ruthenia на сторінках францисканських джерел XIII ст.*, [in:] *Principality in lands of Galicia and Volhynia in international relations in 11th–14th c. Publication after 2 International Conference, Ivano-Frankivsk, 20–22th October, 2011*, ed. V. Nagirnyy, Krakow 2012, с. 105–109 [Серия: *Colloquia Russica, Series I*, vol. 2].

²⁹ I. Długossii, *Annales seu Cronicae*, vol. 5, lib. 9, p. 51; Idem, *Roczniki*, t. 5, ks. 9, s. 64.

Подводя итоги, нужно отметить, что в начале XIV века наблюдаем очередную всплеск активности Апостольской столицы в землях Романовичей. Главная роль в этом принадлежала латинским миссионерам – Францисканскому и Доминиканскому орденам. Проникновение миноритов на Русь во время правления Юрия Львовича подтверждается, в первую очередь, папской буллой 1307 г., а также двумя географическими трактатами, связанными со средой Братьев Меньших. Неоспоримым также является использование Юрием Львовичем титула *Rex Rusie*, однако не до конца ясным остается вопрос о возможной связи между его принятием и переговорами русского правителя с папой Климентом V. К сожалению, состояние источников вынуждает нас оставить последний вопрос открытым.

*

Andriy Stasyuk, *King Yuriy Lvovich and Franciscan Missionaries at the Beginning of the 14th century*

This study addresses the problem of Franciscan missionary activities in the Galician and Volhynian lands at the beginning of the 14th century. On the basis of the research of diverse sources and secondary literature, the author has managed to trace the activities of the Friars Minor in Ruthenian during the reign of King Yuriy Lvovich. As the author points out there is an interesting, but quite complex question of an adoption of the title of *Rex Rusie* by Yuriy Lvovich as well as of possible negotiations between the Holy See and the Galician-Volhynian ruler.

Andriy Stasyuk, *Kráľ Jurij Levovič a františkánski misionári na začiatku 14. storočia*

Táto práca sa venuje problému františkánskych misionárskych aktivít v krajinách Haličska a Volynska na začiatku 14. storočia. Na základe štúdia rôznych prameňov a literatúry autor sleduje aktivity minoritov v Kráľovstve Rusi za vlády kráľa Jurija Levoviča. V článku autor poznamenáva, že zaujímavá avšak aj celkom komplikovaná je otázka prijatia titulu *rex Rusie* Jurijm Levovičom a možné jednania medzi Svätou stolicou a týmto haličsko-volynským vládcom.

Ил. 1. Печать короля Юрия Львовича.

М. Грушевський, *Ілюстрована історія України*, Київ 1990, с. 128–129.

Dominik Blanár
(Bratislava)

Uhorsko-poľská intervencia na Rusi proti Tatárom v 1323–1325¹

Po smrti posledných kniežat Haličsko-vladimírskej Rusi z rodu Romanovičovcov v roku 1323 bola integrita tohto kniežatstva priamo ohrozená možným vpádom Tatárov. Proti tomu bol poľský kráľ Vladislav Lokietko nútený priamo zasiahnuť. Podporu hľadal nielen u pápeža Jána XXII., ale aj na susedných panovníckych dvoroch: Litovskom veľkokniežatstve, Mazovskom a Dobrzyńskom kniežatstve a v Uhorsku. Vďaka predpokladanej rozsiahlej diplomacii ako aj priamemu vojenskému zásahu na Rusi sa mu podarilo na tento ruský kniežací stolec presadiť 13-ročného Boleslava, syna mazovieckého kniežata Trojdena a Márie Jurievny. Pri absencii akýchkoľvek priamych prameňov bol urobený pokus o rekonštrukciu tejto intervencie, vrátane nasadenia uhorských oddielov v boji proti odbojným ruským bojarom a Tatárom. Z množstva skúsených rytierov severovýchodného Uhorska, dlhodobo angažovaných v poľských záležitostiach, sa podarilo identifikovať dve osoby participujúce na intervencii: Rykolfa z rodu Berzevici a Jána z budimírskej vetvy rodu Aba.

Haličsko-vladimírske kniežatstvo (Haličsko-vladimírska Rus) hralo predovšetkým od 13. storočia vo vzťahu k Poľsku (zvlášť Malopoľskému a Mazovskému knie-

---

¹ Článok vznikol vďaka podpore grantu *Konfinium uhorského a poľského štátu v stredoveku* – APVV SK-PL-0079-12.

žatstvu) ako aj Uhorsku dôležitú úlohu. Z poľského pohľadu išlo predovšetkým o obdobie prelomu 13. a 14. storočia, teda času obnovenia Poľského kráľovstva, v rámci zjednocovacieho procesu a upevňovania pozícií kniežaťa Vladislava Lokietka ako najambicióznejšieho piastovského kniežaťa (1260–1333)². Tento neskorší poľský kráľ (1320–1333) ešte v roku 1290, v rámci svojej východnej ruskej politiky, mal podiel na sobáši svojej najmladšej sestry Eufémie s Jurajom, synom vládcu Haličsko-vladimírskara Leva Danieloviča (1245–1301)³. Prišlo tak k vytvoreniu užšieho spojenectva medzi Vladislavom Lokietkom a ruskými kniežatami, počnúc Levom Danielovičom, jeho synom Jurajom I. (1301–1308) až po oboch Jurajových synov Andreja a Leva, ako posledných Romanovičovcov na tomto ruskom tróne (1308–1323). Samotný sobáš bol súčasťou širšej dynastickej politiky Lokietka⁴, účelom ktorej bolo získavanie spojencov, a posilňovanie jeho pozície vo vtedajšom Poľsku. Touto ruskou politikou sa mu podarilo zabezpečiť východné hranice svojho Sandomierskeho a neskôr Malopoľského panstva v období permanentného boja o zjednotenie Poľska, ktorý viedol proti domácim, ale predovšetkým zahraničným protivníkom⁵. Praktické využitie tohto spojenectva sa konkrétne prejavilo aj vojenskou podporou Juraja I. v roku 1300 proti českému a poľskému kráľovi Václavovi II⁶. Vladislav Lokietko, ktorý bol v tomto konflikte

² Vladislav pre svoj nízky vzrast nazývaný Lokietok (pol. Łokietek) sa narodil r. 1260 ako syn kniežaťa Kazimíra I. Kujavského a Eufrozíny Opolskej. Od roku 1267 bol kniežatom Brzeska a Dobrzynska (pod poručníctvom svojej matky), v rokoch 1288–1300 brzeský a sieradzký vojvoda, sandomierske knieža 1289–1300, łeczycské knieža 1294–1300, veľkopoľské a pomorské knieža 1296–1300, 1300–1304 vyhnaný z vlasti, od roku 1304–1306 znova nadobudol stratené pozície a stal sa kniežatom Sieradzka, Sandomierska, Łeczycka, Brzešcia, pričom od roku 1306 so ziskom Krakovska získal aj výsadné postavenie medzi piastovskými kniežatami, na krátky čas (1306–1308/9) sa mu podarilo opanovať Pomorie, roku 1314 získal pod nadvládu Veľkopoľsko a 20. januára 1320 bol korunovaný za poľského kráľa. Pozri tiež: O. Balzer, *Genealogia Piastów*, Kraków 2005, s. 592–596.

³ K určeniu dátumu a okolností uzavretia tohto manželstva pozri najnovšie: D. Dąbrowski, *Rodowód Romanowiczów księząt halicko-wołyńskich*, Poznań–Wrocław 2002, s. 206–217.

⁴ K. Jasiński, *Politika małżeńska Władysława Łokietka*, [in:] *Genealogia. Rola związków rodzinnych i rodowych w życiu publicznym w Polsce średniowiecznej na tle porównawczym*, ed. A. Radziwiński, J. Wroniszewski, Toruń 1996, s. 18–19.

⁵ Išlo predovšetkým o rivalitu so susednými krajinami (České kráľovstvo, Brandenbursko, Rád nemeckých rytierov) voči Poľsku v zápase o ovládnutie jednotlivých poľských kniežatstiev ako aj o poľskú korunu (v prípade českého kráľa). B. Włodarski, *Polska i Ruś 1194–1340*, Warszawa 1996, s. 225–229, 238–239.

⁶ „Rutheni terram Sandomiriensem intrant et Novam Civitatem (Nowe Miasto, alebo Korczyn – D.B.) spoliunt et comburrunt et multa mala in tota terra fecerunt militibus existentibus in bello cum rege Bohemie”. *Rocznik Traski*, [in:] *Monumenta Poloniae Historica* [ďalej: MPH]: t. 2, ed. A. Bielowski, Lwów 1872, s. 853.

porazený a vyhnaný z krajiny, následne našiel na vladimírskom dvore Juraja I. aj bezpečný azyl⁷. Po znovudobytí stratených pozícií a ovládnutí Malopoľska a Krakova (1304–1306), mohol Lokietko tieto služby panovníkovi západnej Rusi vrátiť.

Po smrti Juraja I. ako kráľa Rusi⁸ a jeho manželky Eufémie sa na konci apríla 1308⁹ vlády v Haličsko-vladimírsku mali ujať jeho dvaja mladí (15–16 roční) synovia Andrej a Lev (II.), ako poslední priami potomkovia Romana Mstislavoviča. Aby sa udržala politická stabilita Rusi, garantom a poručníkom mladých kniežat sa mal stať práve Vladislav Lokietko, ktorý svojim synovcom výrazne pomáhal v prvých rokoch ich vlády¹⁰. Zároveň aj obidve dcéry Juraja I., Mária a Anastázia sa stali predmetom Lokietkovej politiky. Výdajom staršej Márie za Trojdena, syna mazovského vojvodu Boleslava (1309) sa posilnilo tradičné mazovsko-ruské spojenectvo, pričom Anastázia sa vydala za tverské knieža Alexandra (1319/1320)¹¹.

⁷ B. Włodarski, *Polska i Ruś*, s. 230.

⁸ Juraj I. zjednotil obe kniežatstvá do jedného celku a tituloval sa ako kráľ Rusi. Podľa legendy na jeho pečati: „+ S. DOMINI. GEORGI. REGIS. RUSIE“ (averz); „+ S DOMINI GEORGI. DUCIS LADIMERIE“ (reverz). B. Barwiński, *Pieczęć księząt halicko-włodzimierskich z pierwszej połowy XIV wieku*, „Wiadomości Numizmatyczno-Archeologiczne“, 1909, 7, s. 28. Viac k jeho titulature ale aj osobnosti a vláde na Rusi pozri: D. Dąbrowski, *Rodowód Romanowiczów*, s. 178, 197–217.

⁹ Juraj I. zomrel 21. apríla, asi mesiac po smrti svojej manželky a Lokietkovej sestry Eufémie. O tejto udalosti informoval Jan Długosz: „Quintodecimo Kalendas Aprilis ducissima Eufemiafilia Kasimiri ducis et consors Georgii Russiae ductis absumpta est. Quam vir suus dux Russiae Georgius secutus vicessima prima aprilis obiit“. *Ioannis Dlugossii Annales: seu, Cronicae incliti regni Poloniae*, lib. 9, ed. J. Dąbrowski, W. Semkowicz-Zaremba, Varsaviae 1978, s. 51. K problematike smrti Juraja I. pozri aj: D. Dąbrowski, *Rodowód Romanowiczów*, s. 203–204; Jan Tęgowski vyslovil tézu, že smrť Juraja a jeho manželky mohla byť zapríčinená otrávením. Strojami toto skutku mali byť podľa neho vladimírski bojari, ktorí negatívne vnímali Jurajove centralizačné snahy. J. Tęgowski, *Okoliczności wstąpienia na tron halicko-wołyński piasta mazowieckiego Bolesława Trojdenowica (Nieznane dokumenty ruskie z XIV wieku)*, „Studia Podlaskie“, 18, 2009/2010, s. 21.

¹⁰ Lokietkom v jednej zo svojich listín ich označil ako „nostrisque nepotibus Russie principibus“. *Kodeks dyplomatyczny Wielkopolski*, t. 2, Poznań 1878, č. 976. Najnovšie ku genealógii Andreja a Leva II. pozri: D. Dąbrowski, *Rodowód Romanowiczów*, s. 349–255. Tam aj ďalšia literatúra podporujúca túto tézu. Názor o poručníctve Vladislava Lokietka nad poslednými Romanovcami pozri: B. Włodarski, *Stanowisko Rusi Halicko-Wołyńskiej wobec akcji zjednoczeniowej Władysława Łokietka i jego powiązanie z utratą Pomorza Gdańskiego*, „Zapiski Historyczne“, 27, 1962, 3, s. 339. Vladislav bol v tejto záležitosti zjavne výrazne zaangażovaný, keďže kvôli ich podpore zanedbal riešenie svojich vlastných, závažnejších vnútropolitických problémov. Išlo predovšetkým zápas o vládou v Pomoransku, ktorý Lokietko zvädzal s brandenburskými markgrófmi a následne s Rádom nemeckých rytierov. Idem, *Polska i Ruś*, s. 238–239.

¹¹ D. Dąbrowski, *Rodowód Romanowiczów*, s. 242–243, 261.

Už v období Lokietkovho predpokladaného regentstva nad mladými kniežatami (1308–1315) došlo k skutočnému prerozdeleniu ich moci na Rusi tým spôsobom, že starší Andrej sa ujal vlády vo Vladimírsku, a mladší Lev (II.) spravoval Halič¹². Prvý známy dokument z obdobia ich vlády, vystavený vo Vladimíri, pritom pochádza až z roku 1316¹³. Ich ďalšia pomerne málo známa politická činnosť sa týkala predovšetkým zabezpečenia obchodných vzťahov so susednými krajinami (Poľskom, Rádom nemeckých rytierov a Litovským veľkokniežatstvom). Pritom zabezpečovanie medzinárodného obchodu bolo pre Rus v tomto období kľúčové, keďže hlavné mesto Červenej Rusi – Vladimír, bolo až do polovice 14. storočia aj hlavným skladom východných tovarov smerujúcich na západ¹⁴. Aj napriek formálnemu spojenectvu s Križiakmi, tieto kniežatá aktívne podporovali aj Lokietka, ako vidno aj z ich vojenského nasadenia v roku 1321 v Sliezku¹⁵. Napriek svojmu schizmatickému, tj. pravoslávnenému vierovyznaniu vďaka Vladislavovi Lokietkovi udržiavali kontakty aj so Svätou Stolicou¹⁶.

Vláda Andreja a Leva II. sa zakončila asi po 15. rokoch vlády, okolo r. 1323 ich smrťou. Okolnosti ani presný čas ich úmrtia nie sú dodnes dostatočne objasnené, isté je len to, že tieto mladé (30–31 ročné) kniežatá nezomreli prirodzene. Existujú dve verzie ich skonu, pričom obe predpokladajú násilnú smrť. Prvou, všeobecne rozšírenou tézou je, že obaja padli vo vojenskej konfrontácii s Tatármi¹⁷. Ďalšou,

¹² Andrej vystupoval ako „dux Ladomiriensis et dominus terre Russie”, ako aj: „dux Ladimirize et dominus Russie”. J. Tęgowski, *Okoliczności wstąpienia na tron*, s. 315.

¹³ Z intitulácie „Andreas et Leo dei gratia duces totius terre Russie, Galicie et Ladimerie” je zjavné, že vystupovali spoločne za celú krajinu. Dokument predstavoval uzavretie spojenectva s Rádom nemeckých rytierov. *Codex diplomaticus Prussicus* [dalej: *CDPr*], vol. 2, ed. J. Voigt, Königsberg 1842, s. 92, č. 75.

¹⁴ B. Włodarski, *Polska i Ruś*, s. 244–250.

¹⁵ J. Dąbrowski, *Dzieje polityczne Śląska w latach 1290–1402*, [in:] *Historia Śląska od najdawniejszych czasów do roku 1400*, t. 1, red. S. Kutrzeba, Kraków 1933, s. 357.

¹⁶ Kúria ich vyzývala na prestup ku katolicizmu, o čo sa mal snažiť aj Lokietko, ale k čomu však až do ich smrti nedošlo. B. Włodarski, *Polska i Ruś*, s. 255.

¹⁷ E. Długopolski, *Władysław Łokietek na tle swoich czasów*, Wrocław 1951, s. 223; Tiež: J. Dąbrowski, *Z czasów Łokietka. Stosunki polsko-węgierskie w XIV. wieku, cz. 1*, [in:] *Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział historyczno-filozoficzny*, t. 59, Kraków 1916, s. 320; A. Prochaska, *W sprawie zajęcia Rusi przez Kazimierza Wielkiego*, „Kwartalnik Historyczny”, 6, 1892, 1, s. 5–6. B. Włodarski predpokladal, že za ich smrť boli zodpovední Litovci. B. Włodarski, *Polska i Ruś*, s. 254–259. Toto jeho tvrdenie však najnovšie vyvrátil J. Bieniak, ktorý tvrdí, že smrť kniežat z rúk Tatárov alebo pohanských Litovcov by Lokietko v liste pápežovi určite spomenul, predovšetkým ako hybný dôvod k vyhláseniu krížovej výpravy proti nim. J. Bieniak, *Wygaśnięcie księząt halicko-włodzimierskich*, [in:] *Aetas media. Aetas moderna. Studia ofiarowane profesorowi Henrykowi Samsonowiczowi w siedemdziesiątą rocznicę urodzin*, red. H. Malinkowska, A. Bartoszewicz, W. Falkowski, Warszawa 2000,

pravdepodobnejšou možnou príčinou ich smrti, na základe prameňa z 15. storočia, bolo ich otrávenie domácou bojarskou opozíciou, ktoré mohlo byť vykonané aj na podnet Tatárov¹⁸. Na základe jediného dobového prameňa o tejto skutočnosti, ktorým je Lokietkov list pápežovi Jánovi XXII. (1316–1334) o situácii na Rusi, sa dá povedať len toľko, že zomreli niekedy pred 21. májom 1323¹⁹. Pritom sa predpokladá, že nezomreli naraz. Ako prvý mal zomrieť Lev, niekedy medzi 8/1320–5/1323²⁰, po ktorom vládu nad celým Haličsko-vladimírskym panstvom prebral jeho brat Andrej²¹.

Hlavným motívom spomenutého listu bola Lokietkova obava, že z dôvodu smrti („ex quorum interitu“) ruských kniežat povstala hrozba obsadenia Rusi Tatármi („ne occupent terram Ruthenorum“). Situácia z objektívneho hľadiska mala najviac vyhovovať Tatárom, ktorí by sa z titulu svojej nadvlády mohli podujat' na priame ovládnutie Červenej Rusi, odkiaľ by sa mohli zamerať proti Poľsku a ďalším štátom. Pápež bol z toho dôvodu požiadaný o vyhlásenie krížovej výpravy: „in predicatione sancte Crucis et aliis subsidiis... contra gentem Tartarorum... ne occupent terram Ruthenorum“. Lokietko pritom v liste opísal nebohé kniežatá, ako nedobytný štít proti Tatárom – „scuto inexpugnabili contra crudelem gentem Tartarorum“ – pričom zároveň pápežovi pripomenul, že kniežatstvo bolo pod nadvládou Tatárov, ktorí z neho poberali ročný tribút: „de qua [terram Ruthenorum] annua tributa percipere consueverunt [Thartari] occupare perturbacio indicibilis“. Pápež očividne na túto žiadosť nereagoval hneď, ale k praktickým krokom sa odhodlal až o dva roky neskôr, keď sa situácia značne skomplikovala. Kráľ Vladislav však určite mal v tejto veci jeho podporu, pričom sám medzi tým musel nájsť spôsob ako sa s touto záležitosťou vysporiadať.

s. 387–388.

¹⁸ *Kronika Jana z Winterthur*, [in:] *MPH*, t. 2, s. 623. Túto tézu prijímajú skôr novší poľskí historici. Pozri k tomu: J. Bieniak, *Wygaśńęcie książyżt*, s. 623; J. Tęgowski dokonca vyslovil predpoklad, že zodpovednosť za smrť týchto dvoch kniežat, ich rodičov (Juraja I. a Eufémie) ako aj ich nástupcu Boleslava-Juraja II. niesli vladimírski bojari. J. Tęgowski, *Okoliczności wstąpienia na tron*, s. 315–319, 324.

¹⁹ *Monumenta Poloniae Vaticana*, vol. 1: 1207–1344, ed. J. Ptaśnik, Cracoviae, 1913, s. 72–73, č. 83.

²⁰ Posledným náznakom pôsobenia Leva II. je dátum 27. 9. 1320, kedy sa jeho brat Andrej tituloval len ako knieža Wladimírsk. Pozri: *Kodeks dyplomatyczny miasta Krakowa*, t. 1: 1253–1506, wyd. F. Piekosiński, Kraków 1879, s. 14–15, č. 12.

²¹ J. Bieniak, *Wygaśńęcie książyżt*, s. 388–390. Existuje aj opačný názor na poradie smrti oboch bratov, ktorý hovorí o tom, že ako prvý za neznámych okolností zomrel Andrej, pričom následne bol zavraždený aj jeho brat Lev II. a to vďaka svojej centralizačnej snahe zjednotiť obe kniežatstvá. J. Tęgowski, *Okoliczności wstąpienia na tron*, s. 321.

Zjavne nepresná a skresľujúco zjednodušená je mienka švajčiarskeho kronikára Jána z Winterthuru z 15. storočia o vtedajšej situácii na západnej Rusi. Ten napísal, že „tatársky chán len pred nedávnom určil Rusinom dvoch pohanských, vhodných kráľov, a keď títo ich postupne odstránili jedom, menoval pre nich latinského kresťana”²². Kronikár tu zjavne nadhodnotil nielen rolu tatárskeho chána na dosadzovaní posledných haličsko-vladimírskych kniežat ale opomenul aj ďalšie dôležité skutočnosti. Pritom aj všetky ďalšie veľmi stručné kronikárske správy o tejto udalosti pochádzajú až z 15. storočia²³.

Z hľadiska politického riešenia vzniknutej situácii na Rusi sa zjavne najviac angažoval poľský kráľ (v spolupráci s dobrzynskými a mazovskými kniežatami) a Litovské veľkokniežatstvo ako v tom čase expandujúci štát. Z vnútropolitického hľadiska zjavnú úlohu hrali miestni haličskí a vladimírski bojari. Konečné slovo v celej záležitosti, vzhľadom na svoje zvrchované postavenie mala mať Zlatá Horda. Tá sa však do tejto záležitosti spočiatku viditeľne nezapájala, keďže jej momentálne záujmy sa sústredili inde²⁴.

Nároky prípadných pretendentov na ruský trón sa odvíjali od ich rodinných vzťahov s Romanovičovcami. Pritom žiadne z ostatných ruských kniežat, rovnako pod tatárskou nadvládou, zjavne nedisponovalo väčšími právami na tento kniežací stolec²⁵. Reálne teda mali šancu presadiť sa uchádzači s podporou poľského kráľa, ktorý mohol na túto pozíciu podporiť zo svojho príbuzenstva až dvoch kandidátov. Prvým bol niektorý zo synov (Vladislav alebo Boleslav) jeho nebohého brata dobrzynského kniežaťa Siemovita a Anastázie, dcéry Mstislava II.,

²² „...imperator Tartarurum duos paganos breviter ante ista tempora, reges satis idoneos Ruthenis praefecerat, quibus successive ab eis per venenum extinctis, procuravit eis christianum latinum, si illi pacere vellent, ut videret”. *MPH*, t. 2, s. 623. Práve tento prameň viedol k pripusteniu otrávenia posledných Romanovičovcov, rovnako bol aj podkladom pre Bieniakovu tézu o postupnom skone týchto kniežat. J. Bieniak, *Wygaśnięcie ksiąząt*, s. 389.

²³ Pozri k tomu práce starších historikov: A. Куник, *Объяснительное введение*, [in:] *Болезлав Юрий II, князь всей Малой Руси. Сборник материалов и исследований*, ред. О. Гонсьоровский, Санкт-Петербург 1907, s. 164; М. Грушевский, *Історія України-Руси*, т. 3, Київ 1995, с. 117, 525–527.

²⁴ Západná Rus od polovice 13. storočia uznávala nad sebou zvrchovanosť Mongolov a neskôr tatárskeho chána. Aktuálny chán Uzbek bol však v tom období v permanentnom vojnovom stave s Azerbajdžanom, presnejšie ríšou Ilchánov. V rokoch 1319–1325 ilchánovský vládca Čobán organizoval vojenské výpravy na Zlatú Hordu. M. Daniš, L. Rybár, *Dejiny Azerbajdžanu*, Sládkovičovo 2014, s. 102. Pozri tiež: М. Волощук, *Русско-венгерские отношения периода хана Узбека (1313–1342)*, „Золотоордынская цивилизация”, 2013, 6, с. 61–63.

²⁵ B. Włodarski, *Polska i Rus*, s. 263.

vladimírského kniežata²⁶, nad ktorými Lokietko držal po smrti otca ochrannú ruku. Nároky Anastázie na dedičstvo po svojom bratrancovi sa zdali byť reálne, aj keď podľa istého názoru, sa mohli vzťahovať len na Vladimírské kniežatstvo²⁷. Proti tomu však spoločne vystúpili mazovské kniežatá a Litva²⁸, ktoré sa nakoniec spolu aj s poľským kráľom dokázali zhodnúť na podpore 13-ročného Boleslava, syna mazovského kniežata Trojdena a Márie, sestry Andreja a Leva II²⁹.

Spomenutou dohodou sa pritom posilnilo poľsko-litovské³⁰ ako aj poľsko-mazovské spojenectvo. Na druhej strane si však litovské knieža Gedymin za túto podporu nárokoval na región Podlesia, ktorý tvoril severnú súčasť Vladimírského kniežatstva. Mazovské kniežatá si pritom na tento región taktiež robili nároky, čo viedlo k vojenskému riešeniu celej záležitosti³¹. Litva v tejto konfrontácii Podlesie aj skutočne ovládla, čo nakoniec musel akceptovať aj Lokietko ako cenu uzatvoreného kompromisu³².

---

²⁶ V staršej literatúre sa Anastázia pokladala za dcéru Leva Danieloviča a teda rodnú sestru haličko-vladimírského panovníka Juraja I. Jej správny pôvod osvetlil D. Dąbrowski (*Rodowód Romanowiczów*, s. 232–239). Mstislav II. (1247/1250–1289/1308) bol synom kniežata Daniela, pričom vo Vladimírsku mohol vládnuť až do začiatku 14. storočia, kedy sa predpokladá jeho smrť. *Ibidem*, s. 175.

²⁷ J. Tęgowski, *Okoliczności wstąpienia na tron*, s. 19.

²⁸ Už 14. septembra 1323 prišlo k nájazdu Litvy na Dobrzyńsko. Samotný nájazd však mal realizovať mazovecký spojenec Litovcov – knieža Václav Plocký, ktorý bol zaťom litovského kniežata Gedymina. Po tomto nátlaku bola Anastázia nútená vzdať sa nárokov na haličko-vladimírské dedičstvo. *Idem*, *Okoliczności wstąpienia na tron*, s. 321; *Liv-, Est-, und Kurländisches Urkundebuch*, vol. 6, ed. F. G. von Bunge, Riga 1873, s. 475, č. 3072. H. Paszkiewicz, *Polityka ruska Kazimierza Wielkiego*, Kraków 2002, s. 18–19. Historiografiu k tejto udalosti pozri v: D. Dąbrowski, *Rodowód Romanowiczów*, s. 253, poz. č. 1038.

²⁹ B. Włodarski, *Polska i Ruś*, s. 264, 266. Právny nárok na vládu podľa príbuzenstva mala aj Máriina sestra Anastázia, manželka twerskeho kniežata Alexandra Michailoviča. Pozri poznámku č. 10.

³⁰ Spojenectvo bolo potvrdené aj zás nubami a sobášom poľského kráľoviča Kazimíra s Aldonou-Annou, dcérou litovského vládcu Gedymina. J. Tęgowski, *Okoliczności wstąpienia na tron*, s. 322; O. Balzer, *Genealogia Piastów*, s. 665.

³¹ V nasledujúcom roku 1324 (21. XI.) litovské vojská pod vedením Dávida Grodzieńskiego plienili mazovské kniežatvá Siemovita a Trojdena. Mazovské kniežatá sa obrátili s posolstvom na pápeža, ktorý poslal svojich legátov ku Gedyminovi, u ktorého bol v tom čase aj tatársky vyslanec. J. Tęgowski, *Okoliczności wstąpienia na tron*, s. 321–322; *Liv-, Est-, und Kurländisches Urkundebuch*, 2, s. 330, č. 793. Gedymin však ešte predtým niekedy v septembri 1324 uzavrel s Križiakmi mier a až potom porušil mierové vzťahy s Mazovskom, ktoré napadol určite z dôvodu tejto rivalizácie.

³² B. Włodarski, *Polska i Ruś*, s. 257–259, 267, 270. Pozri aj: S. Zajaczkowski, *Przymierze polsko-litewskie*, „Kwartalnik Historyczny”, 40, 1926, s. 588–589. Táto zhoda dala počiatok uzavretia spojenectva medzi Poľskom a Litvou v roku 1325. K problematike Podlasia pozri: H. Paszkiewicz, *Z dziejów Podlasia w XIV w.*, „Kwartalnik historyczny”, 42, 1928, 2, s. 238.

Litva zabráním Podlesia čiastočne uspokojila svoje politické a územné nároky, pričom ďalšie nároky mali pretrvávať v osobe Gedyminovho najmladšieho syna Lubarta, ktorý mal byť ženatý s neznámou predstaviteľkou Romanovičovcov³³, čo by dávalo Litovcom právny nárok na vládu nad Haličsko-vladimírskou Rusou³⁴. Týmto expanzívnym tendenciám mohla zodpovedať aj snaha pohanského litovského kniežaťa o lepšie vzťahy s kresťanským západom aj v podobe jeho súčasného plánu prijať kresťanstvo, ako aj uzatvorením spojenectva s Rádom nemeckých rytierov. Prípadná priama snaha pohanského Litovského veľkokniežatstva o zisk týchto kniežatstiev pritom nemala nádej na úspech, nielen z dôvodu ich slabšej právnej legitimacy, ale aj pre prípadný konflikt s formujúcou sa koalíciou Poľsko-Mazovsko-Uhorsko ako aj Tatármi³⁵.

Čo sa týka miestnych haličských a vladimírskych elit – bojarov, tí mali pomerne silnú pozíciu pri akceptácii nového vládcu³⁶. Na druhej strane, vo svojom postoji na riešení vzniknutej situácie boli zjavne nejednotní, pričom podľa všetkého nemali záujem na pevnej kniežacej vláde. Je možné, že vladimírski bojari spočiatku podporovali neúspešnú kandidatúru Anastázie Mstislavovičovej a jej synov, pričom haličskí bojari podporovali nároky Márie a jej syna Boleslava Trojdenoviča³⁷. V konečnom dôsledku sa im maloletý Boleslav mohol javiť ako vhodný kandidát, predovšetkým pre svoj vek a neskúsenosť, čím by bojari neutrpeli na svojom postavení. Títo mali zároveň aj snahu zabrániť bezprostrednej hrozbe a predovšetkým vláde Tatárov v ich krajine a preto radšej prijali spomenutého kandidáta³⁸. V prameňoch je zmienka o jednohlasnom prijatí Boleslava Trojdenoviča bojarmi³⁹, čo je však zjavne zjednodušená tendenčná správa, pričom je možné, že bojari prijali Boleslava aj na konečný diplomatický a vojenský nátlak. Ďalšia časť Bojarov si neželala mať nad sebou zvrchovanosť kniežat vôbec, keďže ich ambíciou bolo vytvo-

³³ Malo ísť buď o sestru alebo dcéru posledných Romanovičovcov. Pozri k tomu: D. Dąbrowski, *Rodowód Romanowiczów* s. 283. D. Dąbrowski nakoniec odmietol možnosť, že išlo o predstaviteľku rodu Romanovičovcov. Ibidem, s. 253, 283. J. Tęgowski ju stotožnil s dcérou ostrožského kniežaťa Daniela. J. Tęgowski, *Małżeństwa Lubarta Gedyminowica. Przyczynek do genealogii dynastów halicko-wołyńskich w XIV wieku*, „Genealogia – Studia i materiały historyczne”, 6, 1995, s. 17–26.

³⁴ Lubart Gedyminovič bol neskôr (1340) skutočne pretendentom na tento ruský trón. J. Bieniak, *Wygaśnięcie książąt*, s. 390.

³⁵ B. Włodarski, *Polska i Ruś*, s. 263.

³⁶ H. Paszkiewicz, *Polityka ruska*, s. 43.

³⁷ J. Tęgowski, *Okoliczności wstąpienia na tron*, s. 321.

³⁸ B. Włodarski, *Polska i Ruś*, s. 266.

³⁹ Informácia pochádza z *Kroniki Janka z Czarnkova*: „Quem Rutheni unanimiter sibi in ducem et dominum susceperunt”. *MPH*, t. 2, s. 629; B. Włodarski, *Polska i Ruś*, s. 266.

renie vlastných autonómnych panstiev, priamo podriadených tatárskemu chánovi. Predovšetkým títo bojari boli nebezpeční pre ich odpor a potencionálnu spoluprácu s Tatármi⁴⁰.

Z predchádzajúceho je zrejmé, že poľský kráľ sa od začiatku výrazne angažoval politicky a diplomaticky, a to jednak vo vzťahu k pápežskej kúrii, susedným krajinám Rusi a prípadným pretendantom na uprázdnený ruský stolec. Už vtedy počítal aj s vojenskou intervenciou ako je to zjavné aj z jeho spočiatku nevyočutej žiadosti k pápežovi o vyhlásenie krížovej výpravy proti Tatárom. Na rýchle a úspešné vyriešenie tejto situácie teda potreboval silného spojenca, ktorý by bol silný nielen vojensky, ale tiež politicky na medzinárodnej aréne. Takéhoto spojenca našiel jednoznačne v Uhorsku, s ktorým ho už vyše dve desaťročia spájali dobré vzťahy a navyše aj rodinný zväzok⁴¹.

Včasné riešenie vzniknutej situácie totiž prinášalo možnosť zabrániť vypuknutiu nepokojov z dôvodu dlhšie uprázdneného kniežacieho stolca, čo by aj zaneprázdneným Tatárom dávalo možnosť zorientovať sa v situácii a následne priamo vojensky zakročiť. V tejto situácii by tak boli prítomnosťou tatárskeho vojska ohrozené aj pohraničné územia s Rusou susediacich štátov. V prípade úspešného dosadenia nového všeobecne uznaného kniežata by tatársky chán už nemal zjavnú zámienku na vojenský vpád a bol by odkázaný skôr na jeho formálne uznanie s patričným zaviazaním sa nového kniežata – uznať zvrchovanosť Hordy a platiť ročný tribút.

Intervencia Poľska a Uhorska na Rus za účelom dosadenia Boleslava Trojdenoviča na kniežací trón sa teda udiala zjavne z dôvodu tejto tatárskej hrozby⁴² a proti odporu časti bojarov, ktorí mali tendenciu spojiť sa s Tatármi.

Samotný príchod mladého panovníka, ako aj prítomnosť západných síl na Rusi sa mala realizovať medzi júlom 1323 a júnom 1324⁴³. Podľa niektorých autorov sa mala skončiť už niekedy na jeseň 1323 dosadením Boleslava na kniežací stolec⁴⁴, pričom podľa ďalšieho názoru sa spojená poľsko-uhorská intervencia už v aktívnej bojovej fáze odohrala až medzi júlom 1324 a septembrom 1325⁴⁵. Bohužiaľ o usku-

⁴⁰ B. Włodarski, *Polska i Ruś*, s. 261, poz. č. 2; М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. 3, с. 122. Spojenectvo bojarov s Tatármi taktiež prijíma H. Paszkiewicz, *Polityka ruska*, s. 10.

⁴¹ J. Dąbrowski, *Z czasów Łokietka*, s. 320.

⁴² B. Włodarski, *Polska i Ruś*, s. 269.

⁴³ H. Paszkiewicz, *Polityka ruska*, s. 15.

⁴⁴ B. Włodarski, *Polska i Ruś*, s. 269.

⁴⁵ J. Dąbrowski, *Z czasów Łokietka*, s. 320-321. Autor tu však vychádzal z chybného datovania smrti oboch kniežat rokom 1324.

točnení tejto intervencie neexistujú žiadne priame pramene naračného ani diplomatického charakteru.

Na dosadení tohto kniežaťa bolo určite priamo zainteresované aj Mazovské kniežatstvo, v podobe viac alebo menej početného vojenského sprievodu, ale predovšetkým v podobe autority matky kňažnej Márie, dcéry kráľa Juraja I.⁴⁶, v jej starej vlasti. Ako najbližšiu príbuznú zomrelých kniežat ju určite akceptovala aspoň časť významných bojarov. Mária sa následne snažila o čo najhladší prechod vlády na jej syna⁴⁷, čomu nasvedčuje aj jej prítomnosť po jeho boku. Vyplýva to z intitulácie („Ego dux Georgius Trondzyenyewicz cum matre mea”) prvého známeho dokumentu, ktorý vydal tento Boleslav-Juraj (II.) pravdepodobne niekedy v druhej polovici roku 1323 na Rusi⁴⁸. Intitulácia už obsahuje jeho nové ruské meno Juraj (Georgius), ktoré obdržal po svojom príchode na Rus a po prijatí pravoslavia. Nezobrazuje však ešte jeho nové postavenie na Rusi, vyjadrené kniežacou tituláciou. Boleslav-Juraj sa tu ešte identifikuje skôr svojím otcom Trojdenom (Trondzyenyewicz) než s územím na ktorom mal aktuálne vládnuť. Podľa všetkého to svedčí o jeho nedávnom príchode na Rus a snahe o akceptáciu domácimi bojarimi. Taktiež to naznačuje, že jeho matka sa stala minimálne v prvom roku jeho vlády poručníčkou, kým jej syn dosiahol formálne dospelosť, skúsenosti, mohol sa reálne oboznámiť so stavom v krajine a bol tak schopný samostatnej vlády. Prvé samostatné dokumenty Boleslava-Juraja II. pritom pochádzajú práve z roku 1325⁴⁹. Na základe tohto prameňa, ktorý lokalizuje prvotnú činnosť tohto Boleslava na územie Haliče⁵⁰, jeho prvé kroky na Rusi zjavne smerovali do tohto kniežatstva, kde bol miestnymi bojarimi uznaný za vládcu. Získal tak počiatočnú zvrchovanosť nad sanockou, krosnienskou, przemyskou, belskou a chelmskou krajinou⁵¹.

⁴⁶ J. Tęgowski, *Okoliczności wstąpienia na tron* s. 313–328; J. Grabowski, *Dynastia Piastów mazowieckich. Studia nad dziejami politycznymi Mazowsza, intytucją i genealogią książąt*, Kraków 2012, s. 285.

⁴⁷ J. Tęgowski, *Okoliczności wstąpienia na tron*, s. 320.

⁴⁸ *Matricularum Regni Poloniae summaria excussis codicibus, qui in Chartophylacio Maximo Varsoniensi asservantur*, vol. 4, pars. 2, ed. T. Wierzbowski, Warszawa 1912 (regest). Text listiny vypublikoval J. Tęgowski, ktorý pridal tiež kritiku pôvodu a vzniku tohto dokumentu, ako aj jeho približné datovanie: J. Tęgowski, *Okoliczności wstąpienia na tron*, s. 313–314, 325, č. I, III (dodatok).

⁴⁹ J. Grabowski, *Dynastia Piastów mazowieckich*, s. 65.

⁵⁰ Touto nedatovanou listinou potvrdzoval Boleslav-Juraj (II.) donáciu dediny Zabłócce (*villae Zablicze in terra et distructu Premisliensis sitae...*), v przemyskej zemi vydané ešte Jurajom I. a neskôr potvrdené Levom II. Pozri pozn. č. 47.

⁵¹ J. Tęgowski, *Okoliczności wstąpienia na tron*, s. 321.

Aby však nové knieža získalo uznanie a vládu nad celým Haličsko-vladimírskom, bolo nutné jeho postavenie podporiť ďalšími diplomatickými, ale ako sa zdá, aj vojenskými prostriedkami. Celý tento proces teda určite začal už najneskôr na jeseň 1323, pričom sa neskončil skôr ako v roku 1325, keď situáciu skomplikovali Tatári.

Boleslav Trojdenovič sa po svojom nástupe na kniežací stolec v Haliči musel vzdať aj už spomenutého, Litvou obsadeného Podlesia⁵², čo pre neho bolo tým ťažšie, že toto územie prakticky spájalo Rus s jeho rodným Mazovskom⁵³.

Čo sa týka samotnej vojenskej intervencie, je pravdepodobné, že sa jej zúčastnil aj sám poľský kráľ⁵⁴. Uhorská účasť na tejto akcii však v dobových prameňoch nemá takmer žiadne ukotvenie, vychádza takmer výlučne z vedeckej hypotézy poľského historika Jana Dąbrowského. Pritom však v poľskej historiografii panuje v tejto záležitosti prevažne zhoda⁵⁵. Záujem uhorského kráľa na intervencii pritom určite vychádzala z aktuálnej situácie, pričom sa určite opierala o predchádzajúce dohody s poľským kráľom. V celej záležitosti zohrala svoju úlohu aj skutočnosť dlhodobých aspirácií uhorských kráľov na zvrchovanosť v tomto Haličsko-vladimírskom kniežatstve⁵⁶. Kráľ Karol Róbert ako príslušník novej Anjouovskej pano-

⁵² Podľa hipotézy S. Zajaczkowského, Gedymin sa zmocnil Podslasia medzi septembrom 1323 – augustom 1324. S. Zajaczkowski, *Przymierze polsko-litewskie*, s. 606.

⁵³ H. Paszkiewicz, *Z dziejów Podlasia*, s. 241.

⁵⁴ Upozornil na to už H. Paszkiewicz (*Polityka ruska*, s. 15), ktorý to predpokladal na základe itinerára poľského kráľa, ako aj na základe skutočnosti, že práve v čase predpokladanej výpravy na Rus Lokietko nevydal žiaden dokument. Konkrétne išlo o obdobie od 25. júna (listina z tohto dňa je však podľa Preissnera falzifikátom) až do 1. augusta 1324, keď sa Lokietko už nachádzal v Poznani. Pozri: A. Preissner, *Dokumenty Władysława Łokietka. Chronologiczny spis, rejestry i bibliografia edycji*, „Rocznik Biblioteki Polskiej Akademii Nauk w Krakowie”, 11, 1965 [vyd. 1966], 3, s. 261, č. 227, 228.

⁵⁵ Ako prvý na nutnosť angažovania sa poľského kráľa Vladislava Lokietka pri dosadení Boleslava Trojdenoviča na ruský kniežací trón v historiografii upozornil A. Prochaska, *W sprawie zajęcia Rusi*, s. 6. Jeho tézu, predovšetkým na základe uhorských prameňov ďalej rozvinul J. Dąbrowski, s tým, že Lokietko bol v tejto akcii podporovaný uhorskými oddielmi. J. Dąbrowski, *Z czasów Łokietka*, s. 318–321. Následne sa túto problematiku snažil ešte podrobnejšie rozpracovať H. Paszkiewicz, na základe predchádzajúcich bádání, ale predovšetkým na základe vtedajšej poľskej a litovskej politiky. H. Paszkiewicz, *Polityka ruska*, s. 11–25. Realizácia tejto spoločnej intervencie je prijímaná aj ďalšími poľskými autormi (E. Długopolski, *Władysław Łokietek*, s. 251; B. Włodarski, *Polska i Ruś*, s. 269; J. Wyrozumski, *Polska, Węgry i sprawa Rusi Halicko-Włodzimierskiej za Kazimierza Wielkiego*, [in:] *Europa środkowa i wschodnia w polityce Piastów*, ed. K. Zielińska-Melkowska, Toruń 1997, s. 114). Najnovšie J. Bienia, *Wygaśnięcie książąt*, s. 391, pričom Jan Tęgowski, v prípade dosadenie Boleslava dal dôraz skôr na vplyv a autoritu Boleslavovej matky Márie na ruských bojarov, než na vojenskú intervenciu. J. Tęgowski, *Okoliczności wstąpienia na tron*, s. 319–320.

⁵⁶ Uhorskí králi sa už od konca 11. storočia, ale predovšetkým od doby Bela III. (1172–1196) snažili s určitými krátkodobými úspechmi preniesť svoju moc aj na tieto ruské kniežatstvá, pričom

vníckej dynastie v Uhorsku, zachoval tieto nominálne nároky svojich predchodcov v plnej miere. Jeho prvotné vzťahy s Rusou boli trochu rozporuplné, keďže jednak si odtiaľ priviedol svoju prvú manželku⁵⁷, no na druhej strane sa jeho domáci politickí oponenti uchyľovali aj k týmto ruským panovníkom⁵⁸. V každom prípade sa nedá opomenúť skutočnosť, že rytieri severovýchodného Uhorska poskytovali Lokietkovi svoje vojenské služby už od počiatku 90-tych rokov 13. storočia. Najvýznamnejšie sa to prejavilo v období rokov 1304–1311, keď títo rytieri na čele s oligarchom Omodejom výrazne dopomohli kniežatú Lokietkovi k získaniu vlády nad Malopoľskom⁵⁹, pričom na pomoci Lokietkovi sa angažovali aj spomínané ruské kniežatá. Títo skúsení rytieri mali ambíciu sa aj naďalej, v prípade potreby a v súčinnosti s kráľom Karolom, angažovať v poľských záležitostiach.

Najväčší vplyv na angažovanie sa Uhorska v tejto záležitosti však malo dynastické prepojenie oboch kráľovských rodín v roku 1320, sobášom Lokietkovej dcéry Alžbety s kráľom Karolom Róbertom⁶⁰. Na uhorský kráľovský dvor sa tak v sprievode kráľovnej Alžbety dostali aj početní poľskí šľachtici⁶¹, čo zjavne značne uľahčovalo komunikáciu medzi oboma panovníkmi. Táto informovanosť o aktu-

---

skôr sa im podarilo preniesť tieto ich nominálne nároky do ich kráľovskej titulatúry – ako kráľov Haliče a Vladimírska. M. Homza, *Politické dejiny Spiša do začiatku 14. storočia*, [in:] *Historia Scepisii*, vol. 1, ed. M. Homza, S. A. Sroka, Bratislava–Kraków 2009, s. 144, passim.

⁵⁷ Touto manželkou Karola Róberta bola pravdepodobne Mária Bytomska, vychovávaná v čase jej zasnub s Karolom Róbertom na vladimírskom kniežacom dvore. S. A. Sroka, *Wokół mariażu Karola Roberta z Piastówną śląską Marią*, „Biuletyn Polskiego Towarzystwa Heraldycznego”, 11, 1994, s. 1–5; Idem, *A Hungarian-Galician Marriage at the Beginning of the Fourteenth Century?*, „Harvard Ukrainian Studies”, 16, 1992 [1994], s. 261–268.

⁵⁸ Juraj I. poskytol azyl Karolovmu konkurentovi – korunovanému kráľovi Uhorska Otovi I., ktorý bol nútený z Uhorska utiecť (1307). Obaja panovníci boli v príbuzenskom zväzku, keďže Otova matka Alžbeta a Jurajova matka Konštancia boli dcérami Bela IV. B. Włodarski, *Polska i Ruś*, s. 234. Po výbuchu povstania proti kráľovi Karolovi v severovýchodnom Uhorsku v roku 1317 sa tamojší magnát Peter Peteň neúspešne pokúšal ponúknuť uhorskú korunu kniežatú Levovi II. B. Brezováková, *Konsolidačné snahy Karola I. v Uhorsku po zvolení za kráľa (1310–1317)*, „Historický časopis”, 41, 1993, 4, s. 374. M. Vološčuk pritom predpokladá ruský pôvod tohto šľachtica. M. Волощук, *До питання східнослов'янського походження Петра Петуні*, „Український Історичний Журнал”, 2011, 3, s. 21–35.

⁵⁹ Na túto skutočnosť ako prvý upozornil už J. Dąbrowski (*Z czasów Łokietka*, s. 319). Taktiež pozri: S. A. Sroka, *Kontakty Władysława Łokietka z Węgrami w świetle nowych dokumentów*, „Studia Historyczne”, 38, 1995, s. 299–307.

⁶⁰ O. Balzer, *Genealogia Piastów*, s. 654–657.

⁶¹ Pozri k tomu tiež: S. A. Sroka, *Elżbieta Łokietkowna*, Bydgoszcz 2000, 93 s. Idem, *Z dziejów stosunków polsko-węgierskich w późnym średniowieczu*. Szkice, Kraków 1995, s. 17–113.

álnom dianí na Rusi, mala určite významný vplyv aj na rozhodnutie o rýchlom zásahu⁶². Výraznou motiváciou Uhorska v tejto záležitosti bol určite aj fakt hroziaceho tatárskeho nebezpečenstva ako aj možnosť posilnenia vplyvu Uhorska v tomto regióne.

Je pravdepodobné, že v roku 1323 sa problém Rusi a dosadenia Boleslava Trojdenoviča riešil už s uhorskou vojenskou účasťou. Nemáme však žiadne informácie o dianí v prvých dvoch rokoch intervencie. S istotou však vieme, že v roku 1325 uhorské vojská zvädzali boje s Tatármi⁶³. Zo žiadosti kráľa Karola Róberta adresovanej pápežovi Jánovi XXII. z polovice septembra 1325 je možné vyčítať, že pravdepodobne na Rusi sa odohrávali akési boje s nepriateľmi⁶⁴. V tomto roku sa teda do riešenia situácie zjavne zapojila vo väčšej miere aj Zlatá Horda, keďže dochádzalo k bojom uhorských oddielov s Tatármi a neskôr nasledovala tatárska ofenzíva, v podobe nájazdov na Uhorsko⁶⁵. V tomto prípade sa však mohlo jednať už o odvetnú akciu za uhorské angažovanie sa v tejto ruskej záležitosti⁶⁶.

Žiadanú pomoc uhorský kráľ pravdepodobne aj skutočne získal, keďže už v polovici septembra toho roku poslal pápežovi, z kráľovskej koristi dvoch tatárskych mladíkov⁶⁷. Pápež pritom ešte krátko predtým vydal pápežské buly na podporu krížovej výpravy proti Tatárom a schizmatikom⁶⁸ ako odpoveď na už dva

⁶² B. Włodarski, *Polska i Ruś*, s. 262.

⁶³ Podľa pruského kronikára Petra Dusburga (Petri de Dusburg), ktorý pod rokom 1326 zaznamenal, že z tatárskeho vojska, ktoré pustošilo Uhorsko, kráľ Karol Róbert zabil až 30 tisíc nepriateľov: „Anno domini MCCCXXVI rex Ungarie de exercitu Tartarorum, qui regum suum depopulaverant, XXX milia interfecit”. Petri de Dusburg, *Chronica terre Prusie*, [in:] *Scriptores rerum Prussicarum*, Bd. 1, ed. T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehle, Leipzig 1861, s. 213. Táto správa o tatárskom pustošení Uhorska sa s najväčšou pravdepodobnosťou viaže na predchádzajúci rok (1325), pozri: Gy. Kristó, *Az Anjou-kor háborúi*, Budapest 1988, s. 81; A. Pór, *Magyar-lengyel érintkezés a XIV-ik században. második és befejező közlemény*, „Századok”, 37, 1903, s. 318.

⁶⁴ „nationum infidelium tuo regno [Hungaria] vicinarum, contra quas te pugnare frequenter oportet”. *Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia* [ďalej: *VMH*], vol. 1, ed. A. Theiner, Romae 1859, s. 501, č. 771. Pozri tiež: B. Włodarski, *Polska i Ruś*, s. 270, poz. č. 25.

⁶⁵ A. Pór, *Magyar-lengyel érintkezés*, s. 318.

⁶⁶ J. Dąbrowski, *Z czasów Łokietka*, s. 320.

⁶⁷ „de preda Regia partem nobis missam, duos videlicet iuvenes Tartaros”, *VMH*, vol. 1, s. 502, č. 772.

⁶⁸ Pápež udelil dovnásobne odpustky pre rytierov bojujúcich proti schizmatikom, pričom pod týmto pojmom sa môže myslieť tá odbojná časť bojarov, ktorá neprijala Boleslava-Juraja a spojila sa s Tatármi: „Cum itaque, sicut ex parte vestra fuit nobis expositum, vos et alii ecclesie Romane fideles aliarum partium regno Polonie adiacentium a Scismaticis, Tartaris et paganis aliisque permixitis infidelium nationibus impugnationes, depopulationes, captivitates, servitutes et carceres, et alias diversorum generum penas et cruciatus multiplices patiamini, quibus nec obviare potestis, nec resistere per vos ipsos”. *Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae gentiumque finitimarum historiam*

roky starú žiadosť poľského kráľa o pomoc proti Tatárom. Podľa toho je zrejmé, že vtedajšia situácia nebola ešte stabilná a prebiehali isté boje s odporcami (schizmatikmi) nového ruského kniežata, ale predovšetkým s Tatármi.

Celkovo o účasti Uhorska na intervencii a osobitne dvoch rytierov, sa dozvedáme len náznakovo – nepriamo, z dvoch donačných listín kráľa Karola z rokov 1325 a 1326. Ten v nich vyzdvihol zásluhy šľachticov, ktorí prišli na pomoc poľskému kráľovi. Ani tieto dve zmienky však nie sú jednoznačné vo vzťahu k predmetným udalostiam, keďže neudávajú ani presnejší čas ani konkrétne určenie týchto uhorských posíl: „Cum nos quosdam fideles nostros satis in multitudine numerosa in subsidium inclyti principis Ladislai, dei gratia regis Poloniae illustris, carissimi patris nostri in Poloniam misissemus”⁶⁹, respektíve: „...in subsidium et auxilium Magnifici Principis Domini Ladislai, Dei gratia, regis Poloniae... qui contra sibi insurgentes suos multos inimicos, opponere se necessario debebat, transmisimus”⁷⁰.

Aj napriek formulácii zmienok: „multitudine numerosa” je zrejmé, že uhorský kráľ na pomoc Lokietkovi vyslal len obmedzený počet uhorských rytierov a v intervencii nebol priamo zaangażovaný ani on sám a pravdepodobne ani žiaden z jeho vysokých krajinských hodnostárov⁷¹. Na výprave sa zúčastnili predstavitelia strednej šľachty, predovšetkým zástupcovia šarišských a abovských (stolica Abaujvár) rodov rodu Berzevici a Aba, ktorí tvorili rytiersku elitu tohto uhorského prihraničného regiónu s Poľskom a Rusou. Práve táto vojenská elita prihraničných stolíc Šariš, Spiš, ako aj Zemplín a Abov, bola dlhodobo veľmi silno zviazaná s riešením poľských vnútorných ale aj vonkajších záležitostí⁷².

Uhorské oddiely viedol skúsený uhorský šľachtic magister Rikolf, syn Rikolfa, predok rodu Berzevici. Ten sa v tomto boji vyznamenal, a preto ho kráľ Karol

illustrantia [ďalej: *VMP*], vol. 1, ed. A. Theiner, Romae 1860, s. 205, č. 316, podobne aj: s. 215, č. 334; s. 216, č. 338.

⁶⁹ *Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis* [ďalej: *CDH*], vol. 8, pars 3, ed. G. Fejér, Budaë 1832, s. 75, č. 7. Listina bola vydaná 11. mája 1326 pre Jána, syna Egídia z rodu Aba, ktorý bol jedným z prvých predstaviteľov Budimírskej vetvy tohto rodu sídliacej v Šariši.

⁷⁰ *Anjou-kori oklevéltár* [ďalej: *AO*], vol. 9, ed. Gy. Kristó, L. Géczy, L. Blazovich, Budapest–Szeged 1997, s. 147, č. 257. Pozri aj: *Regesta diplomatice nec non epistolaria Slovaciae* [ďalej: *CDSI*], vol. 2, ed. V. Sedlák, Bratislavæ 1987, s. 427, č. 984 (pod rokom 1323); *CDH*, vol. 8, pars 2, s. 627, č. 295.

⁷¹ Kráľ Karol mal v tom čase dosť starostí s inými domácimi ale aj zhraničnými záležitosťami, predovšetkým na západe a juhu krajiny. Pozri: Gy. Kristó, *Az Anjou-kor háborúi*, s. 67–81.

⁷² Ako prvý na to upozornil už J. Dąbrowski, *Z czasów Lokietka*, s. 319, poz. č. 6.

Róbert za jeho služby odmenil, o čom sa dozvedáme z listiny z 16. júna 1325⁷³. Keďže majetky jeho rodu a príbuzných sa nachádzali v severných častiach Spišskej a Šarišskej stolice mal živé kontakty aj so susedným Malopoľskom. V spojení s Poľskom bol jeho rod aj vďaka mníšskemu rádu z malopoľského Miechova, s ktorými ho spájali majetkové záležitosti⁷⁴. V čase feudálnej anarchie v Uhorsku bol prívržencom oligarchu palatína Omodeja Abu, po smrti ktorého (1311) sa pridal na stranu kráľa v boji proti ostatným nepoddajným magnátom. Z tohto obdobia nadobudol aj bohaté vojenské zručnosti a skúsenosti, keďže palatín Omodej výrazne vojensky podporoval v rokoch 1304–1311 Vladislava Lokietka, čo naznačuje, že aj Rikolf mohol dlhodobejšie pôsobiť v jeho službách. Tento rytier následne vojensky podporoval Lokietka aj v roku 1326 v boji proti Boleslavovi kniežatu Brzegu, ktorý v čase vpádu Lokietka do Brandenburgu v roku 1326 vpadol do Veľkopoľska⁷⁵.

Z rodu Aba to boli predovšetkým príslušníci Budimírskej (Budaméry) vetvy. Menovite Ján, syn Egídia sa dokonca vyznamenal, ako je to uvedené v listine kráľa Karola Róberta z mája 1326⁷⁶. Okrem neho sa výpravy zúčastnili určite aj ďalší príslušníci jeho rodiny, ako aj širšieho rodu⁷⁷.

Intervenciou sa zjavne podarilo splniť stanovený cieľ, keď Boleslav-Juraj II. vydal v roku 1325 svoj prvý dokument už ako „*dei gratia dux Russiae*“⁷⁸. Znamenalo to, že ako knieža bol uznaný aj zo strany Zlatej Hordy, ako to vyplýva aj

⁷³ Pozri poznámku č. 69.

⁷⁴ *CDH*, vol. 8, pars 1, s. 527; vol 8, pars 2, s. 623, č. 293. K pôvodu jeho rodu pozri: J. Endrödi, *Ku genealógii a názvu rodu Berzeviczy*, „*Annales historici Presovienses*“, 6, 2006, s. 43–57.

⁷⁵ J. Dąbrowski, *Z czasów Łokietka*, s. 321; K uhorskej podpore kráľa Lokietka v roku 1326 pozri tiež: A. Pór, *Magyar-lengyel érintkezés*, s. 318–319.

⁷⁶ „*Ceterum cum nos quosdam fideles nostros satis in multitudine numerosa in subsidium inclyti Principis Domini Ladislai, Dei gratia regis Poloniae illustris, charissimi Patris nostri, in Polonia misissemus, idem Ioannes ab incepta fidelitate non desistens, inter alios regni nostri fideles ibi missos, praedicto patri nostro, imo nobis laude digna obsequia exhibuit et impendit*“, *CDH*, vol. 8, pars 3, s. 75, č. 7.

⁷⁷ Do úvahy prichádzajú najbližší pokrvní príbuzní tohto Jána, predovšetkým potomkovia Petra z drienovskej vetvy rodu (*de Somos*), keďže tento abovský župan Peter sa ešte na začiatku 14. storočia významne vyznamenal v službách Vladislava Lokietka. K zásluhám tejto osobnosti pozri: S. A. Sroka, *Kontakty Władysława Łokietka z Węgrami*, s. 304–307. Rovnako do úvahy prichádzajú aj Tomáš a Mikuláš, synovia Štefana ako predstavitelia rodovej vetvy Čurka (Csirke), ktorí boli asi od roku 1312 v poľskom exile a do Uhorska sa im podarilo vrátiť až v roku 1323 aj vďaka poľskému kráľovi Vladislavovi. *CDSL*, vol. 2, s. 464, č. 1066; *Codex diplomaticus hungaricus andegavensis*, vol. 2, ed. I. Nagy, Budapest 1881, s. 90, č. 86.

⁷⁸ *CDPr*, vol. 2, s. 154, č. 116.

z kroniky Jána z Winterthur⁷⁹. Z ďalšej (1327) jeho titulatúry: „Georgius dux terre Russie, Galicie et Lodomerie” je zjavné, že bol všeobecne akceptovaný aj zo strany bojarov za vládcu Haličsko-vladimírsku⁸⁰. Podľa Jana Tęgowskeho však už nedošlo k spojeniu týchto dvoch ruských kniežatstiev do jedného celku, ako to bolo za vlády Juraja I. ale skôr pretrval stav ich samostatnejšieho postavenia z čias predchádzajúcich dvoch kniežat⁸¹. Jeho vláda sa pritom v podstate zásadne nelíšila od politickej orientácie jeho predchodcov. Znovu potvrdil staršie spojenecké zmluvy Andreja a Leva II.⁸², pričom okrem tradičného spojenectva s Poľskom (vrátane rodného Mazovska) a Uhorskom udržiaval štandardné vzťahy aj s Litvou⁸³. To posilnil ešte svojim sobášom (1331) s Eufémiou, dcérou litovského vládcu. Týmto zväzkom sa zároveň stal aj švagrom poľského kráľoviča Kazimíra⁸⁴. Vo svojej kancelárii však Juraj II. začal používal latinčinu, čo znamená aj to, že sa obklopil vlastnými vzdelanými ľuďmi. Hoci sám sa kvôli bojarom pridržiaval východného rítu, podporoval činnosť latinskej cirkvi, udržiavajúc kontakty aj s pápežskou kúriou⁸⁵. Naproti tomu niektoré pramene jeho vládu vykresľujú v menej pozitívnom svetle. Tvrdia, že sa snažil meniť miestnu vieru ako aj zvyky, svojvoľne vládol v neprospech poddaných, nad ktorých dosadil Čechov a Nemcov⁸⁶, pričom sa usiloval napodobňovať kráľovské dvory susedného Poľska a Uhorska. Tým si znepriatelil miest-

⁷⁹ Pozri: J. Bieniak, *Wygaśnięcie ksiąząt*, s. 391. Doslovný výklad kroniky, ktorý hovorí, že kresťanský vládca (Boleslav) bol dosadený priamo tatárskym chánom vyvrátili už: M. Грушевський, *Історія України-Руси*, t. 3, c. 527; B. Włodarski, *Polska i Rus*, s. 270, poz. č. 24.

⁸⁰ *CDPr*, vol. 2, s. 157, č. 119. Pozri tiež: J. Grabowski, *Dynastia Piastów mazowieckich*, s. 285.

⁸¹ J. Tęgowski, *Okoliczności wstąpienia na tron*, s. 318.

⁸² Svedčia o tom aj dohody uzavreté medzi Jurajom II. a Rádom nemeckých rytierov. *CDPr*, vol. 2, s. 154, č. 116, s. 157, č. 119, s. 190–191, č. 145, s. 199, č. 153. Tieto dohody obvykle stanovujú iba všeobecné podmienky spojenectva a len jeden konkrétny záväzok Juraja voči Križiakom, totiž záväzok chrániť Križiakov proti Tatarom. Toto spojenectvo s Rádom nechávalo Jurajovi voľné ruky v politike voči Poľsku a Litve. Čo sa týka Križiakov, vo vojnách s Poľskom zostával neutrálny, čo vyhovovalo obom bojujúcim stranám. H. Paszkiewicz, *Polityka ruska*, s. 25–33.

⁸³ J. Wyrozumski, *Kazimierz Wielki*, Wrocław–Warszawa–Kraków 2004, s. 85.

⁸⁴ Kráľovič Kazimír sa oženil s Eufémiinou sestrou Aldonou-Annou už skôr pričom obaja panovníci boli zároveň aj pravnučkami Konráda Mazovieckého. H. Paszkiewicz, *Polityka ruska*, s. 34.

⁸⁵ V čase jeho vlády sa tu zvýšila činnosť františkánov, zvlášť v haličskej časti jeho panstva. Prebiehala sa aj zvýšená činnosť lubelského biskupstva na Rusi, pričom v čase jeho vlády sa dá predpokladať aj počiatok latinského biskupstva v Przemysli. J. Wyrozumski, *Kazimierz Wielki*, s. 86.

⁸⁶ „bol k svojim prudký, dopúšťajúci sa ich väznenia, vymáhal od nich peniaze, zneužíval ich dcéry a ženy a tiež ustanovil nad nimi cudzincov – Čechov a Nemcov... pohnutí takouto nespravodlivosťou prichystali mu takú smrť – otrávenie”. Takýmto spôsobom opisujú vládu Boleslava-Juraja kroniky: *Rocznik Katedralny krakowski*, *Rocznik malopolski* a *Rocznik Traski: MPH*, t. 2, s. 628–629, 860, tiež Ján z Winterthuru. *Ibidem*, s. 623.

nych bojarov, ktorí ho nakoniec otrávil⁸⁷. Po jeho tragickej smrti (7. 4. 1340) sa o jeho panstvo znovu strhla vojna tentoraz už predovšetkým medzi Litvou a Poľskom, ktoré bolo aj v tomto prípade znova, avšak ešte výraznejšie podporované Uhorskom, samozrejme s účasťou Tatárov⁸⁸.

*

Dominik Blanár, *Hungarian-Polish intervention against the Tatars on Rus in 1323–1325*

After the obscure death of the last two princes of the Romanovych dynasty the Principality of Galicia-Volhynia was endangered by the impending Tartar invasion. Therefore the Polish king Władysław I the Elbow-high was forced to intervene in this matter. His diplomatic activities were aimed not only towards the Pope John XXII., but towards other neighbouring sovereigns as well: Lithuanian Grand Duchy, Mazovian and Dobrzyńian duchies and also the Kingdom of Hungary. Thanks to his diplomatic activities and straight military intervention he was able to nominate for the new Russian prince only 13 years old Bolesław, the son of the Mazovian duke Troyden and Mary the daughter of the king George I. With the absence of any direct sources relating to the events, especially about military actions, this article tries to reconstruct the whole process of installing the new prince, especially focusing on the help of the Hungarian troops in the fight against the boyar opposition and the Tatars. From the quantity of the Hungarian nobles of the Eastern borderland (who were for the long period engaged in the Polish affairs) we can trace back two local knights, who took part in this Russian intervention: Rykolf from the Berzevici family and John from the Budimir s branch of the Aba kindred.

---

⁸⁷ K určeniu možných príčin a okolností smrti Boleslava-Juraja II. pozri bližšie: J. Bieniak, *Wygaśnięcie księztw*, s. 391–392.

⁸⁸ Takmer hneď po smrti Juraja II. poľský kráľ Kazimír Veľký vpadol na Rus výrazne podporovaný aj uhorskými posilami. Zosnulé knieža Boleslav-Juraj II. malo pritom Kazimíra Veľkého urobiť svojím nástupcom na Rusi, v prípade absencie mužského potomka. V podobnom duchu mala niest' aj súčasná dohoda poľského a uhorského kráľa ohľadom panovania na Červenej Rusi, z roku 1340. V prípade ak by poľský kráľ mal dediča, Uhorsko malo mať možnosť vykúpiť Rus za cenu 100 000 zlatých florénov (50 000 kôp grošov). Takáto dohoda mohla vzniknúť na stretnutí všetkých troch panovníkov vo Vyšehrade. J. Wyrzozumski, *Kazimierz Wielki*, s. 85–86.

Доминик Бланар, Венгерско-польская интервенция на Руси против татар в 1323–1325 годах

После смерти последних галицко-волынских князей с династии Романовичей в 1323 г. над их землями нависла угроза татарского нападения. Это противоречило интересам польского короля Владислава Локетка и привело к его прямому вмешательству в русские дела. Заручившись поддержкой Папы Иоанна XXII, правителей Великого княжества Литовского, Мазовецкого и Добжинского княжеств, а также Венгерского королевства, Локетек совершил поход на Русь и посадил на галицко-волынском троне 13-летнего Болеслава, сына мазовецкого князя Тройдена и Марии Юрьевны. Несмотря на отсутствие прямых свидетельств о военной акции польского короля, автор стремится реконструировать ход событий, в том числе участие венгерских отрядов в стычках с русскими и татарами. Исследователю удалось идентифицировать нескольких рыцарей, принимавших участие в походе на Русь и происходивших с северо-восточной части Венгерского королевства. Речь идет о Рукольфе с рода Берзевичей и Иоанне с будимирской ветви рода Аба.

Viktor Adamovič
(Bratislava)

Obraz Rusi v ideológii českých kroník v ranoluxemburskom období

Hlavným cieľom príspevku je sledovať, ako vnímali Rus českí kronikári v prvej polovici 14. st. t.j. v čase vlády prvých Luxemburgovcov. Českí králi nemali v tomto období vážnejší politický interes voči ruským krajinám, avšak aktívne sa už od konca 13. st. angažovali v záležitostiach týkajúcich sa Poľska. Práve v týchto súvislostiach sa najčastejšie objavujú zmienky o Rusi v českých kronikách. Poľské prostredie a vplyv ú rozhodujúce pre český pohľad na Rus. Okrem toho, niektoré zmienky, ktoré nachádzame, vytvárali aj celkom slušný dojem nároku českých kráľov na územie Rusi. A hoci ten z ich strany v priebehu dejín vznesený nebol, Kronika Pulkavová by v prípade potreby mohla veľmi dobre poslúžiť ako základ pre ideologické odôvodnenie českej supremácie nad Rusou.

Prvá polovica 14. st. je obdobím významného rozvoja písomníctva v Českých krajinách¹. V čase vlády prvých Luxemburgovcov (Jána a Karola)² bolo dokon-

---

¹ O písomníctve za Luxemburgovcov pozri napr.: Z. Fiala, *Předhusitské Čechy. Český stát pod vládou Lucemburků 1310–1419*, Praha 1987, s. 82–102, 255–261; J. Čechura, *České země v letech 1310–1378: Lucemburkové na českém trůně*, Praha 1999, s. 212–225; J. Nechutová, *Latinská literatura českého středověku do roku 1400*, Praha 2000, s. 115–236; F. Kutnár, J. Marek, *Přehledné dějiny českého a slovenského dějepísectví*, Praha 2007, s. 30–44.

² K Luxemburgovcom pozri napr.: L. Bobková, F. Šmahel et al., *Lucemburkové: česká koruna*

čených hneď niekoľko kroník. Tieto stredoveké kroniky, najmä tie, ktoré vznikli na objednávku vládnucej dynastie, vo veľkej miere odrážajú práve politické predstavy dynastie. Tak to bolo aj v tomto prípade.

Už na počiatku 14. st. vzniklo význačné kronikárske dielo, *Kronika tzv. Dalimila*³, ktorá bola vôbec prvou historiografickou prácou v českom jazyku. Krátko po nej začala vznikať *Zbraslavská kronika*⁴, ktorá je často označovaná za vrcholné dielo stredovekej českej kronikárskej tradície. V čase vlády Karola IV. nastal v kronikárskej tvorbe kvantitatívny rozmach a to aj priamou zásluhou tohto panovníka. Karol IV. sám presadzoval potrebu spísania kroniky, ktorá by české dejiny vysvetľovala z pohľadu jeho mocensko-politických záujmov.

Najoficiálnejšími a neskôr aj najrozšírenejšími dielami z tohoto obdobia boli *Karolova autobiografia*⁵ (v tej sa ale nenachádzajú žiadne zmienky o Rusi), ktorá však celá nebola len jeho vlastným dielom a potom *Pulkavova kronika*⁶, na ktorej

---

uprostřed Evropy, Praha 2012; J. K. Hoensch, *Lucemburkové: pozdně středověká dynastie celoevropského významu 1308–1437*, Praha 2003. K vládě krále Jána: J. Spěváček, *Král diplomat: Jan Lucemburský 1296–1346*, Praha 1982; Idem, *Jan Lucemburský a jeho doba 1296–1346: k prvnímu vstupu českých zemí do svazku se západní Evropou*, Praha 1994. K vládě císaře Karola IV. pozri: J. Spěváček, *Karel IV.: život a dílo (1316–1378)*, Praha 1980; F. Kavka, *Vláda Karla IV. za jeho císařství (1355–1378), díl 1: 1355–1364*, Praha 1993; Idem, *Vláda Karla IV. za jeho císařství (1355–1378), díl 2: 1364–1378*, Praha 1993.

³ *Rýmovaná kronika česká*, [in:] *Fontes rerum Bohemicarum*, [ďalej: FRB], vol. 3., ed. J. Emler, Praha 1882, s. 1–301; Moderný český preklad: M. Krčmová, H. Vrbová, M. Bláhová, *Kronika tak řečeného Dalimila*, Praha–Litomyšl 2005. Pozri aj: Z. Fiala, *Předhusitské Čechy*, s. 88–91; F. Kutnár, J. Marek, *Přehledné dějiny dějepisectví*, s. 33–38.

⁴ *Petra Žitavského Kronika zbraslavská*, [in:] FRB, vol. 4., ed. J. Emler, Praha 1884, s. 1–337; Český preklad: Z. Fiala et al., *Zbraslavská kronika. Chronicon aulae regiae*, Praha 1976. Pozri aj: Z. Fiala, *Předhusitské Čechy*, s. 82–88; J. Nechutová, *Latinská literatura českého středověku*, s. 131–136; F. Kutnár, J. Marek, *Přehledné dějiny dějepisectví*, s. 30–33.

⁵ *Život císaře Karla IV.*, [in:] FRB, vol. 3, s. 323–417. Novší český preklad: M. Bláhova et al., *Kroniky doby Karla IV.*, Praha 1987, s. 11–53. K vlastnej cisárovej tvorbe pozri: J. Čechura, *České země v letech 1310–1378*, s. 212–225. O Karolovej autobiografii hlavne Ibidem, s. 214–215; F. Kutnár, J. Marek, *Přehledné dějiny dějepisectví*, s. 42–43; J. Nechutová, *Latinská literatura českého středověku*, s. 142–144.

⁶ Niekedy po roku 1364 vznikla prvá redakcia diela Přibíka Pulkavu, na ktorej možno istou mierou spolupracoval aj samotný panovník (istý mladší odpis dokonca celú pripisuje Karolovi IV.). Minimálne je z diela jednoznačné, že tlmočí oficiálny názor Karola IV. na českú históriu a vyjadruje jeho názory aj v otázkach štátnej ideológie. Kronika však bola niekoľko krát prepisovaná a vyšla vo viacerých redakciách, na ktorých autor pracoval podľa pokynov cisára. Posledná redakcia vyšla v roku 1374. Text kroniky pozri: *Kronika Pulkavova*, [in:] FRB, vol. 5. ed. J. Emler, Praha 1893, s. 1–326. Pozri aj: J. Čechura, *České země v letech 1310–1378*, s. 223–224; J. Nechutová, *Latinská literatura českého středověku*, s. 140; F. Kutnár, J. Marek, *Přehledné dějiny dějepisectví*, s. 41–42.

panovník do značnej miery taktiež spolupracoval. Okrem toho cisár poveril aj známeho talianskeho vzdelanca Giovanniho di Marignolli spísaním kroniky⁷, ktorá by české dejiny začleňovala do širšieho celosvetového kontextu. Tento ambiciózny pokus však nevyšiel podľa predstáv objednávateľa. V panovníkovom okruhu boli aj ďalší autori: opát Ján Neplach⁸, ktorý sa viackrát objavil v diplomatických službách cisára a kanonik pražskej kapituly Beneš z Wietmile⁹, ktorý bol tiež cisárovým dvoranom. Podobne panovníkovi venoval svoje dielo aj František Pražský¹⁰, s ktorým však Karol IV. nebol veľmi spokojný, taktiež ako zrejme nebol spokojný s už spomenutými dielami.

Napriek vzájomným významným či menej významným interakciám, Rus nespádala do oblasti primárneho záujmu českých kráľov¹¹. Už od čias posledných

---

⁷ Keď sa Karol IV. rozhodol, že je žiadúce spísať kroniku českých dejín, nezveril tú prácu najskôr nikomu z domáceho českého prostredia, ale vybral si známeho vzdelanca a cestovateľa, Taliana Giovanniho di Marignolli. Ten písal niekedy v rokoch 1355–1358 a jeho pokus o začlenenie českých dejín do svetovej kroniky veľmi nevyšiel. Z cisárovho pohľadu preto bolo nutné poveriť touto prácou niekoho iného. Text kroniky pozri: *Kronika Jana z Marignoly*, [in:] FRB, vol. 3, s. 485–604; Pozri aj: J. Nechutová, *Latinská literatúra českého stredoveku*, s. 139; F. Kutnár, J. Marek, *Přehledné dějiny dějepisectví*, s. 40–41.

⁸ Dielo Jana Neplacha síce nie je oficiálnou dvorskou kronikou, ale tento opát patril do blízkeho kruhu Karolových spolupracovníkov a často sa objavoval v cisárových diplomatických službách. Mal preto dobrý prístup na dvor a poznal panovníkove názory. Historici sa väčšinou zhodujú na tom, že jeho dielo vzniklo v roku 1360, a že sa jedná o kompiláciu starších prác a nemá veľký historický význam. Text kroniky pozri: *Neplacha, opata opatovského, krátká kronika římska a česká*, [in:] FRB, vol. 3, s. 443–484; Pozri aj: J. Nechutová, *Latinská literatúra českého stredoveku*, s. 138–139; F. Kutnár, J. Marek, *Přehledné dějiny dějepisectví*, s. 41.

⁹ Niekedy medzi rokmi 1372 a 1375 písal svoju kroniku Beneš z Weitmile, ktorého tým poveril Karol IV, keďže údajne nebol spokojný s dielom Františka Pražského a s opisom vlády jeho otca v diele tohto kronikára. Text kroniky pozri: *Kronika Beneše z Weitmile*, [in:] FRB, vol. 4, s. 457–548. Pozri aj: J. Čechura, *České země v letech 1310–1378*, s. 221–223; J. Nechutová, *Latinská literatúra českého stredoveku*, s. 137–138; F. Kutnár, J. Marek, *Přehledné dějiny dějepisectví*, s. 40.

¹⁰ V roku 1341 začal František Pražský písať na príkaz svojho biskupa Jána IV. z Dražíc kroniku, ktorá priamo nadväzovala na Kosmasa. Svoje dielo dotiahol po rok 1342, ale keď jeho objednávateľ v roku 1343 zomrel, stratil dôvod v ňom pokračovať. Tak vznikla prvá redakcia jeho práce. Neskôr sa František rozhodol svoju kroniku prepracovať. Tentokrát ju už venoval priamo cisárovi Karolovi IV. a dovedol ju až do roku 1353. Text kroniky pozri: *Kronika Františka Pražského*, [in:] FRB, vol. 4, s. 347–456. Novšiu edíciu: *Fontes Rerum Bohemicarum series nova, vol. 1: Kronika Františka Pražského*, ed. J. Zachová, Praha 1997. Pozri aj: Z. Fiala, *Předhusitské Čechy*, s. 94–95; J. Nechutová, *Latinská literatúra českého stredoveku*, s. 137; F. Kutnár, J. Marek, *Přehledné dějiny dějepisectví*, s. 39–40.

¹¹ K česko-ruským vzťahom za Přemyslovcov a prvých Luxemburgovcov pozri napr.: A. B. Флоровский, *Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X–XVIII вв.)*, t. 1, Praha 1935, c. 3–263.

Přemyslovcov sa však českí panovníci, najmä v osobe Václava II., úspešne presadzovali v Poľsku, ktoré malo s Rusou aj vzhľadom na spoločnú hranicu o mnoho živší kontakt¹². Českí králi nikdy v priebehu stredoveku neprejavili seriózný záujem o získanie Ruských krajín. To vyplývalo primárne z geografickej vzdialenosti medzi Českým štátom a Rusou a teda aj pomerne nízkou úrovňou politických vzťahov. Napriek tomu české kroniky, napr. *Kronika Pulkavova*, považovali Rus za teritórium, na ktoré by mali mať ich panovníci nárok, čo je nepochybné z jej viacerých formulácií. V podobnom duchu sa vyjadril aj Jan Neplach, ktorý píše, že po smrti kráľa Václava II. a jeho syna Václava III. došlo k odlúčeniu niekoľkých území od českého štátu, medzi nimi aj „maxima pars Russye“¹³. Vieme však, že poslední Přemyslovci nad Rusou nevládli, preto vystáva otázka, čo je touto zmienkou myslené?

V českej tradícii už od přemyslovských čias existovala tzv. téza „translatio regni“ t.j. téza o „prenesení kráľovstva“ z Moravy na Čechy¹⁴. Túto myšlienku otvorene rozvíja tzv. Dalimil a preberajú ju aj neskorší kronikári. Idea v krátkosti hovorí o tom, že pôvodne existovalo Moravské kráľovstvo t.j. Veľká Morava, ktorej podliehali aj Čechy. Tá sa najmä za vlády kráľa Svätopluka stala mocným štátom, ale stále v svojej podstate podliehala cisárovi a Ríši. Podľa tejto tézy sa Svätopluk vzoprel cisárovi čo malo za následok úpadok a následný rozklad jeho kráľovstva. Spomienka na Moravské kráľovstvo však nezmizla a preto, keď sa cisár rozhodol povýšiť české knieža Vratislava na kráľa¹⁵, v podstate nešlo o vznik nového kráľovstva, ale o obnovenie starého kráľovstva Svätoplukovho. Nevznikalo teda kráľovstvo nové, len koruna bola prenesená z Moravy na Čechy. Slovmi tzv. Dalimila: „Kako jest koruna z Moravy vyšla, povědě-ť, kako jest ta země k Čechám přišla“¹⁶.

¹² K vládě Václava II. pozri napr.: K. Charvátová, *Václav II. Král český a polský*, Praha 2007; L. Jan, *Václav II. a struktury panovnické moci*, Brno 2006.

¹³ *Neplacha kronika římska a česká*, s. 478.

¹⁴ O stredovekej téze „translatio regni“ pozri napr.: L. E. Havlík, *O přenesení království a koruny z Moravy do Čech*, [in:] *Moravský historický sborník. Ročenka Moravského národního kongresu 1993–1994*, Brno 1995, s. 223–240. Pozri aj: M. Bláhová, „*kako jest koruna z Moravy vyšla...*“ („*Translatio regni*“ ve *Staročeské kronice tzv. Dalimila*), „*Medievalia historica bohemia*“, 3, 1993, s. 165–176. K preberaniu přemyslovských tradícií Luxemburgovcami pozri: E. Doležalová, *Přemyslovská tradice v lucemburské době*, [in:] *Přemyslovci, Budování českého státu*, ed. P. Sommer, D. Třeštík, J. Zemlička, Praha 2009, s. 530–540.

¹⁵ K povýšeniu kniežaťa Vratislava II. na kráľa pozri napr.: L. Reitinger, „*Král český a polský*“ *Úvahy nad panovníčím titulem Vratislava II.*, „*Studia historica Brunensia*“, 57, 2010, 2, s. 3–28.

¹⁶ *Kronika tak řečeného Dalimila*, s. 49.

Čo sa týka Rusi, na prvý pohľad sa môže zdať, že téza „translatio regni” je irelevantná. Nie je to však pravda. Práve *Kronika Pulkavova* včleňuje do tejto idey o prenesení kráľovstva aj Rus a to v zmysle územia, ktoré kedysi podliehalo moravskej vláde. V nej čítame: „principatibus et terris videlicet Polonia, Russia et multis aliis ducatibus et terris, que prius, temporibus Swatopluk, ultimi regis Moravie, ad regnum Moravie pertinebant”¹⁷. A na inom mieste, kde autor píše o „obnovení” Českého kráľovstva kronika jednoznačne deklaruje že Morava, Poľsko, Rus a iné krajiny kedysi podliehajúce Svätoplukovi sú odteraz podriadené kráľovstvu a korune českej¹⁸. Vieme, že jednotlivé kronikárske zmienky treba hodnotiť opatrne, a že nie je dobré stavať komplikované teórie na jednom slove. Táto zmienka v spomenutej kronike však nie je ojedinelá, ale je zmieňovaná opakovane. Nejedná sa teda o zmienku náhodnú, ale o cieľavedomú a zjavnú. Českí králi očami Pulkavu teda mali nárok nielen na Poľsko, ale aj na Rus.

Historickou skutočnosťou však je, že východné okrajové časti Veľkej Moravy pri svojom najväčšom možnom rozsahu nesiahali za východný oblúk Karpát¹⁹. Teda územie Rusi nedosahovali a žiadne staršie pramene, ktoré by spomínali akýkoľvek politický vplyv Moravy na Ruské krajiny neexistujú. *Pulkavová kronika* je tak prvým dielom, ktoré tvrdí niečo také. Je preto zaujímavé a dôležité zamyslieť sa nad tým, ako k takejto predstave došla.

Kľúčovým okamihom, kedy sa vo zvýšenej miere dostávajú zmienky o Rusoch a Rusi do českých prameňov, spočiatku najmä diplomatických, je vláda kráľa Přemysla Otakara II., ktorý viedol aktívnu križiacku politiku v Pobaltí. Pri tej pochopiteľne došiel do kontaktu aj s Rusou²⁰. Okrem toho, v čase jeho vlády sa obzvlášť aktívne prejavovali aj kniežatá z haličsko-volynskej dynastie Romanovičovcov, ktoré mali s českými panovníkmi viaceré interakcie²¹. Vláda Otakarovho syna kráľa Václava II., ktorý sa na konci 13. st. úspešne zmocnil poľskej koruny, zna-

¹⁷ „Kniežatstvá a krajiny menovite Poľsko, Rus a mnohé iné územia a krajiny, ktoré predtým, za časov Svätopluka, posledného kráľa Moravy, patrili k Moravskému kráľovstvu”. *Pulkavová kronika*, s. 17.

¹⁸ Pozri: *Ibidem*, s. 15–16, 17, 54.

¹⁹ P. Ratkoš, *Slovensko v dobe veľkomoravskej*, Košice 1990, s. 51, 56.

²⁰ Ku križiackej politike kráľa Přemysla Otakara II. pozri napr.: J. Žemlička, *Přemysl Otakar II. král na rozhraní věků*, Praha 2011, s. 97–100; pozri aj: M. Biskup, G. Labuda, *Dzieje zakonu krzyżackiego w Prusach*, Gdańsk 1988, s. 150–153.

²¹ V. Nagirnyy, *Polityka zagraniczna księstw ziem Halickiej i Wołyńskiej w latach 1198 (1199) – 1264*, Kraków 2011, s. 272–277, 286–288; V. Adamovič, *Česko-haličské konflikty za vlády Daniela Romanoviča z pohľadu zahraničnej politiky Bela IV. (diplomová práca)*, Bratislava 2012, s. 26–37, 46–55.

menala, že Přemyslovské panstvo sa dostalo do priameho susedstva s juhozápadnou Rusou. Poľské záležitosti sa tak na prelome 13. a 14. st. stali kľúčovými v českej politike. Zvýšený český záujem o ne pretrval aj do 14. st. a prežil tiež výmenu dynastií. Až v roku 1335 sa Luxemburgovci v osobe kráľa Jána zriekli nároku na poľský trón. Dovtedy sa všetci českí panovníci počnúc Václavom II. titulovali aj ako králi Poľska²². Samozrejme, kronikári píšuci v 14. st. o poľskej politike českých vládcov dobre vedeli a spolu so záujmom o Poľsko pochopiteľne narastal záujem aj o Rus, hlavne západnú. Tak sa do českých kroník dostali aj zmienky o Rusi. Tak napr. František Pražský spomína okolnosti zavraždenia Jurija II. Boleslava²³, snahy o zavádzanie katolicizmu na Rusi, ako aj následnú vojnu Kazimíra III. proti Tatárom, ktorej príčinou bola práve „terra Rutenorum“²⁴. Podobne sa o tom zmieňuje aj Beneš z Weitmile, aj keď len veľmi skratkovito²⁵. Pulkava si zase všimol účasť Rusov na vpáde Vladislava I. Lokietka do Brandenburska²⁶. Tieto zmienky teda dokladajú len podrobnejší záujem českých kronikárov o dianie v Poľsku avšak nie o samotnú Rus. Okrem nich, v týchto dielach nájdeme aj staršie zmienky, ktoré sa priamo alebo nepriamo vzťahujú k Rusi, avšak tie sú všetky opísané zo starších prameňov a boli autormi len mechanicky prebraté.

Rusi sú v západných kronikách často vnímaní ako schizmatici, či rovno ako pohania. Takto za pohanov ich označuje napr. *Pulkavová kronika*²⁷. Beneš z Weitmile zas o nich hovorí ako o neveriacich²⁸, František Pražský ako o schizmatikoch²⁹ a *Zbraslavská kronika* dokonca ako o prenasledovateľoch viery³⁰. Napriek tomu tá istá *Zbraslavská kronika* len o pár kapitol ďalej, pri svojej oslave kráľa Václava II., tvrdí že tento panovník, keďže bol veľmi zbožný, povolával k sebe nielen kňazov a duchovných zo Západu ale aj „de Russia“³¹. A títo „religiosos et eciam clericos plurimos seculares, quorum quidam barbam, alii comam more barbarico nutrientes suo ritu in greco, quandoque eciam in slauico idiomate celebrarunt missarum

²² K zrieknutiu sa poľskej koruny kráľom Jánom Luxemburským pozri: Z. Fiala, *Předhusitské Čechy*, s. 44–45.

²³ O Jurijm II. Boleslavovi viď: J. Grabowski, *Dynastia Piastów mazowieckich*, Kraków 2012, s. 442–443.

²⁴ *Kronika Františka Pražského*, s. 430.

²⁵ *Kronika Beneše z Weitmile*, s. 490.

²⁶ *Kronika Pulkavova*, s. 203.

²⁷ *Ibidem*, s. 203.

²⁸ *Kronika Beneše z Weitmile*, s. 490.

²⁹ *Kronika Františka Pražského*, s. 430.

³⁰ *Petra Žitavského Kronika zbraslavská*, s. 60.

³¹ *Ibidem*, s. 70.

solempnia spius coram rege³². Kronikár tu teda upriamuje pozornosť nielen na to, že východní duchovní slúžia omše v inom jazyku a iným obradom, ale v prvom rade si všíma ich vonkajší výzor, ktorý hneď aj hodnotí ako barbarský. Z českých kroník o tom výslovne hovorí napr. tzv. Dalimil, ktorý spomína, že českí muži ešte v dobách, keď boli pohania nosili dlhé brady³³. Dalimil taktiež vie, že Rusi používajú pri bohoslužbách slovanský jazyk. To spomína v súvislosti s arcibiskupom Metodom, ktorému nesprávne pripísal ruský pôvod, tvrdiac: „Metuděje, arcibiskupa velehradského. Ten arcibiskup Rusín bieše, mšiu svú slovensky slúžieše³⁴“.

Ako sme už spomenuli hoci sa *Zbraslavská kronika* o ruských kňazoch vyjadruje vcelku pozitívne, odhliadajúc od narážky na ich barbarské zvyky, ešte pár kapitol predtým sa celkovo o Rusoch vyjadruje oveľa nelichotivejšie. Označuje ich za neveriacich, ba až za prenasledovateľov viery. Ako si môžeme vysvetliť takú prudkú zmenu názoru v tom istom prameni? V prvom rade je dôležitý samotný kontext a v oboch prípadoch bolo rozhodujúce, aby vynikol český panovník. Hlavnou podstatou pasáži, ktoré hovoria negatívne o Rusoch je zdôrazniť zničenie poľskej zeme, ktorá následne nemala inú možnosť, ako prejsť pod supremáciu Václava II. Pasáž, ktorá pozitívne hodnotí ruských duchovných, zas slúži k oslave českého kráľa a k vykresleniu jeho zbožnosti.

Na záver môžeme teda konštatovať, že stredoveké kroniky reflektovali aktuálne politické ambície vládnuceho panovníka či rodu. V tomto prípade, teda v prípade cisára Karola IV. je to tvrdenie viac ako zrejmé. Kroniky z cisárovho okruhu nutne odrážali jeho politické ciele a ideológiu³⁵. To sa premietlo okrem iného aj do už spomínaného začlenenia Rusi do tzv. tézy „translatio regni“, ale aj napr. do pocitu stredovekej slovanskej vzájomnosti, ktorý hlavne Pulkava rozvíja a v rámci ktorého mala Rus pochopiteľne tiež svoje miesto³⁶. Taktiež je zrejmé, že českí kronikári nepocitovali potrebu zoširoka popisovať vzájomné vzťahy medzi svojou krajinou

³² „Duchovní a tiež mnohí svetskí kňazi, z ktorých niektorí, pestujúc si podľa barbarského zvyku brady, iní vlasy, často slúžili pred kráľom slávnostné omše podľa svojho obradu v gréckom, niekedy aj v slovanskom jazyku“. Ibidem, s. 70–71.

³³ „Pobdímy pod sě ty bradaté kozly. Neb sě tehdy po pohansku jmiechu mužie dlúhe brady nosiechu“. *Kronika tak řečeného Dalimila*, s. 22.

³⁴ Ibidem, s. 48.

³⁵ Z. Fiala, *Předhusitské Čechy*, s. 255.

³⁶ To vidíme aj na príklade mýtu o troch bratoch Čechovi, Lechovi a Rusovi, ktorý je známy hlavne z poľského prostredia. K tomu pozri napr.: A. Mesiarkin, *Od kiedy Czech, Lech i Rus stali się braćmi?* [in:] *Rurikids in dynastic relations: politics, customs, culture, religion 10th–16th c.*, ed. V. Nagirnyy, Krakow 2014, s. 33–38 [Seria: *Colloquia Russica. Series I*, vol. 4].

a panovníkmi a Rusou a jej vládcami, čo vyplývalo zo spomínanej geografickej vzdialenosti a slabých vzájomných politických kontaktov. Rus teda spomínali len ako doplnok v súvislostiach, keď bolo napríklad treba zvýrazniť vlastnú veľkosť: ako v prípade Pulkavových zmienok o rozsahu Svätoplukovej ríše; výnimočnosť ako keď *Zbraslavská kronika* oslavuje zbožnosť kráľa Václava II. vrámci čoho spomína kňazov aj z Rusi; či rozsah svojich strát v prípade Jána Neplacha a jeho opisu odtrhnutých území po vymretí Přemyslovcov. Informatívne zmienky o Rusi či Rusoch sú len veľmi výnimočné a takmer výlučne sa týkajú cudzích krajín, najmä Poľska. Ak podrobne čítame české naračné pramene zo 14. ale aj z konca 13. st., ukazuje sa, že práve poľské sprostredkovanie je kľúčové vo vzťahu k zmienkam, ktoré spomínajú Rus. Toto sprostredkovanie vyplývalo primárne z pôsobenia kráľa Václava II. v Poľsku a pokračovalo neskôr.

Českí králi sa v priebehu stredoveku nikdy aktívne nesnažili o získanie Rusých krajín a ani na ne nevzniesli žiaden nárok. V prípade ich trvalejšieho zisku Poľska bol však pravdepodobný aj nárast ich aktivity vo vzťahu k Rusi. V tom prípade by napr. *Pulkavova kronika* mohla vhodne poslúžiť, ako odôvodnenie takýchto snáh. V skutočnosti však k takémuto scenáru nedošlo. Záujem českých kronikárov o Rus, ktorý v podstate odrážal záujem aktuálnych predstaviteľov štátu bol preto nízký. Z toho dôvodu je aj zmienok o Rusi v českých kronikách pomerne málo.

*

Viktor Adamovič, *The Image of Rus' in the Bohemian Chronicle's Ideology During the Early Luxembourg Period*

The main purpose of this paper is to observe how Rus' was perceived by the Bohemian chroniclers during the first half of the 14th century, i.e. during the reign of the first Luxembourgs. Although, the Bohemian kings had no serious political interest in the Ruthenian lands in this period, they were quite actively engaged in the matters of Poland. And mainly in this context, the mentions about of Rus' in the Bohemian chronicles can be found. The Polish environment and influence was crucial for a Bohemian view on Rus'. Several accounts, which can be found, create an impression of a claim of the Bohemian kings on the territory of Rus', as this paper demonstrates. However, this claim was not really posed by any of the Bohemian monarchs in the past, mainly due to geographical distance. Particularly *the Chronicle of Pulkava* could serve well as an base for an ideological justification of a Bohemian supremacy over Rus'.

Виктор Адамович, Образ Руси в идеологии чешских хроник во времена первых Люксембургов

Автор статьи стремится показать, как воспринимали Русь чешские хронисты в первой половине XIV века – во времена первых правителей с люксембургской династии. Чешский королевский двор не проявлял особого политического интереса к событиям на Руси, однако, начиная с конца XIII века, активно вмешивался в события в соседней Польше. Именно в этом контексте в чешских источниках появляются упоминания о русских землях. Автор отмечает, что в описании событий на Руси чешскими хронистами четко прослеживается польское влияние. Кроме того, некоторые известия чешских хроник позволяют предположить, что Люксембурги могли растить претензии к русским землям. Идея чешского верховенства над Русью наиболее прослеживается в *Хронике Пулкавы*. Однако эти планы так никогда и не были реализованы, главным образом из-за географической отдаленности Руси.

Марчин Граля
(Краков)

Обстоятельства появления Киприана на Руси и его назначения митрополитом. Постановка проблемы

В семидесятых годах XIV в. в очень сложной политической ситуации из Византии на Русь был отправлен опытный политик, всесторонне образованный человек, родом из Болгарии, великий священник – Киприан. Автор в данной статье пытается представить наиболее полную панораму целей патриаршего посланника на Руси, а также обстоятельства, в которых ему пришлось действовать. Предпринята попытка ответить на вопрос, когда и по чьей инициативе возник замысел назначения митрополитом Киприана. Поскольку избранная проблематика является чрезвычайно сложной, выводы во многих случаях принимают форму набросков, которые только в некоторой степени раскрывают многогранность тематики.

В культуре средневековой Руси рубеж XIV и XV веков Львом Дмитриевым был назван периодом „повторного южнославянского влияния”. В значительной степени такое определение обусловлено, помимо прочего, литературной деятельностью происходящего из Болгарии русского митрополита

Киприана¹. Этот человек оказал огромное влияние на русскую литературу, однако причины его появления на Руси не имели ничего общего с его талантом писателя или литературными навыками. Киприан появился на Руси вследствие большой политической игры, в которой переплелись интересы Византии, Москвы, Твери и Литвы².

Вторая половина XIV века в Восточной Европе была наполнена соперничеством между Великим княжеством Литовским и Москвой. На фоне этого соперничества пытались найти свое место такие менее значительные центры, как Тверь, Рязань и Нижний Новгород. Ситуация начала осложняться еще больше, когда после смерти Джанибека в 1357 г. Золотая Орда погрузилась в глубокий кризис и ее влияние на Русь стало уменьшаться³. Для Руси неуклонно приближалось время перемен.

На эту Русь с надеждой смотрела также Византия, где патриархом был

¹ Л. А. Дмитриев, *Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы (к русско-болгарским литературным связям XIV–XV вв.)*, „Труды Отдела Древнерусской Литературы”, 19, 1963, с. 215–216.

² Т. Барсов, *Константинопольский патриархатхъ и его власть над русскою церквю*, Санкт-Петербург 1878, с. 401–402; Макарий, *История русской церкви*, т. 4: *В периодъ монгольскій*, Санкт-Петербург 1886, с. 59; S. Smolka, *Kiejstut i Jagiełło*, „Pamiętniki Akademii Umiejętności w Krakowie”, 7, 1889, s. 115; J. Fijałek, *Biskupstwa greckie na ziemiach ruskich do połowy w. XV. Na podstawie źródeł greckich*, „Kwartalnik Historyczny”, 9, 1897, s. 20–21; A. Lewicki, *Sprawa unii kościelnej za Jagiełły*, „Kwartalnik Historyczny”, 11 1897, s. 313–315; Е. Голубинский, *История Русской Церкви*, т. 2, ч. 1, Москва 1900, с. 210–211; K. Chodynicki, *Kościół Prawosławny a Rzeczpospolita Polska. Zarys historyczny 1370–1632*, Warszawa 1934, s. 19–20; Л. А. Дмитриев, *Роль и значение*, с. 217; Г. М. Прохоров, *Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы*, Ленинград 1978, с. 22–25; J. Meyendorff, *Byzantium and the Rise of Russia. A study of Byzantino–Russians relations in the XIV century*, Cambridge 1981, p. 197; Н. Ф. Дробленкова, Г. М. Прохоров, *Киприан – митрополит Киевский*, [in] *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, вып. 2, ч. 1, ред. Д. С. Лихачев, Ленинград 1988, с. 465; Н. С. Борисов, *Церковные деятели средневековой Руси XIII–XVII вв.*, Москва 1988, с. 80–81; Р. Г. Скрынников, *Государство и церковь на Руси XIV–XV вв. Подвижники русской церкви*, Новосибирск 1991, с. 18–21; Idem, *Крест и корона. Церковь и государство на Руси IX–XVII вв.*, Санкт-Петербург 2000, с. 61–62; А. В. Карташев, *Очерки по истории Русской Церкви*, т. 1, Москва 1993, с. 320–321; Д. Оболенский, *Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов*, Москва 1998, с. 534; Б. Крычевский, *Митрополичья власть в средневековой Руси (XIV в.)*, Санкт-Петербург 2003, с. 201–202; А. А. Булгачев, *Из истории русско-греческих церковных и культурных взаимоотношений второй половины XIV столетия (судьба святителя Дионисия Суздальского)*, „Вестник церковной истории”, 4, 2006, с. 94; В. И. Петрушко, *История Русской Церкви с древнейших времен до установления патриаршества*, Москва 2007, с. 126–128.

³ А. Н. Насонов, *Монголы и Русь. История татарской политики на Руси*, Санкт-Петербург 2006, с. 309–315.

Филофей (в 1354–1355 гг. и в 1364–1376 гг.)⁴. Он являлся необычной личностью, которая объединяла в себе основательное образование и глубокое благочестие. Вместе с книжной ученостью, богословскими знаниями, а также дипломатическими талантами, Филофей благодаря опыту монашеской жизни на Синае и Афоне, смог достичь высот духовности⁵. Этот патриарх воспринял политические взгляды Кантакузина, согласно которым православная Русь представлялась как сила, способная помочь в спасении Византии от турецкого нашествия. Согласно такому видению, на Босфоре стало желательным поддерживать единство Киевской митрополии и всей Руси⁶. Он также был иерархом, который продолжил разработанные Афанасием и осуществляемые главным образом патриархами-выходцами из среды монахов реформы патриаршества. На протяжении XIV века положение константинопольского патриарха значительно укрепилось. Он получил превосходство над светской властью, а возведенные на патриарший престол имели решимость быть духовными проводниками для всей православной общины христиан⁷. В этой связи Филофей был человеком, имевшим конкретное видение функционирования православной церкви, что не могло не иметь отражения в его решениях относительно русской митрополии.

Между тем соперничество Великого княжества Литовского и Москвы усиливалось. Трудно представить, чтобы было по-другому, поскольку в летописных статьях той эпохи содержались упоминания, наглядно характеризующие сферу деятельности Ольгерда и Дмитрия Ивановича. Литовские амбиции нашли отражение в словах немецкого хрониста, согласно которому литовцы считали, что: „sed omnis Russia ad Letwinos deberet simpliciter pertinere”⁸. В свою очередь, под 1367 г. в русских летописях обнаруживается упоминание о том, как „На Москвѣ почали ставити город камень, надѣяся на свою на великую силу, князи Русьскыи начаша приводити въ свою волю, а которыи почаль не повиноватися ихъ волѣ, на тыхъ почали посягати

⁴ Годы понтификата приводятся по: M. Bendza, A. Szymaniuk, *Starożytny patriarchaty prawosławne*, Białystok 2005, s. 149.

⁵ Г. М. Прохоров, *Повесть о Мутяе*, с. 13.

⁶ Ibidem, с. 16–18.

⁷ Д. Оболенский, *Византийское содружество*, с. 531–532; *Świat Bizancjum*, т. 3: *Bizancjum i jego sąsiedzi 1204–1453*, pod red. A. Laiou, C. Morrisson, Kraków 2013, s. 226–228, 235.

⁸ Hermann von Wartberge, *Chronikon Livoniae*, [in:] *Scriptores Rerum Prussicarum*, vol. 2, ed. T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehle, Leipzig 1863, s. 80.

злостью⁹. Конфликт нарастал и его кульминация наступила в 1368 г., когда, выступая в защиту интересов своего тестя, Ольгерд двинулся на Москву. Это привело к трем крупным экспедициям, направленным из Литвы на Московскую Русь, которые в историографии получили названия „Литовщины”. Соперничество вскоре перешло на церковную почву, на которой в течение длительного времени происходили споры о форме и функционировании русского православия. Овладение Киевом Ольгердом сподвигнуло последнего к принятию решительных мер к захвату контроля над русской православной церковью. Эксперименты с Феодором и Романом не принесли долговременного успеха в этой политике, а симпатии Филофея накануне 1-й „Литовщины” были на стороне находящегося в Москве митрополита Алексея. В июне 1370 г. из канцелярии константинопольского патриарха было послано на Русь несколько писем, подчеркивающих полное доверие Филофея в отношении любых действий митрополита¹⁰. Среди них были, однако, и письма чисто политического оттенка, потому что Алексей прямо поддерживал действия Дмитрия Ивановича. Наиболее яркими примерами этого было наложение интердикта на Нижний Новгород, в котором находился не желавший подчиняться воле Москвы Борис Константинович¹¹, участие в лишении свободы в Москве тверского правителя Михаила Александровича¹², а также наложение проклятий на православных князей, воевавших с Москвой на стороне Ольгерда. Это последнее обстоятельство фактически перенесло литовско-московский конфликт из области чисто военной на идеологическую почву.

В ходе соперничества в церковной сфере переломным оказался 1371 г. В этом году к константинопольскому патриарху были доставлены три чрезвычайно важных письма. Это были письма от Казимира Великого, Ольгерда

⁹ *Рогожский летописец*, [in:] *Полное Собрание Русских Летописей* [далее: ПСРЛ], т. 15, Пет-роград 1922, с. 84.

¹⁰ *Русская Историческая библиотека* [далее: РИБ], т. 6: *Памятники древне-русского канонического права*, Санкт-Петербург 1880, *Приложения*, № 17, с. 103–110; № 18, с. 109–114, № 19, с. 115–118, № 20, с. 117–120, № 21, с. 121–124.

¹¹ М. Карамзин, *История государства российскаго*, т. 5, Санкт-Петербург 1819, с. 10; С. М. Соловьев, *История отношений между русскими князьями рюрикава дома*, Москва 1847, с. 378–379; Е. Голубинский, *История Русской церкви*, т. 2, ч. 1, с. 205–206; А. В. Карташев, *Очерки по истории*, с. 312–316; В. А. Кучкин, *Русские княжества и земли перед Куликовской битвой*, [in:] *Куликовская битва. Сборник статей*, ред. Л. Г. Бескровный, Москва 1980, с. 66–67; Н. С. Борисов, *Церковные деятели*, с. 72–73.

¹² *Рогожский летописец*, с. 87.

и Михаила Александровича. Их тон полностью изменил отношение Филофея к Алексею, и ранее проявлявшаяся поддержка значительно уменьшилась¹³. Поскольку эффект был настолько очевиден, в последнее время один из белорусских историков, Олег Голубев, предложил гипотезу о согласованной акции тех трех правителей, целью которой должно было стать уменьшение значения московского митрополита¹⁴. Более пристальный анализ этих писем, однако, не позволяет согласиться с таким мнением.

Первый из документов – это составленное независимо от литовско-московского конфликта послание Казимира Великого. Из Кракова тогда была отправлена просьба о восстановлении Галицкой митрополии¹⁵. Важнейшим мотивом (конечно, не официальным, поскольку это была забота о подданных) просьбы польского правителя было освобождение православных подданных от влияния митрополита, над которым король не имел бы контроля. В данном случае это был, несомненно, Алексей. Письмо Казимира Великого не содержало, однако, никаких конкретных указаний на его личность. Мало того, в более раннее время, даже эфемерное функционирование литовской митрополии было для польского монарха ненужным. В новой политической ситуации, в которой Польское королевство боролось с Великим княжеством Литовским за наследство Юрия Болеслава Тройденовича¹⁶, гораздо более опасным для Казимира Великого был бы православный митрополит „литовский”, чем „московский”. Представляется, что письмо Казимира к Филофею могло быть скорее попыткой нейтрализации церковных претензий Ольгерда, нежели влияния Алексея на верующих

¹³ J. Meyendorff, *Byzantium*, p. 191–199.

¹⁴ О. Е. Голубев, *Великое княжество литовское и Константинопольский патриархат: становление и развитие церковно-политических взаимоотношений (1316–1387 гг.)*, Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Рукопись, Минск 2013, с. 74–75. Здесь я хотел бы поблагодарить доктора Витаса Янкаускаса из Университета Витовта Великого в Каунасе за предоставление мне рукописи этой чрезвычайно интересной диссертации.

¹⁵ Joannis de Czarnkow, *Chronicon Polonorum*, [in:] *Monumenta Poloniae Historica* [далее: МРН], wyd. A. Bielowski, t. 2, Lwów 1872, s. 626–627; Макарий, *История Русской церкви*, т. 4, с. 57–59; S. Smolka, *Kiejstut i Jagiełło*, s. 115; J. Fijałek, *Biskupstwa greckie*, s. 22–35; Е. Голубинский, *История Русской*, т. 2, ч. 1, с. 208; K. Chodynicki, *Kościół Prawosławny*, s. 8–10; J. Wyrozumski, *Kazimierz Wielki*, Wrocław–Warszawa–Kraków 2004, s. 109–110; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów*, Białystok 2003, s. 136–137.

¹⁶ G. Błaszczuk, *Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów najdawniejszych do współczesności*, t. 1: *Trudne początki*, Poznań 1998, s. 150–165.

Галицко-Волынской Руси¹⁷. В такой ситуации о координации действий двух правителей не может быть и речи.

Как раз в то время, когда патриарший синод положительно рассмотрел просьбу польского монарха (не последнюю роль сыграла угроза короля относительно перевода русинов в латинский обряд), до Филофея дошло письмо Ольгерда. Оно содержало жалобы на Алексея, среди которых были, в частности, обвинения в терпимости к лжесвидетельствам и вероломном удержании Михаила Александровича в Москве. Письмо заканчивалось пожеланием выбора нового митрополита: „Дай нам другого в Киев, Смоленск, Тверь, Малую Русь, Новосильск, Нижний Новгород”¹⁸. Таким образом Ольгерд представил новую, чрезвычайно амбициозную программу своей церковной политики. Это не была попытка возобновления митрополии с резиденцией в Новогрудке. Это были попытки, направленные на построение таких церковных структур, в которых митрополия „владимирско-московская” имела бы периферийное значение¹⁹. Этой заявкой Гедиминович показал, что стремится к политическому контролю над большинством (если не всем) русского православия.

Филофей оказался в щекотливом положении. Трудно было игнорировать претензии Ольгерда, когда только что положительно были рассмотрены просьбы Казимира Великого. Тем более, что обвинения в адрес Алексея не были в целом беспочвенными. Их подтверждением было послание из Твери, которое требовало суда над митрополитом. С одной стороны, посланники Михаила Александровича, безусловно, обеспокоили Филофея, особенно, поскольку упомянутый князь только что получил ярлык на Великое княжество Владимирское²⁰, и это известие могло поколебать его отношение

---

¹⁷ Совместной акции Казимира Великого и Ольгерда противоречит также документ патриарха Филофея, который, возобновляя существование Галицкой митрополии, определил для нее епископов. Решением синода митрополиту Антонию должны были подчиняться епископы в Холме, Перемышле, Турове и Владимире-Волынском. Особенно назначение этих двух последних ударяло по интересам Ольгерда. Туров на самом деле был одним из епископств существовавшей ранее Литовской митрополии, а передача под юрисдикцию галицкого митрополита Владимирской епархии была так или иначе подтверждением принадлежности этих спорных земель Польше.

¹⁸ РИБ, т. 6, *Приложения*, № 24, с. 139–140.

¹⁹ S. Smolka, *Kiejstut i Jagiełło*, s. 115; Е. Е. Голубинский, *История русской церкви*, т. 2, ч. 1, с. 207.

²⁰ В. С. Борзаковский, *История Тверского княжества*, Санкт-Петербург 1876, с. 150; П. Соколов, *Руский архиерей изъ Византии и право его назначения до начала XV вѣка*, Киев

к деятельности, осуществляемой на Руси Алексеем. Однако, с другой стороны, письмо из Твери позволяло до некоторой степени игнорировать непомерные притязания Ольгерда. Переписка между Тверью, Константинополем и Москвой сосредоточилась на вопросе о суде и проблеме снятия с тверских князей наложенного митрополитом проклятия. Как отметил Эккехард Клуг, в ней не было речи о какой-либо просьбе о новом митрополите или новом составе митрополии. Все указывает на то, что просьба Ольгерда о новом митрополите для Киева, Смоленска, Твери, Малой Руси, Новосильска и Нижнего Новгорода была послана к Филофею без консультации с Михаилом Александровичем²¹. Патриарх мог прийти к выводу, что влияние Ольгерда на Северо-Восточную Русь преувеличено и в церковных вопросах не нужно идти на такие серьезные уступки, как в отношении польского короля.

В свете этих событий и трех упомянутых посланий Филофеем написал Алексею грамоту, которая в корне изменила его предшествующую политику в отношении русской православной церкви. Значительную роль сыграло восстановление Галицкой митрополии, что поколебало прежнюю политическую линию Филофея, одним из принципов которой было сохранение единства русской церкви. Это решение также напрямую затронуло полномочия Алексея, который в 1354 г. был назначен митрополитом „Киевским и всея Руси”²². Наконец, было еще одно обстоятельство, которое, как правило, игнорируется в историографии, и которое в наше время нельзя обойти вниманием. Соглашаясь с просьбой польского монарха, Филофей без возражений утвердил королевского кандидата, который, вероятно, не был даже греком. Одно письмо Казимира Великого заключало в себе столько прецедентов, что патриарх вынужден был послать на Русь очередное послание, в котором информировал Алексея о своих решениях.

1913, с. 406; А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*, с. 319; Э. Ключ, *Княжество Тверское (1247–1485)*, Тверь 1994, с. 200; А. А. Горский, *Москва и Орда*, Москва 2000, с. 84.

²¹ Э. Ключ, *Княжество Тверское*, с. 205–206.

²² Патриарший документ рукоположил Алексея на „митрополию кийевскую и всея Руси” (*РИБ*, т. 6, *Приложения*, № 9, с. 47). Алексей унаследовал от своего предшественника и (кажется, что в этом нет преувеличения) наставника Феогноста, объединившего русскую митрополию. Благодаря усилиям последнего, в 1347 г. патриарх Исидора и византийский император Иоанн Кантакузин совместно объявили о ликвидации Галицкой митрополии (J. Fijalek, *Średniowieczne biskupstwa*, s. 503–510; K. Chodynicki, *Kościół Prawosławny*, s. 7; A. Mironowicz, *Kościół Prawosławny*, s. 123–124).

В августе 1371 г. Филофей направил Алексею письмо, в котором сообщил митрополиту о создании новой церковной административной единицы в Галицкой Руси²³. Это не был обычный документ с целью сообщения по нисходящей принятых решений. Это было письмо, содержащее резкий, определенный тон патриарха, который диаметрально изменил свое отношение к Алексею. Послание Филофея начиналось с упреков в адрес Алексея, который, в соответствии с информацией патриарха, пренебрег пастьерской заботой над различными частями митрополии. Филофей писал: „Слышали мы, что ты не заботишься о всех христианах, живущих в разных частях Руси, но осел в одном только месте, все другие оставив без пастьерской заботы”²⁴. Обвинение патриарха было усилено красноречивыми, ибо указывало на нарушение канонических законов, словами: „это не есть хорошо и не согласно с рекомендациями священных канонов”²⁵. Далее документ патриарха прямо свидетельствует о том, что отправленное польским монархом письмо было результатом халатности Алексея. Своим поведением митрополит привел к ситуации, в которой Филофей вынужден был согласиться с требованиями Казимира Великого. Кульминацией обвинений в адрес Алексея стал его вызов на суд в Константинополь: „Призываем тебя на суд, что нам можешь сказать?”²⁶. Особое значение имели обращенные к Алексею слова: „Не подобает тебе обижаться, поскольку все это произошло из-за Тебя”²⁷. Можно видеть, что Филофей предполагал недовольство митрополита из-за принятых решений. Всем рассказом о том, как те поступки Алексея вынудили патриарха восстановить Галицкую митрополию, Филофей вырывал из рук Алексея любые аргументы, которыми хотел бы он выразить свое разочарование.

Еще более эффективным маневром, направленным на изобличение беззакония Алексея, являлся фрагмент, в котором патриарх информировал его о юрисдикции, которой наделил Антония: „Мы дали ему Галич, где следует иметь митрополию, из епископств – владимирская, перемышльская и холмская, которые находятся под властью короля поляков: больше чем это мы ему не дали, ни Луцка, ни никакого другого епископства”²⁸. Это очень важ-

²³ РИБ, т. 6, *Приложения*, № 25, с. 141–150.

²⁴ Ibidem, с. 141–142.

²⁵ Ibidem.

²⁶ Ibidem, с. 145–146.

²⁷ Ibidem.

²⁸ Ibidem.

ный фрагмент документа патриарха. Филофей, видимо, хотел в нем показать, что уступки, сделанные в пользу митрополита Антония, были минимальными, но это не должно быть так. Не случайно, что сразу после этого патриарх процитировал Алексею жалобы и претензии Ольгерда. Перед митрополитом возникала перспектива утраты юрисдикции не только над Юго-Западной Русью, где недавно утвердился Антоний. Такой системой изложения Филофей ясно давал понять, что если митрополит не помирится с Ольгердом, то может потерять свою пастырскую власть над значительно большей территорией²⁹.

Патриаршее послание Алексею содержало еще одно достойное внимания обстоятельство. Написав митрополиту о необходимости восстановления Галицкой митрополии, Филофей не ссылаясь на аргументы Казимира Великого о традиции ее более раннего существования. Даже вопрос о пастырском небрежении не был решающим элементом назначения Антония³⁰. Проблему, которая оказалась решающей, Филофей заключил в следующих предложениях: „Другое дело, если бы местный правитель был православным и нашей веры; тогда могли бы мы перенести и отложить это дело, хотя это не было бы хорошо, для Тебя, однако, мы бы так поступили. Однако если он не наш, а латинник, то можно ли отправить того епископа без ничего?“³¹. Сообщение, направленное Алексею, представляется ясным. Ольгерд, также как и Казимир Великий, не был православным. Так, если Алексей не хотел дальнейшего сокращения своей юрисдикции, он должен был в отношениях с языческим правителем Литвы придерживаться большей осторожности, и, кто знает, не предлагал ли Филофей этим мнением митрополиту значительную работу по христианизации Литвы по восточному обряду.

Процитированное, важное для Алексея письмо должен был доставить в Москву патриарший помощник Иоанн Докиан. Прямо перед его отъездом в Константинополь прибыл посланник тверского князя Михаила Александровича – Федор. Как уже упоминалось, известия из Твери подтвердили обвинения, выдвинутые Ольгердом, и могли только ухудшить имидж Алексея в глазах патриарха. Действительно, так и произошло. Вскоре Филофей подготовил новые документы, в которых определялась дата и конфлик-

²⁹ П. Соколов, *Русский архиерей*, с. 410.

³⁰ Этот аргумент появился в первом предложении решения синода, который принял решение о возвышении Галича до ранга митрополии (*РИБ*, т. 6, *Приложения*, № 23, с. 129–130).

³¹ *Ibidem*, № 25, с. 143–144.

тующие стороны вызывались на суд³². Иоанн Докиан кроме путешествия к Алексею, должен был также посетить Тверь³³. По словам патриарха, его посланник был близким к нему человеком, умным, опытным и образованным³⁴. Поэтому он не мог быть обычным перевозчиком корреспонденции, но, вполне вероятно, должен был выполнить и другие задания. Несомненно, что среди целей его миссии была не столько проверка, справедливы ли были обвинения в адрес Алексея, поскольку это должен был решить суд, сколько выяснение реальной ситуации на Руси. Филофей, вероятно, желал знать, насколько обвинения Ольгерда были реальными, может ли Алексей принять очередное ущемление своего статуса на Руси и пойти на примирение с Ольгердом. Одним словом, Иоанн Докиан должен был подготовить экспертизу, которая содействовала бы принятию патриархом возможного решения.

Однако миссия Иоанна Докиана быстро потеряла свою актуальность. После его отъезда из Константинополя перед лицом патриарха снова появился известный из более ранней корреспонденции посланник Алексея – Аввакум. К сожалению, доставленное им письмо не сохранилось, а из ответа Филофея трудно судить, о чем писал ему Алексей. Возможно, это была очередная попытка оказать давление на патриарха, чтобы убедить его поддерживать в споре московскую сторону. Визит Аввакума изменил, однако, прежнюю концепцию Филофея. Патриарх стал отходить от планов, связанных с судом, и склонился к тому, чтобы Михаил Александрович и Алексей примирились друг с другом. Что на это повлияло? Вероятно, было несколько обстоятельств.

Неизвестное письмо Алексея и изменение политической ситуации в верховьях Волги, где Дмитрий Иванович осенью 1371 г. вернул потерянный в пользу Твери ярлык³⁵. Возможно также Филофей испугался последствий суда и необходимости стать на одной из сторон³⁶.

Аввакум привез на Русь совершенно иные письма. В них были предприняты шаги к примирению и отход от судебного решения спора. Патриарх

---

³² Как в письме к Алексею, так и к Михаилу Александровичу Филофей написал, что „Датой прибытия назначается будущий сентябрь 11 индикта” (Ibidem, № 26, с. 151–152; № 27, с. 153–154).

³³ П. Соколов, *Русский архиерей*, с. 407–408.

³⁴ *РИБ*, т. 6, *Приложения*, № 25, с. 147–148.

³⁵ В. А. Кучкин, *Русские княжества*, с. 82.

³⁶ Б. Кричевский, *Митрополичья власть*, с. 65–66.

писал Алексею, чтобы тот был для тверского правителя как отец и чтобы жил с ним в мире, как с другими князьями³⁷. Также и к Михаилу Александровичу были обращены слова, склоняющие к согласию с митрополитом³⁸. Письма, присланные Алексею с помощью Аввакума, имели еще одно, очень важное, принципиальное отличие от писем, полученных через Иоанна Докиана. Филофей снова рассмотрел литовский вопрос. Вся вторая часть послания к Алексею была посвящена вопросу небрежения в посещении западных епархий митрополитом. Среди требований, чтобы митрополит любил всех князей, появился и призыв к согласию с Ольгердом. Патриарх писал Алексею, чтобы тот любил его и уважал „как иных русских князей, поскольку находящийся под его властью христианский народ Божий нуждается в твоём надзоре и поучениях, и тебе нужно иметь чрезвычайную к нему любовь, чтобы призреть и учить как его, так и народ Божий”³⁹. Возникает вопрос, почему Филофей вернулся в литовское русло? Источники не говорят о том, чтобы в Литве произошли какие-либо значительные перемены. Единственным следом было привезенное Аввакумом несохранившееся письмо Алексея. Возможно, его содержание указывало на то, что митрополит стремился к дальнейшей эскалации конфликта с Ольгердом и его союзниками, что побудило Филофея отправить новое письмо и скорректировать ранее начатую деятельность. Патриарх явно не хотел быть участником конфликта и предпочитал сохранить нейтралитет.

Иоанн Докиан ехал в Тверь и Москву с целью вызова конфликтующих сторон на суд. Между тем эта цель изменилась, пришла литовская проблема, о которой, возможно, Иоанн Докиан не был полностью проинформирован. Ситуация была динамичной и возможно, несмотря на преимущества, которыми несомненно обладал посланник патриарха, Филофей понял, что на Русь послал не того человека, которого должен был послать. На Руси нужно было действовать быстро, эффективно и расторопно, а Иоанн Докиан даже не знал языка⁴⁰. Способствовать примирению по линии Вильно – Тверь – Москва должен был кто-то другой.

---

³⁷ РИБ, т. 6, *Приложения*, № 28, с. 157–158.

³⁸ *Ibidem*, № 29, с. 161–166.

³⁹ *Ibidem*, № 28, с. 159–160.

⁴⁰ Филофей просил Алексея, чтобы тот облегчил Иоанну Докиану поездку в Тверь и чтобы предоставил ему переводчика (*Ibidem*, с. 157–158).

Следующим посланником Филофея на Русь был уже Киприан. К сожалению, не сохранились надежные источники⁴¹, подробно рассказывающие о назначении, задачах и времени начала его миссии. Однако ситуация, которая предшествовала прибытию болгарского посла, динамика событий и постепенная эскалация конфликта позволяют серьезно рассматривать несколько соображений. Обращаясь к Алексею с просьбой о примирении с Ольгердом, Филофей информировал митрополита об отправке в Великое княжество Литовское другого посла, который также должен был призывать к согласию. Учитывая позднейшую информацию о том, что Киприан очень быстро добился доверия Ольгерда, а затем Ягайло, можно задаться вопросом, не был ли тем человеком собственно Киприан. Также непомерные церковные претензии литовского правителя позволяют предположить, что отправляя на Русь Киприана Филофей предусматривал принятое позднее решение, а именно: назначение посла на литовскую митрополию с перспективой, что после смерти Алексия он станет митрополитом как литовской Руси, так и московской Руси. Этот вопрос, однако, требуют гораздо более детального исследования, которое выходит за рамки этого краткого обзора. Тем не менее, ситуация на Руси была настолько серьезной, что любое решение Филофея необходимо принимать во внимание.

*

Marcin Grala, *Circumstances of the appearance of Cyprian in Russia and of his metropolitan appointment – overview*

In the seventies of the 14th century in a very complex political situation Byzantium sent a fine politician, thoroughly educated great ecclesiastic coming from Bulgaria, Cyprian. In this article, the author tries to present quite a full panorama of goals that the patriarchal legate was to reach in Rus' but also the circumstances in which he had to operate. The attempt will also be made to answer the question of when and by whose initiative the idea of metropolitan appointment of Cyprian materialized. Since these issues are extremely complex, in many places

⁴¹ Основными источниками, говорящими о прибытии Киприана на Русь, являются два патриарших приговора: Нила 1380 г. (РИБ, т. 6, *Приложения*, № 30, с. 165–184) и Антония 1389 г. (*Ibidem*, № 33, с. 193–228). К сожалению, первый был открытым врагом Киприана, а второй, наоборот, ему покровительствовал. Анализируя оба свидетельства, трудно выявить объективное содержание. Бесспорным является, вероятно, то, что причиной отправки Киприана на Русь был конфликт между Ольгердом и Алексеем.

the argument takes the form of an overview, which brings closer only to a certain degree the multifaceted character of this subject.

Marcin Grala, *Prehľad okolnosti príchodu Cypriána na Rus a jeho ustanovenia za metropolitu*

V sedemdesiatych rokoch 14. storočia vo veľmi zložitej politickej situácii Byzancia vyslala na Rus Cypriána, výborného politika, vysoko vzdelaného, popredného duchovného pochádzajúceho z Bulharska. V tejto práci sa autor snaží predostrieť celú škálu cieľov, ktoré mal tento patriarchov vyslanec na Rusi dosiahnuť, ako aj okolnosti, v rámci ktorých pôsobil. Taktiež sa pokúsi odpovedať na otázku, kedy a z koho iniciatívy vyšla myšlienka ustanovenia Cypriána za metropolitu. Vzhľadom na to, že tieto otázky sú mimoriadne zložité, na mnohých miestach má príspevok podobu prehľadu, ktorý bližšie ukazuje výsledky skúmania len do istého stupňa mnohostrannej povahy tejto témy.

Юрий Афанасенко
(Минск)

Церковно-политические связи русских земель Великого княжества Литовского и Болгарии в конце XIV – начале XV веков

Болгарский след в культуре и конфессиональной истории Восточной Европы в конце XIV – начале XV вв. – это не только „второе южнославянское” влияние на письменность, но и появление на церковно-политической арене двух видных представителей Болгарии на киевском митрополичьем престоле – митрополита Киприана и митрополита Григория Цамблака. В данной статье затрагивается проблема „переходного периода” в церковнополитической истории Великого княжества Литовского и Великого княжества Московского с 1406 по 1413 г. Вопреки устоявшемуся в „цамблаковедении” мнению, автор считает, что кандидатура Григория как приемника Киприана на киевском митрополичьем престоле в данный период не рассматривалась. В статье предлагается аутентичная хронология составления и произнесения Надгробного слова митрополиту Киприану (составлено около 1409 г., произнесено в 1413 г.) и делается ряд выводов, корректирующих раннюю биографию Григория Цамблака.

Взаимоотношения Болгарии с государствами Восточной Европы неоднократно становились объектом историко-культурного анализа, но в целом

данная проблема недостаточно исследована. В историографии редко встречаются упоминания о церковно-политических и культурных взаимоотношениях между Болгарией и Великим княжеством Литовским [далее: ВКЛ] в конце XIV – начале XV века. Объектом анализа данной статьи является церковно-политическая деятельность двух литовских митрополитов болгарского происхождения: митрополита Киприана и митрополита Григория Цамблака. В статье также рассматривается проблема реконструкции некоторых биографических данных Григория Цамблака в период, который можно было бы условно назвать „периодом вдовства киевской кафедры” после смерти митрополита Киприана.

Церковную политику в ВКЛ после Кревской унии 1385 г. можно охарактеризовать как униональную¹ с сильным стремлением к независимости от влияния московского митрополита. В этот период неоднократно предпринимались попытки назначения самостоятельного митрополита для русских земель ВКЛ.

В Великом княжестве Литовском еще до проведения Новоградского собора в 1415 г. делались попытки назначения не зависимого от Москвы митрополита. В церковной политике второй половины XIV – начала XV века активную роль сыграли два болгарина: митрополит Киприан и митрополит Григорий Цамблак. Митрополит Киприан занимал киевскую (литовскую) кафедру с 1375 г., Григорий Цамблак возглавил ее в 1415 г. „Переходный” период – с 1406 г. по 1413 г. – можно условно разделить на следующие хронологические отрезки:

- 1) 1406–1408 гг. – со времени смерти митрополита Киприана до назначения митрополита Фотия;
- 2) 1408–1410 гг. – от момента поставления митрополита Фотия до его отъезда в Москву;
- 3) 1410–1413 гг. – от приезда митрополита Фотия в Москву до первого летописного упоминания о Григории Цамблаке, которое датируется 1413 г., когда Цамблак „был на Москве”. Это одна из наиболее ранних подтвержденных документально дат, касающихся биографии Григория Цамблака в период до Новоградского собора².

---

¹ Заключение локальной церковной унии.

² За исключением, пожалуй, принимаемых с большими оговорками свидетельств из *Надгробного слова митрополиту Киприану*.

После падения под натиском османских завоевателей Тырнова (1393) и Видина (1396) именно Молдавия стала посредником между южнославянскими и восточнославянскими землями. В Молдавское княжество устремились толпы эмигрантов из Болгарии, вместе с которыми на эти земли были принесены книги и другие произведения искусства. При государе Александре Добром начинается расцвет славяно-молдавской культуры. Видную роль при этом сыграли деятели Молдавской православной церкви, поддерживаемые Галицким митрополитом³. К началу XV века митрополит Киприан восстановил единство Галицкой и Киевской митрополий, и, следовательно, имел влияние на Молдовлахийскую церковь. В 1401–1402 гг. патриарх Матфей дважды посылал в Молдовлахию к Александру Доброму посольства, в составе которых, по общему признанию исследователей, находился и Григорий Цамблак⁴. Посольство было отправлено для расследования обстоятельств рукоположения епископа Иосифа для Молдовлахийской церкви. Вскоре Григорий стал протопресвитером и главным проповедником упомянутой церкви⁵. Велика вероятность, что Григорий уже к этому времени находился под влиянием митрополита Киприана.

В 1406 г. Григорий Цамблак, будущий „митрополит Киеву и всея Державы Литовския”, (по его собственному свидетельству) появился в поле зрения польского короля и литовского князя. Григорий из Сучавы (Молдавия)⁶, будучи „того [митрополита Киприана] писанием подвигшеся”⁷, по пути в Москву⁸ встретил известие о его смерти на реке Неман: „Река же Немон

³ Ю. К. Бегунов, *Творческое наследие Григория Цамблака = The creative heritage of Gregory Camblak*, Женева–Велико Тырново 2005, с. 124.

⁴ Ibidem, с. 124–132.

⁵ Ibidem, с. 124.

⁶ Ю. Бегунов полагает, что с сентября 1401 г. по лето 1406 г. Григорий Цамблак находился в Молдовлахии и был протопресвитером Молдовлахийской церкви [Ibidem, с. 124]. Существуют версии о том, что Цамблак мог приехать из Тырнова либо Дечанского монастыря [см. наприм.: А. В. Горский, *Фотий митрополит Киевский и всея Руси*, [in:] *Прибавления к Творениям святых отцов*, ч. 11, Москва 1852, с. 239; А. И. Яцимирский, *Григорий Цамблак. Очерк его жизни, административной и книжной деятельности*, Санкт-Петербург 1904, с. 156].

⁷ П. Русев, *Эстетика и майсторство на писателите от Евтимиевата книжовна школа*, София 1983, с. 230.

⁸ На данный вывод наталкивает обращение в *Надгробном слове митрополита Киприана* к жителям Москвы и Московского княжества, как например: „идуци ми к вам” [Ibidem, с. 235], или же высказывание: „Егда бо возвести ся блаженное оно преставление, не вси ли московстии путие восплакаша ся?” [Ibidem, с. 235].

баше, протичающия Литвы; на ней же горкому нас сретшю возвещению”⁹. Известно, что во время последнего визита митрополита Киприана в пределы Великого княжества Литовского, состоявшегося в период с июня/июля 1404 г. по январь 1406 г.¹⁰, имели место несколько персональных встреч митрополита с государями Польши и Литвы. В 1405 г. он даже присутствовал на съезде Ягайло и Витовта в Милолюбье (Милолюбно)¹¹. Поскольку Киприан, по одной из версий, состоял в родстве с Григорием Цамблаком, в историографии высказывалась мысль о том, что он мог во время своего последнего визита в ВКЛ подготовить почву для назначения Григория своим преемником на Киевскую кафедру (вернее Киево-Московскую)¹². Некоторые исследователи полагают, что договоренность была достигнута именно в Милолюбье¹³. По мнению Александра Яцимирского, митрополит Киприан „не только беседовал с Витовтом об отделении [митрополии], но и высказывал свое сочувствие мысли Ягайло <...> отно-

⁹ Киприан умер 16 (29) сентября 1406 г. [Ibidem, с. 235]

¹⁰ Е. Е. Голубинский, *История Русской церкви*, т. 2, ч. 1, Москва 1997, с. 339–400; *IV, V Новгородские и Псковские летописи*, [in:] *Полное Собрание Русских Летописей* [далее: ПСРЛ], т. 4, Санкт-Петербург 1848, с. 312; *Псковская вторая и Софийская первая летописи*, [in:] ПСРЛ, т. 5, Санкт-Петербург 1851, с. 253; *Продолжение летописи по Воскресенскому списку*, [in:] ПСРЛ, т. 8, Санкт-Петербург 1859, с. 69–71, 78; *Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью*, [in:] ПСРЛ, т. 11, Санкт-Петербург 1897, с. 193.

¹¹ Е. Голубинский не знает, где находится данное место. Е. Е. Голубинский, *История Русской церкви*, т. 2, ч. 1, с. 341; *IV, V Новгородские и Псковские летописи*, с. 315; Н. М. Карамзин, *История государства Российскаго*, Санкт-Петербург 1819, т. 5, прим. 254, с. 158.

¹² *Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью*, с. 194; Х. Фай, *Речта на Григорий Цамблак пред събора в Констанци*, [in:] *Българистика и българисти. Статии и изследваня. Българистика в чужбина. Портрети на блъгаристи. 1981–1986*, София 1986, с. 223; М. Генов, *Григорий Цамблак. (Из историята на културните отношения между блъгари, руси, сърби и ромъни)*, [in:] *Българска историческа библиотека*, т. 3, София 1930, с. 164; И. Б. Греков, *Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.)*, Москва 1975, с. 291, прим. 28; И. Снегаров, *К истории культурных связей между Болгарией и Россией*, [in:] *Международные связи России до XVII в.*, Москва 1961, с. 269; Idem, *Духовно-културни връзки между България и Русия през средните векове (X–XV в.)*, София 1950, с. 71; П. П. Соколов, *Киевский митрополит Григорий Цамблак: очерк его жизни и деятельности*, [in:] *Богословский вестник*, т. 3 август, Сергиев Посад 1895, с. 157; А. И. Яцимирский, *Григорий Цамблак. Очерк его жизни, административной и книжной деятельности*, Санкт-Петербург 1904, с. 132.

¹³ М. Чубатий, *Исторія християнства на Русі-Україні*, т. 2, ч. 1: 1353–1458, Рим 1976, с. 116; Н. Likowski, *Kwestya Unii Kościoła Wschodniego z Zachodnim na soborze konstancjeńskim*, [in:] *Przegląd Kościelny*, т. 8, Poznan 1905, s. 516; А. И. Яцимирский, *Григорий Цамблак*, с. 156–157, 272, 152–154.

сительно предполагавшейся унии¹⁴. Если придерживаться точки зрения А. Яцимирского и других исследователей¹⁵, тогда становится понятным, что это было за „писание“, из-за которого Григорий через земли ВКЛ отправился в Москву. К этому времени митрополит Киприан, вероятно, смог убедить власти Великого княжества Московского в необходимости назначить своим приемником Цамблака и написал ему пригласительную грамоту¹⁶, в которой просил посетить Вильно (или Новогрудок), а затем Москву. Но ввиду отсутствия документальных источников, данное предположение остается гипотетичным.

С нашей точки зрения, Киприан так и не назначил себе приемника, тем более родственника. Он хорошо знал нормы канонического права и не мог пойти на их нарушение, о чем свидетельствует ссылка на 76 правило святых апостолов в его послании преподобному Сергию от 23 июня 1378 г.: „Не подобаеъ святителю брату, или сыну, или иному сроднику, или другу даровати и на святительское достояние поставляти его же хоцеть. Наследники бо своего епископства творити неправедно естъ <...>“¹⁷. Подтверждением вышесказанному служит тот факт, что после смерти Киприана Витовт отправил епископа Феодосия Полоцкого в Константинополь для назначения митрополитом Киевским¹⁸. Одновременно и московский князь Василий Дмитриевич делегировал посольство в Константинополь, представляя выбор кандидатуры митрополита Константинопольской патриархии¹⁹. На то обстоятельство, что избрание Григория не произошло (если даже и предполагалось), могли повлиять и резко ухудшившиеся отношения между Москвой и Вильно. Как раз в это время разгорелся военный конфликт между Великим княжеством Литовским и Великим княжеством

¹⁴ А. И. Яцимирский, *Григорий Цамблак*, с. 157.

¹⁵ Х. Фай, *Речта на Григорий Цамблак*, с. 223; М. Генев, *Григорий Цамблак*, с. 164; И. Б. Греков, *Восточная Европа*, с. 291, прим. 28; И. Снегаров, *К истории культурных связей*, с. 269; Idem, *Духовно-культурни връзки*, с. 71; П. П. Соколов, *Киевский митрополит Григорий Цамблак*, с. 157; М. Чубатий, *Історія християнства на Русі-Україні*, т. 2, ч. 1, с. 116; Н. Likowski, *Kwestya Unii Kościoła Wschodniego*, s. 516; А. И. Яцимирский, *Григорий Цамблак*, с. 132, 156–157, 272, 152–154.

¹⁶ И. Снегаров, *К истории культурных связей*, с. 269–270; А. И. Яцимирский, *Григорий Цамблак*, с. 153.

¹⁷ И. Мейендорф, *История Церкви и восточно-христианская мистика*, Москва 2003, с. 539.

¹⁸ *Беларусь у перыяд Вялікага Княства Літоўскага*, [in:] *Гісторыя Беларусі: у 6 т.*, т. 2, гал. рэд. М. Касцюк, Мінск 2008, с. 207.

¹⁹ Е. Е. Голубинский, *История Русской церкви*, т. 2, ч. 1, с. 357.

Московским. В 1404 г. к Литве отошло княжество Смоленское, а в 1406–1408 гг. граница между Литовским и Московским княжествами установилась по р. Угре. Григорий Цамблак мог отправиться в Москву либо сразу после неудачной попытки Витовта назначить своего кандидата в митрополиты, либо одновременно с посольством Феодосия, чтобы на волне противостояния двух держав завершить „план” митрополита Киприана. Через Московское княжество Григорий мог выйти на утверждение собственной кандидатуры в Константинополе.

Многие хронологические данные по этому периоду реконструируются при анализе *Надгробного слова митрополиту Киприану* Григория Цамблака. Однако встает логичный вопрос: что это было за „писание”, и через какой период времени Григорий узнал о смерти Киприана? По-видимому, это могла быть духовная грамота Киприана, которая разошлась по стольным градам удельных княжеств уже после смерти митрополита. Как указывают исследователи, до западных границ Великого княжества Литовского известие могло прийти только через 2–3 недели, а то и через более длительный срок. Скорее всего, адресатом подобной грамоты в Великом княжестве Литовском должен был стать великий князь Витовт, с которым у Киприана были теплые отношения. Соответственно, Григорий мог узнать о смерти Киприана как от Витовта, так и от местного духовенства.

Не стоит также забывать о том, что образование независимой митрополии, если оно вообще намечалось, могло быть произведено за счет бывшей Галицкой митрополии, которая уже к 1405 г. находилась под управлением митрополита Киприана²⁰. Она полностью подпала под юрисдикцию митрополита Григория Цамблака после его избрания на Новогрудском соборе 1415 г.²¹ Но версия о том, что Григорий все же мог претендовать на единую митрополию, на наш взгляд, в данном случае более правдоподобна²².

Следует учесть и позицию Константинопольского патриархата. В данное время на престоле еще пребывал патриарх Матфей (1397–1410), отправивший в 1402 г. Григория в качестве своего представителя в Сучаву, где тот, возможно, поддержал Молдавлахийский раскол. Таким образом, вряд ли кандидатура Григория Цамблака могла бы быть утверждена в Констан-

²⁰ А. И. Яцимирский, *Григорий Цамблак*, с. 155.

²¹ А. В. Горский, *Фотий митрополит Киевский и всея Руси*, с. 243.

²² В частности А. И. Яцимирский полагал, что Григорий Цамблак был претендентом на независимую митрополию [А. И. Яцимирский, *Григорий Цамблак*, с. 154].

тинопольской патриархии. В историографии уже высказывалось мнение о том, что Григорий из Вильно в 1406 г. отправился в Константинополь²³ и стал там игуменом „Плинаирской” обители. Однако по той же причине данное назначение не представляется возможным.

Патриарх Евфимий II, беспокоившийся о единстве митрополии, как известно, отказал великому князю Витовту и 1 сентября 1408 г. назначил митрополитом киевским Фотия из Монемвасии. Из дальнейших действий Витовта видно, что он не шел на конфликт с Константинополем и подчинился его решению, при условии, что Фотий останется в пределах Великого княжества Литовского²⁴. Митрополит Фотий по пути в Москву посетил Киев 1 сентября 1409 г. и оставался в пределах Великого княжества Литовского до весны 1410 г.²⁵, приехав в Москву на Пасху 23 марта 1410 г.²⁶ Возможно, что как раз в этот период, с сентября 1408 г. по сентябрь 1409 г. (т. е. в годовщину смерти Киприана²⁷), пока новый митрополит еще был по пути в Москву, Григорий Цамблак и мог произнести *Надгробное слово Киприану* в Успенском соборе Москвы. Некоторыми исследователями высказывалось предположение, что Григорий приехал в Киев в 1409 г., чтобы обсудить с Фотием возможность разделения кафедры киевского митрополита, и в это время выступил с *Надгробным словом митрополиту Киприану*²⁸. Существует также альтернативная точка зрения, что *Слово*

²³ Д. Петканова, *Старобългарска литература IX–XVIII век*, София 1997, с. 483.

²⁴ П. П. Соколов, *Киевский митрополит Григорий Цамблак*, с. 161.

²⁵ *Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью*, с. 211, 213.

²⁶ *Ibidem*, с. 213; *Львовская летопись*, [in:] *ПСРЛ*, т. 20, ч. 1, Санкт-Петербург 1910, с. 228; *Ермолинская летопись*, [in:] *ПСРЛ*, т. 23, Санкт-Петербург 1910, с. 143; *Летопись по Типографскому списку*, [in:] *ПСРЛ*, т. 24, Петроград 1921, с. 175; *Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью*, [in:] *ПСРЛ*, т. 15, Санкт-Петербург 1863, с. 485.

²⁷ В *Надгробном слове митрополиту Киприану* Григорий говорит о 2–3 годах, прошедших со дня смерти Киприана [П. Русев, *Эстетика и майсторство*, с. 231; М. Чубатий, *История христианства на Руси-Україні*, т. 2, ч. 1, с. 116; Н. Дончева-Панайотова, *Староруските летописи за Григорий Цамблак*, [in:] *Търновска книжовна школа: пети международен симпозиум, Велико Търново, 6–8 септември 1989 г.*, Велико Търново 1994, с. 79–80; И. Снегаров, *К истории культурных связей*, с. 271; *Idem*, *Духовно-културни връзки*, с. 77; П. Сырку, *Новый взгляд на жизнь и деятельность Григория Цамблака*, „Журнал Министерства Народного Просвещения”, 1884, 236, Декабрь, с. 119.

²⁸ А. И. Яцимирский, *Григорий Цамблак*, с. 141, 158, 164–165; М. Генон, *Григорий Цамблак*, с. 171; В. С. Киселков, *Митрополит Григорий Цамблак*, София 1943, с. 16; М. Neppell, *The Ecclesiastical career of Gregory Camblak*, London 1979, s. 46; К. Мечев, *Григорий Цамблак*, София 1969, с. 13–74.

было произнесено в Вильно в присутствии Витовта, на которого Григорий Цамблак таким образом хотел произвести впечатление, чтобы стать кандидатом для назначения на отдельную митрополию для Великого княжества Литовского²⁹. Но обе эти версии не обоснованы источниками. Таким образом, точка зрения о произнесении *Слова* Григорием Цамблаком в Москве является более убедительной.

В дополнение к предыдущей гипотезе также высказывалось мнение о том, что митрополит Фотий взял Григория как потенциального кандидата на епископскую кафедру в свою свиту, когда отправился из Киева в Москву³⁰. Но данное предположение источниками не подтверждается, поскольку известны имена только двоих из свиты – это греческий священник Патрикий и болгарский иеромонах Пахомий³¹.

В подтверждение даты 1409 г. обычно приводится упоминаемый эпизод о поездке Киприана в Константинополь в 1378/1379 гг. В *Надгробном слове митрополиту Киприану* Григорий говорит о 30 годах, прошедших с тех пор, как „егда от вас воздвигся к великому сему и царици градовом грядяше”³². Но, вероятно, одно из первых летописных доказательств, что Григорий Цамблак появился в пределах Восточной Европы, а именно в Москве, – это его участие в торжествах на перенесение Колочской иконы Пресвятой Богородицы в августе 1413 г. В 1413 г., согласно *Супрасльскому летописному сборнику*, „был Цамвлак на Москве”³³. В послании к „А-игумену”³⁴ Киприан предпринял в 1386 г. поездку в Константинополь, через землю „влашскую”³⁵.

Таким образом, из источников можно сделать вывод, что Григорий мог встречаться с Киприаном несколько раз: впервые „отроческий возраст

²⁹ В. С. Киселков, *Митрополит Григорий Цамблак*, с. 13.

³⁰ И. Снегаров, *Духовно-культурни връзки*, с. 77, 79.

³¹ *Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью*, с. 216–217; *Книга Степенная царского родословия (11–17 степени грани)*, [in:] *ПСРЛ*, т. 21, ч. 2, Санкт-Петербург 1913, с. 477.

³² П. Русев, *Эстетика и майсторство*, с. 232; Ю. Ю. Афанасенко, „Надгробное слово Григория Цамблака Российскому архиепископу Киприану”: проблемы и перспективы изучения, [in:] *Zbior raportow naukowych. „Science – od teorii do praktyki”* (Sopot, 29.03.2013–31.03.2013), Sopot 2013, с. 32.

³³ *Западнорусские летописи*, [in:] *ПСРЛ*, т. 17, Санкт-Петербург 1907, с. 55.

³⁴ Г. М. Прохоров, *Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Повесть о Митяе*, Санкт-Петербург 2000, с. 351–369.

³⁵ По *Никоновской летописи*, митрополит Киприан был изгнан осенью 1383 г. из Москвы в „земли Киевские” [*Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью*, с. 81–82].

носяще” (13–14 лет), а во второй раз уже будучи юношей-иноком (ему должно было бы быть около 18 лет или более). Но, по крайней мере, упоминание о том, что он едет через землю „владшскую”, прямо указывает на географию путешествия. С большой долей вероятности Киприан мог проезжать и Тырново. Из текста *Надгробного слова митрополиту Киприану* следует, что со дня смерти Киприана прошло 2–3 года. Поражает такая неточность в „годах”: как Григорий смог забыть за столь короткое время дату смерти своего знаменитого соотечественника? На наш взгляд, это можно объяснить следующим образом. Учеными доказано, что одним из прототипических источников для данного слова является *Надгробное слово Мелетию* Иоанна Златоуста и произведение под аналогичным названием Григория Нисского. В *Слове* у Иоанна Златоуста сообщается о 5-ти годах, прошедших со дня смерти Мелетия. При анализе *Слова* Григория Цамблака возникает мысль о преднамеренной компиляции и стилистическом изменении датировки смерти автором. Думается, что он не хотел таким образом подражать святым отцам. С другой стороны, Григорий мог приступить к написанию *Слова* в 1406 г., а огласил его уже позднее, в 1413 г. Таким образом, *Надгробное слово митрополиту Киприану* могло быть произнесено как в 1413 г., так и в 1409 г. Доказательств, подтверждающих дату 1409 г., нет, в то время как дата 1413 г. зафиксирована в летописи. Поэтому, именно последняя дата является предпочтительной.

Одним из убедительных свидетельств о том, что Григорий пребывал в Великом княжестве Литовском, является упоминание об его избрании киевским митрополитом в 1415 г.³⁶ Вероятно, он должен был бы находиться в ВКЛ уже за несколько лет до этих событий, на что указывает тот факт, что *Надгробное слово митрополиту Киприану* было составлено около 1409 г. и не найдено ни в одном из южнославянских рукописных собраний³⁷. Таким образом, Григорий Цамблак мог участвовать в церковной политике Витовта еще до своего избрания на Новогрудском соборе. Визит в Москву, даже в свете поздней и единственной редакции *Слова*, также косвенно подтверждается и тем, что оно использовалось в произведениях других церковных деятелей уже с конца XV века. В частности, у Иосифа Волоцкого в *Послании*

³⁶ Ibidem, с. 224.

³⁷ F. J. Thomson, *Gregory Tsamblak the man and the myths*, [in:] *Slavica Gandensia*, vol. 25/2, Gent 1998, s. 54.

к вельможе Иоанну из-за смерти князя³⁸, в котором видны следы использования данного произведения.

Подводя итоги, можно сделать ряд выводов:

1. Григорий Цамблак мог находиться в поле церковно-политического влияния митрополита Киприана уже во время своего служения в Сочаве в Молдавии, т. е. с 1401 г.
2. Скорее всего, он пребывал в Великом княжестве Литовском уже с 1406 г. вплоть до избрания на Новогрудском соборе 1415 г.
3. *Надгробное слово митрополиту Киприану* могло быть составлено в 1409 г., но произнесено в Москве в 1413 г.
4. Григорий Цамблак в этот период, вероятно, не рассматривался как кандидат в митрополиты киевские Киприаном, данное предположение не находит подтверждения в источниках.

*

Yurij Afanasenko, *Church-political Contacts of the Russian Lands of the Grand Duchy of Lithuania and Bulgaria in the Late 14th – Early 15th century*

Bulgarian influence within the cultural and religious history of Eastern Europe in the late 14th – early 15th century is represented not only by a „secondary South-Slavic” impact on literature, but also by an appearance of two prominent representatives of Bulgaria on the Kiev metropolitan throne on the church-political field – Metropolitan Cyprian and Metropolitan Gregory Tsamblak. The article refers to a problem of the „transition period” in the church-political history of the Grand Duchy of Lithuania and the Grand Duchy of Moscow from 1406 to 1413. In contrast to popular opinion concerning the „researching of Tsamblak,” the author believes that the nomination of Gregory as Cyprian’s successor as the metropolitan in this period was excluded. The article offers an authentic chronology of the preparation and delivering the „Eulogy for Metropolitan Cyprian” (composed around 1409, delivered in 1413). There are also some conclusions which correct an early biography period of Gregory Tsamblak.

---

³⁸ Н. Дончева-Панайотова, *Словото на Григорий Цамблак за митрополит Киприан*, Велико Търново 1995, с. 12–14.

Yurij Afanasenko, *Cirkevno-politické kontakty medzi ruskými krajinami Litovského veľkokniežatstva a Bulharskom koncom 14. – začiatkom 15. storočia*

Bulharská pečať v kultúrnych a náboženských dejinách východnej Európy koncom 14. – začiatkom 15. storočia to nie je len „druhý južnoslovanský” vplyv na literatúru, ale taktiež aj vystúpenie dvoch prominentných reprezentantov Bulharska na cirkevno-politickú arénu, konkrétne na kyjevský metropolitný stolec – a to metropolitu Cypriána a metropolitu Gregora Camblaka. Tento článok pojednáva o probléme „prechodného obdobia” v cirkevno-politických dejinách Litovského veľkokniežatstva a Moskovského veľkokniežatstva v období od roku 1406 do roku 1413. V rozpore so všeobecným názorom na „skúmanie Camblaka”, sa autor domnieva, že určenie Gregora ako Cypriánovho nástupcu na kyjevský metropolitný stolec v tomto období bolo vylúčené. Článok ponúka presnú chronológiu prípravy a vyhlásenia Eulógie na metropolitu Cypriána (zostavenú okolo roku 1409 a vyhlásenú v roku 1413). Taktiež prináša niekoľko záverov, ktoré opravujú skoršie obdobie biografie Gregora Camblaka.

Peter Podolan
(Bratislava)

Východní Slovania v slovenskej historiografii v prvej polovici 19. storočia¹

Slovenská historiografická produkcia v prvej polovici 19. storočia bola pomerne skromná. Väčšina prác sa navyše obracala iba k domácim dejinám. Avšak bol tu zrejmy nárast záujmu o históriu Slovanov. Slabá prezentácia dejín východných Slovanov potom súvisela s dvoma aspektmi: a) Etnogenezou Slovanov (na východoeurópskom teritóriu) a potom b) Dejinami Ruska a záujmu o túto krajinu. Oba okruhy potom súviseli s fenoménom Rusi, pričom sa orientovali na jej najstaršie dejinné obdobie. Záujem o Rusko mal mnoho úrovní, ale pre nás bolo najzaujímavejšie obdobie formovania a existencie prvých slovanských štátnych útvarov na Rusi. Slovenskí autori, ktorí boli v kontakte so svojimi ruskými a poľskými kolegami, čerpali z tamojšej staršej historiografickej tradície, avšak i sami analyzovali pôvodné i edované pramene a syntetizovali vlastné závery. Riešili i špecifické otázky ako písma Slovanov, pôvod najstarších slovanských dynastií (s ohľadom na Varjagov), mongolský vpád a pod. Napriek puncu starožitnosti výsledky ponúkajú mnohé originálne podania.

---

¹ Príspevok vznikol ako výstup projektu „Stereotypy ruskej politiky v moderných dejinách“ – VEGA 1/0370/13.

Slovenská historiografia v prvej polovici 19. storočia bola pomerne skromná, no išlo o kľúčové obdobie pre uchopenie dejinného obrazu v národnom zmysle, ktoré sa stalo ideovým východiskom aj pre dnešné poňatie slovenských dejín. Autorov a diel nebolo veľa a väčšina sa obracala dejinám domácim, teda k dejinám Slovákov, prípadne k dejinám Uhorska (a dejinám Slovenska v ich rámci). Okrem vedeckých prác (exaktnej historiografie) bola veľká časť obrazu o minulosti prezentovaná i formou historizmu, teda rozriedená v umeleckých literárnych dielach, poézii či ideologicky smerovaných spisoch².

Cizelovanie obrazu slovenského kmeňa (neskôr národa) znamenalo aj posilnenie záujmu o dejiny Slovanov. Pravda, témy a okruhy boli vyberané pre využitie v domácom prostredí, teda značne nesystematicky³. Napriek tomu bolo obdobie prvej polovice 19. storočia zásadným pre rozvoj slavistiky. Východnými Slovanmi a ich dejinami sa slovenskí bádatelia zaoberali v niekoľkých aspektoch. Bola to už zmienená slovanská ideológia a koncept jedného slovanského národa, pričom boli v rámci slovanskej inkluzivity opisované najmä slávne okamihy „všeslovanských“ dejín. Druhým bolo poňatie charakteristické pre všeobecné dejiny. Špecifickými boli „prepojenia“ medzi slovenským či stredoeurópskym slovanským prostredím a slovanským „východom“. Tieto predstavovali predovšetkým náboženské praktiky kresťanstva východného rítu.

Tematicky sa takéto poňatia týkali predovšetkým dvoch okruhov. Prvý bol vymedzený geograficky a aj cez problematiku východných Slovanov riešil priority slovanskú etnogenézu⁴. Druhý sa venoval najmä dejinám Ruska a Rusov, avšak pre rané obdobia sa objavil aj terminologicky objektívnejšie pomenovanie „ruskí Slovania“⁵. Silnú úlohu tu zohrával motív prítomnosti a politické prepojenia. Napriek deklarovanému vedeckému záujmu stvárnenie dejín podliehalo

² P. Podolan, *Aspekty slovenskej historiografie generácie Jána Kollára a Pavla Jozefa Šafárika*, „Forum Historiae“, 1, 2007, 1, s. 1–13.

³ Idem, *(Kontra)marginalizácia v slovenskej historiografii generácie Všeslávie*, [in:] *Paměť – národ – menšiny – marginalizace – identity I*, ed. B. Soukupová, H. Nosková, P. Bednařík, Praha 2013, s. 49–58.

⁴ Tento okruh v tomto príspevku úmyselne obídeme.

⁵ Napr. Ondrej Šoltýs – kapitola *O Rusých (aneb Moskvě)*, ale upresnil „země Ruská (kterauž u nás y Moskwau, ale newelmi přjpadně, nazývají)“. O. Šoltýs, *Gádno Hystorye Wsseobecné pro sskolnj mládež y dospělý lid obecný, w kterémž se přemnohé znamenité, důležité a wjry hodné přjběhy na této zemi, od stwořenj světa, až do nassich časů zběhlé, k poučenj obsahuj*, Presspurk 1829, s. 208. V *Slovanských starožitnostich* P. Šafárik nazval celú kapitolu *O Slovanech ruských*, podkapitola však obsahuje podrobný prehľad historických kmeňov a spoločenstiev. Porovnaj P. J. Šafárik, *Slovanské starožitnosti*, t. 2, s. 56, 97–159.

(vedome i nevedome) súdobým predstavám o politickom usporiadaní slovanského sveta. Rusko bolo v prvej polovici 19. storočia jediný „slobodný“ (teda s vlastnou, „národnou“ vládou) slovanský štát, navyše jedna z európskych veľmocí. V českom a slovenskom priestore existovali mnohé nádeje v pomoc Ruska tunajším slovanským národným hnutiam. Znovu geograficky a zjednodušene územie Ruska prekrývalo všetky staršie historické územia východných Slovanov. Rovnako boli takto spolu zahrnuté aj dejiny. Prekrývali sa tak dobové pomenovania (napr. Veľkorusi, Bielorusi, Malorusi, uhorskí Rusíni⁶) s historickými slovanskými kmeňmi a jednotkami. Početné odkazy nájdeme tak na staré historické obdobia ako i relatívne nedávne obdobie napoleonských vojen výpravy do Ruska, či symbolicky na vládu známych panovníkov ako napr. Katarína II.

Z pomerne chudobnej produkcie slovenskej historiografie, v tejto dobe navyše tvorenej iba zopár autormi⁷ tak záujem o dejiny východných Slovanov (azda s výnimkou etnogenézy) odzrkadlilo iba niekoľko prác, ktoré riešili danú problematiku. Z nich iba tri priniesli kontinuálny výklad: práca Ondreja Šoltýsa *Gádro Hystorye Wsseobecné...* (1828), prirodzene práce Pavla Jozefa Šafárika *Dejiny slovanskej reči a literatúry...* (1826) a *Slovanské starožitnosti* (1837). Predstavujú vrchol spracovania i akýsi dobový mainstream⁸. v prípade Jána Kollára môžeme hovoriť o niekoľkých „vedeckých“ štúdiách, zvyšok predstavujú skôr osihotené kratšie či dlhšie zmienky. Jednotlivé obrazy sa dostali aj do jeho najznámejšieho diela – básnickej skladby *Slávy dcéra* (1824, 1832) a vo všeobecnosti mali osvetový účel.

Medzi zdrojmi prevažovala sekundárna literatúra (a to aj u veličiny akou bol Pavol Jozef Šafárik). Slovenské práce boli fakticky kompilátmi, hoci ich zameranie či forma bola odlišná: od syntézy po podrobné kritické štúdie. Nemožno však hovoriť o doslovnom preberaní téz, naopak, zvlášť koncepcne sa niektoré z nich

⁶ Pozri napr. (podľa nárečí) P. J. Šafárik, *Slowanský národopis*, Praha 1842, s. 5, 8–33; Idem, *Dejiny slovanského jazyka a literatúry všetkých nárečí*, ed. K. Rosenbaum, Bratislava 1963, s. 63, 66, 73, 159–162. Pozri aj pozn. 4. K názvosloviu prehľadne V. Nagirnyy, *Stredoveká Rus: územie, názvoslovie a symboly*, [in:] *Symboly a mýty v stredoveku v časom novoveku*, Bratislava 2014, s. 68–71.

⁷ Spomeňme mená ako Ondrej Šoltýs, Ján Hollý, Ján Kollár, Pavol Jozef Šafárik, Karol Kuzmány, Ľudovít Štúr, Benjamin Pravoslav Červenák, Slavomil Čekanovič-Intibus, Jozef Miloslav Hurban, Gustáv Grossman, Ctiboh Zoch, a i. Napriek úsiliu a načítaniu aj diel týchto autorov uspokojivé výsledky priniesli iba práce uvedené v tomto príspevku.

⁸ Práve precíznosť najmä Šafárikovho podania by si vyžadovala náležitú analýzu – v tomto príspevku načrtne problematiku iba koncepcne a bez zásadnej faktografickej analýzy a sekundárneho a terciálneho stopovania zdrojov. Pomerne moderný a faktograficky exaktný prístup P. Šafárika je tiež svojím spôsobom „nudný“.

sa stali aj terčom kritiky⁹. Cieľom bolo jednak vytvoriť vlastné slovanské poňatie slovanských dejín v zmysle aplikovania svojských konceptov obdobia „romantizmu“, jednak pôsobiť „osvetovo“ a sprístupniť informácie širokej verejnosti. Najoblúbenejšími autormi boli August Ludwig Schläzer (1735–1809), Nikolaj Karamzin (1766–1826), Ignacy Benedykt Rakowiecki (1783–1836), Michail Pogodin (1800–1875), Michail Lomonosov (1711–1765) a Johann Gotthilf Stritter (1740–1801). Prirodzene až na niekoľko výnimiek paralelného publikovania išlo najmä o starších autorov a práce. Svoju úlohu tu isto zohrala aj dostupnosť, ktorá bola u starších, časom overená prác vo všeobecnosti lepšia, avšak priateľské kontakty slavistov umožňovali tak rýchle šírenie vedomostí o existencii nových prác, ale s istým oneskorením aj ich získanie.

Škála primárnych prameňov pochopiteľne nemohla byť tak rozsiahla ako u domácich historikov, aj slovenskí autori však poznali a samostatne analyzovali najznámejšie historické záznamy a pamiatky. Väčšina z nich bola objavená už v 18. storočí a dostupná v edícii. Takto bol napr. *Nestorov letopis (Povešť vremennych let)* dostupný od roku 1738 v asi šiestich edíciách, z ktorých dobovo najpoužívanejšiu vydal A. L. Schläzer. *Pravda ruská* (za Jaroslava) bola známa od roku 1738 rovnako v šiestich edíciách, najzmiňovanejšia je od I. B. Rakowieckeho. Epos *Slovo o pluku Igorovom* bol zverejnený v roku 1796, prístupný v štyroch edíciách, geograficky najbližšia bola česká od Václava Hanku.

Už sme naznačili, že rozptyl tematického záujmu bol gigantický (od etnogenézy, cez počiatky Rusi, do 19. storočia), hoci zobrazenia boli často elementárne. Zvlášť pri prezentácii pomocou „historizmu“ často išlo iba o odkaz na známu dejinnú udalosť, alebo symbolické zvýraznenie udalosti či osobnosti. Takto vyznievajú i stručné vyjadrenia v korešpondencii, ktoré sa zväčša týkali konkrétnej situácie. Riešili sa však i špecifické problémy akým bol pôvod najstarších slovanských dynastií, otázka písma Slovanov a pod. S ohľadom na zameranie konferencie sme sa zamerali na obrazy obdobia formovania a existencie prvých slovanských štátnych útvarov na Rusi, resp. ich kontaktov s Uhorskom. Pri tomto nastavení je škoda, že detailné zobrazenie P. J. Šafárika v práci *Slovanské starožitnosti* je ukončené vládou kniežaťa Vladimíra (10. storočie).

Iba málo tiež predstavovalo prepojenie Rusi a Uhorska. Ondrej Šoltýs v tomto zmysle vo svojom prehľade uhorských dejín bez ďalších podrobností uviedol,

---

⁹ P. Podolan, *(Kontra)marginalizácia*, s. 50. Napr. Kollárov „nápis“ *Slecerova kritika* [Schläzer], u Šafárika kritika „osvietenského hyperkriticizmu“. J. Kollár, *Dielo I. Básne*, ed. C. Kraus, Bratislava 2001, s. 442; P. J. Šafárik, *Slovanské starožitnosti*, t. 1, Praha 1962, s. 259; *Ibidem*, t. 2, Praha 1963, s. 82.

že Boris (syn Ondreja I.) vyhnal manželku Anastáziu „do Rus“, pretože mu bola neverná a otehotnela s iným. Boris sa neskôr vďaka Štefanovi II. stal haličským kniežatom¹⁰.

U Pavla Jozefa Šafárika bolo prepojenie vytvorené cez skúmanie dejín „uhorských Rusínov“. Šafárik vo svojom ranom diele v intenciách *Anonymovej kroniky* uviedol že vojvoda Almoš sa chcel usadiť na území dnešnej Ukrajiny a potlačiť kyjevských Rusov. Tí sa spojili s Polovcami – Kumánmi, ale napriek tomu boli porazení, Kyjev sa ocitol pod obliehaním a kyjevskí Rusi sa napokon zaviazali k ročnému poplatku Maďarom. Podmanení Rusi nasledovali Maďarov cez Vladimír a Galiciu a usadili sa aj v Uhorsku (v oblasti Marmarošu). Práve ich potomkami mali byť Rusíni v Uhorsku¹¹.

Podobne Ján Kollár prezentoval výrok známeho ruského vojvodu Kutuzova, pri návrate so svojimi vojakmi do vlasti. Kutuzov sa zastavil, ukázal na Tokajské predhorie a povedal: „Toto všetko prináleží ke staré Rusii“¹². Túto zmienku je ťažké exaktne interpretovať, no tiež ukazuje jednu z línii dobového vnímania. Je otázne, či bol Kutuzov ovplyvnený nejakým dobovým historickým dielom, resp. či to bolo iba jeho želanie alebo imperiálna propaganda určená jeho vojakom. Napokon nie je isté či je výrok autentický. Motivácia Kollára oboznámiť s týmto výrokom súvisela jednak s autorom výroku, ktorý bol známym protinapoleonským hrdinom, jednak v poukazaní na blízkosť Rusov ako slovanskej veľmoci, k Slovákom a územiu severovýchodného Uhorska.

Okrajovo sa možno zmieniť o teóriách súvisiacich kresťanstvom východného rítu na území východného Slovenska. Okrem toho, že predstavovali prepojenie slovanského sveta, lebo východný rítus bol považovaný za „slovanskú formu kresťanstva“, svoju úlohu zohrávala zrejme aj predstava, že práve tu sa zachovalo kresťanstvo prinesené sv. Cyrilom a Metodom¹³. Okrem toho jedine Slovania mali šíriť kresťanstvo bez násilia a krviprelievania¹⁴.

¹⁰ O. Šoltýs, *Gádro Hystorye*, s. 105.

¹¹ P. J. Šafárik, *Dejiny slovanského jazyka a literatúry*, s. 162.

¹² J. Kollár, *Výklad čili přímětky ku Slávy dcerě*, [in:] *Spisy Jana Kollára*, t. 2, Praha 1862, s. 292.

¹³ P. Podolan, *Sv. Cyril a Metod v historiografii I. polovice 19. storočia*, [in:] *Tradícia a prítomnosť misijného diela sv. Cyrila a Metoda*, Nitra 2013, s. 208–209; D. Škvarna, A. Hudek, *Cyrl a Metod v historickom vedomí a pamäti 19. a 20. storočia na Slovensku*, Bratislava 2013, s. 18–30.

¹⁴ Zmienky o východoslovanských svätcoch a citát Karamzinovej tézy o nenásilnej kristianizácii pozri J. Kollár, *O dobrých vlastnostiach národa slovanského*, [in:] *Pamäti z mladších rokov života*, ed. K. Rosenbaum, Bratislava 1972, s. 221, 228. Podobne Idem, *Národníe zpiewanky čili pjsně světské Slováků w Uhrách gak pospolitého lidu tak i vyššjch stawů...* Djl 2, Budín 1836, s. 56.

Slovenskí bádatelia sa prirodzene zaujímali i o pôvod mena Rus, pretože agenda mien kmeňov, národov a ich území bola na začiatku 19. storočia populárna. Meno Rusi malo podľa Šoltýsa pochádzať od územia „Roslagen”¹⁵. Podobný názor prevzal i Šafárik, ktorý ale upresnil, že ide o fínsky termín (Ruotzi)¹⁶. V tomto zmysle trochu excentrický Kollárov etymologický výklad tvrdil, že meno Rus/Rut bolo odvodené od blesku, jasnosti, ohnivosti, „skvelosti” (porovnaj česky „skvít se”) a podľa tohto vnútorného obsahu malo úzko súvisieť s menami ako Srb či Sláv¹⁷. J. Kollár tvrdil, že kmeň Rusov od nepamäti obýval okolie Baltského mora „a často značné roge a osady i na protiležící Skandinawské a Šwedské břehy pauštelí”(!)¹⁸, „Tyto slawské osady ruského kmene we Šwedsku, musely znamenité býti, an podle jeich gména sausední národové celé krage Rosslagen čili Rosslawen, anobř celau kraginu Rootsi Ruotzi, nazývali”¹⁹. Avšak „Slawské gméno Ros Rus právě tak přešlo na Šwedy a Šwedsko, gako slawské gméno Un Win Fin přešlo na Suomy Suomelainy”. J. Kollár poznal ešte iný kmeň Rusov, na juhu, pri Pontickom mori²⁰. Konečne na Rusi sa malo používať pôvodné meno Slovanov – Slavjan/Sláv, a iba pobulharčení (myslené pejoratívne, bulharskí kočovníci) autori (aj Nestor) potom meno Slov-/Slovan²¹. J. Kollár medzi starobylé slovanské mestá zaradil aj Novgorod a Kyjev²².

Oblúbeným problémom bola otázka pôvodu Rurikovcov v spojení s Varjagmi. Prvou subproblematikou bola analýza mien Rurikovcov (podobne ako téma vyššie), najmä „zakladateľskej trojice” – Rurik, Sineus a Truvor. Šoltýs uvádzal

¹⁵ O. Šoltýs, *Gádro Hystorye*, s. 208. Pozri pozn. 28.

¹⁶ P. J. Šafárik, *Dejiny slovanského jazyka a literatúry*, s. 155.

¹⁷ Celá kapitola má názov *O gménu Rut Ruten, Rus Ros*. J. Kollár, *Rozprawy o Gmenách, počátkách i starožitnostech národu slawského a geho kmenů*, Budín 1830, s. 351, 354–355. Dnešné výklady mena pozri prehľadne v V. Nagirnyy, *Stredoveká Rus: územie, názvoslovie a symboly*, s. 67–68; J. Graham-Cambell et al., *Svět Vikingů*, Praha 1998, s. 188.

¹⁸ Svedčiť o tom mali miestne a historické slovanské mená, skutočnosť, že je švédčina značne poslovančená (!) J. Kollár, *Rozprawy*, s. 355–357, 365.

¹⁹ *Ibidem*, s. 361.

²⁰ *Ibidem*, s. 362.

²¹ *Idem*, *Sláwa Bohyně a původ gména Slawuw čili Slawjanuw*, Pešť 1839, s. 117. O tomto diele a problematike autentického mena Slovanov pozri P. Podolan, *Sláwa Bohyně a původ gména Slawuw čili Slawjanuw... Jána Kollára*, [in:] *Štúdie o dejinách, Historia nova* 6, ed. P. Podolan, Bratislava 2013, s. 82, 85–86, 91–92. (http://www.fphil.uniba.sk/fileadmin/user_upload/editors/ksd/Hino6.pdf [31.12.2014])

²² Z.n. IV, 483. J. Kollár, *Slávy dcera*, [in:] *Idem, Dielo I. Básne*, ed. C. Kraus, Bratislava 2001, s. 283–284; *Idem, Výklad*, s. 331; *Idem, Čjtanka anebo Kniha k čjtánj pro mládež we sskolách slowanských w městech a w dědinách*, Budín 1825, s. 207 (Vo vydaní z 1844, s. 165).

aj švédske varianty mien prvých rurikovských vládcov Rurik (Erich), Oleg (Olof, Olav), Igor (Ifwar, Ingvar)²³. Obzvlášť sa tu angažoval opäť J. Kollár (u neho Rurik, Zniev a Trubor), ktorý napr. etymologickou analýzou „dokázal“, že meno Rurik bolo čisto slovanského pôvodu, pričom ako analógie uviedol mená rýchlo lietajúcich vtákov ako „rároh“ (sokol) či „rorýk“ (rorýs, dažďovník)²⁴. Meno Sineus (Zniev) odvádza od „zniet“ (byť známy). Meno Truvor (Trubor) najskôr od striebra. Nesúhlasil s odvádzaním od germánskych jazykov, napr. označil za blud Schlözerovo spojenie Rurik – Roderich; prípadne, že boli Chazarí²⁵. Názory, že prví vládcovia Rusi boli cudzincami vyvracal v rozsiahlej podkapitole „Ethnologicko–historický dôvod: že perwá Slawo-Ruská knížata nebyli a nemohli byťi cuzinci ovšem z Germanského národu, nayméně pak ze Sasko-švedského kmene“. Dôvodil tu najmä nepriateľstvom Slovanov a Germánov²⁶. Dátum príchodu trojice bratov bol udávaný rôzne (862, 862)²⁷. Podrobnejšie sa ich panstvu venoval iba P. J. Šafárik²⁸.

Zobrazenie otázky pôvodu Varjagov sa u bádateľov líšilo. Vcelku bežne bola prijímaná skutočnosť, že Varjagovia boli Normani či Švédí²⁹. Podľa Šafárika prijali Novgorodčania Varjaga Rurika, aby sa vyhli nepriateľským nájazdom zo strany Varjagov³⁰. Neskôr tvrdil, to bolo aj kvôli vnútorným rozporom, ale aj preto, že „vzdelaností a bohatstvom oslablí, rozkošemi vybudnělí, [...] potrebovali a hledali obhájných správcův u národu surovějšího sice, ale právě proto bitnějšího a ve vojenském řemesle daleko nad jiné předčího“³¹. Etablovanie Varjagov u Slovanov potom spôsobilo ich vyslobodenie sa spod panstva Chazarov³². Zvlášť ori-

²³ O. Šoltýs, *Gádro Hystorye*, s. 208–209. Pozri aj J. Graham-Cambell et al., *Svět Vikingů*, s. 194.

²⁴ J. Kollár, *Rozprawy*, s. 338.

²⁵ *Ibidem*, s. 360–361. Rozsiahly výklad venoval kritike názorov cudzincov (Neslovanov). *Ibidem*, s. 380–383.

²⁶ *Ibidem*, s. 367–380.

²⁷ U Šoltýsa rok 865, u Šafárika rok 862. O. Šoltýs, *Gádro Hystorye*, s. 208; P. J. Šafárik, *Dejiny slovanského jazyka a literatury*, s. 155; Idem, *Slovanské starožitnosti*, t. 2, s. 83.

²⁸ *Ibidem*, t. 2, s. 75, 83–84.

²⁹ „...ze zámořských bogowných Waregů, to jest Normanů, gmenowitě SSwedů, gimiz tehďáž Roocy neb Rosy, Rusy, řjkali (Uplandský břeh až podnes slowe Roslagen), [...] To byl počátek velikého a slawného cysarstwj Rusského, a od té doby ti Slowené nazwáni gsau Rusy, gakož to wsse vážný Nestor w starých a wzácnych swých ruských letopisých napsal. A však tito přjchozý Sswedy (neb Rusy) a gegich potomcy docela se w Sloweny obrátili a řeč Slowenskou za mateřskou měli“. O. Šoltýs, *Gádro Hystorye*, s. 208.

³⁰ P. J. Šafárik, *Dejiny slovanského jazyka a literatury*, s. 155.

³¹ Idem, *Slovanské starožitnosti*, t. 2, s. 80, 82.

³² *Ibidem*, t. 2, s. 69–70.

ginálny bol v tomto zmysle J. Kollár, ktorý meno Varjag etymologizoval v reťazci „Wareg (Wager) – Wrah – Wrag” a považoval ich za slovanský národ v oblasti Baltu (!). Meno malo označovať „ohnivých” mužov či násilníka, nepriateľa³³. Švédske Rusko (Roslagen) malo patriť medzi ich územia (Wagirsko/Waregsko). Kollár to pojal tak, že sa Rurik a jeho okolie („vsia Rus”) a početní Švédi vybrali z cudzej krajiny (Švédsko) späť k svojim (!) (povolali ich novgorodskí a krivičskí Slovania, možný vraj bol aj tlak Švédov). Nakoniec sa J. Kollár pýtal, odkiaľ vlastne Nestor zobral historiku o Rurikovi a jeho bratoch. Poznal totiž aj názory, že prišli „ot Nemiec”, či podľa *Kroniky Joachima (Иоакимовская летопись)* mali byť Rurik i Oľga Slovania³⁴. Kollárove vyjadrenia si v tomto bode protirečia, pretože kým v roku 1830 propagoval vyššie uvedený názor, v roku 1832 aj na príklade Rurikovcov ilustroval jednu zo symbolických zlých vlastností Slovanov – povolávať si cudzích panovníkov (!)³⁵.

P. J. Šafařík síce etnicitu Rurikovcov zvlášť neriešil (bez pochybností Varjagovia – Germáni)³⁶, ale azda aj s tou problematikou súvisel jeho výrok v korešpondencii, keď na adresu cára Mikuláša I. uviedol, že dynastia cárov nie je slovanská, ale „nemecko-skandinavsko-mongolská”³⁷. P. J. Šafařík sa na cára rozhneval po jeho príhovore vo Varšave po porážke poľského povstania v rokoch 1830–1831.

Počiatky rurikovskej dynastie slovenskí bádatelia sledovali podrobnejšie zväčša po Olega. Potom sa „preskakovalo” až k vládcom ako Vladimír a Jaroslav³⁸. Jediné P. J. Šafařík podal kontinuálny a značne podrobný výklad až po vládu Vladimíra³⁹. U J. Kollára, ktorý sa snažil o „ženskú emancipáciu” v slovanských dejinách môžeme nájsť ešte Oľgu, ozdobenú kladnými prívlastkami⁴⁰. J. Kollár zvýraznil jej slovanský pôvod spomínajúc meno Preslava⁴¹ a cizeloval zvlášť príbeh o jej

³³ J. Kollár, *Rozprawy*, s. 362–363.

³⁴ *Ibidem*, s. 365.

³⁵ „Divno, že někteří slavští kmenové při volení svých panovníků tak často se k cizincům utíkali, jakoby ve svém vlastním národě neměli mužů k panování spůsobných. Tak šli Rusové k Varjagům pro Rurika...” Idem, *Výklad*, s. 100. P. J. Šafařík sa tomu nedivil a uviedol i ďalšie podobné príklady. P. J. Šafařík, *Slovanské starožitnosti*, t. 2, s. 83.

³⁶ *Ibidem*, t. 2, s. 70–83.

³⁷ Citované podľa J. Kočí, *České národní obrození*, Praha 1978, s. 362.

³⁸ Typicky O. Šoltýs, *Gádro Hystorye*, s. 208; P. J. Šafařík, *Dejiny slovanského jazyka a literatúry*, s. 155–156, 169. Zmienka o Jaroslavovi (*Pravda ruska*), J. Kollár, *Sláva Bohyně a původ gména Slawuw čili Slawjanuw*, Pešť 1839, s. 5.

³⁹ P. J. Šafařík, *Slovanské starožitnosti*, t. 2, s. 83–97.

⁴⁰ „Predanie nareklo Olgu Chytrou, církev Svatou, historia Mudrou”, J. Kollár, *Výklad*, s. 267. Inak podrobnejšie P. J. Šafařík, *Slovanské starožitnosti*, t. 2, s. 89–90.

⁴¹ Zn. IV, 408. J. Kollár, *Slávy dcera*, s. 246; Idem, *Výklad*, s. 268; Idem, *Rozprawy*, s. 365–367.

pomste kvôli zavraždenému manželovi. V rámci poučných príbehov ho pod názvom Chytrá pomsta zahrnul dokonca do svojej *Čítanky* (1825, 1844), ktorá predstavovala učebnicu pre širokú škálu mládeže i dospelých⁴².

Najznámejším obrazom spojeným s kniežaťom Vladimírom (Volodimir) bola sochy slovanských bohov, ktoré boli opísaná v *Nestorovom letopise*. Prirodzene spomínal sa aj akt prijatia kresťanstva⁴³. Do protikladu sa dávali „divoké“ počiatky jeho panovania s jeho neskoršou rozvahou⁴⁴.

Zaujímavú subtému tvoria predstavy o vysokej kultúre písomníctva Rusi, ktorá sa zvlášť hodila na budovanie obrazu síce jednoduchých, avšak nie nekultúrnych Slovanov. Entuziazmus však autori 19. storočia čiastočne zdedili od svojich zdrojov⁴⁵. Písanie na „dosky“ v Novgorode síce pokladal Šafárik iba za záznamy dlhov, no aj po prechode na pergamen sa mal uchovať starší názov na „písomný materiál“⁴⁶.

Ako stará pamiatka bol obzvlášť obľúbený epos *Slovo o pluku Igorovom*. Od roku 1821 bol dostupný aj v českom preklade V. Hanku. Jeho časti vo svojom kalendári pre širokú verejnosť uverejnil aj Juraj Palkovič v rokoch 1825, 1826, 1827.

⁴² „Olga, ruská Panownice, oblehla s wogsckem swým město Korosten chtějíc se pomstiti nad geho obyvateli proto, že gj manžela zamordowali. Obyvatelé hladem a wogsckem obklččenj, poslali posly k wýwodkyni s množstwjm drahých darů, žádagjce pokog s nj učiniti. Ale Olga nechtěla dary přigati, řkouce: že nic giného nežádá, než tři wrabce, a tři holuby od každého domu w městě. S radostí vyplnili obleženj obyvatelé tuto chaternau žádost hned w ten dem. Olga ale rozkázala swým bogownjkům, aby tēm přineseným ptákům na křjdra a nohy hořjci práchno a sirku a giné ohniwé wěcy přiwázali, a tak ge létati pustili. Které wrátjce se do města zpátkem, střechy a domy na všech stranách zapálili, a na popel obrátili“. Idem, *Čjtanka*, s. 89–90 (Vo vydaní z 1844, s. 75); obdobne Idem, *Etymologicko-historické pojednání o slowě HOLUB s potahem na Slawo-Wenety w Italii*, [in:] Idem, *Cestopis obsahující cestu do Horní Italie a odtud přes Tyrolsko a Baworsko, se zvláštním ohledem na slawjanské žiwly roku 1841 konanau...*, Pešť 1843, s. 336. O *Čítance* pozri P. Podolan, *Krátičká známost národu Slowanského Jána Kollára*, [in:] *Štúdie k jubileu Pavla Jozefa Šafárika*, Historia nova II – 2011 – 1, ed. P. Podolan, Bratislava 2011, s. 39–42 (www.fphil.uniba.sk/fileadmin/user_upload/editors/ksd/HinoII-2011-1.pdf [31.12.2014])

⁴³ J. Kollár, *Slovník slawjanských umělcůw všech kmenůw...* [in:] Idem, *Cestopis obsahující cestu do Horní Italie a odtud přes Tyrolsko a Baworsko, se zvláštním ohledem na slawjanské žiwly roku 1841 konanau...*, Pešť 1843, s. 290; Zn. IV, 407. Idem, *Slávy dcera*, s. 245–246; Idem, *Výklad*, s. 267; P. J. Šafárik, *Dejiny slovanského jazyka a literatury*, s. 167.

⁴⁴ Idem, *Slovanské starožitnosti*, t. 2, s. 94–97.

⁴⁵ „Avšak předce y w starssjch časých měli Rusy učené muže mezy sebau. Ba žádný národ, ani Němci, nemagj tolik pořád bez přjtrže od 10ho století psaných letopisů, kolik magj Rusy w své staroslowenské řeči“. O. Šoltýs, *Gádro Hystorye*, s. 212.

⁴⁶ Uvažoval nad tým v súvislosti so zmienkou mnícha Chrabra vo zmysle, že Slovania pred prijatím kresťanstva „písali“ na drevené dosky. Materiál pre nenapísaný „mravoučný“ oddiel *Slovanských starožitnosti*. P. J. Šafárik, *Slovanské starožitnosti*, t. 2, s. 739–741, 743–744.

Prvý preklad, ktorý však nebol uverejnený a asi ani dokončený, spracovával už v prvom desaťročí 19. storočia Samuel Rožnay⁴⁷. Oblube sa tešil predovšetkým ako autentická literárna pamiatka vysokých kvalít opisujúca slovanskú minulosť⁴⁸, v tomto prípade neúspešnú výpravu Igora Sviatoslaviča proti Polovcom. J. Kollár ho zaradil do prestížneho prehľadu slovanských bojovníkov⁴⁹. Dobové prirovnanie k piesňam barda Ossiana dnes už nevyznieva pozitívne, nakoľko v tomto prípade išlo o doložené falzum. Oblubu „autentických“ opisov zašlých čias nakoniec predstavujú aj české rukopisné falzá, ktoré vznikli práve z potreby vlastnej historickej umeleckej literárnej pamiatky.

Z ostatných umení Kollár vyzdvihol najmä podľa Nestorovho popisu kyjevských a novgorodských sochárov, resp. rezbárov v súvislosti so sochami slovanských božstiev⁵⁰.

Ostatné „témy“ predstavujú viac menej osamené zmienky o reáliách či histórii z oblasti východných Slovanov. Takto napr. Kollár uviedol existenciu kyjevských rezbárov. Spomenul aj Borisa a Gljeba, ktorí boli zavraždení Sviatopolkom za pomoci Putšu roku 1015⁵¹. Inde zasa podľa Karamzina hovoril o jestvovaní holubníkov na dvore „starých Rusov“⁵², s čím spájal obľubu týchto vtákov u Slovanov (sám J. Kollár ako dieťa choval holuby!) a symbolicky tak s J. A. Komenského označením Slovanov ako „národ holubičí“. Osamotene sa vyníma aj postava Alexandra Nevského⁵³.

Paradoxne nenájdene žiadne spojenie s mongolským vpádom, či vládou Mongolov (Tatárov). Slovenskí a českí autori skôr vnímali tento vpád v súvislosti s prostredím strednej Európy a západných Slovanov⁵⁴. V súvislosti s prostredím

⁴⁷ O. Šoltýs, *Gádro Hystorye*, s. 209, 212; S. Lesňáková, *The First Translation from Russian Literature Does Not Come from 1836 (Facts Which Have Not Entered a Brief History 2)*, „Slovak Review“, 8, 1999, 2, s. 105–116.

⁴⁸ Porovnaj J. Kollár, *O literárnej vzájomnosti*, [in:] Idem, *Pamäti z mladších rokov života*, ed. K. Rosenbaum, Bratislava 1972, s. 301; Idem, *Slownik slawjanských umělcůw*, s. 291; Idem, *Sláva Bohyně*, s. 14, 111, 115; Zn. IV, 476. Idem, *Slávy dcera*, s. 280; Idem, *Výklad*, s. 326; P. J. Šafárik, *Dejiny slovanského jazyka a iteratúry*, s. 170.

⁴⁹ J. Kollár, *Čjtanka*, s. 208 (Vo vydání z 1844, s. 175).

⁵⁰ Idem, *Slownik slawjanských umělcůw*, s. 284.

⁵¹ Zn. IV, 407; V, 604. Idem, *Slávy dcera*, s. 245–246, 344–345; Idem, *Výklad*, s. 266, 429.

⁵² Idem, *Pamäti z mladších rokov života*, ed. K. Rosenbaum, Bratislava 1972, s. 32; identicky Idem, *Etymologicko-historické pojednání o slowě HOLUB*, s. 337.

⁵³ Zn. IV, 407. Idem, *Slávy dcera*, s. 245–246. Idem, *Výklad*, s. 266.

⁵⁴ Pozri napr. O. Šoltýs, *Gádro Hystorye*, s. 108–109. Protežovaná bola vyfabulovaná bitka Jaroslava Hvězdohorského (Sternberg) pri Olomouci. J. Kollár poznal i chorvátsku tradíciu bitky v úvale Grobničko Polje. Obe sa mali končiť porážkou Tatárov (Mongolov) a priamo spôsobiť koniec

Rusi iba bez podrobností pripomínali asi dvestoročnú mongolskú nadvládu⁵⁵. J. Kollár ešte so stručným komentárom spomenul bitku na Kalke⁵⁶.

Na záver môžeme zhrnúť, že hľadanie materiálu pre špecifické témy súvisiace s obrazom Rusi či mongolského vpádu/nadvlády nebolo nijako jednoduché. Jeho zjavný nedostatok jasne ukazuje limity dobového záujmu slovenských historikov o dejiny a problematiku východných Slovanov. Výklady ponúkali zväčša základné informácie, prehľady určené na základnú informovanosť. Úlohu tu samozrejme zohrával aj fakt, že záujemca o hlbšie poznanie problematiky mohol/mal siahnuť po ďalšej (cudzojazyčnej) literatúre. Problematika východných Slovanov často splyvala s dejinami Rusov a Ruska, a hoci bola pomerne propagovaná, starším dejinám (azda okrem etnogenézy Slovanov) nebola venovaná zásadná pozornosť. Aj počiatky existencie Rusi splyvali s počiatkami Ruska. Udalosti a osobnosti (hlavne panovníci) vystupovali skôr v symbolickej polohe, ktorú určoval všeslovanský prístup a stredo európsky uhol pohľadu.

*

Peter Podolan, *Eastern Slavs in Slovak Historiography of the First Half of the 19th Century*

Slovak historiographic production in the first half of the 19th century was relatively thin. The majority of the dissertations also presented only domestic history. However, there was obvious the enhancement of the interest in the history of Slavs. The scanty presentation of the history of eastern Slavs was then related with two aspects: a) Ethnogenesis of Slavs (on Eastern Europe territory) and then b) History of Russia and interest in this country. Both spheres were consequently related with the phenomenon of Rus', and were oriented on it's the most ancient historic epoch. The interest in Eastern Slavs had various levels, but for us was the most interesting period of the formation and existence of the first Slavic principalities on Rus'. Slovak historians, which were in contact with their Russian and Polish colleagues drew from the local older historiographic tradition, but they themselves also analyzed original and published historical sources and synthesized own results. They solved also specific problems like Slavic system of

---

mongolskej výpravy. Zn. II, 260. J. Kollár, *Slávy dcera*, s. 170.

⁵⁵ Zn. I, 90. Idem, *Slávy dcera*, s. 84. „Tatarové aneb Mongolové potlačovali Rusko celých 250 roků k veliké škodě národu”. Idem, *Výklad*, s. 38; P. J. Šafárik, *Dejiny slovanského jazyka a literatury*, s. 156, 169–170.

⁵⁶ Zn. I, 91. J. Kollár, *Slávy dcera*, s. 84–85; Idem, *Výklad*, s. 43.

writing, origin of the most ancient Slavic dynasties (Varyag ancestry), Mongol invasion etc. In spite of the attribute of yesterdayness results suggest many of the unique interpretation.

Пэтэр Подолан, *Восточные славяне в словацкой историографии в первой половине XIX века*

Словацкая историография первой половины XIX века относительно скромна. Большая часть работ касалась только отечественной истории. Тем не менее, наблюдалось заметное увеличение интереса к истории славян. Отображение истории восточных славян сконцентрировалось на двух аспектах: а) этногенезе славян (на территории Восточной Европы) и б) истории России. Оба аспекта были связаны с феноменом средневековой Руси и концентрировались на ее начальной истории. Для нас наиболее интересным является представление в словацкой историографии периода формирования и существования первых славянских государственных образований в Восточной Европе. Словацкие исследователи, которые поддерживали научные контакты со своими российскими и польскими коллегами, в основном опирались на их историографические традиции. В то же время они поддавали анализу доступные источники и синтезировали свои собственные выводы. Они рассматривали также такие специфические вопросы как письменность славян, происхождение древнейших славянских династий, монгольское нашествие на Русь и др. Несмотря на солидный возраст этих работ, некоторые из тезисов сохранили свою актуальность.

CHAPTER II

LECTURES

Hieronim Grala
(Warsaw)

Constantinople and Rhosia Mikra: On Controversial Issues of Byzantine – Russian relations in the 13th and 14th Century

Historians showed no major interest in Russian – Byzantine relations for rather long time. To some extent, this was connected to a relatively low interest in the history of the Byzantine Empire *in exilio* (1204–1261) as well as states which had emerged after the disastrous downfall of the empire of Romaioi in 1204 as such. It also seems that this lack of interest might have been caused by historiography's wide-spread tendency to approach relations between Rus' and Constantinople from the perspective of *translatio imperii*, thus a transition of the main political centre of the Rurikid Empire to Vladimir on the Klyazma and later to Moscow which later on, as the „Third Rome” became *pars pro toto* of whole Rus' for most of historians.

This attitude resulted in historiographic marginalization of contacts between the Byzantium and Galician-Volhynian Rus' – which had exactly been that part of the Rurikid domain that had actually maintained the most extensive diplomatic and ecclesiastical contacts with the surrounding world in the 13th and the first half of the 14th century! This tendency can be observed also as far as ecclesiastical relations were concerned, with no respect to the fact that the historical

metropolia of Rus' was located not in Vladimir (the Kievan metropolitan seat would be moved there only in 1299). Efforts of the Romanovichi led to the establishment of the new Russian metropolia, namely that of Galicia-Volhynia (in 1302/1303).

When it comes to approaching the issue of a real extent of relations between Galicia-Volhynian Rus' and the patriarch of Constantinople, it should start with a banal statement: three out of six new eparchies which had been established throughout the 13th century were to be found within this area: namely those of Przemyśl (1219/1220), Chełm (after 1230 – first in Ugrovesk) and Lutsk (after 1230 – probably before 1237) which was actually at the times of Galician Time of Troubles. Besides, these significant changes within the Russian ecclesiastical province's organisation were ongoing at the times when contacts between Kievan metropolia and its Greek arch-shepherd, who had resided until 1261 in distanced Asia Minor Nicaea, were considerably problematic. When analysing circumstances which had led to these jurisdictional changes, it may be concluded that the principle of „symphonia” between secular power and the metropolitan (or the patriarch) had been preserved in its full extent.

From the point of view of Byzantine Church's binding canon law, there can be no doubts concerning a close cooperation between the Romanovichi and Nicaea, or Constantinople respectively, as well as with Kievan Metropolitan Kirill II, who had been at that time a confidant of the patriarch (which can be attested by his pastoral activities within the domain of the patriarchy as well as spread of Serbian edition of *Kormchaia kniga/Book of the Pilot* (*Кормчая книга*)).

The importance of Galicia-Volhynia in Byzantine plans was decidedly confirmed when an independent Galician metropolia was established during the reign of Yuri I Lvovich. It is also noteworthy that despite continuous chaos, which had been present within the Russian ecclesiastical province for more than a century (at the same time, there were three metropolitans: Kievan, Galician and Lithuanian), the Romanovichi as well as their Lithuanian and Polish successors maintained total power based on the right of the patronage (*ton ktiton diakon*), embedded in the Byzantine tradition, towards their subjects.

Within the discourse on Galician metropolia's structure, it is necessary to mention also such sources that point to an option of establishing more eparchies, namely those of Sambor and Podillija in the second half of the 14th century within the area of former Romanovich domain (especially an account in *Cod. Vat. Slav. 14*). Special attention should be dedicated to Sambor – an important centre of St.

Onuphrios' cult. It seems that Sambor might have become a seat of courtier bishop of Leo I. (*episcopus curialis*), because this would explain an absence of eparchy in its seat in Lviv as well as a special status of a ducal (*ducalis*) monastery of St. Onuphrios in neighbouring Lavrov (by the way, such a way of establishing an eparchy strongly reminds the foundation of „court” eparchy in Ugorsk at the times of Danilo). Its seat was probably the St. Spas monastery in Sambor.

There is also a separate issue of tenure of an unknown ruler of Rus' as a high Byzantine *epitrapezes* to be addressed (see *The Chronicle* of Nikephoras Gregoras and *Excerpta Planudiana*). Opinions on identification of a seat of the ruler, who had been honoured by bearing the title of imperial master of the stewards vary (Galicia, Moscow or Tver). However, many significant political as well as dynastic factors point to the Romanovichi.

Due to their dynastic connections to the Byzantine milieu – especially through the Árpáds – the Romanovich family became a part of imperial politics of the Laskarid and Palaiologos dynasty. This resulted in their contacts with ruling families of the Balkan Peninsula. Thanks to his marriage to Constance, daughter of Béla IV and Maria Laskaris (who was a daughter of Theodor I Laskaris and Anna Angelina), Leo I became a relative of two imperial dynasties. Through Teodora, daughter of Anna and Isaac Komnenos, he was also a brother-in-law to the Komnenoi. In addition, Emperor John III Dukas Vatatzes, married to another of Theodor Laskaris' daughters, Irene, was also Leo's brother-in-law. The same was the connection to Rostislav Mikhailovich, Ban of Machva and Slavonia who was married to Béla's daughter Anna. Their daughter married subsequently two Bulgarian tsars: Michael II and Coloman II. Likewise, Béla IV's sister Anna (Maria) married Ivan II Asen, thus Yuri I Lvovich became a cousin of her daughter Helen twice removed as well as a brother-in-law to her husband Emperor Teodor II Laskaris (who was by the way a cousin of his mother). In addition, it should be mentioned that Stephen V of Hungary, a brother-in-law of Leo, uncle of Yuri, was a father-in-law of Emperor Andronicos II Palaiologos. It was during his reign when the Galician metropolia was actually established! This account of familial bonds allows a statement that the Romanovichi were closely related to imperial families of Byzantium (Angelos, Laskarid, Palaiologos) as well as to the Komnenoi and Dukas dynasty. In this respect, they outmatched other Rurikid branches.

Hieronim Grala
(Varšava)

Konštantínopol a Rhosia Mikra: ku sporným otázkam byzantsko-ruských vzťahov v XIII.–XIV. storočí

Problematika rusko-byzantských vzťahov bola pomerne dlhý čas mimo záujmu historikov. To bolo do istej miery spojené s relatívne nízkym záujmom o dejiny Byzantskej ríše *in exilio* (1204–1261) a osudov štátov, ktoré vznikli po katastrofálnom zániku cisárstva Romaiov v roku 1204. Zdá sa, že na tento nezáujem mala v historiografii vplyv aj široko rozšírená tendencia skúmať vzťahy medzi Konštantínopolom a Rusou v kategóriách *translatio imperii*, teda prenesenia hlavného politického centra ríše Rurikovcov do Vladimíra na Kljazme a neskôr do Moskvy, ktorá sa ako „Tretí Rím” nakoniec pre väčšinu historikov stala *pars pro toto* celej Rusi.

Takýto postoj viedol v historiografii k marginalizácii kontaktov medzi Byzanciou a Haličsko-Volyňskou Rusou, teda tou časťou rurikovského panstva, ktorá si medzi 13. storočím a prvou polovicou 14. storočia udržala najrozsiahlejšie diplomatické a cirkevné kontakty s okolitým svetom! Táto tendencia sa týkala aj cirkevných vzťahov, nehľadiac na to, že historická metropolia Rusi sa nachádzala vtedy nie na Zálesí (rezidencia kyjevského metropolitu bola prenesená nad Kljazmu len v roku 1299), ale snaha Romanovičovcov viedla k ustanoveniu novej ruskej metropolie –

t.j. metropolie haličskej (v r. 1302/1303). Problematika skutočnej úrovne vzťahov Haličsko-Volynskej Rusi s konštantínopolským patriarchom by mala začať banálnym konštatovaním: spomedzi 6 nových eparchii kyjevskej metropolie, ktoré vznikli v 13. storočí, sa tri ustanovili práve v tejto oblasti: przemyslská (1219/1220), cholmská (po 1230 – najprv v Ugrovesku) a lucká (po 1230 – pravdepodobne pred 1237) a to práve v čase veľkej haličskej smuty! Okrem toho, tieto zásadné zmeny v organizácii ruskej cirkevnej provincie sa uskutočnili v čase, keď boli kontakty kyjevskej metropolie s jej gréckym arcipastierom, nachádzajúcim sa v ďalekej maloáziskej Nikei až do roku 1261, značne obťažné. Z rozboru okolností, ktoré viedli k týmto jurisdikčným zmenám sa dá usudzovať, že zásada „simfonie“ medzi svetskou mocou a metropolitom (a aj patriarchom) bola zachovaná v plnom rozsahu.

Vo svetle záväzného kanonického práva byzantskej cirkvi niet pochyb o úzkej spolupráci Romanovičovcov s Nikeou a Konštantínopolom, tak ako aj s kyjevským metropolitom Kyrilom II, aktuálnym dôverníkom patriarchátu (o čom svedčí aj jeho pastoračná činnosť v ich dŕžavách a rozšírenie srbskej redakcie *Kormčej knihy* (Кормчая книга)).

Význam, ktorý mala Haličsko-Volynská Rus v plánoch Byzancie, bol silno utvrdený už spomínaným ustanovením samostatnej haličskej metropolie v čase vlády Juriho I. Levoviča. Je dôležité poznamenať, že napriek pokračujúcim zmätkom, ktoré trvali vyše storočia v ruskej cirkevnej provincii (v istom čase tam existovali dokonca tri metropolie: kyjevská, haličská a litovská), Romanovičovci a taktiež ich litovskí a poľskí nástupcovia, udržiavali vo vzťahu k svojim poddaným úplnú moc vychádzajúcu z patronátneho práva (*ton ktiton diakon*) zakotveného v byzantskej tradícii.

V kontexte diskusie o štruktúre haličskej metropolie treba spomenúť aj zmienky tých prameňov, ktoré poukazujú na možnosť vzniku ďalších eparchii: samborskej a podolskej, v druhej polovici 14. storočia v hraniciach bývalého panstva Romanovičovcov (predovšetkým záznam v *Cod. Vat. Slav.* 14). Osobitnú pozornosť si zaslúži prípad Sambora – dôležitého centra kultu sv. Onufria. Zdá sa, že obzvlášť Sambor sa mohol v čase vlády Leva I. stať sídlom jeho dvorného biskupa (*episcopus curialis*), pretože len tak možno vysvetliť neprítomnosť eparchie v sídelnom Lvove a osobitný status kniežacieho (*ducalis*) kláštora sv. Onufria v susednom Lavrove. (Mimochodom, takýto postup zriadenia eparchie veľmi pripomína ustanovenie „dvorskej“ eparchie v Ugorsku v časoch Daniela.) Rezidenciou vladyky sa stal pravdepodobne Spasský kláštor v Sambore.

Samostatnou otázkou je problém držania vysokého byzantského úradu *epi tes trapezes* bližšie neznámym vladárom z Rusi: (viď *Kroniku* Nikefora Gregorasa a *Excerpta Planudiana*). Hoci v historiografii existujú rôzne názory na identifikáciu centra, ktorého vládca bol poctený nazývať sa cisárskym stolníkom (Halič, Moskva či Tver). Avšak celý rad významných politických i dynastických faktorov ukazuje práve na rod Romanovičovcov.

Dynastické zväzky Romanovičovcov s byzantským svetom – najmä prostredníctvom Arpádovcov – ich voviedli do okruhu cisárskej politiky Laskarisovcov a Palaiologovcov, čo viedlo tiež k nadviazaniu kontaktov s vládnucimi dynastiami na Balkánskom polostrove. Vďaka manželstvu s Konštanciou, dcérou Bela IV. a Márie Laskarisovej, dcéry cisára Teodora I. a Anny Angeliny, sa Lev I. stal príbuzným hneď dvoch cisárskych dynastií a súčasne cez Teodora, dcéru Anny z manželstva s Izákom Komnenom – tiež švagrom Komnenovcov. Taktiež bol Lev aj švagrom ďalšieho cisára Jána III. Dukasa Vatatzesa, ženatého s Irinou, dcérou Teodora I. Laskarisa a švagrom bána Mačvy a Slavónska, Rastislava Michailoviča, ženatého s dcérou Bela IV., Annou, dcéra ktorého sa stala ženou bulharských cárov: Michala II. a Kolomana II. Podobne Anna (Mária), sestra Bela IV. sa vydala za Ivana II. Asena, čím sa Jurij I. Levovič stal druhostupňovým synovcom jej dcéry Heleny a zároveň bol aj švagrom jej muža bazilea Teodora II. Laskarisa (mimočodom bratranca jeho matky). Napokon dodajme, že uhorský kráľ Štefan V., švagor Leva a ujo Juriho, bol testom cisára Andronika II. Palaiologa, za čias ktorého bola založená haličska metropolia! Tento rodinný výpočet nám dovoľuje konštatovať, že Romanovičovci boli v celkom blízkom rodinnom pomere s cisárskymi dynastiami Byzancie (Angelovcami, Laskarisovcami a Palaiologovcami) ako aj v zväzku s Komnenovcami a Dukasovcami. Z tohto hľadiska predstihovali ostatné vetvy Rurikovskej dynastie.

Иероним Граля
(Варшава)

Царьград и Rhosia Mikra: о спорных вопросах византийско–русских отношений в XIII–XIV веках

Проблема русско-византийских отношений на протяжении достаточно длительного времени оставалась на маргине научных интересов исследователей, что в некоторой степени было связано с относительно низким уровнем рефлексии истории византийской империи *in exilio* (1204–1261) и довольно слабым интересом к судьбам государств, которые возникли после катастрофы империи ромеев в 1204 г. Возможно, некоторое влияние на этот процесс оказала широко распространенная в историографии тенденция, касавшаяся изучения отношений между Царьградом и Русью в категориях *translatio imperii* – перенесения главного политического центра монархии Рюриковичей во Владимир-на-Клязьме, а далее в Москву, которая – как „III Рим” – со временем стала для большинства исследователей *pars pro toto* всей Руси.

Упомянутая тенденция привела к некоей маргинализации в историографии изучения контактов Византии с Галицко-Волынской Русью, значит – именно с той частью монархии Рюриковичей, которая на протяжении XIII -первой половины XIV веков поддерживала самые обширные дипломатические

и церковные контакты с внешним миром! Эта тенденция коснулась даже церковных отношений, несмотря на то, что историческая митрополия Руси находилась тогда не на Залесье (резиденция киевского митрополита переносится над Клязьму только в 1299 г.), а усилия Романовичей привели к созданию очередной русской митрополии – галицкой (1302/3 г.).

Вопрос об истинном измерении уровня отношений между Галицко-Волынской Русью и константинопольским патриархом следует начинать рассматривать, опираясь на банальную констатацию: из шести новых епархий киевской митрополии, которые возникли в XIII веке, три – перемышльская (1219/1220), холмская (после 1230 – первоначально в Угровске) и луцкая (после 1230 – предположительно перед 1237) – появились именно в этом регионе и во время большой „галицкой смуты”! Более того, эти глубокие изменения в организации русской церковной провинции имели место в период, когда контакты киевской митрополии с ее греческим архиереем, пребывающим в далекой малоазийской Никее до 1261 г., были затруднены. Анализ обстоятельств, которые привели к этим юрисдикционным переменам, позволяет утверждать, что принцип „симфонии” между светской властью и митрополитом (а также патриархом) был сохранен в полном объеме.

В свете обязующих в византийской церкви канонических правил, тесное взаимодействие Романовичей с Никеей и Константинополем не вызывает сомнений, также как и их сотрудничество с пользующимся доверием патриарха киевским митрополитом Кириллом II (об этом свидетельствует его пастырская активность на территории Романовичей, распространение там заполученной им так называемой „сербской” редакции *Кормчей книги*).

Место, которое занимала Галицко-Волынская Русь в планах Византии, убедительно подтверждается созданием отдельной галицкой митрополии в период правления Юрия I Львовича. Отметим, что несмотря на продолжающееся больше века замешательство в русской церковной провинции (периодически существовали даже три митрополии: киевская, галицкая и литовская), Романовичи, а также их литовские и польские приемники, сохраняли по отношению к своим подданным полноту власти, исходящую из уставленного в византийской традиции права патроната (*ton ktiton dikaion*).

В контексте дискуссии о структуре галицкой митрополии стоит тоже упомянуть донесения тех источников, которые указывают на возможность возникновения во второй половине XIV века в границах бывшего государ-

ства Романовичей очередных епархий: самборской и подольской (в первую очередь – запись из *Cod. Vat. Slav.* 14). Особого внимания заслуживает случай Самбора – важного центра культа св. Онуфрия. Предполагаем, что именно Самбор мог во время правления Льва I стать столицей его придворного епископа (*episcopus curialis*), ибо только так можно объяснить отсутствие епархии в столичном Львове и особый статус княжеского (*ducalis*) монастыря св. Онуфрия в соседнем Лаврове. (Кстати, процедура учреждения таковой епархии очень напоминает создание „дворцовой” епархии в Угровеске во времена Данила). Резиденцией владыки стал вероятно Спасский монастырь в Самборе.

Пристального внимания со стороны исследователей заслуживает проблема обладания анонимным правителем Руси высоким византийским чином *epi tes trapezes*: (vide *Хроника* Никифора Григоры и *Excerpta Planudiana*). Хотя в историографии существуют разные мнения о идентификации центра, правитель которого удостоился чести именоваться императорским стольником (Галич, Москва или Тверь), но ряд существенных политических и династических факторов указывают именно на дом Романовичей.

Династические связи Романовичей с византийским миром – особенно при посредничестве Арпадов – вводили их в круг имперской политики Ласкарисов и Палеологов, что привело также к установлению контактов с господствующими домами Балканского полуострова. Благодаря браку с Констанцией, дочерью Бели IV и Марии Ласкарины, дочери императора Феодора I и Анны Ангелины, Лев I становился родственником сразу двух императорских династий, а попутно – через Феодору, дочь Анны от брака с Исааком Комнином – также свояком Комнинов. Одновременно тот же Лев был свояком очередного императора – Иоанна III Дуки Вататзы, женатого на Ирине, дочери Феодора I Ласкариса, и шурином бана Мачвы и Славонии Ростислава Михайловича, женатого на дочери Бели IV – Анне, дочь которого стала женой болгарских царей – Михаила II и Коломана II. Добавим, что Анна (Мария), сестра Бели IV, вышла замуж за царя Ивана II Асеня – тем самым Юрий I Львович – двоюродный племянник ее дочери Елены – стал свояком ее мужа, василевса Феодора II Ласкариса (кстати, двоюродного брата своей матери). Наконец, напомним еще, что венгерский король Стефан V, шурин Льва и дядя Юрия – был тестем императора Андроника II Палеолога, при котором была учреждена галицкая митрополия!

Данный перечень дает право констатировать, что Романовичи находились в довольно близком родстве с императорскими домами Византии (Ангелы, Ласкарисы и Палеологи) и своячестве с Комнинами и Дукасами, превосходя в том отношении другие ветви Рюриковичей.

Stenographic record of the discussion

Moderator: Vitaliy Nagirnyy

Moderator: beginning of the discussion.

Dariusz Dąbrowski. Comment: Не буду скрывать, что нахожусь под огромным впечатлением от этой блестящей лекции. Полностью согласен с выводами, касающимися датировки основания южнорусских епископств. Что же касается северных епископств, то я никогда этой проблемой не занимался. Хотелось бы только добавить пару слов о политическом контексте основания упомянутых южнорусских епископств. Ведь именно в то время, когда было основано Луцкое епископство, волынский князь Даниил находился в очень близких отношениях с киевским князем Владимиром и его единомышленником, митрополитом Кирилом I. Я также полностью согласен с концепцией дворских епископов.

Myroslav Voloshchuk. Question: Действительно, лекция впечатляет большим количеством интересных и загадочных сюжетов, требующих дополнительного анализа, пересмотра информации уже известных нам источников и чтения между строк. Но все-таки проблема малого количества источников греческого происхождения, в которых были бы отражены отношения Византии с Романовичами в XIII и XIV веках, остается открытой. Попрошу Вас прокомментировать этот момент.

Hieronim Grala. Answers: Во-первых, я бы не согласился, что в греческих источниках так мало данных касательно этого периода. В первую очередь, стоит отметить довольно большое количество византийских документов по истории Галицкой метрополии. Во-вторых, с этого периода до нас дошло не менее четырех византийских хроник. Хотя даже с ними мы не всегда

можем справиться. Классический пример того, как плохо мы работаем с источниками – это известный и очень популярный в историографии тезис о близкой связи Галича с Болгарией на рубеже XII и XIII веков, согласно которому Иван Асень II, свергнутый с болгарского трона, нашел пристанище в Галиче и с помощью галицких правителей вернул себе престол. При этом, историки ссылаются на русский перевод Георгия Акрополита, сделанный бакалавром Санкт-Петербургской Богословской академии И. Е. Троицким в 1863 г., и абсолютно игнорируют оригинальное издание в *Bibliotheca scriptorum Graecorum et romanorum Teubneriana* и *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae*, не сверяясь с греческим текстом. Это значит, что историки знакомы с этим источником „с четвертой руки”, т.е. с перевода XIX века, в котором не соблюдены терминологические тонкости и термины, часто преподносимые в искаженном виде. Кроме того, полностью игнорируются все политические обстоятельства. Извините, но попытка доказать, что правящие в Галицкой земле Игоревичи могли собрать рать, которая могла бы поддержать Ивана Асеня в борьбе с Борилом, выглядит как „political and historical fiction”. Галицкие князья даже у себя дома не могли справиться с местными боярами, временно изгнавшими их с Галицкой земли. Как в таких условиях Игоревичи могли подготовить большой поход в помощь Ивану Асеню? И как галицкие полки (а ведь в источнике это „русские беглецы”!) могли бы пройти через венгерское пограничье? Кроме того, можем привести еще целый ряд обстоятельств, свидетельствующих о невозможности принятия указанного выше тезиса.

Что же касается более позднего периода, мы действительно не найдем большого количества информации в византийских источниках. Но исследователи не должны впадать в уныние. При этом, я не думаю, что здесь можно уповать на результаты поисков в Турции. Ведь там многие византийские документы пришли в полную негодность в результате отсутствия условий для их хранения. Но есть место, где постоянно появляются новые источники: Афонский монастырь и афонские акты. В этом легко убедиться при ознакомлении с публикацией *Греческой посольской книги*, изданной Сергеем Каштановым, в которой весь „афонский материал” утонул в сносках. Просматривая эти сноски, понимаешь, какой большой объем материала содержат афонские акты. Без сомнения, возможности выявления новых документов есть и там, где русисты, как правило, не ищут, а именно – в Италии, в „схизматиков-латынян”. Например, в библиотеке святого

Марка и Ватиканской библиотеке есть довольно много неисследованных славянских рукописей. Поэтому, вполне возможно, там могут быть и материалы, связанные с Русью. Не так давно наш московский коллега Игорь Дубровский порадовал нас результатами своих, как все считали, безнадежных, поисков во французских и итальянских архивах, где он искал источники, относящиеся к эпохе Ивана Грозного. Он совершал поиск документов там, где нормальный человек никогда не искал бы материал о Руси. Например, в Валансьен, откуда он привез три новые редакции памфлета о эпохе Ивана Грозного, написанных Альбрехтом Шлихтингом. Я когда-то этим тоже занимался и нашел две редакции, немецкую и польскую, чем немало гордился. Но когда И. Дубровский стал привозить эти памфлеты пачками, то мой восторг поутих. Кроме того, московский историк нашел документы, связанные с посольством Истома Шеврыгина. На этих примерах мы видим, какой пласт материалов еще лежит в этих архивах и ждет своего исследователя. Таким образом, существует еще множество возможностей найти интересные материалы о Руси.

Хочу обратить внимание на еще один важный момент – „бюрократический”. Как пример приведу историю с собранием покойного Николая Лихачева, которое было законсервировано в Эрмитаже на восемьдесят лет. Издание второго тома его *Русско-византийской сфрагистики* приостановлено в 1930 г., большая часть тиража оказалась уничтожена, а фундаментальный труд *Моливдовулы греческого Востока* вообще сохранился только в одном рукописном экземпляре и был издан к XVIII Международному конгрессу византинистов в Москве (1991). Только тогда мы смогли увидеть, какие ценные материалы собрал Н. Лихачев. Представьте себе, они восемь десятилетий лежали в запасниках Эрмитажа и были недоступны историкам. И таких примеров можно привести множество.

Возвращаясь к Руси, можно привести еще один пример – иконы Холмской Богоматери. Великая феноменальная вещь и блестящий уровень исполнения. Без сомнения, она изготовлена в придворной мастерской во времена поздних Комненов или ранних Палеологов. Надо задуматься, почему, ради чего и как такая ценная икона попадает на Русь. Напомню о еще одном дискуссионном артефакте – коронационном кресте польских королей. Здесь я полностью поддерживаю точку зрения Ельжбеты Домбровской-Завадской и категорически не согласен с Александром Майоровым. Е. Домбровская-Завадская является одним из лучших специалистов по эмалям, плюс пре-

---

красно знает историю коронационных инсигний польских королей. Ее вывод о связи креста именно с Комнинами и Романом Мстиславовичем весьма убедительный. Кстати, практически вся аргументация, весь анализ источника (искусствоведческий, эпиграфический и филологический), применяемый А. Майоровым, выполнен именно Е. Домбровской-Завадской, а уважаемому петербургскому коллеге принадлежат только противоположные, кстати, весьма спорные, выводы.

Конечно, опыт последних лет показывает, что последнее слово не сказано еще археологией (раскопки в Столпье, Холме и др.). И это особо обнадеживает!

Moderator: summary of the discussion.

Dana Picková

(Prague)

Russian Principalities in the Era of the Mongol Expansion and the Papal Curia

During the 13th century, the Papal Curia made first steps to revive the ecclesiastical unity between Western and Eastern Christendom. This was to be achieved by making the Orthodox Christians accept the primacy of the papacy and convert to Catholicism. When Eastern Europe was struck by the Mongol invasion and the rise of their dominion, the papacy attempted to use the new political situation to spread its influence there. At the Council of Lyon in 1245, the Papal Curia presented an idea of assistance to the Russian Principalities against the Mongol conquerors. However, this aim was to be achieved by means of a Catholic mission to the Orthodox Russians, which would have eventually led to the mending of the church schism. Another objective was to create a form of an eastern barrier consisting of the Russian principalities which would prevent another Mongol invasion to the West. Popes consequently maintained contacts with Daniil Romanovich, the Prince of Galicia-Volyhnia, Alexander Yaroslavich, the Prince of Novgorod and subsequently Grand Prince of Vladimir, and also with Mindaugas, the Prince of Lithuania. The reactions to the papal diplomatic mission naturally varied. This stemmed from different political situations which their respective domains had experienced.

The idea of subjugation to the Mongols was unthinkable to Daniil Romanovich and his court started searching for allies against the Mongol threat. Having realized that the destroyed and mutually hostile Russian principalities were not able to stand against such a strong enemy on their own, he turned for help to the Catholic West. During the time when the council of Lyon took place, the prince entered into talks with Pope Innocent IV in hopes that the announced crusade against the Mongols could be realized and that it would free the Russian principalities from the Mongol rule. He also agreed to accept the church union. The pope politically supported him, acknowledged his domain over Galicia and subsequently crowned him as its king. Nevertheless, the papacy was not able to organize the promised military assistance. Therefore Prince Daniil denounced the Catholicism and church union in 1256 and suspended his relations with the Papal Curia.

Alexander Nevsky's contacts with the pope were scarcer and the primary sources containing information on the diplomatic talks are very limited. The main source is *Life of Alexander Nevsky*, a Russian hagiographical-biographical work, and two papal letters written by Pope Innocent IV to the prince in 1248. According to the information offered by these sources, Alexander declined an offer to become a Catholic in the early 1250s. The author nevertheless attempts to amend the traditional image of Alexander Nevsky as a rigorous defender of Orthodoxy and implacable opponent of both the Catholicism and church union. It is undeniable that Alexander was indeed a proponent of the Orthodox faith and extensively cooperated with the Russian Orthodox Church and to him, the idea of concluding the church union was unacceptable. However, such an approach was not necessarily the only course of action and it is therefore essential to search for additional motives of his behaviour. Alexander was also a pragmatic politician who did not avoid dealing with the Catholics. As the ruler of Novgorod, Alexander was to participate in concluding treaties with Hansa and Swedish merchants, who often ventured to the city and lived there. Furthermore, he attempted to negotiate a dynastic alliance with the children of the Norwegian king. Apart from religious reasons, the political situation played a significant role as well. Primarily, an alliance with the Papal Curia held no value to Alexander. Firstly, the pope was not able to organize any real assistance. The case of Daniil Romanovich proved Alexander Nevsky to be right in his judgement. The second reason was Alexander's policy of non-resistance in regard to the Mongols. While staying at the court of the great khan in Karakorum, Alexander not only learned

---

of the Mongols' vast military supremacy but also of their plan not to rule Russian principalities directly. Instead, the Mongols simply demanded taxes and acceptance of their supreme position. In addition, they were willing to allow the Russians to keep their faith. Neither the prince nor his contemporaries had any historical experience with living under nomads' dominion in the early 1250s and could not foresee what long-reaching consequences Mongols' rule would entail.

Dana Picková
(Praha)

Ruské kniežatstvá v čase mongolskej expanzie a pápežská kúria

V 13. storočí sa objavili prvé pokusy o prekonanie cirkevnej schizmy a uzavretie únie. Vychádzali z pápežskej kúrie a boli podmienené snahou o presadenie jej podmienok medzi pravoslávnyimi, predovšetkým uznanie pápežského primátu a konverzie ku katolicizmu. Tieto tendencie sa pápeži snažili presadiť aj vo východnej Európe v čase, keď bola zasiahnutá ničivou expanziou Mongolov a začiatkom ich nadvlády. Na koncile v Lyone roku 1245 prišla pápežská kúria s myšlienkou poskytnúť ruským kniežatám pomoc proti dobyvateľom, ale spojila ju s trochu fantastickou predstavou katolíckej misie k pravoslávnyim Rusom a možnosťou prekonania cirkevného rozkolu. Zároveň chcela vytvoriť z ruských kniežatstiev akúsi východnú bariéru, ktorá by zabránila prípadnej ďalšej mongolskej invázii na západ.

Pápeži postupne viedli rokovania s Haličsko-volynským kniežatom Danielom Romanovičom, novgorodským kniežatom a neskôr vladimírskym veľko-kniežatom Alexandrom Jaroslavičom a tiež s litovským kniežatom Mindaugasom. Ich rozdielne reakcie boli dôsledkom odlišných podmienok, v ktorých sa ich dŕžavy nachádzali.

Pre Daniela Romanoviča bolo nemysliteľné podriaďiť sa Mongolom natrvalo, preto začal proti nim hľadať spojencov. Uvedomoval si však, že rozvrátené ruské

kniežatstvá a ich znepriatelení vládcovia nie sú schopní sa tak mocnému nepriateľovi postaviť, preto sa rozhodol získať pomoc na katolíckom Západe. V čase konania lyonského koncilu začal rokovania s pápežom Inocentom IV. v nádeji, že prispeje k realizácii vyhlásenia krížovej výpravy proti Mongolom, a uľaví tak ruským kniežatstvám od mongolskej nadvlády. Zároveň vyslovil súhlas s prijatím cirkevnej únie. Pápež ho podporil politicky (potvrdil mu držanie Haliče), neskôr ho dokonca nechal korunovať haličským kráľom, ale poskytnúť sľúbenú vojenskú pomoc proti Mongolom pápežská kúria schopná nebola. Knieža Daniel preto svoje mnohoročné, na Rusi výnimočné, kontakty s Rímom roku 1256 ukončil a odstúpil od katolíckej viery i únie.

Alexandrove kontakty s pápežskou kúriou boli oveľa skromnejšie a pramene, ktoré o nich vypovedajú nie sú z tých rozsiahlejších. Bezprostredne ide iba o život Alexandra Nevského, ruský prameň hagiograficko-biografickej povahy a dva pápežské listy, ktoré napísal Inocent IV. kniežatu roku 1248. Vyplýva z nich, že Alexander snahu pápežskej kúrie, presvedčiť ho aby sa stal katolíkom, začiatkom 50. rokov odmietol. Autorka sa napriek tomu snaží korigovať tradičný obraz Alexandra Nevského ako rigorózneho zástancu pravoslávia a nezmieriteľného odporcu katolíkov a cirkevnej únie. Na jednej strane nemôžno pochybovať o tom, že knieža bol stúpencom pravoslávia, spolupracoval s ruskou ortodoxnou cirkvou a preto bola možnosť uzatvorenia cirkevnej únie pre neho neprijateľná. To však nebolo dané *a priori*, a je preto nevyhnutné pýtať sa na motiváciu jeho postojov a správania. Na druhej strane bol Alexander tiež racionálne uvažujúcim a pragmatickým politikom, ktorý sa nevyhýbal rokovaniu s katolíkmi. Ako vládca Novgorodu sa musel podieľať na dohodách s nemeckými hanzovými a švédskymi kupcami, ktorí do mesta prichádzali a usadzovali sa tam. Okrem toho vyjednával s nórsnym kráľom o dynastickom sobáši ich detí. Na odmietnutie ponuky pápeža Inocenta IV. mal Alexander okrem náboženských, nepochybne aj vážne politické dôvody. Najdôležitejším faktom bolo, že spojenectvo s pápežskou kúriou bolo pre neho bezcenné. Po prvé preto, že pomoc proti Mongolom, ktorú mu ponúkala, nebola schopná poskytnúť, ako sa o tom presvedčil Daniel Romanovič. Po druhé, bolo to rozhodnutím viesť politiku „neprotivenia sa“ Mongolom. Toto mohlo byť podmienené hneď niekoľkými okolnosťami. V roku 1249 sa zdržiaval Alexander na dvore veľkého chána v Khara Khorum. Nepochybne sa tu presvedčil, že vojenskú silu Mongolov zatiaľ nie možné prekonať, ale zároveň tiež, že chánom nešlo o priame ovládnutie ruských kniežatstiev, ale že sa uspokojia s daňami a uznaním vazalskej závislosti, pričom dovoľia Rusom ďalej vyznávať pravoslávnu

---

vieru. Knieža ani jeho súčasníci nemali začiatkom 50. rokov s podriadením sa kočovníkom žiadnu historickú skúsenosť a nemohli preto predvídať, ako sa pre ruské krajiny v blízkej budúcnosti tento stav vyvinie.

Дана Пицкова
(Прага)

Русские княжества в период монгольской экспансии и папская курия

В XIII веке были предприняты первые попытки преодолеть церковную схизму и заключить унию. Исходили они со стороны папской курии и были обусловлены стремлением продвинуть свои условия среди православных: прежде всего речь шла о признании папского примата и обращении в католичество. Эти требования папство намеревалось реализовать и в Восточной Европе в период, когда та была под ударом опустошительных походов монголов и их формирующегося господства. На Вселенском соборе в Лионе в 1245 г. папская курия выступила с идеей предоставить русским князьям помощь против завоевателей, но связала ее с несколько фантастическим представлением католической миссии среди православных и возможностью в дальнейшем преодолеть церковный раскол. Заодно она хотела из русских княжеств создать некий барьер, который бы мог предотвратить возможное продвижение монголов далее на запад.

Папство постепенно вело переговоры с галицко-волынским князем Даниилом Романовичем, новгородским князем и позднее великим князем владимирским Александром Ярославовичем, а также с литовским князем Миндовгом. Их отличающиеся друг от друга реакции на предложение пап были результатом тех условий, в которых их владения находились.

Для Даниила Романовича было немыслимо постоянно подчиняться монголам, поэтому он начал искать в этой борьбе союзника. Однако он осознал, что распадающиеся русские княжества и их враждующие между собой правители не способны противостоять такому могущественному врагу, а поэтому решил получить помощь со стороны католического Запада. Во время проведения Лионского собора он начал вести переговоры с Папой Иннокентием IV в надежде, что тот поспособствует реализации провозглашенного крестового похода против монголов и облегчит бремя русских княжеств в борьбе против монгольского господства. При этом он выразил согласие принять церковную унию. Папа его поддержал политически (подтвердил его владение Галичем), а позже даже короновал галицким князем, однако предоставить ему обещанную военную помощь против монголов папская курия была не способна. Поэтому князь Даниил свои многолетние, исключительные для Руси контакты с Римом прекратил в 1256 г., отступив при этом от католической веры и унии.

Контакты князя Александра с папской курией были намного скромнее, и источники, которые об этом упоминают, не достаточно обширны. Данный вопрос описан только в *Житии Александра Невского*, древнерусском источнике агиографическо-биографического характера, и в двух папских посланиях, которые написал Иннокентий IV князю в 1248 г. Из них следует, что Александр отверг старания папской курии по поводу его обращения в католичество в начале 50-х гг. XIII века. Автор вопреки тому стремился откорректировать традиционный образ Александра Невского как сурового поборника православия и ярого противника католиков и церковной унии. С одной стороны, нельзя сомневаться в том, что князь был приверженцем православия, сотрудничал с русской ортодоксальной церковью и, исходя из этого, возможность заключения церковной унии для него была неприемлема. Однако последний факт нельзя рассматривать как аргумент, а потому нужно задаться целью поиска истинной мотивации его подходов и действий. Ведь, с другой стороны, Александр был также рационально рассуждающим и прагматично настроенным политиком, который не избегал переговоров с католической стороной. Как правитель Новгорода он должен был принимать участие в договорах с немецкими, ганзейскими и шведскими купцами, которые приезжали в город и жили там. Кроме того, он вел переговоры с норвежским королем о династическом браке между их детьми. Отвергнув предложение Папы Иннокентия IV, князь Александр наравне с конфессиональными

причинами также брал в расчет и серьезные политические основания. Наиболее значимым был факт того, что союз с папской курией представлялся ему малоценным. Прежде всего, потому что помощь в борьбе с монголами, предлагаемая другой стороной взамен, была невозможна, как в том ранее убедился Даниил Романович. Второй причиной стало решение проводить политику „несопротивления” монголам. Это было обусловлено несколькими обстоятельствами. В 1249 г. Александр посетил двор великого хана в Каракоруме. По всей вероятности там он осознал, что военную силу монголов пока невозможно одолеть, но, вместе с тем, князь уяснил, что ханам не нужно прямо владеть русскими княжествами, и они будут вполне удовлетворены выплатой дани и признанием вассальной зависимости и, кроме того, позволят русским далее исповедовать православную веру. Ни князь, ни его современники в начале 50-х гг. XIII века не имели исторического опыта, связанного с гнетом кочевников, а потому не могли предвидеть, насколько тяжелой станет доля русской земли в ближайшем будущем.

Stenographic record of the discussion

Moderator: Jitka Komendová

Moderator. Question: Большое спасибо Дане Пицковой за ее обзорную лекцию. Я хотела бы задать вопрос – Вы в своем выступлении несколько раз использовали термин „покатоличение”, т.е. „католизация”. Мне кажется, что это немного опасно для характеристики переговоров между папской курией и русскими князьями, потому что мы не имеем оснований говорить именно о католизации. Второй момент – Вы говорили об отношении Александра Невского к церкви и его религиозном сознании, об отношении Даниила к Католической и Православной церквям. У меня возникает такой вопрос: насколько вообще мы можем говорить о религиозности Александра или Даниила? Мне кажется, что рассуждая об этом мы можем оказаться в ловушке источников, потому что количество свидетельств очень ограничено. Фактически мы располагаем только свидетельствами *Жития Александра* и *Галицко-Волынской летописью*. Нам известно о конкретных прагматических шагах Александра и Даниила по отношению к церкви. Но можно

ли на этом основании говорить о том, что Александр или Даниил были глубоко верующими или толерантными к другим религиям?

Dana Picková. Answers: Souhlasím s vámi. Vždy jde o spekulaci, pokud posuzujeme, co si ta která historická osobnost myslela pouze podle jejích činů, a to nejen v tomto případě. Těžko můžeme proniknout do její psychiky, zvláště tehdy, kdy jsou prameny opravdu velmi skromné, a navíc nemají autobiografický charakter. To není pramen, který by ten člověk napsal sám o sobě. Ani u Daniila ani u Alexandra nemáme k dispozici jejich odpovědi papeži a i kdybychom je měli, tak jejich sdělení bude zkresleno nějakými politickými taktikami a záměry. Ale já si myslím, že o tom je celá historie, že se nikdy nedopátráme té jediné pravdy. Historická pravda sice existuje, ale my se k ní můžeme jenom přiblížit a ani nevíme, do jaké míry.

Co se týče té první otázky, tak já jsem to trošku zjednodušila, protože používám výraz „pokatolíčtit“ ve smyslu přiblížit východní křesťanství západnímu úzu. Například v případě Daniila šlo o zachování východních obřadů ovšem s podmínkou, pokud se neprotiví zvyklostem katolické církve. Tady ovšem mluvíme jen o plánech, nikoli o praxi, která Haličsko-Volynské knížectví už nezasáhla. Všechno se jen připravovalo, ale období mezi Daniilovou korunovací, která proběhla někdy v roce 1253 nebo 1254 a rokem 1256, kdy už se Daniil zřekl církevní unie, bylo velmi krátké. Takže praxe nemohla podle mého názoru následovat, protože by to byl jistě dlouhý proces, než by se podařilo přimět pravoslavné obyvatelstvo k přistoupení na unii. Víme, že řadoví kněží, ale i vyšší církevní hierarchie se vždycky protivili snahám o zavedení unie, a to i po uzavření florentské unie. Stejně tomu bylo v Byzanci. Proto zůstává otázka realizace unie velkým otazníkem.

Marek Vadrna. Question: Ja by som sa chcel spýtať na to, že či by v tomto kontexte nebolo lepšie hovoriť o snahe prijať pápežskú jurisdikciu, ako používať slovo „pokatolíčtit“?

Dana Picková. Answers: To sú dve odlišné záležitosti.

Marek Vadrna. Comment: Pretože to nebolo len v prípade Daniela, ale pápežský stolec nikdy nenanucoval latinský obrad „Byzantíncom“. Možno, že na nejakej lokálnej úrovni sa to niekedy udialo, ale vo všeobecnosti sa to nerobilo. Aj napríklad na Slovensku sa to udialo, keď prišla bula pápeža *Relata semper* o vzniku

Mukačevskej eparchie, tak ju jagerský arcibiskup zobral, jednoducho ju ukryl do stolíka a vyhlásil mukačevského biskupa za svojho obradového vikára. Vidíme, že v tomto zmysle latinizácia bola silná, ale znovu ide o lokálnu úroveň, z pápežskej kúrie centrálné takéto snahy nikdy neboli. Na úzus, na obrad sa nesiahalo.

Dana Picková. Answers: Nejde jenom o obřady, ale také o dogmatické zvyklosti. Třeba o kvašený – nekvašený chleba nebo o tzv. *filioque*. To jsou zásadní věci, které byly pro středověkou církev podstatné. Obřad a zvyklosti jsou jedna věc, jiná záležitost je přivést pravoslavné pod papežskou jurisdikci, to je právní problém, který se týká správy církve a její organizace, kdežto „pokatolичtění“ je především záležitostí dogmatu. Na florentském koncilu šlo spíše o dogma než o obřad. Papežství mělo řadu plánů, to však ještě neznamená, že je realizovalo.

Marek Vadrna. Comment: Áno, ale otázka kvaseného alebo nekvaseného chleba, tá možno rezonovala v 11. storočí, ale neskôr už nie. Otázka tzv. *filioque* bola otázkou toho, že „Latiníci“ si dovolili do vierovyznania pridať niečo, čo nechválil všeobecný snem. Ale to chápanie byzantské a latinské je v podstate rovnaké. Dynamický alebo statický model – to je v podstate jedno. Z teologického hľadiska sa vedeli dohodnúť, podobne čo sa týka ženatého kňazstva, to sa vždy ponechalo. Ja si myslím, že sa im nesiahalo na úzus. V jednotlivých krajinách určite boli snahy „latinizovať“ veriacich. Napríklad sa to podarilo tu u nás, do veľkej miery sa udiala latinizácia byzantských veriacich, ale pápežská kúria na ten pravoslávny úzus, respektíve byzantský úzus nesiahala.

Moderator. Comment: Já si myslím, dost závažné je, že ten obřad to byla až taková třetí věc, že to není úplně důležité, že to je taková naše perspektiva současná, když nadřazujeme dogma nad obřad, ale pro středověk právě ta stránka toho obřadu toho rituálu, byla nesmírně důležitá. Ta byla mnohem podstatnější, protože ti lidé, kteří žili v církvi, ať už pravoslavní nebo katolické, tak samozřejmě přicházeli, nebo vnímali mnohem víc ten obřad a ti záležitosti dogmatické byly věci těch skutečně intelektuálních elit.

Moderator: summary of the discussion.

CHADGER III
DEBATES

ebata I

Rutheni in the Kingdom of Hungary and in Southeastern Europe in 11th–14th Century

The round table discussion with
prof. Márta Font (Pècs), prof. Djura Hardi (Novi Sad)
and PhD Myroslav Voloshchuk (Ivano-Frankivsk)

*

Stenographic record of the discussion

Moderator: Dariusz Dąbrowski

Moderator: Уважаемые Господа, позвольте представить Вам лучших специалистов по тематике средневековых венгерско-русских отношений: проф. Марту Фонт (Печ, Венгрия), проф. Дюру Гарди (Новы Сад, Сербия) и др. Мирослава Волошука (Ивано-Франковск, Украина). Сегодняшний „круглый стол” будет посвящен пребыванию выходцев из Руси в Венгерском королевстве. Для начала я попрошу участников нашей дискуссии кратко охарактеризовать социально-правовое, политическое и культурное положение русских переселенцев в средневековой Венгрии.

Márta Font. Answers: В первую очередь, я хотела бы обратить внимание на подход к изучению источников по данной проблеме и посмотреть на тематику

„русские в Венгрии” в более широком контексте. Ведь в Венгерском королевстве появились не только Rutheni, но и много других hospites. Поэтому очень интересно сравнить положение данных переселенцев в Венгрии и других государствах тогдашней Центральной Европы.

Сначала я хочу сказать несколько слов об источниках. Ведь главные документы, которые освещают проблему переселенцев на территории Венгерского королевства, это венгерский актовый материал, который сохранился намного лучше, чем в Украине или на Балканах. В венгерских актах часто находим указания о переселенцах. Самый простой пример – когда в документе прямо сказано, что тот или иной человек переселился в Венгрию с Руси (*de Ruthenia*). Намного труднее идентифицировать таких переселенцев только на основе личных имен, особенно, когда они принадлежат к крестьянскому сословию. Другое дело, если переселенец получал земельное пожалование от венгерского короля. В этом случае он входил в своеобразную закрытую группу высшего венгерского общества – *nobiles* иногда *barones*. Но здесь также нужно быть осторожным, особенно с обозначением *urs/urus*, которое не всегда значит „русский”, но может быть и производным от имени *Örs*. Такие вопросы нужно обязательно решать, прибегая к помощи лингвистов.

Второй момент – важно определить, какую позицию занимали переселенцы в Венгерском королевстве. В качестве примера, я хочу привести Ростислава Михайловича из черниговской династии, о котором несколько статей написал присутствующий здесь Дюра Гарди. Мы хорошо знаем, что Ростислав занимал высокое положение в Венгрии. Я думаю, что русский князь не зря назван в документах именно *dominus de Machou*, а не *rex*, *dux*, *comes* или *magister*. Ведь положение Ростислава – это довольно-таки оригинальный и единичный случай, когда зять короля проживал в Венгрии. Как правило, дочери монарха выдавались замуж за границу. Таким образом, ситуация с Ростиславом Михайловичем была нетипичной, и мне кажется, что именно поэтому он назван *dominus* – особым, но в то же время достаточно нейтральным титулом.

Следующим важным моментом в исследованиях о переселенцах в Венгерском королевстве является сравнительный метод в контексте междисциплинарных связей. Я уже акцентировала внимание на крайне важной роли как латинской, так и венгерской филологии в изучении этой проблемы. Можно назвать целый ряд историков, которые занимались проблемами

взаимодействия между венгерским, латинским и славянскими языками, например, И. Кнежа, Я. Мелиг, Т. Фегер, Л. Бенко, О. Золтан. Также следует отметить, что в Венгрии в это время появилось и немецкое население, в первую очередь здесь, на Спише и в Трансильвании. Для этих переселенцев венгерские короли издали специальные привилегии с четким регламентом их обязательств и прав проживания на новых землях. Кроме немцев, также прибывали выходцы из Лотарингии, которые в венгерских источниках называются *Latini*. Они в основном селились по городам, где занимались обработкой виноградников. Как и немцы, они получали от королей специальные привилегии. Что же касается представителей восточнославянского этноса, то эти миграции мы можем проследить на протяжении XIV–XV столетий в северо-восточных комитатах королевства. В большинстве случаев это были крестьяне-русины, которых венгерские землевладельцы приглашали целыми группами для заселения своих владений. Конечно, их привилегии существенно отличались от тех, которые венгерские короли предоставляли немцам и другим латинянам.

Djura Hardi. Answers: Изучение проблемы русинов в Венгрии или на Балканах в Средние века можно разделить на несколько аспектов. Первый из них включает в себя контекст политических отношений между Венгерским королевством и Русью, главным образом с княжествами Галицкой и Волынской земель. Речь идет о династических контактах между домами Арпадов и Рюриковичей, а с конца XII века также о реальной экспансии венгров в Галичину и на Волынь. К этому аспекту следует также добавить торговые и миграционные связи, о которых уже говорила проф. Марта Фонт, и которые исследовал др. Мирослав Волощук.

По моему мнению, тезис „русские в Венгрии” нужно также рассматривать сквозь второй аспект, то есть сквозь призму культурных и цивилизационных связей, которые имели место в Центральной Европе на протяжении всего Средневековья. Ключом для понимания этой модели отношений является Византия. Еще в конце XII века это государство было „центром мира” для значительной части Европы. Поэтому нам не следует забывать, что именно Бела III, который инициировал экспансию на Русь, воспитывался при дворе византийского императора Мануила Комнина. Поэтому можем говорить о том, что политика Бела III основывалась на византийской идеологии. Парадигмой для понимания этих процессов может быть история право-

славного монастыря Св. Дмитрия, который расположен в Среме. Фундаторами обители в XII веке были венгерские короли, скорее всего Коломан. Это иллюстрирует византийское влияние не только на Белу III, но и на целый ряд венгерских королей. Самое интересное, что среди жертвователей монастыря есть также и русские князья с династии галицких Ростиславовичей. Речь идет о Васильке Ростиславиче, его сыне Иване и их родственнике Владимирке Володаревиче. Конечно, можем дискутировать с Д. Дьерффи о византийском влиянии на венгерских королей. Однако, Бела III дарит монастырь лавре Св. Феодосия в Иерусалиме, где, как известно, окончила жизнь его мать Ефросиния. Важно отметить, что в XIII веке эта обитель пребывала под опекой другого русского князя – Ростислава Михайловича и его жены Анны, дочери Белы IV. Поэтому, я считаю, что указанный монастырь в частности, как и византийская культура в целом, были своего рода мостом в контактах русской элиты с венграми.

Myroslav Voloshchuk. Answers: Вопросы переселения/расселения людей, которые в латинских актах Венгерского королевства именуется „русскими” я пытался исследовать сквозь их сопоставление с русскими источниками. Например, *Галицко-Волынская летопись* представляет собой очень ценный и интересной нарратив, при изучении которого у меня всегда возникал вопрос – есть ли какое-то подтверждение его информации о русско-венгерских отношениях по ту сторону Карпат? Оказалось, что да, ведь на страницах актового материала Венгерского королевства XI–XIV веков мне удалось идентифицировать множество людей именуемых *Ruthenus, de genere Ruthenus, Orrus, dictus Orrus, Urus, Vruz, Huruz* etc. Конечно, не все из них были этническими русскими. Известны случаи, когда человек был связан с Русью какими-то хозяйственными или политическими связями, и на основании этого получал подобное прозвище в документах.

Но все же большой процент упомянутых в венгерских актах „русов” были выходцами с Руси. Наиболее яркий пример – личность галицкого боярина Володислава Кормилыча, которого *Галицко-Волынская летопись* поддает жестокой критике и обвиняет чуть ли не во всех бедах Галицкой земли. Летопись под 1213 г. упоминает о наказании „неверного боярина” венгерским королем Андреем II. В то же время из венгерских источников известно, что в 1218 и 1232 гг. король одарил виноградниками эстергомского архиепископства некоего человека, названного *Ladislaus Ruthenus*. По моему мнению,

речь идет именно о боярине Володиславе Кормильчиче. Еще один пример, уже с XIV века, касающийся наличия в окружении венгерского короля Карла Роберта какого-то Тезы Русского. Возможно, этот человек попал в Венгрию вместе с первой женой короля, которая могла быть русской. Конечно, таких примеров, учитывая активность русско-венгерских династических браков, можно привести больше. В целом, этот вопрос нуждается в дополнительных исследованиях.

Moderator. Question: Пользуясь случаем, хотел бы обратить внимание на князя Ростислава Михайловича, который уже дважды был упомянут. Это действительно был необыкновенный персонаж. Я попрошу проф. Д. Гарди разъяснить нам ситуацию с употреблением в отношении Ростислава, кроме титула *dominus* Мачвы, еще и титула императора болгар, на который на самом деле у русского князя не было никаких прав.

Второй вопрос адресован др. М. Волощуку и касается детерминанта *dictus Ruthenus*. Сначала я хотел бы, в дополнение к сказанному Вами, привести еще один интересный пример, подтверждающий Ваш тезис. В средневековых источниках Торуня встречается некий *Henricus Russe*. Конечно же, это не русский, скорее всего он был связан с Русью какими-то личными или торговыми контактами, ведь известно, что Торунь имел тесные торговые связи с Галицко-Волынским княжеством. Хотелось бы также попросить др. М. Волощука прояснить ситуацию с галицким боярином Судиславом, который также являлся очень интересной личностью, тесно связанной с Венгерским королевством.

Третий вопрос обращен к проф. М. Фонт. Прошу Вас дать характеристику информативным возможностям венгерских актов касательно проблемы изучения русских переселенцев в королевстве Венгрии.

Djura Hardi. Answers: Отвечая на Ваш вопрос, я хочу сначала сделать небольшой экскурс. Исследование Г. Острогорского показало, что первый (византийский) титул Белы III – „урум – деспот” – был эквивалентен венгерскому титулу „престолонаследника”, или „*úr-am*”, „*dominus*”. Также известно, что во время пребывания Белы III при императорском дворе византийцы получили под свой контроль земли Центральной Сербии, Сирмию, Боснию и Далмацию. После смерти Мануила Комнена, Бела III вернул их в состав Венгерского королевства, а немного позже снова отдал

их Византии в качестве приданного для своей дочери Маргариты-Марии, которая вышла замуж за византийского императора Иссака II Ангела. После возвращения императрицы в Венгрию ее брат, король Андрей II, опять закрепил земли Срема и другие упомянутые территории за своей сестрой. Поэтому в 30-х гг. XIII века титул *dominus Sirmiae* мы встречаем у ее сыновей – Калоиоаннеса и Виллерма де Сент Омера. Так вот, я думаю, что этот континуитет реально существовал по отношению к некоей отдельной территории – *dominatus Sirmiae*. Что же касается титула Ростислава Михайловича, то только в одном источнике Бела IV называет его *Dominus de Macho*, в остальных он назван *dux Galiciae*. Вполне вероятно, что этот титул был употреблен „неслучайно”. Мне кажется, такая же ситуация могла быть и с титулом императора болгар.

Márta Font. Comment: Я совершенно согласна с тем, что Калоиоаннес и Виллермо по праву носили титул *dominus Sirmiae*. Но эта же ситуация была с Ростиславом Михайловичем – он также был родственником короля по женской линии. В иерархии королевства и Ростислав, и сыновья Маргариты-Марии стояли выше венгерских баронов, но ниже сыновей короля, поэтому получали специальные титулы – *dominus/ur*.

Myroslav Voloshchuk. Comment: Я еще хочу обратить Ваше внимание на то, что когда дочь Ростислава Михайловича Кинга выходила замуж за чешского короля Пржемысла Оттокара II, то в чешских хрониках было записано, что он взял в жены дочь императора болгар. Это было неспроста, ведь престиж Ростислава был весомым.

Moderator. Comment: Этот факт позже зафиксировал также Ян Длугош.

Myroslav Voloshchuk. Answers: Возвращаясь к комментариям модератора по поводу понятия *dictus Orrus* или *dictus Ruthenus* – это очень сложная проблема, требующая дополнительного изучения. В ходе моих исследований удалось обнаружить эпизоды когда, например, некий вельможа был упомянут в одном случае как *Nicolaus Orrus*, а в другом уже как *Nicolaus dictus Orrus*. Конечно, я не утверждаю, что эти личности были русскими. Скорее всего они были только как-то связаны с Русью. Хочу отметить, что в своих исследованиях я указываю пять главных причин, почему та или иная лич-

ность упоминается в источниках как *Orrus* или *dictus Orrus*. Одна из этих причин действительно базируется на появлении такого прозвища именно через различные связи с Русью.

Что касается вопроса о Судиславе, то хочу обратить внимание на следующие моменты. Во-первых – Судислав был наиболее часто упоминаемым боярином в *Галицко-Волынской летописи*. Во-вторых – он был самым влиятельным боярином при дворе галицких правителей с династии Арпадов – короля Коломана и герцога Андрея. Именно Судислав, согласно летописи, от имени своих венгерских сюзеренов заключал договоры и вел переговоры с другими русскими князьями. Именно он под давлением Романовичей пять раз покидал Русь, находил убежище в Венгрии и возвращался оттуда в Галич в составе или во главе венгерских войск. Судислав постоянно занимал провенгерскую позицию, за что в литературе его часто называют „лидером венгерской партии” галицких бояр. Вполне вероятно, что именно он весной 1234 г. мог отправиться в Венгрию с телом умершего в Галиче герцога Андрея, сына венгерского короля Андрея II. Но при всем этом у меня возникает вопрос: неужели о таком влиятельном человеке ничего не сохранилось в венгерских источниках? Мне кажется это невозможным. Поэтому я начал искать Судислава на страницах венгерских актов, и нашел одного вельможу, который фигурирует как *Sebeslaus de genere Ludan*. О нем мы знаем исключительно как об отце еще двух человек, занимавших довольно высокое положение при дворе королей Андрея II и Белы IV. Сопоставление имен *Судислав* и *Sebeslaus* конечно не может дать ответа на вопрос о том, был ли это один и тот же человек или нет. Но по этому поводу у меня существует ряд предположений. Если представить, что *Судислав* и *Sebeslaus de genere Ludan* одно и то же лицо, а род Лудан, как нам известно, был чешского происхождения, то вполне интересными выглядят упоминания чехов на страницах *Галицко-Волынской летописи* именно при описании событий начала XIII века синхронно с упоминаниями о боярине Судиславе. Конечно, историки часто игнорируют этот факт, считая, что, скорее всего, речь идет о чешских наемниках, но мне кажется, что появление чехов в составе провенгерской коалиции галичан может быть связано именно с боярином Судиславом и его происхождением. В целом вопрос о Судиславе очень дискуссионный и ему можно было бы посвятить отдельный круглый стол. Но все же тот факт, что галицкий нобилитет в этническом плане был далеко не однородным, лично у меня не вызывает никаких сомнений. То есть,

это был некий конгломерат разных этносов, которые в разное время и по разным причинам появились и закрепились в Галицкой земле, на пограничье Руси, где существовали значительные различия от других княжеств Руси.

Márta Font. Comment: Вполне поддерживаю др. М. Волощука в том, что поли-этничность знати – это вполне нормальная практика при средневековых правящих дворах. В частности, можно привести пример, когда в окружении русских князей Бориса и Глеба также присутствовал некий „утрин”. То есть, этничность не играла основной роли, главными для знати и правителя была служба взамен на привилегии. Еще можно добавить, что в Средние века правящая династия рассматривалась в контексте мужской линии, поэтому венгерские принцессы или русские княжны, выданные замуж, а также их свита становились частью общества своего мужа.

Jan Lukacka. Comment: Ja by som chcel povedať, k tomu čo odznelo v referáte kolegu Miroslava, že Sebeslava nemožno stotožniť s menom Sudislav. To nie je možné. A o pôvode rodu Ludanických – de genere Ludan je taká listina, kde sa nehovorí o tom, že oni pochádzajú z Čiech. Ja som ten rod podrobne spracoval a nenašiel som ani raz meno Sudislav v tomto rode. Je tam Strazimír a ešte ďalšie slovanské mená. Ale tento Sebeslav, Bohumír a ešte tretí Vítko, to boli synovia Vítka z Ludaníc. Všetci to boli komesi, teda rytieri, ale nedá sa to stotožňovať. Ten Sudislav je tiež slovanské dvojzložkové meno. Ale tá listina z roku 1246 je podľa mojej mienky falzum, pretože oni nemali na svoje najstaršie majetky žiadny listinný doklad, žiadnu donáciu a preto si to asi nechali v hodnovernom mieste napísať. Lebo zrejme, ako aj všetci vieme, príslušníci šľachtických rodov vstupovali aj na duchovnú dráhu a teda niekto z prostredia hodnoverného miesta – myslím, že Nitrianskej kapituly, naozaj napísal tú listinu. Ale to je až polovica 14. storočia, keď totiž, niektorí tí Ludanickovci sa v očiach kráľa, teda Karola Róberta, stratili. Stratili aj majetky len preto, že spolupracovali s Matúšom Čákom Trenčianskym. A oni potrebovali na ich znovuzískanie nejaké listinné doklady a preto si nechali vyfabrikovať túto listinu. Ale totižto tam je ta chyba krásy, že de genere Ludan sa použilo už pred rokom 1246. A v tejto listine sa konštatuje, že Belo IV. obdaroval Ludanických za to že, pôvodne im údajne patrili celý región Turiec ale, že turčianski populi ich nechceli ako zemepánov, takže im dal 20 dedín. Naraz 20 dedín v inej časti, teda na Považí a Ponitří. No ale predikát de genere Ludan sa používa už v roku 1242. Takže už to bolo zaužívané

a tam sa naozaj hovorí v tej listine; to je taká tradícia toho rodu, že oni vlastne boli vyhnaní z toho Turca ešte Petrom Orsoelom. Viete, to sa nedá ani doložiť ani vyvrátiť. A potom, že odišli do Poľska. Teda najprv išli do Čiech a potom do Poľska, a že sa stretli s Ondrejom II. na výprave v Svätej zemi. To sú ako naozaj neuveriteľné veci. Ale myslím si, že motívom toho falšovania bolo, to že oni nemali žiadne doklady a získali tie majetky na Ponitří. A tam im naozaj medzi Topoľčanami a Nitrou patrilo asi 30 majetkových celkov. Takže mali potom problém dokazovať túto svoju majetkovú držbu, lebo tam boli oveľa menší, tí jobagiones castri, ktorí mali privilégia a oni nemali. Takže tento hendikep si vynahrádili tým vyfabrikovaným falzom. To je všetko.

Myroslav Voloshchuk. Answers: Я благодарю проф. Я. Лукачку за комментарии. Я знаю все Ваши работы и, конечно, в этом зале, и, наверное, вообще в Словакии нет другого такого специалиста по роду Лудан, как Вы. Но я не говорил что *Sebeslaus de genere Ludan* – это Судислав. Я предполагаю, что этого человека могли называть на Руси Судиславом, а в Венгрии – Себеславом. Поэтому, изучив все Ваши работы, я пришел к выводу, что об человеке *Sebeslaus de genere Ludan* нам совершенно ничего не известно. Ведь он упоминается только как отец Богомира или Витка. То есть, только по патронимам его детей мы знаем о его существовании, а о каких-то конкретных деяниях *Sebeslai de genere Ludan* нам ничего не известно. Что касается этнической идентификации, то часто, например, встречается Rus, сокращенный от *Rusticus*, то есть, „крестьянин”, „рыжий”, чаще упоминается как *Rufus*. Но тут очень интересно посмотреть на проблему в контексте древнего предания о Чехе, Лехе и Русе, где имена троих братьев обозначают именно этническую идентификацию. Конечно, это открытый вопрос и здесь особо важны филологические исследования, ведь если упоминается, например, *Henricus Rutenus*, то это еще не доказывает что он с Руси; возможно он просто каким-либо образом был связан с Русью. Но если он *genere Rutenus*, то это уже другой вопрос и другой подход.

Oleksandr Fylypchuk. Question: У меня вопрос к проф. М. Фонт. Вы упомянули Мойсея Угриня из окружения князя Бориса. Но есть еще и упоминания о Алексее Гречине. Я хочу обратить внимание на то, что в древнерусских летописях „угрин” или „гречин” – это не этническая принадлежность, а скорее фиксирование факта путешествия или паломничества человека.

Кроме того, сохранились акты Мессинского монастыря, в которых упомянуты Иоанн Рос или Иоанн Русиус. Но они не были русскими или скандинавами по происхождению. Это были Иоанн Рыжий или Иоанн из области Русика в Катании. Принимая во внимание эти факты, можно ли на основании одного имени определять этническую принадлежность?

Andriy Nosenko. Question: Мой вопрос также адресован проф. М. Фонт. Есть ли в венгерских источниках информация о русской свите князя Ростислава? Если да, то не упоминается ли среди окружения князя имя „Константин“?

Márta Font. Answers: Вообще-то это не моя инициатива идентифицировать упомянутых в древнерусских агиографических трудах угров с венграми, а историков, которые специально занимались этими проблемами. Но хочу отметить, что в Венгрии, например, Угрин – это личное имя, и его носил даже один из архиепископов. По поводу вопроса об окружении Ростислава Михайловича – к сожалению, все наши сведения о приездах князя в Венгрию основаны только на *Галицко-Волынской летописи*.

Myroslav Voloshchuk. Comment: Хотелось бы добавить к ответу проф. М. Фонт, что в венгерских актах, где упоминается Ростислав или его жена Анна, присутствуют некие личности, которые могли прибыть в Венгрию вместе с Ростиславом. Но среди них не упоминается Константин.

Djura Hardi. Comment: Да, но со времен Ростислава нам известен только один акт, а упомянутых в нем личностей трудно назвать выходцами с Руси. Мы знаем только, что с Ростиславом в Венгрию бежал галицкий епископ Артемий.

Myroslav Voloshchuk. Comment: Да, но мы не знаем прибыла ли вместе с князем в Венгрию его свита.

Márta Font. Comment: Конечно же, какая-то свита у Ростислава была, ведь это было в порядке вещей, когда вместе с князем или княжной прибывало их окружение. Но в этом случае источники очень скудны.

Moderator: Уважаемые коллеги искренне благодарю всех участников за интересную дискуссию.

CHAPTER IV

LEGATORES

RETIQA

***Czerwień – gród między Wschodem a Zachodem. Katalog wystawy*, red. Marcin Wołoszyn, Tomaszów Lubelski–Leipzig–Lublin–Rzeszów: Muzeum Regionalne im. Dr. Janusza Petera, 2012, 448 s. [*Czerwień – a Castle Between the East and the West. The Exhibition Catalogue*, ed. Marcin Wołoszyn, Tomaszów Lubelski–Leipzig–Lublin–Rzeszów: Muzeum Regionalne im. Dr. Janusza Petera, 2012, 448 p.]**

In 2012, a catalogue was published, presenting results of archeological work that had taken place in years 2010–2011 in Czeremno, accomplished by the Archeological Institute of Maria Curie-Skłodowska's University in Lublin, under the supervision of Prof. Andrzej Kokowski and Marcin Piotrowski. The catalogue was published as a result of the exhibition *Czerwień – a burgh between the East and the West (Czerwień – gród między Wschodem a Zachodem)* in Dr. Janusz Peter's Regional Museum in Tomaszów Lubelski.

The catalogue consists of a preface and three main parts. The preface includes short inaugural texts regarding the exhibition opening, but also a brief outline of a project of the archeological excavations in Czeremno. Authors of the texts explain that Czeremno village in Tomaszów Lubelski County near the Polish-Ukrainian border is believed to be the former Czerwień, a town with historical significance. They have also proved that this area's research is still considered to have been neglected, so the the latest findings really contribute to the world of science.

The first part, *Introductory essays (Eseje wprowadzające)*, contains a list of all the papers written by the authors such as: Marcin Wołoszyn, *Red Cities – Between Fascination and Oblivion* [*Grody Czerwieńskie – między fascynacją a zapomnieniem*] (p. 81–105); Andrzej Janeczek, *The Burgh in Czeremno (Czerwień) on a Map of Galicia from 1779–1783 („The Mieg map”)* [*Grodzisko w Czeremnie (Czerwień) na mapie Galicji z lat 1779–1783 (tzw. mapa Miega)*] (p. 105–117); Marek Florek, *Archeological Studies of the Early Medieval Settlement in Czeremno by Huczwa (Until 2008)* [*Badania archeologiczne wczesnośrednio-wiecznego zespołu osadniczego w Czeremnie nad Huczwą (do 2008 roku)*] (p. 117–151);

Jerzy Kuśnierz, *Czermno (Czerwień) – the 13th century's Downfall in the View of Archeological Data* [*Czermno (Czerwień) – upadek grodu w XIII wieku w świetle danych archeologicznych*] (p. 151–185); Marcin Piotrowski, Marcin Wołoszyn, *Czermno (Czerwień) – studies in 2010–2011* [*Czermno (Czerwień) – badania w latach 2010–2011*] (p. 185–243); Alexander Musin, *From Eternal Rome to the Bug River – Pilgrim Signs from Czermno (Czerwień)* [*Z wiecznego Rzymu nad Bug – znaki pielgrzymie z Czermna (Czerwienia)*] (p. 243–257); Alexander Musin, *A Trail from the Ppast: Draichyn Type of Seals and Medieval Borders* [*Na szlakach przeszłości: plomby typu drohiczyńskiego i średniowieczne granice*] (p. 257–281); Mirosław Piotr Kruk, *The first Collections and Exhibition of the Eastern Church's Treasures on the Area of the Former Rzeczpospolita – Until 1914* [*Pierwsze kolekcje i wystawy zabytków sztuki Kościoła Wschodniego na ziemiach dawnej Rzeczypospolitej – do 1914 roku*] (p. 281–330). The essays mentioned above describe findings in the area of former Czerwień – seals, jewellery, devotional objects and unique Drohichyn type seals.

Part two consists especially of *Catalogue notes* (*Note katalogowe*) that explain a lot of archeological and historical aspects and thus show how to properly place and categorize all types of the findings. These notes cover one hundred pages (p. 331–431) that picture trade, the monetary system or military art, but they also portray a matter of goldsmithing or metallurgy as well as everyday life issues, clothing or even hygiene and health. They provide a great basis for every reader that can be sure to gather basic historical and archeological knowledge connected with described area. Thanks to these notes, essays or pictures of the latest findings, the catalogue represents a very useful tool for orientation. The perfectly suitable conclusion is the *Calendar* (*Kalendarium*) prepared by Jerzy Kuśnierz which offers medieval Ruthenian chronicles' records about Czerwień.

Part three consists of two catalogues which are filled with pictures of the findings – the first of those catalogues shows a strict division into treasures, sigils and seals. The second one lists all the other findings, for example, different kinds of pendants.

The whole catalogue is supplemented by maps and pictures of the exhibited items which complete the whole text. It is translated into Polish, Russian, Italian and German.

Anna Madej-Wójcik

Aneta Gołębiowska-Tobiasz, Michał Burzak, *Monumental Polovtsian statues in Eastern Europe – the archaeology, conservation and protection*, London: Versita Ltd., 2014, 195 p., 60 il. [Анета Голембьовска-Тобияш, Михал Бужак, *Монументальные половецкие каменные изваяния в Восточной Европе – археология, реставрация и охрана*, Лондон: Версита Лтд., 2014, 195 с., 60 ил.]

Интерес к половецким изваяниям – уникальным произведениям массового монументального искусства, издавна существовал в тех землях, которые в раннем средневековье занимал этот степной народ, – в Украине и в России. Специальной литера-

туры накопилось немало. Большинство трудов написаны по-русски, часть – по-украински, серьезные издания осуществлены и на польском языке. Но книги такой направленности, как рецензируемый труд краковских исследователей Анеты Голембовской-Тобиаш и Михала Бужака, в науке до сих пор не существовало. Как не существовало и самой профессиональной деятельности, специально направленной не только на изучение, но также на реставрацию и сбережение раннесредневековой монументальной скульптуры степной зоны Евразии, немало пострадавшей от неприятия предшествующей культуры позднейшими обитателями указанного региона.

Книга польских археологов фактически состоит из двух органично связанных друг с другом частей. В первую входят разделы I–V, а во вторую – разделы VI–VII. Всем разделам книги в равной мере присущ широкий аналитический обзор научной литературы, касающейся освещаемых вопросов. Вполне понятна самостоятельная ценность такого изложения.

I раздел книги внешне содержит автобиографические сведения, однако на деле демонстрирует строгий источниковедческий подход авторов, совершивших несколько экспедиций ради изучения и работы с подлинниками.

II и III разделы книги важны для понимания истории и специфики мировоззрения кыпчаков-половцев, объясняющих само появление и бытование традиции создания портретных монументальных изваяний, связанных с ними культовых сооружений, а также форм поклонения скульптурам. С должными подробностями рассмотрены здесь как средневековые письменные источники, так и основные особенности изучения этих вопросов предшествующей и современной исторической и археологической наукой, а также относящиеся к делу материалы традиционных культур тюркоязычных народов, представленные в трудах этнографов. Без всего этого было бы невозможным понимание давно прошедших явлений духовной и политической жизни. Вместе с тем, конкретные формы оформления сакральных мест тюркских народов раннего средневековья, тщательно проанализированные в разделе III.4, закладывают научные основания для возможного практического ландшафтно-музейного экспозиционного оформления памятников монументальной скульптуры половцев в будущих резерватах. Этому способствуют и данные, приведенные в следующем разделе.

IV раздел книги содержит не только данные об известном ареале половецкой скульптуры, но и подробную историю формирования знаний о нем, также как и указания на число изваяний, показательное для понимания массового характера их изготовления в половецком обществе. Оправданно говорится о том, что длительное существование такой своеобразной культовой деятельности свидетельствует о стабильной политической и экономической жизни половецкого общества. Прекращение изготовления и установки скульптуры вызвано разгромом половецких объединений монголами в XIII веке. Раздел V представляет систематику половецких скульптур, основанную на различиях значимых особенностей их облика.

Анализируются ранее предложенные схемы членения материала. Наиболее удачной признана систематизация изваяний, предложенная Светланой Плетневой в 1974 г. Все изваяния разделяются на три группы – стеловидные скульптуры, изображающие мужчин или женщин. Внутри групп учитываются иные различительные признаки. Среди них особое значение имеет поза изображенного: стоячая или сидячая, а отражение реалий костюма и головных уборов служит источником для определения социальных групп, к которым принадлежал прототип изображенного человека.

VI и VII разделы фактически являются самостоятельной частью книги. VI-й посвящен археологическому и музеологическому описанию коллекции половецкой скульптуры, некогда собранной на территории метеорологической станции в так называемом Великоанадольском лесу и ныне сохраняемой в ней в качестве музейной экспозиции под открытым небом. Специальное внимание уделено сохранности каждого изваяния на 2006 г. Повреждения скульптур оказались многочисленны и разнородны. Это обстоятельство побудило авторов книги произвести здесь реставрацию половецкой скульптуры, а масштабы восстановительной работы превратили этот музей в своеобразный полигон отработки методов такой реставрации. Настоящий раздел книги подробно знакомит с конкретными процедурами проделанной реставрации каждого из памятников монументального искусства. Дальнейшее изучение половецкой скульптуры в музейных собраниях Украины привело к обобщению проблем их сохранения в масштабах всей Восточной Европы (раздел VII). Привлекает внимание, что и в этой части книги авторы уделили должное внимание истории отношения населения к раннесредневековой монументальной скульптуре. Раздел завершается рассмотрением результатов реставрационных работ, эффективность которых подтверждена в монографии представительной серией конкретных примеров их применения. Благодаря этому основательны рекомендации в деле сбережения сохранившихся объектов исторического наследия, даваемые опытными авторами книги.

Заключением к книге служит раздел VIII, анализирующий состояние раннесредневековой монументальной скульптуры в Восточной Европе от проявленного к ней общественного интереса с конца XVIII – начала XIX веков и до наших дней. Поставлены задачи дальнейшего изучения половецкой скульптуры, ее сохранения и реставрации, так же как и связанной с нею просветительной работы. Итоги как археологических и историко-культурных, так и реставрационных и музеологических исследований, изложенные в книге, имеют широкое значение, так как по сути предоставляют образцы для изучения и консервации любой категории разновременной монументальной каменной скульптуры Евразии.

Использованная литература (которая не ограничивается приведенной в конце труда библиографией – см. тексты разделов II и III) выявляет глубокие знания предмета исследования и широкий кругозор авторов книги в области средневековой скульптуры степной зоны не только Восточной Европы, но Евразии в целом. Эта

особенность книги выгодно отличает ее от ряда специальных публикаций наших коллег.

Книга обильно и хорошо иллюстрирована. Благодаря этому она не только дает представление об облике половецкой скульптуры, но и точно документирует сложный процесс и результаты проделанной реставрации и консервации памятников. Важное значение имеют карты с подробным указанием святилищ, сохранившихся половецкие скульптуры. Составить их было нелегко.

Тем самым не только новаторский, но и глубоко научный, по-настоящему исследовательский характер рецензируемой книги очевиден. Перед нами реальный вклад не только в современную науку, но и в современное музейное дело и культуру.

Игорь Кызласов

Márta Font, *Völker – Kultur – Beziehungen. Zur Entstehung der Regionen in der Mitte des mittelalterlichen Europa*, Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2013, 370 s. (Seria: *Studien zur Geschichtsforschung des Mittelalters*, Band 29) [Марта Фонт, *Народы – культуры – взаимоотношения. К возникновению регионов в центре средневековой Европы*, Гамбург: Издательство Др. Ковач, 2013, 370 с. (Серия: *Исследования по истории Средневековья*, т. 29)].

Книга профессора Марты Фонт (Университет города Печ, Венгрия) подготовлена в жанре *Variorum reprint* и собирает под единой обложкой работы разных лет, изданные на немецком языке. Эти исследования охватывают весьма широкий спектр – и по тематике, и по хронологии, и по географии. Чтобы не потеряться в этом разнообразии, автор идет по пути рамочной систематизации представленного материала. Структура книги выглядит следующим образом:

- I. Средневековое Венгерское королевство и его народы
  1. К проблеме христианизации Венгрии (с. 15–27)
  2. Славяне в Венгрии в эпоху Арпадов (с. 29–38)
  3. Расселение, интеграция и толерантность в средневековой Венгрии (с. 39–50)
  4. Латиняне и православные: народы и обычаи в средневековой Венгрии (с. 51–59)
  5. Города в Венгерском королевстве до 1526 г. (с. 61–87)
  6. Паломники, крестоносцы и торговцы на пути по Дунаю в XI–XIII веков. (с. 89–95)
  7. Эде Петрович, исследователь истории средневекового университета в городе Печ (с. 97–107)
- II. На границе двух культур: Венгерское королевство и Галицко-Волынское княжество
  1. Политические взаимоотношения между Венгрией и Киевской Русью в XII веке (с. 111–131)

2. Венгерские предприятия в Галиче в XIII веке (с. 133–142)

3. Венгрия, Польша и Галицко-Волынское княжество в XIII веке (с. 143–156)

4. Некоторые представители мелкой знати на польско-венгерском пограничье и их потомки (с. 157–174)

III. Киевская Русь с перспективы различных источников

1. Очерк истории восточноевропейских городов в раннем Средневековье (с. 177–190)

2. Образ соседней страны (Венгрии) в древнерусских источниках (с. 191–201)

3. Продолжение законотворческой традиции Киевской Руси на землях восточных славян (с. 203–219)

IV. Регионы в центре Европы

1. Центральная Европа – Восточная Европа – Центрально-Восточная Европа? Замечания к истории возникновения европейского региона в раннем Средневековье (с. 223–245)

2. Корона и меч (с. 247–283)

3. Горы, границы и политика (с. 285–292)

4. Венгрия и Киевская Русь около 1000 г. (с. 293–302)

5. Венгрия, Болгария и папство на рубеже XII–XIII веков (с. 303–311)

Такой подход надо признать удачным. Он позволяет автору представить результаты своих исследований в весьма разных областях, и в то же время выстроить систему подачи материала. Работы в жанре *Variorum reprint* хороши тем, что позволяют читателю сделать выбор в пользу отдельных статей, следуя своему личному читательскому интересу. В рамках данного обзора мы обратимся лишь к двум статьям, но попытаемся на их основании показать характерные особенности всей книги.

Статья Эде Петрович, *исследователь истории средневекового университета в городе Печ* (часть I) посвящена как университету в городе Печ – первому университету в Венгрии (основан в 1367 г.), так и исследователю его истории Эде Петровичу. Работы Э. Петровича вышли между 1966 и 1972 гг. и были инспирированы широко отмечаемым в 1967 г. юбилеем основания университета. За этим юбилеем, однако, скрывалась важная научная проблема: продолжал ли университет свою работу в XV веке. или прекратил существование уже в конце XIV века. (обе точки зрения представлены в венгерской историографии)? Автор наглядно показывает колебания Э. Петровича между исторической добросовестностью и локальным патриотизмом: первая подталкивала исследователя к выводу об упадке университета, второй заставлял искать аргументы в пользу продолжения его работы. И хотя Э. Петрович в конечном счете сделал выбор в пользу локального патриотизма и „пролонгировал” существование университета на XV век. (эта точка зрения в итоге не получила поддержки в современной историографии), собранный и обработанный им уникальный материал вывел исследования по истории университета в Пече на качественно новый уровень. Работы Эде Петровича были

и остаются важным этапом в изучении истории средневековых университетов в Центрально-Восточной Европе, а данная статья Марты Фонт является весьма интересной работой в редком жанре „история историка“.

В статье *Некоторые представители мелкой знати на польско-венгерском пограничье и их потомки* (часть II) систематизирована и проанализирована информация о восьми семейных кланах, имевших (или получивших) владения на северном пограничье Венгерского королевства. В центре внимания автора находятся персоналии XIII века, в некоторых случаях удается проследить и судьбу их потомков в XIV веке. Представленный материал показывает весьма интенсивную жизнь северного венгерского пограничья. Вопреки распространенному мнению, эта жизнь отнюдь не была замкнутой: среди представителей мелкой знати были выходцы из Польши, Чехии, Руси (внимание историков из восточнославянских стран не может не привлечь, например, Maladik Rhutenus), они получали свои владения за военные заслуги и выполнение дипломатических миссий практически во всех соседних с Венгрией государствах. Поскольку история Венгрии XIII века весьма плохо обеспечена нарративными источниками, метод и результаты работы автора представляют собой несомненный интерес и в методологическом плане. Фактически данная статья Марты Фонт является небольшим, но законченным исследованием в жанре региональной микро-истории, основанным на актовом материале. Модель такого исследования может быть применена к другим регионам средневековой Венгрии и иных государств Центрально-Восточной Европы.

Подводя итог, можно сделать вывод, что собранные в книге статьи представляют значительный интерес – и по своей тематике, и по примененным методологическим подходам. Без сомнения, книга Марты Фонт найдет своего читателя среди историков-медиевистов из разных стран. Автору данных строк было особенно приятно держать в руках эту книгу с характерной синей обложкой, т. к. в серии *Исследования по истории Средневековья* (т. 16) вышла в 2002 г. его собственная работа. Хочется обратить внимание коллег как на данную серию, так и на работу издательства *Verlag Dr. Kovač* (Гамбург, Германия), специализирующегося на издании научной литературы по истории и другим гуманитарным наукам.

Алексей Мартынюк

Мирослав Волощук, „Русь” в Угорському королівстві (XI – друга половина XIV ст.): суспільно-політична роль, майнові стосунки, міграції, відп. ред. Л. В. Войтович, Івано-Франківск: Лілея-НВ, 2014, 496 с. [Miroslav Vološčuk, „Rusi” v Uhorskom kráľovstve (XI – druhá polovica XIV stor.): sociálna a politická úloha, majetkové pomery, migrácia, red. L. V. Voytovyč, Ivano-Frankivsk: Lileja-NB, 2014, 496 s.]

V roku 2014 vyšla obšírna monografia pracovníka Príkarpatskej Univerzity Vasyła Stefanyka v Ivano-Frankivsku, dr. Myroslava Vološčuka. Je venovaná problematike identifikácie osôb, migrantov prichádzajúcich na územie Uhorského kráľovstva z Rusi. Autor

identifikoval predovšetkým zástupcov politickej a vojenskej elity, duchovenstva a tiež zástupcov nižších tried. Chronologicky práca pokrýva obdobie vinúce sa od jedenásteho do druhej polovice štrnásteho storočia.

Kniha Myroslava Vološčuka je postavená na obrovskom množstve primárnych zdrojov, akými sú ruské letopisy; uhorské, poľské, nemecké a české kroniky; ročníky; dokumenty vydané tlačou nachádzajúce sa v archívoch Ukrajiny (Užhorod, Berehovo), na Slovensku (Bratislava, Levoča, Prešov, Bardejov, Spišská kapitola), v Maďarsku (spracovaná bola väčšina centrálnych a miestnych archívov); a právnych dokumentov. Nedieľnou súčasťou sú tiež vedecké výsledky ukrajinskej, slovenskej, maďarskej, poľskej, ruskej, srbskej, rumunskej, chorvátskej, rakúskej a nemeckej historiografie.

Štruktúra práce sa skladá z úvodu, šiestich kapitol a zhrnutia. Prvé dve kapitoly sú úvodom do problematiky výskumu. V prvej kapitole s názvom *Historiografia problému. Pramenná báza. Metodológia* (s. 19–91) autor komentuje stav výskumu tejto témy od neskorého osemnásteho do začiatku dvadsiatehoprvého storočia, pramene k výskumu témy a metodológiu prístupu. V druhej kapitole s názvom *Rus – Ruthenia – Haličská zem* (s. 92–141), autor interpretuje terminológiu, ktorá v stredovekých uhorských dokumentoch opisovala ruské krajiny a Rusínov.

Najdôležitejšiou časťou práce je tretia, štvrtá a piata kapitola. V nich sú podrobené analýze konkrétne osoby z Rusi, ľudia s etnonymom „ruský“ a tiež tí, ktorí by hypoteticky mohli pochádzať z ruských krajín. Prvá z týchto otázok je dokumentovaná medajlónmi uhorských Rusínov, ktorých pôvod je dobre dokumentovaný v prameňoch. Tieto biogramy sú súčasťou tretej kapitole nazvanej *Genere Rutheni* (s. 142–209). Celkovo sú v štyroch pododdieloch zahrnuté životopisy 24 osôb. Ďalší problém – identifikácia osôb nesúcich prezývku „ruský“ bola analyzovaná v štvrtej kapitole s názvom *Dictus Orrus. Nazývaný Rusom. Problém identity* (s. 210–251). Tu nájdeme životopisy 28 osôb. V piatej kapitole sa pozornosť venuje hypotetickým osobám s menami ruského/haličského pôvodu. *Persone nomine Ruth/Rus/Ruz* (s. 252–283) analyzuje biogramy ľudí, ktorí teoreticky mohol prísť z Ruských krajín. V dvoch pododdieloch nájdeme 31 biogramov.

Posledná, šiesta kapitola sa nazýva *Disputatio* (s. 284–389). V nej boli podrobené detailnej analýze biografie troch známych haličských bojarov prvej polovice trinásteho a tiež štrnásteho storočia: Sudyslava a jeho dedičov; Petra Petena; Dimitriho Diad'ka. Záver sa rozťahuje na s. 390–395. Prácu uzatvára zoznam prameňov a literatúry (s. 396–446), tabuľky (s. 447), menný (s. 448–467) a zemepisný (s. 468–495) index.

Monografia Myroslava Vološčuka je charakterizovaná hlbokou a dôkladnou analýzou všetkých autorovi dostupných zdrojov a rozsiahlej historiografie. Autor starostlivo komentuje dôležité otázky aktuálnej diskusie a sám vyvolal množstvo otázok, ktoré doteraz nepriťahovali veľkú pozornosť historikov. Kniha Myroslava Vološčuka je nepochybne dôležitým a cenným vkladom do historického výskumu stredovekej Rusi a tiež stredovekej histórii Maďarska, Slovenska a iných krajín.

Vitaliy Nagirnyy

Dominik Chudzik, *Chrześcijańska architektura sakralna Rusi halickiej i wołyńskiej (do końca panowania Daniela Romanowicza)*, Rzeszów: MITEL, 2014, 283 s. [Dominik Chudzik, *Christian Sacral Architecture of Galicia-Volhynia (Until the End of Daniel Romanovych 's Reign)*, Rzeszów: MITEL 2014, 283 p.]

The paper by Dominik Chudzik published in Rzeszów in 2014 is a well-organized collection of sacral architecture monuments dated back to medieval Rus'. The author tried to picture a full portrait of described objects in a very precise way, often with variety of illustrations, maps, photos and drawings of their remains. The first chapter, titled *History and condition of studies over monuments of Galicia-Volhynia* is a very detailed description of the topic's research. It examines the oldest survey that took place in the half of the 17th century, starting with work of a Greek Catholic Bishop of Chełm Diocese, Jan Jakub Susza, *Phoenix Tertiatu Redivivus sive Imago longe vetustissima Virginis Matris Chelmensis (...)*, published in 1648. The description ends with an analysis of the research in area of Chełm around 2009.

The second chapter, *The monuments catalogue*, is indeed a catalogue of historical monuments in an alphabetical order, divided into three subsections. The first one describes objects built of stone in such places as Chełm, Volhynian Dorogobuzh, Zvenyhorod, Fedorivka, Lutsk, Volodymyr-Volynskiy, Poberezzja, Przemyśl, Stołpie, Vasyliv. It also contains a list of buildings that belong to an early-medieval Galicia category, as the Dormition Cathedral of Blessed Mother of God in Krilos or the Orthodox Church of Saint Panteley near Halych. In the second subsection, the author focuses on wooden architectural monuments, located mostly in Ivano-Frankivsk and Lviv Oblast, and in Sanok county in the Subcarpathian Voivodeship. Here we can see the majority of wooden Orthodox churches, as the one of the Saint Paraskevas Piatnica in Zvenyhorod. The last subsection is titled *Temples known only from primary sources*. Those would be the ones located in Bielsk Podlaski, Chełm, Drahichyn, Hrubieszów, Mielnik, Uhruzk or Volodymyr-Volynskiy with its Orthodox church of Saint Dmitryi. Every monument's description is supplemented by its historical background, based on primary sources and recent studies, with a suggestion concerning its reconstruction, dating or dedication analysis. We can also find records of eventual burials inside each object or on their cemeteries outside.

The third chapter is titled *Sacral architecture of Galicia-Volhynia until the end of Daniel Romanovich 's reign*. The author writes about monuments' location, he gives details regarding the problem of the space structure, different techniques of construction and used materials. In three subsections (*The development of stone-laying architecture, Early medieval sacral wooden architecture of Galicia-Volhynia and Floors, roof coverings, design and accessories of an Orthodox church*), we can also find some information about architectural decorations used in stone-layed objects as well as references to some of brick shrines.

The summary contains a list of author's conclusions concerning visible differences between the 12th century's stone architecture of Galicia and Volhynia. The Duchy of Galicia

was under the influence of Byzantine, Ruthenian and Roman style, while the Volhynia got its pattern only from the Ruthenian architecture. In author's opinion, this has changed during the reign of Daniel Romanovich who connected both Galician and Volhynian architecture together. The 13th and 14th century was the time when the gothic architecture spread. The author encourages more profound studies on the wooden architecture, especially in Volhynia. Furthermore, he shows a few examples of an influence of residential building structures on stone-laid shrines. Finally he summarizes that Galicia-Volhynia, being on the border of the Orthodox Eastern world and the Catholic West, reflected this fact in its 12th century's architecture through apparent interfusion of each characteristics typical for Kievan Rus', Poland and the Kingdom of Hungary.

Anna Madej-Wójcik

Леонтій Войтович, Лев Данилович, князь галицько-волинський (бл. 1225 – бл. 1301), Львів: Національна академія наук України, Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича, 2014, 314 с. [Leontij Vojtovyč, *Lev Danielovič, knieža haličsko-volynské (okolo 1225 – okolo 1301)*, Lvov: Národná akadémia vied Ukrajiny, Inštitút ukrajínistiky I. Kripjakeviča, 2014, 314 s.]

Monografia *Лев Данилович, князь галицько-волинський (бл. 1225 – бл. 1301)* [*Lev Danielovič, knieža haličsko-volynské (okolo 1225 – okolo 1301)*] je dielom popredného ukrajinského historika – medievistu, profesora Leontija Vojtovyča, ktorý pôsobí ako vedúci Katedry stredovekých dejín a byzantológie na Lvovskej národnej univerzite Ivana Franka. Leontij Vojtovič sa dlhodobo venuje genealógii ruských kniežat v stredoveku a samozrejme kladie dôraz na Romanovičovcov – haličsko-volynskú vetvu Rurikovcov. Daná práca je rozšírením a doplnením autorovej predchádzajúcej monografie: *Князь Лев Данилович* (Львів 2012, 181 с.) [*Knieža Lev Danielovič*, Lvov 2012, 181 s.]. V tomto diele doplnil niektoré pramene, ako aj množstvo, najmä zahraničnej, odbornej literatúry. Podľa vlastných slov sa oprel hlavne o nové pramene, ako aj o poľských, maďarských a českých historikov. My doplníme, že reflektuje aj slovensku historiografiu (Alexander Avenarius, Richard Marsina, Martin Homza).

Osoba kniežaťa Leva Danieloviča, syna haličsko-volynského kniežaťa a kráľa Daniela Romanoviča, patrí k najzreteľnejším z dynastie Romanovičovcov, ale tiež k tým kontroverzným v dejinách Haličsko-volynska. Táto kontroverznosť vyplýva najmä z faktu, že najobširnejší dobový, ruský letopis – *Letopis haličsko-volynský*, ho v svojej prvej časti – v tzv. *Letopise haličskom* hodnotí pozitívne a v druhej časti – v tzv. *Letopise volynskom* už oveľa nelichotivejšie a vytvára o ňom obraz „nespravodlivého kniežaťa“. Autor monografie sa okrem iného zamýšľa aj nad tým, aké sú príčiny takejto zmeny obrazu v domácom letopise, pretože rozlúštiť túto otázku sa ešte východoeurópski historici nepodujali. Na vyriešenie tohoto problému sa odhodlal prejsť celú škálu prameňov, podľa vlastných slov, najmä latinských. Tým sa doposiaľ neprikladala až taká pozornosť, hoci práve oni poskytujú nový, obohacujúci pohľad na mnoho zaujímavých epizód zo života kniežaťa Leva Danie-

loviča. Medzi takéto kľúčové udalosti patria napr. jeho účasť vo vojne o Babenberské dedičstvo; zápas o krakovský stolec; politické kontakty s uhorským, českým či nemeckým kráľom, s poľskými kniežatami a vládcami Zlatej Hordy; vzájomné vzťahy medzi samotnými Romanovičovcami; zavraždenie litovského kniežata Vaišvilkaša; rozšírenie Levovho teritoriálneho vplyvu, atď.

Práca je členená chronologicky a začína od Levovej mladosti. Keďže rok jeho narodenia nie je presne známy, autor sumarizuje informácie a predkladá hypotézu, v ktorej sa sám kloní k roku 1225. Popisuje účasť mladého kniežata na politike jeho otca Daniela; okolnosti jeho svadby s uhorskou princeznou Konštanciou, dcérou Bela IV., atď. Jadro práce opisuje Levovu samostatnú vládu ako haličskeho kniežata od roku 1264, keď zomrel jeho otec Daniel a začali sa spory medzi Romanovičovcami o jeho dedičstvo. Lev pokračoval v politike svojho otca a naďalej sa angažoval v strednej Európe. Neskôr sa mu podarilo opätovne zjednotiť dedičstvo svojho otca pod svoju vládu.

Vo všeobecnosti sa dá konštatovať, že osoba kniežata Leva Danieloviča je v pomere k jeho významu v dejinách komplexne spracovaná slabo, čo aj autora podnietilo k napísaniu danej monografie. Táto práca je dobre spracovanou monografiou o jednom z najpoprednejších kniežat z rodu Romanovičovcov.

Viktor Adamovič

Przemysł i ziemia przemyska w strefie wpływów ruskich (X – połowa XIV w.), pod red. Vitalja Nagirnego i Tomasza Pudłockiego, Kraków 2013, 218 s. [Seria: Colloquia Russica. Series II, vol. 1]

Druhou sérii sborníku *Colloquia Russica* otvára sborník venovaný Přemysli a přemyslské zemi od 10. do poloviny 14. stolecí. Ačkoli je v názvu sborníku výslovně akcentován aspekt vztahů polsko-ruských, autoři jednotlivých statí se neomezují jen na ně. Přemyslský region byl totiž po celý středověk polem, na němž se protínaly zájmy všech výrazných hráčů v oblasti – v prvé řadě Polska, Rusi a Uher, nicméně důležité souvislosti pojí tuto oblast i s českou zahraniční politikou.

Jak napovídá už název sborníku, mezinárodněpolitické souvislosti ve sborníku dominují. Problémy raně středověkých dějin se zabývají Oleksandr Golovko (tažení kyjevského knížete Vladimira na Přemysl, Červen a další hrady) a Márta Font (Přemysl v politice uherských králů v raném středověku). Roli Přemysle v bojích o Halič na konci 12. stolecí reflektuje stať Mikhaila Yurasova.

Jádro sborníku tvoří bitva u Jaroslavi (1245) jako jedna z klíčových událostí dějin přemyslské země ve středověku (studie Andriye Fedoruka, Djura Hardiho a Volodymyra Petegyryche, jenž přidává pohled archeologie). Reflektovány jsou i další problémy rusko-polsko-uherských politických kontaktů ve 13. stolecí: Vitaliy Nagirnyy zkoumá rusko-uherské jednání v Sanoku v roce 1205, Myroslav Voloshchuk sleduje chronologické aspekty tématu Terra Praemiziensi v Uherském království ve 13. stolecí. Osobnosti Lva Daniloviče, do značné míry dědice ambiciózní středoevropské politiky svého otce Daniila

Romanoviče, se věnují Leontiy Voytovych a Norbert Mika. Neméně důležité jsou studie, které se politickým dějinám a vztahům mezi středoevropskými panovnickými dynastiemi vymykají a koncentrují se na hmotnou kulturu regionu (Edyta Anna Marek o raně středověkých křesťanských hřbitvech v oblasti jihovýchodního Polska a západní Ukrajiny), geografické určení letopisných lokalit přemyšlské oblasti (Yaroslav Pogoralsky) či se zabývají literárními prameny mapujícími dění v tomto kraji (Ryszard Grzesik o tématu Haličské Rusi v *Uhersko-polské kronice*). Stranou nezůstává ani problematika multietnicity širšího regionu (Stanislaw Sroka o etnické koexistenci ve středověkém Bardějově) a odraz kulturně-etnické pestrosti tohoto kraje v zrcadle dějin práva: stať Andrzeje Janeczka zkoumá hypotézy o německém právu v předlokační Přemyšli.

Tak jako téma Přemyšle a přemyšlské země propojuje dějiny několika středověkých států, jsou i v kolektivu autorů sborníku zastoupeni badatelé z celé řady zemí: Ukrajiny, Polska, Maďarska, Srbska a Ruska. Zároveň se zde střídá optika historické vědy, archeologie a filologie, díky čemuž výsledný sborník umožňuje velmi detailní, ale zároveň mnohostranný pohled na dějiny strategicky exponovaného regionu, v němž po celá staletí stále znovu se střetávaly politické ambice několika panovnických domů, ale také se zde setkávaly a vzájemně obohacovaly kultury střední a východní Evropy.

Jitka Komendová

Vidurio Rytų Europa müšio prie Mėlynujų Vandeny metu, mokslinė redakcija Vytas Jankauskas ir Vitaliy Nagirnyy, Kaunas–Kraków 2013, 240 p. (Colloquia Russica. Series II, vol. 2) [Центрально-Восточная Европа во времена Синеводской битвы, под ред. Витаса Янкаускаса и Виталия Нагирино, Каунас–Краков 2013, 240 с. (Colloquia Russica. Series II, vol. 2)]

Представленный сборник, изданный во II-ой серии *Colloquia Russica*, основан на материалах конференции „Центрально-Восточная Европа во времена Синеводской битвы“, которая состоялась в Университете Витовта Великого (Каунас, Литва) 24–26 мая 2012 г. Конференция была посвящена 650-летней годовщине битвы у Синих Вод в 1362 г. В качестве организаторов конференции выступили Университет Витовта Великого (Каунас), Институт истории Литвы (Вильнюс) и Институт истории Ягеллонского университета (Краков). В конференции приняли участие (и предоставили материалы для рассматриваемого сборника) историки из Литвы, Польши, Украины, Беларуси и России.

Сборник открывается статьей Зигмантаса Кяупе (Каунас, Литва), посвященной памяти известного украинского ученого Феликса Шабульдо, в научном наследии которого битва при Синих Водах занимает особое место (с. 11–13). Следующие затем статьи сборника можно разделить на три раздела: исторический, источниковедческий и историографический. Разумеется, это деление несколько условно (вопросы источниковедения и историографии неизбежно затрагиваются в каждой

работе), однако позволяет выделить в общем массиве статей несколько тематических групп.

Исторический раздел открывает статья Мариуса Щавинскаса (Клайпеда, Литва) *Сарацины, татары, монголы: схожие образы, но разные роли во времена крестовых походов XIII века* (с. 27–43). Тесно связаны между собой по тематике и источниковой базе (основным источником по данной теме является *Галицко-Волынская летопись*) статьи Виталия Нагирного (Краков, Польша) *Литва во внешней политике галицко-волынских князей в последние годы Даниила Романовича (конец 1250-х гг. – 1264 г.)* (с. 59–64), Леонтия Войтовича (Львов, Украина) *Литовская политика князя Льва Даниловича* (с. 65–79) и Дариуша Домбровского (Быдгощ, Польша) *Перед битвой над Синими Водами. Русские княжества и Литва в первые десятилетия после монгольского нашествия* (с. 81–88). Статьи этого цикла дают хорошее представление о начальном этапе русско-литовско-монгольских взаимоотношений во второй половине XIII века и являются своеобразной предысторией к битве у Синих Вод.

Такими же характеристиками обладает вторая группа статей, посвященная взаимоотношениям Литвы, Руси и Орды в XIV веке. Сюда относятся работы Бориса Черкаса (Киев, Украина) *Синеводская битва 1362 г. в контексте политической истории западных улусов Золотой Орды (Крыло Мувала) во время „Великой Замятни“* (с. 137–149), Ярослава Пилипчука (Киев, Украина) *Сепаратизм в Золотой Орде: европейский вектор (XIV–XV вв.)* (с. 151–167) и Андрея Любого (Минск, Беларусь) *Татарская „война“ князя Андрея Ольгердовича Полоцкого* (с. 169–177). Данные статьи позволяют вписать Синеводскую битву в общий контекст истории Золотой Орды второй половины XIV века.

В статьях литовских исследователей Витаса Янкаускаса (Каунас, Литва) *Политика Кориатовичей на Подолье во второй половине XIV века* (с. 179–186) и Римвадаса Петраускаса (Вильнюс, Литва) *Мир Гедиминовичей: формы и методы международной политики и дипломатической деятельности во второй половине XIV века* (с. 187–197) рассматривается теоретическая проблематика внутренней и внешней политики представителей правящей династии ВКЛ. Андрей Федорук (Черновцы, Украина) свою статью *Литовские князья из династии Гедиминовичей и распространение огнестрельного оружия в русских землях (конец XIV – первая половина XV вв.)* (с. 199–213, иллюстративная часть с. 214–216) посвятил военно-техническим вопросам. Статья Стивена Роуэлла (Вильнюс, Литва) *Взаимоотношения ВКЛ и татар глазами Католической церкви в XV в.: предположение и влияние* (с. 227–233) описывает взаимоотношения Литвы и Орды в общеевропейском контексте.

В источниковедческом разделе рассматриваются не только письменные, но также визуальные и картографические источники. В статье Алексея Мартынюка (Минск, Беларусь) *Татары в средневековой миниатюре: враги, соседи, союзники* (с. 45–52, иллюстративная часть с. 53–58) приведен редкий визуальный материал по истории Золотой Орды, в том числе и миниатюра из *Лицевого летописного свода XVI века* с изображением Синеводской битвы. Ромас Батура (Вильнюс, Литва) в иссле-

довании *Битва на Синих Водах в исторических источниках* (с. 89–94) дает обзор всех известных источников по проблеме, а также предпринимает попытку расширить круг источников за счет фольклорного материала XIX–XX веков. В статье Сергея Полехова (Москва, Россия) *Летописная Повесть о Подолье как исторический источник* (с. 95–116) дан подробный анализ этого важнейшего источника и обосновывается датировка его создания (30-е гг. XV в.). Лайма Бучевичайте (Каунас, Литва) в статье *Синие Воды в контексте исторической картографии* (с. 117–126) рассматривает бытование названия „Синие Воды” в картографической традиции XVI–XVIII веков, что позволяет уточнить данные письменных источников. В статье Яна Тенговского (Белосток, Польша) *Ольгердовичи, Друцкие и Гольшанские, или еще раз о происхождении Софии Гольшанской и о Корибуте Ольгердовиче* (с. 217–225) на основании скрупулезного анализа имеющегося источникового материала уточняется происхождение и родственные связи Софии Гольшанской, четвертой и последней жены польского короля Ягайло.

Историографический раздел представлен всего двумя работами, обе из которых, однако, носят программный характер. Статья Феликса Шабульдо († 4.05.2012) *К итогам изучения битвы у Синих Вод 1362 г.* (с. 15–25) подводит итог многолетних исследований этого ученого по „Синеводской проблеме”. Автор еще раз формулирует свою позицию и подчеркивает значение битвы как важнейшего этапа включения украинских земель в состав Великого княжества Литовского и, как следствие, превращения ВКЛ в одно из крупнейших государств Центрально-Восточной Европы. С этой точкой зрения полемизирует Елена Русина (Киев, Украина), которая в своей статье *Синеводская битва в современной украинской историографии* (с. 127–135) указывает на ограниченность источниковой базы и предостерегает от переоценки значения битвы у Синих Во. Данные статьи показывают, что научные дискуссии по Синеводской битве и в целом по историческому развитию восточноевропейского региона в XIV веке еще далеки от завершения.

Подводя итог, можно сделать вывод, что представленные в сборнике статьи подготовлены на чрезвычайно высоком уровне и отражают существующие тенденции в области изучения истории Восточной Европы в Средние века. Хочется также отметить, что второй сборник „синей” серии *Colloquia Russica*, как и первый, издан на хорошем полиграфическом уровне – его не только интересно читать, но и приятно взять в руки.

Алексей Мартынюк

Andrzej Gil, Ihor Skoczylas, *Przed wielkim podziałem: prawosławna metropolia kijowska do 1458 roku*, Lublin–Lwów: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej – Ukraiński Uniwersytet Katolicki, 2013, 59 s., illust. [Андрей Гиль, Игорь Скочиляс, *Перед большим разделом: православная Киевская митрополия до 1458 года*, Люблин–Львов: Институт Центрально-Восточной Европы – Украинский Католический университет, 2013, 59 с., иллюстр.]

Работа Анджея Гиля и Игоря Скочиляса написана в рамках проекта *Восточные церкви в польско-литовском государстве в процессе перемен и адаптации: Киевская митрополия в 1458–1795 гг.* (*Kościół wschodnie w państwie polsko-litewskim w procesie przemian i adaptacji: metropolia kijowska w latach 1458–1795*).

Во вступительной части публикации представлен очерк по истории Восточной и Западной церквей. Он включает в себя перечень главных исторических фактов из истории обеих церковных организаций, а также содержит краткую характеристику различных религиозных течений в отдельных европейских странах. Авторы подчеркивают особое значение русской церкви, указывают на её устойчивость в тяжелые времена и отмечают, что именно она стала фундаментом в формировании национального самосознания современных украинцев и белорусов.

Первый раздел работы носит название *Начало Киевской митрополии (до 1240 года)* (*Początki Metropolii Kijowskiej (do 1240 roku)*) и описывает исторический контекст становления церковной организации на Руси, начиная от X века. В нем описаны: история Киева и его политическая роль; начало христианства на Руси, принятие новой религии княгиней Ольгой и князем Владимиром; церковное строительство во времена Ярослава Мудрого; неоспоримое влияние Византии на христианизацию русских земель; соединение в процессе христианизации Руси религиозных и политических моментов. Историки акцентируют внимание на том, что патриархат в Константинополе играл важную роль в духовных вопросах на Руси, а Киевская митрополия была его самой большой церковной провинцией (авторы, стремясь подчеркнуть важность этого момента, использовали термин „Русский Ерусалим”). А. Гиль и И. Скочиляс доказывают, что отношения между церковью и государством на Руси были выстроены по византийскому образцу, а также обращают внимание, что города, которые стали центрами епископств, превратились в важные политические единицы. Раздел оканчивается тезисом о том, что иерархические структуры Киевской митрополии помогли русской народности сохранить свою идентичность в критические моменты её истории.

Второй раздел – *Киевская митрополия в 1240–1458 годах* (*Metropolia Kijowska w latach 1240–1458*) – охватывает события, происходившие после монгольского нашествия, важнейшим следствием которого был перенос центра религиозной и культурной жизни из Киева в Галицко-Волынское княжество. В разделе показано также образование Литовской митрополии. Однако основное внимание уделено Галицкой митрополии, тесно связанной с Константинопольским патриархатом,

а именно – самому началу её образования и расширению влияния Апостольской столицы на государство галицко-волынских Романовичей в 1246 г. Авторы доказывают, что Галицкая епархия, наряду с Владимирской, имела наиболее важное значение в иерархической структуре русской церкви. В этом разделе находим также ряд важных известий о религиозной жизни русских земель на рубеже XIII и XIV веков, в том числе и о перенесении резиденции киевского митрополита в Москву. Историки особое внимание посвятили роли митрополита Максима в этом событии. В последней части раздела находим описание процесса отделения Киевской митрополии от Московской церкви и акцептации Москвой существования новой церковной провинции в XV веке.

Anna Madej-Wójcik

Studia Historica Europae Orientalis: Исследования по истории Восточной Европы. Научный сборник, Вып. 1–6, Минск 2008–2013.

Начиная с 2008 г. Кафедрой историко-культурного наследия Республиканского института Высшей школы в Минске издается научный сборник *Studia Historica Europae Orientalis: Исследования по истории Восточной Европы*. Издание посвящено истории восточноевропейского региона в Средние века и раннее Новое время. Первый его выпуск увидел мир в 2008 г. и включал в себя работы участников „Летней школы молодых историков Беларуси и России”. Включенные в выпуск статьи посвящены историческим событиям XVI века, в первую очередь отмечаемой в 2008 г. 450-летней годовщине начала Ливонской войны 1558–1583 гг. В них рассматриваются проблемы политической и социально-экономической истории, этноконфессионального и культурного развития восточных славян, вопросы источниковедения и историографии. В конце сборника помещены научная дискуссия и рецензии.

Второй выпуск был издан в 2009 г. Историки с Беларуси, Украины и России затронули широкий круг вопросов: роль восточноевропейского региона в системе международных отношений, тенденции политического и социально-экономического развития, этноконфессиональные и культурные проблемы, вопросы источниковедения и историографии. Завершают сборник рецензии и информация о научных конференциях. В географическом отношении работы охватывали контакты восточных славян с Западной Европой, Скандинавией, Византией и странами Востока.

Третий выпуск, изданный в 2010 г., включает исследования белорусских, литовских и российских историков. В структурном отношении в нем прослеживаются несколько тематических блоков: проблемы политической и военной истории Руси в IX–XIII веках; история Великого княжества Литовского в XIV–XVI веках; Московское государство в XVI веке. Отдельную группу работ составляют: издание источников, рецензии и сообщения о научных конференциях.

В четвертом сборнике, увидевшим мир в 2011 г., находим работы историков с Беларуси, Литвы, Германии и России. Основной акцент авторы сделали на проблемы истории Великого княжества Литовского XIV–XVI веков. Отдельные работы касаются истории Венгрии, Ганзы, Новгородской и Московской Руси. В конце сборника помещены издания источников, рецензии и *in memoriam* белорусского историка Виктора Темушева.

Пятый сборник издан в 2012 г. Его авторами стали белорусские, украинские и российские историки. В отличие от предыдущих выпусков, история Великого княжества Литовского не доминирует на его страницах. В сборнике встречаем работы на разную тематику, в том числе о: Полоцком, Туровском, Рязанском и Московском княжествах; половецко-византийских отношениях; армянских колониях во Львове и Каменце-Польском; деятельности Герхарда фон Клеве и Ладислава Сунтхайма; случких фортификациях. Уже традиционно, последнюю часть сборника составили рецензии и сообщения о научных конференциях.

В шестом выпуске, напечатанном в 2013 г., находим статьи историков с Беларуси, Польши и России. Первая часть сборника затрагивает историю белорусских земель в древнерусский период. Далее следует ряд работ о восточной политике Апостольской столицы и монетах причерноморских христианских государств. Основной блок исследований охватывает различные проблемы истории Великого княжества Литовского в XIV–XVI веках. Две последние рубрики сборника посвящены источникам и информации о научной жизни в Беларуси.

Издание очередного, седьмого выпуска научного сборника *Studia Historica Europae Orientalis: Исследования по истории Восточной Европы* планируется в 2015 г.

Виталий Нагирный

Symboly a mýty národov v stredoveku a včasnom novoveku, zostavili Martin Homza a Adam Mesiarkin, Bratislava 2014, 189 s. [Символы и мифы народов Средневековья и раннего Нового времени, ред. Мартин Гомза, Адам Мэсяркин, Братислава 2014, 189 с.]

В последнее время поддержка международным Вишеградским фондом гуманитарных проектов, посвященных истории, постоянно усиливается. Свидетельством такового интереса в 2014 г. стало финансирование издания, в котором отражены ключевые представления ведущих ученых из Венгрии, Польши, Румынии, Сербии, Словакии, Украины, Чехии о мифологизации и символизации истории стран Центрально-Восточной Европы и Балкан на протяжении Средневековья и раннего Нового времени.

Перечень историков, взявших участие в проекте, представлен в содержании и на форзаце книги: Мартин Гомза, Даниель Баги, Петр Кубин, Адам Мэсяркин, Виталий Нагирный, Дюра Гарди, Раду Мерза, Станислава Кузмова, Станислав Срока, Матей Гогола, Петр Подолан и Йозеф Мертуш. Обозрения, напечатанные

в сборнике, – не что иное, как синтез восприятия исследователями прошлого своих стран сквозь критическое переосмысление источников, в том числе давно находящихся вне поля зрения науки – житий, сказаний, легенд, деяний. Фактически Читатель знакомится с материалами лекций, прочитанных словацким студентам в рамках международного сотрудничества Университета Яна Амоса Коменского (Братислава, Словакия).

В период романтической историографии XIX века немало из перечисленных памятников брались во внимание официальными академическими институтами без надлежащей критики, в связи с чем возникло много „национальных мифов”, требующих пересмотра. Среди таковых: сомнительное право „приватизации” современными венграми средневековой венгерской истории без соответственного учета других *gentes*, взявших участие в ее развитии (М. Гомза); „римское” происхождение румын, а также идея самой ранней христианизации народа (Р. Мерза); средневековые представления поляков о собственной старине и предках (С. А. Срока); происхождение хорватов и словаков (А. Месяркин, П. Подолан); культ святого Станислава в Польше и его двухсотлетний генезис в среде Пястов, культ святого Вита, Козьмы и Демьяна в Чехии, святого Савы в Сербии (П. Кубин, С. Кузмова, Д. Гарди). Практически во всех случаях подчеркивалась проблема часто неоправданной мифологизации истории отдельных династий и стран, происходившей, однако, при вполне закономерных обстоятельствах формирования национальной памяти больших и малых народов Европы XIX века.

Национальная символика отдельных стран представлена в работах Д. Баги и В. Нагирного. Например, венгерский ученый четко определил корни унаследования его предками образов тура и оленя, появившихся в Паннонии благодаря мадьярам-кочевникам IX–X веков. Вполне символически выглядит параллель историка между венграми и франками, первая династия которых произошла от Меровея – сына морского чудовища и женщины. Святая корона Стефана – еще один из венгерских символических мифов, не имевших отношения к королю Стефану I. В. Нагирный после краткого очерка версии о происхождении понятия „Русь” предложил Читателю ознакомиться с некоторыми локальными знаками отличия Рюриковичей, например – трезубцем, являющимся сейчас национальным гербом Украины. Теория и практика Москвы – III Рима, символы власти московских государей-царей XV–XVI веков представлены в работе М. Гоголы. Историк вполне аргументировано показал несоответствие византийской традиции в наследовании столицей Московии царского величия Константинополя и Рима. Доминирующими все таки, как считает автор, оставались влияния Чингизидов.

В целом, небольшая по объему словацкоязычная работа может вполне заинтересовать не только историков, занимающихся средневековой и раннеמודерной историей стран Центрально-Восточной Европы и Балкан, но и более широкие круги небезразличных Читателей.

Мирослав Волощук

Княжа доба: історія і культура, [відп. ред. Володимир Александрович]; Національна академія наук України, Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича, Львів 2014, вип. 8, 420 с. [*The Princely Epoch: History and Culture*, [ed. Volodymyr Aleksandrovych]; National Academy of Sciences of Ukraine, Ivan Krypyakevych Institute of Ukrainian Studies, Lviv, 2014, vol. 8, 420 p.]

Already, the 8th volume of series *Княжа доба: історія і культура* [*The Princely Epoch: History and Culture*] (further only: *KD*) edited by Volodymyr Aleksandrovych from the National Academy of Science of Ukraine, was published in 2014. The present edited volume covers a wide array of issues related to the Princely era in Ukrainian history. It traditionally focuses on the history of Galicia-Volhynia state and sources interpretation. Chronologically it ranges from the origins of Ukrainian statehood to the times of its loss in the mid- to late 14th century. The contributions to the volume discuss developments on a vast territory ranging from Crime and northern parts on the Dnieper's left bank to Western Volhynia, where Polish-Ukrainian borderland was subsequently formed.

The 7th volume of *KD* contains following historical papers of the authors: Vitaliy Liaska, *Between Prague, Kyiv and Gniezno. Zeriwane/Zuireani og Bavarian Geographer: the Question of ethnic prestate structures in Volhynia in the Early Middle Ages* (p. 9–72); Tatiana Vilkul, *In the Year 6360: the Land of Rus' was first named'. The first articles of the Primary Chronicles and the Novgorod First chronicle* (p. 73–104); Heorhiy Shapovalov, „Sviatoslav came to the Rapids...” (p. 105–118); Iryna Chugaieva, *Old Rus' Town of Liubech in chronicles* (p. 119–144); Rostyslav Zabashta, *On frescoed image of Onuphrius the Great in Kyivan Saint Sophia Cathedral: history and iconography* (p. 145–172); Alexander Musin, *Anna of Kyev: between historiography and history* (p. 173–180); Volodymyr Savitskyj, *Princely era miniature encolpion crosses and pendant crosses in the collection of the Lumoml regional museum* (p. 181–208); Ihor Skochylias, *Polyptychs of bishops of Volodymyr and Halych eparchies of the Princely era: an attempt at reconstruction based on the „Kyschka's manuscript” and sigillography findings* (p. 209–224); Zenoviy Fedunkiv, Larysa Popishchuk, Vitaliy Nagirnyy, *Study of a settlement from the Princely era Chernelytsia IV. Preliminary results* (p. 225–234); Sviatoslav Ters'kyi, *Topography of Peresopnytsia temples in the Princely era* (p. 235–242); Yaroslav Pylpchuk, *Historical phantoms on Meotida and Pontus shores in the 12th and 13th centuries* (p. 243–248); Volodymyr Boiko, *The Order of battle of Galician and Volhynian army in the 13th–14th centuries* (p. 249–256); Andriy Stasyuk, *The Franciscan order in the negotiations of the Romanovych dynasty with the Papacy in the 1240s* (p. 257–270); Volodymyr Aleksandrovych, *On two styles of the oldest Peremyshl' icons* (p. 271–298); Oleh Bubenok, *Who and when founded the city of Cherkasy?* (p. 299–317); Illya Parshyn, *Did Apostolic legates visit Rus' in the early 14th century?* (p. 318–325); Roman Ivashko, *Establishment of the Roman Catholic episcopal and Metropolitan Cathedrals in the Kingdom of Rus' in the mid-14th – early 15th century* (p. 326–338); Jerzy Sperka, *Noblemen from Zubra. History of Rus' gentry of Silesian origin in the 15th century* (p. 339–349); Vira Hupalo, *The history of research of hillfort of annalistic Zvenyhorod and outskiert of tchem in 19th*

century (p. 350–359). At the end of this volume such scientific reviews and annotations (p. 360–419).

Adam Mesiarkin

Medea. Studia mediaevalia et antiqua, t. 14–15 (2010/2011), Bratysława 2012, 158 s. [Medea. Исследования средневековья и античности, т. 14–15 (2010/2011), Братислава 2012, 158 с.]

„Medea” – научный журнал, который издается Университетом имени Яна Коменского в Братиславе (Словакия) с 1997 г. Его авторами являются преимущественно студенты и аспиранты, занимающиеся историей древнего мира и средневековья. Каждый выпуск состоит как из научных статей, так и с рецензий новейших работ и отзывов о научных конференциях.

В 2012 г. вышел очередной сборник, объединяющий два выпуска журнала. В первой его части помещены шесть научных статей, посвященных следующим проблемам: семейным отношениям в Древней Греции на примере иконографии античных ваз (Зузана Ямрихова); ритуалам и придворной символике династии венгерских Арпадов (Душан Зупка); участии Стефана I Блуаского в осаде Антиохии во время Первого крестового похода (Адам Ситар); меценатов и читателей средневековой литературы (Михаэла Крначова) и истории молдавского воеводства во время правления Людовика I Великого (Мартин Крей).

С точки зрения истории средневековой Руси наибольший интерес представляет статья Адама Месиаркина, посвященная роли дружины в формировании ранне-средневековых государственных образований в Центральной и Восточной Европе. Автор показал, что в X и XI веках, как на Руси, так и в Польше, Чехии и Венгрии, дружина имела практически идентичные функции и играла одинаковую роль в государственной жизни. Такая модель отношений между властью и лояльной к ней военной силой сохранялась до того момента, когда важные изменения произошли в самой феодальной системе государств. В каждой из анализируемых стран дружина являла собой милитарную силу правителя – благодаря ей последний мог не только осуществлять экономический и административный контроль над подчиненной ему территорией, но и опираться на ее поддержку при решении важных политических вопросов.

Вторую часть публикации составляют четыре рецензии новейших научных работ по истории древнего мира и средневековья, а также дискуссия вокруг проблемы транскрипции фамилий. В конце тома находится интервью с историком-медиевистом Яном Штайнхубелем.

Магдалена Фрончэк

***Medea. Studia mediaevalia et antiqua*, t. 16 (2012), Bratysława 2013, 122 s. [*Medea. Исследования средневековья и античности*, т. 16 (2012), Братислава 2013, 122 с.]**

В 2013 г. мир увидел очередной том журнала „Medea”. В нем собраны публикации молодых авторов, посвященные истории Европы от античности до конца средневековья. В структурном отношении том включает пять научных статей, рецензии новейших работ и отчеты о конференциях и выставках.

В первой из научных статей, автором которой является Юрай Грица, охарактеризован образ евреев в *Истории* Тацита. Автор второй работы – Людмила Масликова – представила развитие сети дорог в регионе Нитры до начала XV века. В свою очередь Анета Гараминова описала миссию папского легата Якова Пекорари в Венгерское королевство.

Наибольший интерес представляют две последние статьи, касающиеся истории средневековой Руси. В первой из них Виктор Адамович представил „русские эпизоды” борьбы за „наследие Бабенбергов”: заключенный в 1252 г. брак русского князя Романа Данииловича с австрийской титулярной герцогиней Гертрудой Бабенберг, деятельность Романа в качестве австрийского правителя и его борьбу с чешским претендентом на австрийскую корону – Пржемыславом Оттокар II. Во второй работе Лукаш Рибар описал события, связанные с историей северной Руси второй половины XVI века, а именно: английскую экспедицию 1553 г. в Белое море и к устью р. Двины; основание английской торговой фактории (сегодняшнего Архангельска); посольство к царю Ивану IV Грозному в Москву; возникновение торгового общества „Московская компания”; деятельность компании в первые годы ее существования.

Во второй части публикации помещены рецензии трех новейших работ и отзывы о конференциях. В конце тома находятся дискуссия вокруг проблемы короны св. Стефана и интервью с историком искусства Иваном Гератом.

Магдалена Фрончэк

nformation about authors

Adamovič Viktor – M.A. in History, PhD candidate, Faculty of Philosophy, Comenius University (Bratislava, Slovakia). Field of interests: relations between Central and Eastern Europe in the High Middle Ages; Bohemian-Ruthenian relations; Central European chronicles. Important publications: *Rus v českých kronikách 13–14. storočia*, „Княжа доба”, 7, 2013, с. 95–107; *Rus’ in the Second sequel to Cosmas*, [in:] *Rus’ during the epoch of Mongol invasions (1223–1480). Publication after 3rd International Conference, Warsaw, 15th–17th November 2012*, ed. V. Nagirnyy, Krakow 2013, p. 102–108 [*Colloquia Russica. Series I*, vol. 3]; *Dynastic relationships between Rurikids and Přemyslids: the marriages real and unproven – on the example of the marriage between Vratislav of Brno and his Ruthenian wife*, [in:] *Rurikids in dynastic relations: politics, customs, culture, religion 10th–16th century*, ed. V. Nagirnyy, Krakow 2014, p. 100–105 [*Colloquia Russica. Series I*, vol. 4].

Afanasenko Yurij (Афанасенко Юрий) – M.A. in History, PhD. candidate, Belarusian State University (Minsk, Bilarus). Field of interests: history of the Orthodox church in the Great Duchy of Lithuania in 14th–15th century; religious relations between the Great Duchy of Lithuania and Byzantium; Balkans and the Western neighbors; Late Medieval Slavic literature. Important publications: *Надгробное слово Григория Цамблака Российскому архиепископу Киприану: проблемы и перспективы изучения*, [in:] *Zbior raportów naukowych „Science – od teorii do praktyki”*, Sorot 2013, с. 31–33; „Похвальное слово Великомученикуи Победоносцу” Георгию Григория Цамблака: историко-критический анализ произведения, [in:] *Сборник материалов VII Международной научно-теоретической конференции „Европа: актуальные проблемы этнокультуры”*, приуроченной к десятилетию кафедры истории древних цивилизаций и средневековья (г. Минск, 21 января 2014 г.), Минск 2014, с. 228–230; *Миссия Иеронима Пражского в Восточную Европу: к вопросу о визите в Витебск*, [in:] *Книжное наследие А. П. Сапунова (Витебск, 23 декабря 2013 г.)*, Витебск 2014, с. 74–79.

Blanár Dominik – M.A. in History, PhD. candidate, Comenius University (Bratislava, Slovakia). Field of interests: History of the Aba family on Slovakian land in the Middle Ages; history of the Kingdom of Hungary in 13th–14th century. Important publications: *Slovak historiography of history of medieval Galicia and Volhynia*, [in:] *Principalities in lands of Galicia and Volhynia in international relations in 11th–14th century. Publication after 2nd International Conference, Ivano-Frankivsk, 20th–22th October, 2011*, ed. V. Nagirnyy, Krakow 2012, p. 172–178 [*Colloquia Russica. Series I*, vol. 2]; *Omodejovci – strojcovia bitky pri Rozhanovciach*, [in:] *Bitka pri Rozhanovciach v kontexte slovenských a uhorských dejín*, eds. F. Uličný, D. Magdoško, Košice 2012, s. 53–66; *The first Possessions of the Aba Kindred beyond the Drava River*, [in:] *Slovakia and Croatia. Historical Parallels and Connections*, vol. 1: until 1780, eds. M. Homza, J. Lukačka, N. Budak, Bratislava – Zagreb 2013, s. 158–163.

Chrystan Nazariy (Христан Назарий) – Student, Institute of History, Political Science and International Relations, Yuriy Fedkovich Chernivtsi National University (Chernivtsi, Ukraine). Field of interests: matrimonial policies of Ruthenian princes in late 11th – early 12th century; Ukrainian lands in Grand Duchy of Lithuania. Important publications: *Тактика Арріана та її реценція у візантійській полемології*, [in:] *Еліністична цивілізація: політика економіка та культура*, Чернівці 2013, с. 154–156; *Ханські ярлики на землі ВКЛ: проблема реценції*, [in:] *Матеріали студентської наукової конференції ЧНУ імені Юрія Федьковича*, Чернівці 2013, с. 179–180; *Была ли Феофано Музалон женой князя Олега Святославовича?* [in:] *Rurikids in dynastic relations: politics, customs, culture, religion 10th–16th century*, ed. V. Nagirnyy, Krakow 2014, с. 74–79 [*Colloquia Russica. Series I*, vol. 4].

Dąbrowski Dariusz – Professor, Institute of History and International Relations, Kazimierz Wielki University (Bydgoszcz, Poland). Field of interests: Rurikids genealogy; history of Galician-Volhynian Rus'. Important publications: *Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich*, Poznań-Wrocław 2002 [Series: *Biblioteka Genealogiczna*, ed. M. Górny, t. 6]; *Genealogia Mściślawowiczów. Pierwsze pokolenia (do początku XIV w.)*, Kraków 2008; *Daniel Romanowicz, król Rusi, ok. 1201–1264. Biografia polityczna*, Kraków 2013.

Font Márta – Professor, Institute of History, University of Pécs (Pécs, Hungary); member of the Akademie der Wissenschaften und Literatur Mainz in Germany. Field of interests: relations between Hungary and Rus' in the Middle Ages (9th–13th century). Important publications: *Magyarok a Kijevi Évkönyvben*, Szeged 1996 [*Szegedi Középkortörténeti Könyvtár*, t. 11]; *Oroszország, Ukrajna, Rusz. Fejezetek a keleti szlávok korai történetéből*, Budapest 1998; *Árpád-házi királyok és Rurikida fejedelmek*, Szeged 2005 [*Szegedi Középkortörténeti Könyvtár*, t. 21].

Frączek Magdalena – M.A. in Philology and Russian Culture Studies, PhD candidate in the Institute of Russian and Eastern Europe, Jagiellonian University (Krakow, Poland). Field of interests: Adam Honory Kirkor's live and work, ethnography and the folklore of the area of the Polish-Belarusian borderland in the 19th century. Important publications: *Adam Honory Kirkor – przyczynek do stanu badań*, „Acta Albaruthenica”, 2012, 12, s. 183–197; *У истоков белорусской фольклористики: Ян Чечот*, „Славянский альманах”, 2013, с. 343–351; *Petersburskie czasopisma Adama Honornego Kirkora*, „Europa Orientalis. Studia z Dziejów Europy Wschodniej i Państw Bałtyckich”, 4, 2013, s. 103–120.

Fylypchuk Oleksandr (Филипчук Александр) – PhD, Faculty of History, Political Science and International Relations, Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Chernivtsi, Ukraine). Field of interests: Byzantine cultural, political and literary history; history of Byzantine literature. Important publications: *Роси у „Життіі Георгія Амастридського”*, „Український історичний журнал”, 2012, 2, с. 172–189; *Studia Byzantino-Rossica. Експансія, війна та соціальні зміни*, Чернівці 2013; *Харальд Сигурдссон и русско-византийская война 1043 г.*, „Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies”, 3/1, 2014, с. 193–205.

Glebova Daria (Глебова Дарья) – Student, Faculty of Philology, Higher School of Economics, Naional Research University (Moscow, Russia). Field of interests: slavic medieval translations; апосcryphas. Important publications: „Бездна как риза”: *символическая космография в „Беседе трех святителей”*, [in:] *Русская филология: Сборник научных работ молодых филологов*, т. 25, Тарту, 2014, с. 13–22.

Gołębiowska-Tobiasz Aneta – M.A. in Archeology, PhD candidate, Institute of Archeology, Jagiellonian Univesity (Krakow, Poland); Western Bohemian University (Plzeň, Czech Republik); Museum of Play (Jičin, Czech Republic). Field of interests: archaeology of Turkic tribes; the Polovtsians art of stelae; the art rock and stone monuments in the North Caucasus. Important publications: *Monumental Polovtsian statues in the Eastern Europe: the archeology, conservation and protection*, London 2014; *Половецкое антропоморфное изваяние из Кракова (Польша)*, „Вопросы тюркологии: научный журнал”, 3, 2014, с. 55–73; *Kontakty połowieckiej arystokracji rodowej z Rurykowiczami w świetle źródeł archeologicznych*, [in:] *Rurikids in dynastic relations: politics, customs, culture, religion 10th–16th century*, ed. V. Nagirnyy, Krakow 2014, s. 116–135 [*Colloquia Russica. Series I*, vol. 4].

Grala Hieronim – PhD., University of Warsaw (Warsaw, Poland). Field of interests: history of Galician-Volhynian Rus'; history of the Grand Duchy of Moscow; source studies. Important publications: *Иван Михайлович Висковатый. Карьера государственного деятеля в России XVI в.*, Москва 1994; *Rosja, fot.* W. Buss, Olszanica 2013;

Палонныя з-пад Оршы: паміж ягелонскай „прапагандай поспеху” і дзяржаўнымі інтарэсамі Масковіі (1514–1552), „Arche”, 2014, 12, s. 645–679. Editor of series: *Monimenta historica res gestas Europae Orientalis illustrantia. Fontes XV–XVII saec.*

Grala Marcin – M.A. in history, PhD candidate, Faculty of History and Cultural Heritage, Pontifical University of John Paul II in Krakow (Krakow, Poland). Field of interests: Duchy of Tver in 14th century; Orthodox Church in Duchies of Tver and Moscow in the second half of 14th century; political influence of Ruthenian bishops in 14th–15th century; history of Ruthenian Orthodox Church in the Middle Ages. Important publications: *Wizerunek Jagiełły i Litwy w utworach tzw. cyklu kulikowego*, [in:] *Regiones euxinum spectantes. Stosunki kulturowe, etniczne i religijne na przestrzeni dziejów*, pod red. Ł. Gędkła, T. Krzyzowskiego, M. Michalskiego, Kraków 2012, s. 109–132; *Sąd nad biskupem twerskim Eutymiuszem. Przyczynek do badań nad orientacją polityczną władyków ruskich na przełomie XIV–XV w.*, [in:] *Rus’ during the epoch of Mongol invasions (1223–1480). Publication after 3rd International Conference, Warsaw, 15th–17th November, 2012*, ed. V. Nagirnyy, Krakow 2013, p. 156–166 [*Colloquia Russica. Series I*, vol. 3]; *Książę – mnich. Wizerunek świętego władcy prawosławnego na przykładzie Michała Aleksandrowicza*, [in:] *Rurikids in dynastic relations: politics, customs, culture, religion 10th–16th century*, ed. V. Nagirnyy, Krakow 2014, s. 199–208 [*Colloquia Russica. Series I*, vol. 4].

Hardi Djura (Харди Ђура) – Professor, Faculty of Philosophy, University of Novi Sad (Novi Sad, Serbia). Field of interests: history of Galician-Volhynian Rus’ in 12th–13th century; history of Drugeth family. Important publications: *Чувство за час*, Нови Сад 1991; *Наследници Кијева између краљевске круне и татарског јарма, студија о државно-правном положају Галичке и Галичко-Волинске кнежевине до 1264. године*, Нови Сад 2002; *Drugeti, povest o usponu i padu porodice pratilaca anžujskih kraljeva*, Novi Sad 2012.

Herucová Angelika – M.A. in History, PhD candidate, Slovak Academy of Sciences (Bratislava, Slovakia). Field of interests: Officials of the Kingdom of Hungary in Middle Ages; Hungarian-Polish-Russian relations in Middle Ages. Important publications: *On the Question of Co-operation of Galician, Polish and Hungarian Rulers towards Přemysl Ottokar II after 1270*, [in:] *Principalities in lands of Galicia and Volhynia in international relations in 11th–14th century. Publication after 2nd International Conference, Ivano-Frankivsk, 20th–22th October, 2011*, ed. V. Nagirnyy, Krakow 2012, p. 91–97 [*Colloquia Russica. Series I*, vol. 2]; *Meč sv. Štefana v Svatovítskom poklade na Pražskom hrade*, „Zborník Slovenského národného múzea História”, 104, 2013, Historia 50, s. 5–10; *Pes pri nohách kráľa Ahasvera. Pokus o interpretáciu psa na tapisérii Príbeh o Ester*, [in:] *Človek a svet zvierat v stredoveku*, Daniela Dvořáková a kol., Bratislava 2015, s. 130–144.

Hucul Volodymyr (Гуцул Владимир) – PhD., Uzhorod National University (Uzhorod, Ukraine). Field of interests: Military and armament of Medieval Rus'; Knight's culture. Important publications: *Мечі з Райковецького городища. Історико-зброєзнавча студія*, „Сторінки історії”, 27, 2008, с. 66–73; *Рицарі Данила Романовича. Рицарська зброя серед персонажів Галицько-Волинського літопису*, „Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики”, 16, 2009, с. 78–91; „Конно і збройно”. *Образи представників руських воєнних еліт на пам'ятці станкового живопису першої третини XVI ст. „Битва під Оршею”: спроба ідентифікації*, „Średniowiecze polskie i powszechne”, 6 (10), 2014, с. 334–352.

Jankauskas Vytautas – PhD, Faculty of Humanities, Vytautas Magnus University (Kaunas, Lithuania). Field of interests: history of Gediminovichi dynasty; political activity of Liubartas; Lithuanian-Ruthenian relations in 14th–15th century. Important publications: *Положение вольнского князя Любарта Гедиминовича в династии Гедиминовичей*, [in:] *Principalities in lands of Galicia and Volhynia in international relations in 11th–14th century. Publication after 2nd International Conference, Ivano-Frankivsk, 20th–22th October, 2011*, ed. V. Nagirnyy, Krakow 2012, с. 172–178 [*Colloquia Russica, Series I*, vol. 2]; *Jono Sungailos giminė: istorinė tradicija ir istoriografijos Pasiekimai*, [in:] *Kauno istorijos metraštis*, t. 12, Kaunas 2012, p. 7–14; *Иерархия Гедиминовичей в свете некрологов битвы над Ворсклой 1399 г.*, [in:] *Rus' during the epoch of Mongol invasions (1223–1480). Publication after 3rd International Conference, Warsaw, 15th–17th November 2012*, ed. V. Nagirnyy, Krakow 2013, с. 143–149 [*Colloquia Russica. Series I*, vol. 3].

Kamińska Monika – M.A. in Archeology, PhD candidate, Institute of Archeology, Jagiellonian University (Krakow, Poland). Field of interests: development of medieval cities in the Eastern Europe; early urban development of cities in Kievan Rus'; history of old-Ruthenian stone architecture. Important publications: *Pionierzy archeologii Kijowa*, [in:] *Rus' średniowieczna a sąsiedzi (X – połowa XIII w.)*. *Materiały międzynarodowej konferencji naukowej, Kraków 24–26 listopada 2010 r.*, ed. V. Nagirnyy, Kraków 2011, s. 117–120 [*Colloquia Russica*, vol. 1]; *Первый этап влияния романской архитектуры в Галицкой Руси*, [in:] *Principalities in lands of Galicia and Volhynia in international relations in 11th–14th century. Publication after 2nd International Conference, Ivano-Frankivsk, 20th–22th October, 2011*, ed. V. Nagirnyy, Krakow 2012, с. 39–48 [*Colloquia Russica. Series I*, vol. 2]; *Archeologiczne świadectwa najazdów mongolskich na miasta ruskie w XIII–XIV w.: rzeczywistość a stereotypy historiograficzne*, [in:] *Rus' during the epoch of Mongol invasions (1223–1480). Publication after 3rd International Conference, Warsaw, 15th–17th November 2012*, ed. V. Nagirnyy, Krakow 2013, s. 29–37 [*Colloquia Russica. Series I*, vol. 3].

Karla Wusterová – M.A. in Economics, the General Director of the International Visegrad Fund (Bratislava, Slovakia).

Kartalija Nebojsa – PhD. candidate, Faculty of Philosophy, University of Novi Sad (Novi Sad, Serbia). Field of interests: History of Medieval Serbia; Serbian-Russian relations in Middle Ages.

Komendová Jitka – PhD., Chair of Slavistics, Palacky University, (Olomouc, Czech Republic). Field of interests: history of Medieval Rus'; Bohemian-Ruthenian relations in the Middle Ages; *Galician-Volhynian Chronicle*. Important publications: *Středověká Rus a vnější svět. Obraz cizích kultur v písemnictví Rusi 11.–14. století*, Olomouc 2005; *Haličsko-volyňský letopis*, Praha 2010; *Světec a šaman. Kulturní kontexty ruské středověké legendy*, Praha 2011.

Kovaleu Anton (Ковалев Антон) – M.A. in History, PhD. candidate, Belarusian State University, (Minsk, Belarus). Field of interests: History of Medieval Europe; History of ideas; Mentality in the Middle Ages; Source studies; Historical geography of Eastern Europe. Important publications: *К вопросу о первой жене Венгерского королевства Карла Роберта*, „Древняя Русь: вопросы медиевистики”, 53, 2013, 3, с. 63–64; *Большая европейская политика и крестоносные программы папской курии периода понтификата Климента V*, „Studia Historica Europae Orientalis”, 6, 2013, с. 103–123.

Kyzlasov Igor (Кизласов Игорь) – Professor, Institute of Archaeology, Head of the Department of Medieval Archaeology of the Eurasian steppes, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). Field of interests: archaeology of Turkic tribes; archaeology of Middle Asian nomads; turkology; runology (runic inscriptions). Important publications: *Рунические письменности евразийских степей*, Москва 1994; *Пратюркские жилища. Обследование саяно-алтайских древностей*, Москва–Самара, 2005; *Кольцевые городища Хакасии*, Москва 2011.

Lukačka Ján – Professor, Faculty of Philosophy, Comenius University (Bratislava, Slovakia). Field of interests: formation of Slovakian nobility, history of salina in Nitra; source studies. Important publications: *Formovanie vyššej šľachty na západnom Slovensku*, Bratislava 2002; *Hungary's Political Culture under the Árpád Dynasty*, [in:] *Political Culture in Central Europe (10th–20th Century)*, Prague 2005, s. 87–100; *Költöző polgárok a középkorban*, [in:] *Bártától Pozsonyig. Városok a 13–17. Században*, Budapest 2005, old. 123–130.

Madej-Wójcik Anna – Student, Institute of History, Jagiellonian University (Krakow, Poland). Field of interests: daily life in Medieval Rus'; alcohol in the society of Medieval Rus'. Important publications: *Alkohol jako narzędzie zbrodni na średniowiecznej Rusi*, „Societas Historicorum”, 2013, 57, s. 5; *Co pito na ruskich dworach książęcych w X–XII w.?* [in:] *Rurikids in dynastic relations: politics, customs, culture, religion 10th–16th century*, ed. V. Nagirnyy, Krakow 2014, s. 136–142 [*Colloquia Russica. Series I*, vol. 4].

Martyniuk Aleksey (Мартынюк Алексей) – Ph.D., Belarusian State University (Minsk, Bilarus). Field of interests: History of Eastern Europe in Middle Ages; Iconographic sources; Historical geography. Important publications: *Die Mongolen im Bild*, Hamburg 2002; *Средневековая Русь в текстах и документах*, Минск 2005; *Татары в средневековой миниатюре: враги, соседи, союзники*, [in:] *Vidurio Rytų Europa tūšio prie Mėlynųjų vandenų*, metumokslinė redakcija V. Jankauskas ir V. Nagirnyy, Kaunas–Kraków 2013, c. 45–58 [*Colloquia Russica. Series II*, vol. 2].

Mesiarkin Adam – M.A. in History, PhD candidate, Faculty of Philosophy, Comenius University (Bratislava, Slovakia). Field of interests: political, cultural and social history of Early Middle Ages; origins of Slavs; early Slavonic states. Important publications: *Wpływ wojennych elit na tworzenie politycznej tożsamości wczesnośredniowiecznej Rusi i państw środkowej Europy*, [in:] *Rus' średniowieczna a sąsiedzi (X – połowa XIII w.)*, *Materialy międzynarodowej konferencji naukowej, Kraków 24–26 listopada 2010 r.*, ed. Vitaliy Nagirnyy, Kraków 2011, s. 89–95 [*Colloquia Russica*, vol. 1]; *Najazd mongolski na Rus' oczyma polskich, czeskich i węgierskich kronikarzy*, [in:] *Rus' during the epoch of Mongol invasions (1223–1480). Publication after 3rd International Conference, Warsaw, 15th–17th November 2012*, ed. V. Nagirnyy, Krakow 2013, s. 38–43 [*Colloquia Russica. Series I*, vol. 3]; *Od kiedy Lech, Czech i Rus są braćmi?*, [in:] *Rurikids in dynastic relations: politics, customs, culture, religion 10th–16th century*, ed. V. Nagirnyy, Krakow 2014, s. 33–38 [*Colloquia Russica. Series I*, vol. 4].

Michalski Michał – M.A. in History, PhD candidate, Faculty of History and Cultural Heritage, Pontifical University of John Paul II in Krakow (Krakow, Poland). Field of interests: Genealogy and prosopography of Rurikids; relations between Kievan Rus' and Cumans'; Norman presence in Eastern Europe – areas of settlement, trade routes, cultural-religious syncretism, group identity and myths of affinity. Important publications: *Znawcy-ofiarnicy w społeczności ar-Rūs. Geneza zjawiska*, [in:] *Religie w średniowiecznej Europie Środkowej i Wschodniej*, red. M. Michalski, Ł. Gędłek, T. Krzyżowski, Kraków 2010, s. 11–32; *Tożsamość etniczna Rusów w świetle pochodzenia ich kultowych posągów i sposobu ich rozmieszczenia w miejscu kultu*, „*Orientalia Christiana Cracoviensia*”, 4, 2014; *Powiązania rodzinne i relacje Andrzeja Włodzimierzowicza Dobrego z Połowcami*, [in:] *Rurikids in dynastic relations: politics, customs, culture, religion 10th–16th century*, ed. V. Nagirnyy, Krakow 2014, p. 106–115 [*Colloquia Russica. Series I*, vol. 4].

Mičieta Karol – Professor, the Rector of the Comenius University (Bratislava, Slovakia). Field of interests: Botany and Ecology. Important publications: *Prvý doplnok karyotaxonomického prehľadu flóry Slovenska*, „*Acta Facultatis rerum naturalium Universitatis Comenianae. Botanica*”, 2000, Suppl. 1, s. 1–127; *The storage effect: An universal method of enhancing DNA's repair system*, „*Biologia*”, 56, 2001, 7, Suppl. 10, s. 1–88.

Nagirnyy Vitaliy – PhD, Institute of History, Jagiellonian University (Krakow, Poland). Field of interests: history of medieval Rus'; international policy of Ruthenian duchies in 12th–13th century; daily life in medieval Rus'. Important publications: *Polityka zagraniczna księstw ziem halickiej i wołyńskiej w latach 1198 (1199) – 1264*, Kraków 2011 [*Rozprawy Polskiej Akademii Umiejętności*, t. 12]; *Русско-венгерская встреча в Санокe 1205 года*, [in:] *Przemysł i ziemia przemyska w strefie wpływów ruskich X – połowa XIV w.*, pod red. V. Nagirnego i T. Pudłockiego, Kraków 2013, s. 79-86 [*Colloquia Russica. Series II*, vol. 1]; *Lietuva Haličo–Voluinės kunigaikštystės užsienio politikoje paskutiniaiais Danieliaus Romanovičiaus valdymo metais*, [in:] *Vidurio Rytų Europa mūsų prie Mėlynujų vandenų*, metumokslinė redakcija V. Jančiauskas ir V. Nagirnyy, Kaunas–Kraków 2013, p. 59–64 [*Colloquia Russica. Series II*, vol. 2]. Editor of *Colloquia Russica* series.

Nosenko Andriy (Носенко Андрий) – Student, Vasyl Stefanyk Precarpathian National University (Ivano-Frankivsk, Ukraine). Field of interests: History of the Principality of Ryazan in 11th–14th century. Important publications: *Оборона Рязани 16–21 грудня 1237 р., як епізод Західного (Кипчацького) походу монголів*, „Студентські історичні зошити”, 3, 2012, s. 61–66; *Взаимоотношения владимирских и рязанских князей в 1207–1210 гг.*, [in:] *Rus' during the epoch of Mongol invasions (1223–1480). Publication after 3rd International Conference, Warsaw, 15th–17th November 2012*, ed. V. Nagirnyy, Krakow 2013, s. 44–51 [*Colloquia Russica. Series I*, vol. 3]; *Вплив шлюбної політики рязанських князів останньої чверті XII – першої третини XIII ст. на зовнішньополітичні орієнтації Рязанського князівства*, „Студентські Історичні Зошити”, 5, 2014, s. 112–116.

Péderi Tamás – M.A. in History, Institute of History, University of Pécs (Pécs, Hungary). Field of interests: history of East Central and Eastern Europe in the Middle Ages; especially in military history. Important publications: *Warfare in medieval Novgorod*, [in:] *Alternatives, Turning Points and Regime Changes in Russian History and Culture*, Budapest 2015, p. 15–25; *Az Árpád-kori „átmeneti” típusú lovasság problémája. („Problems with „medium cavalry” in early medieval Hungary)*, [in:] *XI. Grastyán Konferencia Tanulmánykötet*, Pécs 2013, old. 295–303.

Picková Dana – Professor, Charles University (Prague, Czech Republic). Field of interests: history of Byzantium; history of Medieval Rus'; history of the Grand Duchy of Moscow. Important publications: *Anglo-ruské vztahy ve 2. polovině 16. století*, Praha 1992; *Habsburkové a Rurikovci na prahu novověku. Příspěvek k dějinám rusko-habsburských vztahů na přelomu 15. a 16. století*, Praha 2002; *Die ersten russisch-habsburgischen Abkommen und ihre Auswirkung auf den Machtkampf in Mitteleuropa an der Wende des 15. und 16. Jahrhunderts*, „Prague Papers on History of International Relations”, 2010, 2, s. 21–35.

Podolan Peter – PhD., Faculty of Philosophy, Comenius University (Bratislava, Slovakia). Field of interests: Slovak history 1780–1850; formation of modern nation; slovakian historiography. Important publications: *Svätopluk v slovenskej historiografii 19. stornia*, [in:] M. Homza et al., *Svätopluk v európskom písomníctve. Štúdie z dejín svätoplukovskej legendy*, Bratislava 2013, s. 407–521; *Úloha Rusov a Ruska v stredoeurópskom panslavizme*, [in:] *Ruská politika na euroázijskom kontinente v moderných dejinách*, Bratislava 2014, s. 39–50; *Dejiny Slovanov v práci Pavla Jozefa Šafárika Dejiny slovenskej reči a literatúry všetkých nárečí*, [in:] *K životnému jubileu profesorky Tatiany Štefanovičovej. Byzantinoslovaca V*, Bratislava 2015, s. 362–379.

Sawicki Wojciech – Student, Institute of History and International Relations, Kazimierz Wielki University (Bydgoszcz, Poland). Field of interests: Crusades; history of Christian religion; Conquista. Important publications: *Książęta ruscy na kartach Kroniki Henryka Łotysza*, [in:] *Rurikids in dynastic relations: politics, customs, culture, religion 10th–16th century*, ed. V. Nagirnyy, Krakow 2014, s. 176–184 [Colloquia Russica. Series I, vol. 4].

Smrž Pavel – M.A. in History, PhD candidate, Charles University (Prague, Czech Republic). Field of interests: History of the Livonian Brothers of the Sword; Russian-Livonian relations; Russian-Hanseatic League relations; history of Novgorod and Pskov. Important publications: „Короли” и „королевства” Древней Руси, [in:] *Etnicita slovenského areálu. Historické proměny a současný stav*, edd. K. Kedron, M. Přihoda, Červený Kostelec–Praha 2011, s. 143–150; *Reflexe minulosti v diplomacii moskevského velikého knížete Ivana III.*, [in:] *Trzecie polsko-czeskie forum młodych mediewistów. Commemoratio praeteritorum – społeczności średniowieczne wobec przeszłości*, red. H. Krzyżostaniak, J. Kujawiński, M. Matla, Poznań 2012, s. 219–236.

Sroka Stanisław Andrzej – Professor, the vice-Dean of the Faculty of History of the Jagiellonian University (Krakow, Poland). Field of interests: History of Central Europe; especially Hungary and its relations with Poland; editorship of historical sources; dynastic genealogy. Important publications: *Dokumenty polskie z archiwum dawnego Królestwa Węgier*, t. 1–5, Kraków 1998–2012; *Średniowieczny Bardiów i jego związki z Małopolską*, Kraków 2010; *Bardejov v XV. storočí. Štúdie z dejín mesta*, Bratislava 2011.

Stasiuk Andriy (Стасюк Андрій) – M.A. in History, PhD candidate, Institute of History and Politology, Vasyl Stefanyk National Precarpathian University (Ivano-Frankivsk, Ukraine). Field of interests: lands of Galicia-Volhynia in the Middle Ages; Catholic Church in Rus'; missionary activity of Catholic orders in Rus' in 13th–15th century. Important publications: *Russia/Ruthenia на сторінках францисканських джерел XIII ст.*, [in:] *Principalities in lands of Galicia and Volhynia in International relations in the 11th–14th century. Publication after 2nd International Conference*, Ivano-Frankivsk, 20th–22th

October, 2011, ed. V. Nagirnyy, Krakow 2012, с. 98–110 [*Colloquia Russica, Series I, vol. 2*]; *Миссии францисканцев на Русь и в Золотую Орду в середине – второй половине XIII в.*, [in:] *Rus' during the epoch of Mongol invasions (1223–1480). Publication after 3rd International Conference, Warsaw, 15th–17th November 2012*, ed. V. Nagirnyy, Krakow 2013, с. 109–117 [*Colloquia Russica. Series I, vol. 3*]; *Доминиканцы и францисканцы на страницах Галицко-Волынской летописи*, [in:] *Rurikids in dynastic relations: politics, customs, culture, religion 10th–16th century*, ed. V. Nagirnyy, Krakow 2014, с. 193–198 [*Colloquia Russica. Series I, vol. 4*].

Šušol Jaroslav – Professor, the Dean of the Faculty of Philosophy of the Comenius University (Bratislava, Slovakia). Field of interests: information systems; electronic communication; information and publication behavior in science and electronic environment. Important publications: *Retrospektívna konverzia knižničných katalógov*, Bratislava 1995; *Elektronická komunikácia vo vede*, Bratislava 2003; *Informačná politika*, Bratislava 2012.

Тумар Ірина (Тымар Ирина) – M.A. in History, PhD candidate, Institute of History and Politology, Vasyl Stefanyk National Precarpathian University (Ivano-Frankivsk, Ukraine). Field of interests: The Black Sea Steppe Nomads; Russian-Cuman relations in 11th–13th century. Important publications: *Война и мир в системе русско-половецких отношений конца XI – первой половины XIII века: особенности и закономерности*, [in:] *Rus' średniowieczna a sąsiedzi (X – połowa XIII w.). Materiały międzynarodowej konferencji naukowej, Kraków 24–26 listopada 2010 r.*, ed. V. Nagirnyy, Kraków 2011, с. 74–79 [*Colloquia Russica, vol. 1*]; *Порівняльна характеристика образу половця-кумана в угорських нарративах XI–XIII ст. та руських літописах*, „Міждисциплінарні гуманітарні студії. Серія: Історичні науки”, 2, 2015, с. 13–24.

Voloshchuk Myroslav (Волощук Мирослав) – PhD, Institute of History and Politology, Vasyl Stefanyk Precarpathian National University (Ivano-Frankivsk, Ukraine). Field of interests: Ruthenian-Hungarian relations in 9th–14th century; migration processes in medieval Centre-Eastern Europe. Important publications: *До питання східно-слов'янського походження Петра Петуні*, „Український історичний журнал”, 2011, 3, с. 21–35; *Влияние монгольского нашествия 1239–1243 гг. на переселение жителей Руси в Венгрию: хронология, динамика, демография проблемы*, [in:] *Rus' during the epoch of Mongol invasions (1223–1480). Publication after 3rd International Conference, Warsaw, 15th–17th November 2012*, ed. V. Nagirnyy, Krakow 2013, с. 62–69 [*Colloquia Russica. Series I, vol. 3*]; „Русь” в Угорському королівстві (XI – друга половина XIV ст.): суспільно-політична роль, майнові стосунки, міграції, відп. ред. Л. В. Войтович, Івано-Франківск 2014.

Colloquia Russica. Series I, vol. 5: Rus' and Central Europe from the 11th to the 14th Century. Publication from the 5th International Conference, Spišská kapitula, 16–18th October, 2014, eds. Vitaliy Nagirnyy and Adam Mesiarkin, Krakow – Bratislava 2015, 412 p.

Publication co-funded by:

International Visegrad Fund

Rada Kół Naukowych Uniwersytetu Jagiellońskiego

Fundacja Studentów i Absolwentów Uniwersytetu Jagiellońskiego „Bratniak”

Fundusz im. Jana Kochanowskiego Uniwersytetu Jagiellońskiego

RADA KÓŁ
NAUKOWYCH
UNIWERSYTETU JAGIELLOŃSKIEGO

FUNDUSZ
IM. JANA KOCHANOWSKIEGO
UNIWERSYTETU JAGIELLOŃSKIEGO

Druk:

P. H. U. Multikram,
ul. Mławska 20 D,
87–500 Rypin

